

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

16+

2026. Том 45, № 3

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2026. Том 45, № 3

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.8 – Науки об образовании: 5.8.1, 5.8.7; 5.9 – Филология: 5.9.5, 5.9.6, 5.9.7, 5.9.8, 5.9.9). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Короченко А.П., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)

Асташова Н.А., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия)

Ахмедова Лала Фарман кызы, доктор филологических наук, профессор, заведующая отделом «Страны Центральной Азии» института востоковедения Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджан)

Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Дускаева Л.Р., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)

Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)

Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта (г. Санкт-Петербург, Россия)

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)

Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета (г. Чанчунь, Китай)

Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)

Подымова Л.С., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник института языкознания РАН (г. Москва, Россия)

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис (г. Ницца, Франция)

Стоянова Е.В., доктор филологии, профессор, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского (г. Шумен, Болгария)

Ушакова С.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ»

ISSN 2712-7451

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020. Выходит 4 раза в год. Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 20,8. Дата выхода 30.09.2026. Оригинальный макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 399 **Болдина К.А.** Объяснительная журналистика в мультимедийных форматах (на примере российских СМИ)
- 415 **Глушкова В.Г., Полонский А.В.** Культура и этика академического общения в цифровой среде: студент и преподаватель
- 428 **Даренский В.Ю.** Журнальная публицистика периода перестройки в России как социокультурный феномен
- 440 **Зорин К.А., Чжань Ч., Клюев Ю.В.** Локальный поворот глобальной коммуникации КНР (на примере деятельности Центра русско-китайского гуманитарного сотрудничества и развития)
- 453 **Морозова Е.И.** Тележурнал Минской студии телевидения как форма эволюции печатного издания: коммуникативные приемы вовлечения зрителей
- 464 **Наумов Т.А.** Слот-сетевая модель патриотического текста: от когнитивного моделирования к редакционному применению
- 482 **Шилин А.М., Короченский А.П.** Политическая философия Ноама Хомского как концептуальная основа левой гражданской медиакритики Британии

ПЕДАГОГИКА

- 503 **Зангиев Д.В., Шерemet Е.А., Ерошенкова Е.И., Собянин Ф.И.** Профилактика девиантного поведения подростков средствами физкультурно-рекреационной деятельности: ценностно-смысловой подход
- 518 **Никифорова М.В., Скворцова И.А.** Отношение студентов неязыкового вуза к изучению иностранного языка: мотивация, предпочтения и барьеры
- 527 **Фарус О.А.** Модель формирования цифровой профессиональной компетенции будущего педагога (на примере учителя химии)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 537 **Воронина Л.В., Прилуцкий И.Г.** Актуализация оппозиции GLÜCK / UNGLÜCK в готическом романе Э.Т.А. Гофмана
- 547 **Garagulya S.I., Nikitina M.Yu., Shustov D.V., Svezhentsena I.B.** Anthroponymic Identity of the Characters in Tennessee Williams's Play "A Streetcar Named Desire"
- 553 **Позднякова Е.Ю.** Имя собственное в когнитивно-дискурсивной парадигме: ассоциативные механизмы развертывания дискурса адресата
- 565 **Прыткина А.Г.** Вариативность передачи наименования Свято-Троицкой Сергиевой лавры в русско-английской переводческой практике
- 574 **Шкода Ю.Д.** Лингвистическое хеджирование как средство управления эпистемической бдительностью зрителей в спортивном комментарии (на материале «Формула-1»)
- 582 **Чжао П., Яковлева Е.С.** Национально-культурная специфика фразеологических единиц с компонентом 弓 / bow (лук)、矛 / spear (копье) в китайском и английском языках

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

2026. Volume 45, No. 3

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.8 – Educational sciences: 5.8.1, 5.8.7; 5.9 – Philology: 5.9.5, 5.9.6, 5.9.7, 5.9.8, 5.9.9). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (PVIHL).

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod State National Research University "BelSU".

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

Prokhorova, O.N., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations (Belgorod, Russia)

Commissioning Editor

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Deputy Editors-in-Chief

Korochensky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Baghana, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Executive Secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Members of the Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of English Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Art Education of the I.G. Petrovsky Bryansk State University (Bryansk, Russia)

Akhmedova Lala Farman kyzy, Head of Central Asian Countries Department, Doctor of Philology, Professor, National Academy of Azerbaijan (Baku, Azerbaijan)

Belozertsev, E.P., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Doctor of Philology, Professor, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg state University, head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics (Saint Petersburg, Russia)

Giro, X., Ph.D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Irkhin, V.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy, Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health (St. Petersburg, Russia)

Isaev, I.F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogics, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Ludwig, H., Doctor of Philosophy, Professor of The University of Münster (Muenster, Germany)

Nagorny, I.A., Professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi, U., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podymova, L.S., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications of Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rieu, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language of Shumen University named after bishop Konstantin Preslavsky (Shumen, Bulgaria)

Ushakova, S.V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications (Belgorod State National Research University)

ISSN 2712-7451

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭЛ № ФС 77-77958 or 19.02.2020. Publication frequency: 4/year.

Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 20.8. Date of publishing 30.09.2026. Dummy layout has been prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 399 **Boldina K.A.** Explanatory Journalism in Multimedia Formats: A Case Study of Russian Media
415 **Glushkova V.G., Polonskiy A.V.** The Culture and Ethics of Academic Communication in the Digital Environment: Student and Teacher
428 **Darenskiy V.Yu.** Publicism of the Perestroika Period in Russia as a Sociocultural Phenomenon
440 **Zorin K.A., Zhan Chen, Klyuev Y.V.** The Local Turn in the PRC's Global Communication (A Case Study of the Center for Russian-Chinese Humanitarian Cooperation and Development)
453 **Morozova E.I.** The Telemagazine of Minsk Television Studio as a form of Printed Media Evolution: Communicative Strategies for Audience Engagement
464 **Naumov T.A.** Slot-Based Model of Patriotic Texts: From Cognitive Modeling to Editorial Application
482 **Shilin A.M., Korochensky A.P.** Noam Chomsky's Political Philosophy as a Conceptual Foundation of Left-Wing Civic Media Criticism in Britain

PEDAGOGICS

- 503 **Zangiev D.V., Sheremet E.A., Eroshenkova E.I., Sobyenin F.I.** Prevention of Deviant Behavior in Adolescents through Physical Education and Recreational Activities: A Value-Semantic Approach
518 **Nikiforova M.V., Skvortsova I.A.** Non-Linguistic University Students' Attitudes towards Learning a Foreign Language: Motivation, Preferences, and Barriers
527 **Farus O.A.** Model for Forming the Digital Professional Competence in a Future Teacher (Using the Example of a Chemistry Teacher)

LINGUISTICS

- 537 **Voronina L.V., Prilutsky I.G.** Actualisation of the GLÜCK / UNGLÜCK Opposition in E.T.A. Hoffmann's Gothic Novel
547 **Garagulya S.I., Nikitina M.Yu., Shustov D.V., Svezhentseva I.B.** Anthroponymic Identity of the Characters in Tennessee Williams's Play "A Streetcar Named Desire"
553 **Pozdnyakova E.Yu.** Proper Name in Cognitive-Discursive Paradigm: Associative Mechanisms of Unfolding Addressee's Discourse
565 **Prytkina A.G.** Variations in Rendering the Name of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius in Russian-English Translation Practice
574 **Shkoda Yu.D.** Linguistic Hedging as a Means of Managing Epistemic Vigilance of Viewers in Sports Commentary (Based on Formula 1)
582 **Zhao P., Iakovleva E.S.** National and Cultural Specifics of Idioms with 弓 / Bow and 矛 / Spear Component in Chinese and English

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ **JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS**

УДК 070

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-399-414

EDN FSZOYC

Объяснительная журналистика в мультимедийных форматах (на примере российских СМИ)

Болдина К.А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Россия, 603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37

ya@kboldina.ru

Аннотация. Объяснительная журналистика, ориентированная на раскрытие причинно-следственных связей и контекстуализацию общественно значимых явлений, приобретает особое значение в условиях информационной перегрузки и распространения дезинформации в цифровой среде. Однако в российском научном дискурсе данное направление не получило самостоятельного терминологического и концептуального оформления. Целью исследования является выявление характерных черт объяснительной журналистики в мультимедийных форматах российских средств массовой информации. Исследование выполнено в два этапа. На первом этапе по итогам обзора зарубежных и отечественных работ сформулировано определение объяснительной журналистики и выделены пять ее признаков: тематическая и техническая сложность предмета, развитая внутренняя структура, многоформатность подачи информации, гипертекстуальность и опора на экспертное знание. Эти признаки использованы как критерии отбора на втором, эмпирическом, этапе. Методом контент-анализа изучены 343 редакционных мультимедийных спецпроекта четырех российских СМИ, опубликованные в 2014–2025 годах, из которых 46 материалов содержат объяснительный компонент. Выявлены характерные черты объяснительной журналистики российских СМИ: тяготение к социально-бытовой, общественно-политической и исторической проблематике; доминирование объяснительной статьи как жанровой основы текста; опора преимущественно на статичную визуализацию при сдержанном использовании интерактивных и аудиальных элементов; слабая выраженность гипертекстуальности; сосуществование двух моделей – материалов, где объяснение образует ядро нарратива, и материалов, где оно выполняет служебную функцию. Установлено, что объяснительный спецпроект в российских медиа представляет собой не единый унифицированный формат, а семейство форматных решений (от иллюстрированного лонгрида до интерактивного спецпроекта), объединенных общей дидактической задачей и различающихся по степени мультимедийной насыщенности. Результаты вносят вклад в формирование теоретической рамки для изучения объяснительной журналистики как самостоятельного направления в цифровых медиа.

Ключевые слова: цифровая журналистика, конвергентная журналистика, российские СМИ, мультимедийные форматы, журналистский спецпроект, мультимедийный лонгрид

Для цитирования: Болдина К.А. 2026. Объяснительная журналистика в мультимедийных форматах (на примере российских СМИ). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 399–414. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-399-414 EDN FSZOYC

Explanatory Journalism in Multimedia Formats: A Case Study of Russian Media

Ksenia A. Boldina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

37 B. Pokrovskaya St., Nizhny Novgorod 603000, Russia

ya@kboldina.ru

Abstract. Explanatory journalism, which aims to uncover cause-and-effect relationships and contextualize socially significant phenomena, is particularly important in the context of information overload and the spread of disinformation in the digital environment. However, in Russian academic discourse, this field has not received its own terminological and conceptual definition. It differs from news journalism by replacing the questions "what, who, when, where" with "how" and "why," from investigative journalism by its lack of a focus on exposure, and from interpretive journalism by its reliance on data and expert knowledge rather than on authorial judgment. The aim of this study is to identify the characteristic features of explanatory journalism in multimedia formats using materials from Russian media. The study was conducted in two stages. In the first, theoretical stage, based on a review of foreign and domestic works, a working definition of explanatory journalism was formulated and five of its characteristics were identified: thematic and technical complexity of the subject matter, a developed internal structure, multi-format presentation of information, hypertextuality, and reliance on expert knowledge. These features were used as selection criteria at the second, empirical stage. A content analysis was used to study 343 editorial multimedia special projects of four Russian media outlets, published between 2014 and 2025. Of these, 46 materials contained an explanatory component. The following characteristics of explanatory journalism in Russian media were identified: a bias toward social, everyday, socio-political, and historical issues; the dominance of the explanatory article as the genre basis of the text; a predominant reliance on static visualization with a restrained use of interactive and auditory elements; weak hypertextuality; and the coexistence of two models: materials in which the explanation forms the core of the narrative, and materials in which it performs a supporting function. It was established that the explanatory special project in Russian media does not represent a single unified format, but a family of format solutions (from an illustrated longread to an interactive special project), united by a common didactic goal and differing in the degree of multimedia saturation. The results contribute to the formation of a theoretical framework for the study of explanatory journalism as an independent direction in digital media.

Keywords: digital journalism, convergent journalism, Russian media, multimedia formats, journalistic special project, multimedia longread

For citation: Boldina K.A. 2026. Explanatory Journalism in Multimedia Formats: A Case Study of Russian Media. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 399–414 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-399-414 EDN FSZOYC

Введение

Цифровая трансформация медиасреды, ускорившаяся в последнее десятилетие, существенно изменила не только каналы доставки информации, но и характер запроса аудитории к журналистскому продукту. В условиях конвергентного новостного потока, который многократно дублируется агрегаторами, социальными сетями и мессенджерами, первичное знание о событии перестает быть прерогативой профессиональных медиа. Это ставит перед журналистикой задачу, выходящую за рамки оперативного информирования. Как показывают исследования, аудитория, которая узнаёт о произошедшем практически мгновенно, стремится понять причины и последствия события. Именно эта потребность – не в информации как таковой, а в ее осмыслении – создает пространство для объяснительной журналистики.

По мнению исследователей, усложнение информационного ландшафта, заключающееся в формировании полисубъектной цифровой медиакommunikационной среды,

распространении фейковой и манипулятивной информации, утрате журналистами профессиональной «монополии» на производство новостей [Вартанова, 2024], создает объективные предпосылки для востребованности объяснительных форматов. Так как в условиях информационной неопределённости журналистика сохраняет этическую ответственность перед обществом, объяснительная функция становится одним из ключевых инструментов поддержания общественного доверия.

В зарубежной науке изучение объяснительной журналистики началось в конце 1990-х гг., однако единая дефиниция данного понятия так и не сформирована. Объяснительная журналистика часто рассматривается в контексте смежных исследовательских полей – интерпретативной журналистики [Salgado, Strömbäck, 2011; Salgado, 2019], конструктивной журналистики [Djerf-Pierre, Ekström, 2025] – и редко становится центральным объектом теоретического исследования.

Историко-теоретическую основу изучения объяснительной журналистики заложила работа К. Форд [Forde, 2007], в которой на материале публикаций, отмеченных Пулитцеровской премией, прослеживается становление категории *explanatory reporting* в американской прессе. К. Форд показывает, что объяснительный репортаж исторически связан с задачей повышения качества общественного знания и поддержки демократических процессов. С 1985 года, когда Пулитцеровская премия выделила *explanatory reporting* как самостоятельную номинацию, данный формат обрел институциональное признание, подтверждающее его особый статус в системе журналистских жанров. Появление собственно термина исследователь относит к 1885 году, когда в американском профессиональном издании *The Journalist* появилась статья «Объяснительная журналистика», в которой автор писал о том, что многим репортерам того времени не хватало образования и знаний, чтобы ясно объяснять читателям важные социальные явления, в том числе финансовые кризисы и международные конфликты [Forde, 2007, p. 230].

С. Салгадо [Salgado, 2019], размышляя о сути интерпретации и объяснения в журналистских материалах, обращает внимание на сохраняющуюся понятийную нечеткость: интерпретативная журналистика нередко используется как синоним понятий *long form journalism*, *contextual journalism* и *new journalism*, при том что каждое из них имеет собственную смысловую нагрузку. Интерпретативная журналистика, по мнению исследователя, предполагает доминирование голоса журналиста в нарративе и включает его оценки, объяснения и контекстуализации [Salgado, Strömbäck, 2011]. Таким образом, С. Салгадо склоняется к мысли, что объяснительная журналистика является частным случаем интерпретативной, а не противопоставляется ей.

Ряд исследователей [Hudak, 2016; Mann, 2016] открыто противопоставляют *explanatory journalism* оперативной новостной модели, призывая рассматривать ее как ответ на поверхностность «срочных новостей» и инструмент повышения качества демократии.

Современный этап осмысления рассматриваемого явления характеризуется расширением эмпирической базы исследований. В. Морено-Хиль и ее коллеги [Moreno-Gil et al., 2023] на материале четырех европейских фактчекинговых платформ показали, что объяснительная журналистика является составной частью практики проверки фактов, активно используя визуализацию данных, экспертные источники и жанровые форматы, характерные для аналитических публикаций. Этот вывод позволяет рассматривать объяснительную журналистику не только как самостоятельный жанр, но и как коммуникативную стратегию, применимую в разных институциональных контекстах, включая борьбу с дезинформацией.

Отдельное направление зарубежных исследований связано с пониманием конструктивной журналистики (*constructive journalism*) как практики, частично пересекающейся с объяснительной. М. Дьерф-Пьер и М. Экстрём [Djerf-Pierre, Ekström, 2025] анализируют нарративные элементы и «формулы» новостных историй, сфокусированных на решениях проблем, и приходят к выводу: хотя конструктивная

журналистика нетождественна объяснительной, их общей чертой является установка на углубление понимания аудиторией сложных общественных процессов.

В российском научном пространстве ситуация еще более неопределенная. Отечественные исследователи обращаются к феномену объяснения в журналистике преимущественно в связи с анализом мультимедийных форматов [Медведева, 2020] или политических коммуникаций [Буркова, 2014], но специальных работ, посвященных объяснительной журналистике как формату, недостаточно. В этой ситуации актуальной представляется систематизация накопленного знания, позволяющая определить контуры объяснительной журналистики как объекта исследования и выявить ее ключевые признаки, особенно применительно к формату спецпроекта.

Среди функций журналистики, выделяемых отечественными теоретиками [Корконосенко, 2001; Прохоров, 2011; Свитич, 2012], объяснительная отсутствует, но при этом информационная, просветительская и аналитическая функции непосредственно связаны с задачей объяснения – то есть с переводом сложного общественно значимого знания в доступную для аудитории форму.

А.Р. Медведева в своем исследовании отмечает, что объяснительная журналистика получает наибольшую востребованность в условиях, когда потребителям информации перестали быть интересны новости сами по себе и формируется запрос на раскрытие причин появления различных информационных поводов («как так получилось?» вместо «что произошло?») [Медведева, 2020, с. 71]. По мнению исследователя, выделить объяснительную журналистику в конкретный жанр сложно, и она скорее предстает дополнением к уже имеющимся журналистским техникам подачи информации.

В целом за рубежом и в России отдельные аспекты объяснительной журналистики косвенно затрагиваются в самом широком спектре исследований медиасистем, посвященных взаимодействию науки и журналистики [Fleerackers et al., 2022; Bartleman et al., 2024], репрезентации в журналистике информации об ИИ [Dwyer et al., 2023], сервисной журналистике [Власова, 2022], а также формам цифровой журналистики [Bradshaw, 2023].

Обзор научной литературы позволяет констатировать, что объяснительная журналистика как направление профессиональной деятельности обладает достаточно длительной историей существования, однако ее теоретическое осмысление находится на стадии становления. Российские мультимедийные спецпроекты объяснительного характера, которые активно производятся ведущими отечественными редакциями, практически не становились предметом систематического научного анализа. Между тем именно формат спецпроекта, интегрирующий текст, визуализацию, интерактивные элементы и развитую гипертекстуальную структуру, представляет собой одну из наиболее последовательных реализаций объяснительного подхода в цифровой журналистике.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и описании характерных черт объяснительной журналистики в мультимедийных форматах на материале российских СМИ. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: систематизация теоретических представлений об объяснительной журналистике в зарубежном и отечественном научном дискурсе, формулирование рабочего определения и системы признаков объяснительных материалов, проведение контент-анализа мультимедийных спецпроектов ведущих российских медиа для выявления объяснительных материалов и анализа их жанровых и мультимедийных особенностей.

Материалы и методы исследования

Исследование включало два этапа: теоретический и эмпирический. На первом этапе проведен анализ зарубежных и отечественных научных публикаций, посвященных объяснительной журналистике и смежным исследовательским полям (интерпретативной, конструктивной, сервисной журналистике, дата-сторителлингу, академической и фактчекинговой журналистике). Отбор источников осуществлялся по базам eLibrary,

Scopus и Web of Science по ключевым словам *explanatory journalism*, «объяснительная журналистика», *interpretive journalism* за период с 2010 по 2026 год.

На втором этапе методом контент-анализа изучены мультимедийные спецпроекты четырех российских СМИ.

Эмпирическую базу настоящего исследования составили мультимедийные спецпроекты четырех российских СМИ – Lenta.ru, ТАСС, РИА «Новости» и «Известия». Выбор именно этих изданий обусловлен несколькими факторами.

Во-первых, все перечисленные редакции отличаются устойчивой практикой производства мультимедийных спецпроектов, что позволяет говорить о сложившейся редакционной культуре работы с данным форматом.

Во-вторых, издания представляют различные типы медиаорганизаций – от информационных агентств (ТАСС, РИА «Новости») до онлайн-изданий широкого профиля (Lenta.ru, «Известия»), что обеспечивает репрезентативность выборки. В-третьих, каждое из этих СМИ формирует на официальных сайтах открытый архив спецпроектов, доступный для исследователя.

Единицей анализа выступал отдельный мультимедийный спецпроект – редакционный (не рекламный) материал, выполненный в формате, отличном от стандартной текстовой публикации: имеющий оригинальный визуальный дизайн, усложненную структуру, мультимедийные элементы (инфографика, видео, интерактив, анимация и т. д.) и размещенный на отдельной странице или поддомене сайта издания. Из анализа были исключены рекламные и спонсорские спецпроекты, поскольку их коммуникативная задача принципиально отличается от редакционной и определяется интересами рекламодателя, а не логикой журналистского объяснения.

Исследование проводилось с декабря 2025 г. по февраль 2026 г.

На первом этапе был осуществлен сплошной просмотр архивов мультимедийных спецпроектов каждого из четырех изданий. Критерием включения материала в выборку являлась его принадлежность к редакционному контенту и соответствие формату мультимедийного спецпроекта.

Хронологические рамки выборки охватывают период с 2014 по 2025 год, что определяется фактическими границами доступных архивов. В результате сплошного отбора была сформирована генеральная совокупность из 343 редакционных мультимедийных спецпроектов, распределенных по изданиям следующим образом: ТАСС – 137 материалов, Известия IZ – 110, Lenta.ru – 65, РИА «Новости» – 31.

На втором этапе каждый из 343 спецпроектов подвергся контент-анализу с фиксацией результатов в кодировочной таблице.

Ключевым этапом аналитической работы стала идентификация объяснительных материалов внутри общей выборки. Отнесение спецпроекта к категории объяснительных осуществлялось на основании признаков, выявленных в ходе обзора исследований. При этом было проведено принципиальное разграничение между двумя типами материалов. К первому типу – «полностью объяснительные спецпроекты» – были отнесены те материалы, в которых объяснительная функция является центральной и определяющей. Ко второму типу – «спецпроекты с элементами объяснительного нарратива» – были отнесены материалы, в которых объяснительный компонент присутствует, но не является доминирующим.

В результате этой процедуры из 343 спецпроектов было выделено 46 материалов, содержащих объяснительный компонент, что составляет 13,4 % от общей выборки. Из них 31 спецпроект был квалифицирован как полностью объяснительный, а 15 – как содержащий элементы объяснительного нарратива (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Распределение объяснительных спецпроектов по изданиям
Distribution of explanatory special projects across publications

Тип материалов	ТАСС	Известия IZ	Lenta.ru	РИА «Новости»	Всего
Полностью объяснительные	14	12	2	3	31
С элементами объяснительного нарратива	2	7	5	1	15
Итого	16	19	7	4	46

Понятие и признаки объяснительной журналистики

Впервые концептуальное отличие объяснительной журналистики от новостной, расследовательской и иных интерпретативных форм было предложено П. Париси [Parisi, 1999], который показал, что объяснительная журналистика сосредоточена на раскрытии причинно-следственных связей и контекстуализации событий для аудитории. Он подчеркнул, что объяснительная журналистика понимается как способ предоставления исторического, социологического, экономического, психологического и другого релевантного контекста к текущим новостным событиям [Parisi, 1999, p. 47].

К. Шигаки [Shigaki, 2025] исследовал трансформацию объяснительной журналистики в условиях цифровой среды и пришел к заключению, что данное направление активно осваивает мультимедийные форматы (видео, инфографику, интерактивные элементы), ориентируясь на молодую аудиторию, хотя и сталкивается с институциональными ограничениями в традиционных медиасистемах. П.Л. де Ассунсау [De Assunção, 2025] на примере бразильского портала Nexô подтверждает устойчивость жанровых признаков объяснительных материалов (присутствие гиперссылок, инфографики, аргументированных цитат, развитой подзаголовочной структуры), что может свидетельствовать об универсальности формата.

Б. Херави [Heravi, 2025], изучая сторителлинг в дата-журналистике, вводит различие между объяснительными (explanatory) и исследовательскими (exploratory) характеристиками цифровых историй. Исследование, построенное на анализе 118 дата-нарративов, показывает, что объяснительные истории в журналистике, как правило, опираются на линейную структуру повествования и авторское управление нарративом, тогда как исследовательские предполагают более выраженную интерактивность и свободу читателя. При этом выявлена взаимодополняемость этих двух модальностей, что расширяет теоретическое понимание устройства объяснительных материалов.

О.С. Буркова [2014] обращает внимание на то, что объяснительные имиджевые тексты могут создаваться в разных формах (от списков и опросников до видеоматериалов) и что принципами современной объяснительной журналистики являются отсутствие второстепенной информации, небольшой объем текста и доступность даже для неподготовленного читателя. Хотя работа О.С. Бурковой сосредоточена на трансформации имиджевых политических текстов (PR-коммуникации), сформулированные ею принципы (лаконичность, доступность, наглядность) созвучны тем, что лежат в основе современных медийных объяснительных форматов.

Систематизация проанализированных источников позволяет выделить несколько ключевых содержательных характеристик, которые в совокупности формируют предметное ядро понятия «объяснительная журналистика».

Во-первых, это *смещение акцента с информирования о факте на раскрытие его причин и последствий*. Если новостная журналистика отвечает на вопросы «что?», «кто?», «когда?» и «где?», то объяснительная – на вопросы «как?» и «почему?» [Parisi, 1999; de Assunção, 2025]. Во-вторых, это *контекстуализация* – встраивание отдельного события в более широкие социальные, экономические или исторические рамки [Forde, 2007; Salgado, 2019]. В-третьих, *дидактическая направленность*: объяснительные материалы рассчитаны на то, чтобы провести читателя от незнания к пониманию, используя доступный язык, аналогии, визуальные средства [De Assunção, 2025; Shigaki, 2025]. В-четвертых, *мультимедийность и мультимодальность*: в цифровой среде объяснительная журналистика активно задействует инфографику, интерактивные элементы, видео и гиперссылки [Moreno-Gil et al., 2023; Heravi, 2025].

Опираясь на проведенный анализ, можно предложить следующее рабочее определение: *объяснительная журналистика* – это направление профессиональной журналистской деятельности, ориентированное на раскрытие причинно-следственных связей, контекстуализацию и дидактически выстроенную интерпретацию общественно значимых процессов и явлений с целью формирования у аудитории целостного понимания сложных тем. В цифровой среде эта деятельность реализуется через мультимедийные и интерактивные форматы, обеспечивающие глубину и доступность представления информации.

Обобщение эмпирических исследований позволяет выделить устойчивый набор признаков, которые характеризуют объяснительные материалы в цифровой среде и могут быть положены в основу аналитической рамки настоящего исследования.

Первый признак – тематическая и техническая сложность предмета повествования. Объяснительные материалы, как правило, обращаются к темам, требующим специального знания или экспертной интерпретации: экономическим реформам, научным открытиям, правовым механизмам, технологическим процессам [Moreno-Gil et al., 2023; de Assunção, 2025].

Второй признак – развитая внутренняя структура. Исследования показывают, что объяснительные материалы используют подзаголовочную структуру в среднем из 10 и более смысловых блоков [De Assunção, 2025], а также различные нарративные модели – от традиционной заметки, строящейся по принципу перевернутой пирамиды, до информационных карточек [Heravi, 2025].

Третий признак – многоформатность представления информации: использование инфографики, таблиц, фотографий, видео, графиков, интерактивных элементов [De Assunção, 2025; Heravi, 2025; Shigaki, 2025]. Визуальные и интерактивные компоненты выполняют не иллюстративную, а объяснительную функцию – они помогают «провести» читателя к пониманию сложного материала.

Четвертый признак – гипертекстуальность: наличие гиперссылок на дополнительные источники, смежные материалы и экспертные ресурсы, которые расширяют пространство объяснения за рамки отдельного текста [De Assunção, 2025].

Пятый признак – опора на экспертное знание. Объяснительные материалы отличаются от журналистских мнений и комментариев тем, что строятся на больших данных, исследованиях и экспертных оценках, а не на субъективной интерпретации журналиста [Forde, 2007; Moreno-Gil et al., 2023].

Выявленные в ходе обзора пять устойчивых признаков объяснительных материалов положены в основу аналитической рамки для эмпирического исследования.

Результаты исследования

Анализ выявленных материалов с объяснительным компонентом показал, что тематический диапазон объяснительных спецпроектов в российских СМИ достаточно широк, однако отчетливо тяготеет к нескольким предметным областям (табл. 2). Наиболее

представленной оказалась социально-бытовая тематика – материалы, разъясняющие аудитории специфику повседневных процессов, механизмы получения государственных услуг, правила безопасного поведения и принципы здорового образа жизни («Имеешь право», Lenta.ru ¹; «5 мифов о пенсионной системе», РИА Новости ²; «Заразен и очень опасен. Как отличить грипп от простуды и как пережить эпидемию», ТАСС ³). К этой группе примыкают материалы, посвященные вопросам здоровья и медицины («Можно победить», Известия IZ ⁴; «Зависники и зависницы», Известия IZ ⁵).

Таблица 2

Table 2

Тематическое распределение объяснительных спецпроектов по изданиям
Thematic distribution of explanatory special projects across publications

Тематическая группа	ТАСС	Известия IZ	Lenta.ru	РИА «Новости»	Всего n (%)
Социально-бытовая (гражданские права, безопасность, ЖКХ, экология)	5	5	3	3	16 (34,8)
Здоровье и медицина	1	4	1	0	6 (13)
Общественно-политическая и историческая	5	4	2	0	11 (23,9)
Экономика, технологии, инфраструктура	4	3	0	1	8 (17,4)
Наука, образование, космос	1	3	0	0	4 (8,7)
Спорт и развлечения	0	0	1	0	1 (2,2)
Итого	16	19	7	4	46 (100)

Второй по объему тематический кластер составили материалы на общественно-политические и исторические темы, в которых объяснение направлено на контекстуализацию актуальных или знаковых событий («Историческое сражение», Известия IZ ⁶; «Давно и неправда. Мифы о Ледовом побоище», ТАСС ⁷; «Крах однополярного мира», Lenta.ru ⁸).

Третью группу образовали материалы, объясняющие устройство экономических, технологических или инфраструктурных процессов («Стадии принятия бюджета», ТАСС ⁹;

¹ Имеешь право. Специальный проект. Lenta.ru. URL: <https://uverture.lenta.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

² Шорох П., Кузьмич Л. Миф первый: «Пенсионная система – это сложно!» Или нет? Пробуем разобраться. 5 мифов о пенсионной системе. Специальный проект. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20151118/1317928009.html> (дата обращения: 15.04.2026).

³ Заразен и очень опасен. Как отличить грипп от простуды и как пережить эпидемию. Специальный проект. ТАСС. URL: <https://tass.ru/spec/gripp?ysclid=mnui4xl9ei172564166> (дата обращения: 15.04.2026).

⁴ Сидоров А. Можно победить. Специальный проект. Известия IZ. URL: <https://cancer.iz.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

⁵ Константинова Е. и др. Зависники и зависницы. Специальный проект. Известия IZ. URL: <https://meteo.iz.ru/?ysclid=mnui6pqgg4978698291> (дата обращения: 15.04.2026).

⁶ Сидоров А. и др. 2020. Историческое сражение. Специальный проект. Известия IZ. URL: <https://protectmemory.iz.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

⁷ Недкова К. 2017. Давно и неправда. Мифы о Ледовом побоище. Специальный проект. ТАСС. URL: <https://tass.ru/spec/ledovoe?ysclid=mnui7n4o54977812339> (дата обращения: 15.04.2026).

⁸ Крах однополярного мира. 2022. Специальный проект. Lenta.ru. URL: <https://crash.lenta.ru/?ysclid=mnui8212nc2355390> (дата обращения: 15.04.2026).

⁹ Донина Д., Скуратова В. 2021–2022. Стадии принятия бюджета. ТАСС. URL: <https://spec.tass.ru/budget-rf/?ysclid=mnui8mfkc58441774> (дата обращения: 15.04.2026).

«Финансовый компас. Проводник по ключевым понятиям экономики», ТАСС ¹; «Пути отходов», ТАСС ²).

Распределение материалов свидетельствует о том, что объяснительный формат в российских СМИ востребован прежде всего там, где информация сложна для неподготовленной аудитории – будь то устройство государственных механизмов, природа заболеваний, логика исторических процессов или принципы функционирования технологий. Иными словами, объяснительный спецпроект возникает, когда тема общественно значима, но требует от аудитории интеллектуального усилия для понимания.

С точки зрения жанровой принадлежности текстовой основы (табл. 3), в группе полностью объяснительных спецпроектов (31 материал) абсолютно доминирует собственно объяснительная статья – текст, целиком подчиненный задаче разъяснения. Часть из них содержит дополнительные жанровые элементы: экспертные комментарии («В порядке сокращения», Известия IZ ³), элементы аналитики («Быть президентом», ТАСС ⁴), элементы сторителлинга («Дружба + терпение», Известия IZ ⁵), формат экспертного интервью («Можно победить», Известия IZ ⁶). Встречается также рамочная структура – подборка нескольких статей под одним спецпроектом («Проводник по ключевым понятиям экономики», ТАСС ⁷).

В группе спецпроектов с элементами объяснительного нарратива (15 материалов) жанровая картина существенно разнообразнее. Здесь объяснительный компонент встроен в иные форматы: аналитическую статью («Северный поток – 2», Известия IZ ⁸), исторический обзор («Крах однополярного мира», Lenta.ru ⁹), расследование с применением сторителлинга («Попавшие в сети», Lenta.ru ¹⁰), сторителлинг с объяснительными вставками («На одном языке», Известия IZ ¹¹), научно-популярный текст («Образ будущего», ТАСС ¹²).

Контент-анализ мультимедийного оснащения 46 материалов также позволил выявить устойчивый набор визуальных, интерактивных и аудиовизуальных компонентов, которые используются для реализации объяснительной функции (табл. 4).

¹ Зелененко Д., Розанова А., Шкапина М. 2025. Финансовый компас. Проводник по ключевым понятиям экономики. Специальный проект. ТАСС. URL: <https://tass.ru/specialprojects/ekonomika-prosto/?ysclid=mnuj909azu330985007> (дата обращения: 15.04.2026).

² Раксина А. 2019. Пути отходов. Специальный проект. ТАСС. URL: <https://spec.tass.ru/tko/> (дата обращения: 15.04.2026).

³ Жукова А., Ивушкина А., Ильина Н., Костенко Я., Костина Е., Москвитина Л., Сидоренко Е., Сидоров А., Чеповская Аю, Юргенсон А. 2020. В порядке сокращения. Специальный проект. Известия IZ. URL: <https://protection.iz.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

⁴ Быть президентом. 2022. Специальный проект. ТАСС. URL: <https://spec.tass.ru/vladimir-putin/?ysclid=mnujbjh3xq100120333> (дата обращения: 15.04.2026).

⁵ Сидоров А. и др. Дружба + терпение. Специальный проект. Известия IZ. URL: <https://asi.iz.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

⁶ Сидоров А. Можно победить. Специальный проект. Известия IZ. URL: <https://cancer.iz.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

⁷ Зелененко Д., Розанова А., Шкапина М. 2025. Финансовый компас. Проводник по ключевым понятиям экономики. Специальный проект. ТАСС. URL: <https://tass.ru/specialprojects/ekonomika-prosto/?ysclid=mnuj909azu330985007> (дата обращения: 15.04.2026).

⁸ Воронов В. и др. Северный поток – 2. Специальный проект. Известия IZ. URL: <https://nordstream2.iz.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

⁹ Крах однополярного мира. 2022. Специальный проект. Lenta.ru. URL: <https://crash.lenta.ru/?ysclid=mnuj8212nc2355390> (дата обращения: 15.04.2026).

¹⁰ Поворознюк С. Попавшие в сети. Специальный проект. Lenta.ru. URL: <https://seti.lenta.ru/?ysclid=mrk89s6urm644938384> (дата обращения: 15.04.2026).

¹¹ Власова А. и др. На одном языке. Специальный проект. Известия IZ. URL: <https://spec.iz.ru/gesty/?ysclid=mnujfuo24a734922589> (дата обращения: 15.04.2026).

¹² Пузикова К. 2025. Образ будущего. Специальный проект. ТАСС. URL: <https://tass.ru/specialprojects/obraz-budushchego/?ysclid=mnujg8k06b46424318> (дата обращения: 15.04.2026).

Таблица 3
Table 3

Жанровая принадлежность текстовой основы
Genre of the textual basis

Жанр текстовой основы	Полностью объяснительные (31)	С элементами (15)	Всего	%
Объяснительная статья	20	0	20	43,5
Объяснительная статья с экспертными комментариями / интервью	6	0	6	13,1
Объяснительная статья с элементами аналитики	1	0	1	2,2
Объяснительная статья с элементами сторителлинга	2	0	2	4,3
Объяснительная статья (подборка статей)	2	0	2	4,3
Статья с элементами объяснительного нарратива	0	7	7	15,3
Аналитическая статья с элементами объяснительного нарратива	0	2	2	4,3
Исторический обзор с элементами объяснительного нарратива	0	2	2	4,3
Сторителлинг/расследование с элементами объяснительного нарратива	0	3	3	6,5
Научно-популярный отчет с элементами объяснительного нарратива	0	1	1	2,2
Итого	31	15	46	100

Таблица 4
Table 4

Распределение мультимедийных элементов в объяснительных спецпроектах (n = 46)
Distribution of multimedia elements in explanatory special projects (n = 46)

Мультимедийный элемент	Кол-во материалов	% от выборки
Фотографии	30	65,2
Авторские иллюстрации	25	54,3
Инфографика (статистика, диаграммы, графики)	22	47,8
Инфографика (блок-схемы, таймлайны)	14	30,4
Инфографика (карты)	13	28,3
Гиперссылки на материалы по теме	11	23,9
Видео	10	21,7
Интерактивные элементы (тесты, викторины, всплывающие окна)	7	15,2
Авторская анимация	7	15,2
Механика скроллитинга	5	10,9
Аудиосопровождение	2	4,3
Карточки	2	4,3
Карусели с фото	1	2,2

Полученные данные свидетельствуют о том, что визуальный ряд объяснительных спецпроектов строится прежде всего на статичных элементах – фотографиях (65,2 %) и авторских иллюстрациях (54,3 %). Высокая доля авторских иллюстраций заслуживает отдельного внимания: она указывает на то, что редакции целенаправленно создают уникальный визуальный контент для объяснительных материалов. Это подтверждает ресурсоемкость формата и его особый статус в редакционном производстве.

Инфографика в совокупности (статистическая, картографическая, схематическая) является вторым по значимости компонентом и присутствует в той или иной форме в более чем половине материалов выборки. Преобладает статистическая инфографика (диаграммы, графики, числовые показатели), поскольку объяснительный нарратив часто требует наглядной демонстрации масштабов, динамики и соотношений. Схемы и таймлайны используются для визуализации процессов и хронологий, карты – для пространственной контекстуализации.

Интерактивные элементы (тесты, викторины, всплывающие окна с дополнительным текстом) и авторская анимация занимают менее значительную, но тем не менее устойчивую позицию (по 15,2 % каждый). Механика скролллинга, при которой визуальные и текстовые элементы сменяют друг друга по мере прокрутки страницы, встречается в 10,9 % материалов и характерна для наиболее технологически сложных спецпроектов («Дом, в котором я живу», РИА Новости ¹; «Невидимая угроза», Известия IZ ²). Аудиоэлементы, напротив, используются крайне редко (4,3 %), что указывает на преимущественно визуальную ориентацию объяснительного формата.

Сопоставление двух выделенных групп материалов выявило ряд принципиальных различий, которые касаются не столько набора мультимедийных элементов, сколько роли объяснительного компонента в архитектуре спецпроекта.

В полностью объяснительных спецпроектах (31 ед. анализа) весь нарратив подчинен единой задаче – разъяснению определенного явления, процесса или проблемы. Структура такой публикации, как правило, выстроена дидактически: от постановки вопроса или обозначения проблемы – к последовательному раскрытию ее составляющих, с привлечением данных, экспертных оценок и визуальных средств. Заголовок прямо указывает на объяснительную интенцию: «Как стать космонавтом» (ТАСС³), «Освобождение крестьян. Что мы запомнили неверно» (ТАСС⁴), «Коронавирус. Распространение заболевания: что важно знать?» (Известия IZ⁵), «Как создать бизнес на Дальнем Востоке» (РИА Новости⁶), «5 мифов о пенсионной системе» (РИА Новости⁷). Мультимедийные элементы в таких материалах непосредственно обслуживают объяснительную функцию: инфографика визуализирует данные, блок-схемы показывают этапы процессов, тесты позволяют читателю проверить усвоенное знание.

¹ Вершинин А. Дом, в котором я живу. Специальный проект. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180831/1526931992.html?ysclid=mnupdpv7su813598057> (дата обращения: 15.04.2026).

² Невидимая угроза. Специальный проект. Известия IZ. URL: <https://safety.iz.ru/?ysclid=mnupcbr1d0424745161> (дата обращения: 15.04.2026).

³ Недкова К. 2017. Как стать космонавтом. Требования. Подготовка. Перспективы. Специальный проект. ТАСС. URL: https://tass.ru/spec/stat_kosmonavtom?ysclid=mnupi1nad2642079370 (дата обращения: 15.04.2026).

⁴ Гашков И. 2021. Освобождение крестьян. Что мы запомнили неверно. Специальный проект. ТАСС. URL: <https://tass.ru/spec/krepostnoe-pravo?ysclid=mnuplyd4d8124857484> (дата обращения: 15.04.2026).

⁵ Нодельман В., Сидоренко Е., Цырулева И., Недюк М., Шестаков И. 2020. Коронавирус. Распространение заболевания: что важно знать? Известия IZ. URL: <https://pneumonia.iz.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

⁶ Как создать бизнес на Дальнем Востоке? Специальный проект. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20171221/1511464678.html?ysclid=mnupnoc6jz325197843#/main> (дата обращения: 15.04.2026).

⁷ Шорох П., Кузьмич Л. Миф первый: «Пенсионная система – это сложно!» Или нет? Пробуем разобраться. 5 мифов о пенсионной системе. Специальный проект. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20151118/1317928009.html> (дата обращения: 15.04.2026).

В спецпроектах с элементами объяснительного нарратива (15 ед. анализа) объяснение встроено в более широкую жанровую рамку и выполняет вспомогательную роль. Так, в спецпроекте «Попавшие в сети» (Lenta.ru ¹) основу составляет журналистское расследование с элементами сторителлинга, а объяснительные фрагменты вплетены в повествование для того, чтобы аудитория могла понять механику мошеннических схем. В материале «Тепловой удар» (Известия IZ ²) аналитическая статья о климатических изменениях сопровождается объяснительными блоками, раскрывающими научную основу описываемых процессов. В спецпроекте «На одном языке» (Известия IZ ³) сторителлинг, построенный на личных историях, дополняется объяснительными вставками о природе жестового языка и его правовом статусе. Различие между двумя группами проявляется и на уровне мультимедийного оснащения. Полностью объяснительные спецпроекты, как правило, отличаются бóльшим наполнением инфографикой: в них чаще встречаются визуализация статистических данных, схемы, таймлайны. Спецпроекты с элементами объяснительного нарратива, напротив, в большей степени опираются на фото-, видеоматериалы и нарративные приемы (скролителлинг, аудиосопровождение), поскольку их основная жанровая задача – не разъяснение как таковое, а повествование, в которое объяснение инкорпорировано.

Углубленный анализ 31 полностью объяснительного спецпроекта позволил выделить несколько устойчивых форматных разновидностей, различающихся по степени интерактивности и характеру структурной организации (табл. 5).

Таблица 5

Table 5

Форматные разновидности полностью объяснительных спецпроектов (n = 31)

Format variations of fully explanatory special projects (n = 31)

Форматная разновидность	Характеристика	Кол-во	Доля, %
Инфографический объяснительный спецпроект	Публикация, в которой инфографика (схемы, карты, диаграммы, графики, таймлайны) является ключевым средством объяснения наряду с текстом	12	38,7
Иллюстрированный объяснительный лонгрид	Линейный текст с фотографиями и/или авторскими иллюстрациями, без интерактивных элементов и развитой инфографики	10	32,2
Интерактивный объяснительный спецпроект	Публикация, включающая активные элементы взаимодействия с пользователем: тесты, викторины, всплывающие окна, выпадающий текст	5	16,1
Объяснительный спецпроект со скролителлинговой механикой	Публикация, в которой визуальные и текстовые элементы сменяются по мере прокрутки, создавая эффект погружения	2	6,5
Рамочный объяснительный спецпроект (подборка)	Несколько самостоятельных объяснительных статей, объединенных общей темой и единым визуальным оформлением	2	6,5
Итого		31	100

¹ Поворазнюк С. Попавшие в сети. Специальный проект. Lenta.ru. URL: <https://seti.lenta.ru/?ysclid=mrk89s6urm644938384> (дата обращения: 15.04.2026).

² Коленцова О., Урманцева А., Нодельман В., Приемская Е. 2020. Тепловой удар. Специальный проект. Известия IZ. URL: <https://klimat2100.iz.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

³ На одном языке. Специальный проект. Известия IZ. URL: <https://spec.iz.ru/gesty?ysclid=mnprv3euty393247912> (дата обращения: 15.04.2026).

Как видно из табл. 5, наиболее распространенной форматной разновидностью является инфографический объяснительный спецпроект (38,7 %), в котором визуализация данных берет на себя значительную часть объяснительной нагрузки. Второе место занимает иллюстрированный лонгрид (32,1 %) – более традиционная форма, в которой объяснение реализуется преимущественно через текст, а визуальный ряд выполняет сопроводительную функцию. Интерактивные спецпроекты (16,1 %) представляют собой технологически наиболее сложную разновидность, предполагающую активное участие пользователя в процессе познания. Скроллителлинг и рамочные форматы встречаются реже, однако представляют интерес как примеры нестандартных композиционных решений.

Полученные результаты позволяют утверждать, что объяснительный спецпроект в российских СМИ – это не единый унифицированный формат, а семейство форматных решений, объединенных общей коммуникативной задачей (дидактическое разъяснение сложной темы), но различающихся по степени мультимедийной насыщенности, интерактивности и характеру структурной организации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать несколько выводов, значимых как для теоретического осмысления объяснительной журналистики, так и для понимания ее практического воплощения в российском медиапространстве.

Прежде всего, полученные данные подтверждают, что объяснительная журналистика в мультимедийных форматах – состоявшаяся, хотя и не отрефлексированная в отечественном научном дискурсе практика. Тот факт, что объяснительные материалы составили 13,4 % от общей совокупности редакционных мультимедийных спецпроектов четырех крупных российских СМИ, свидетельствует о том, что данное направление занимает заметную нишу в структуре мультимедийного производства. При этом объяснительные спецпроекты обнаружены во всех четырех исследованных изданиях (и в информационных агентствах, и в онлайн-медиа), что говорит о кросс-редакционном характере явления, не привязанного к одному типу организации.

Существенным выводом представляется обнаруженная связь между тематической сложностью предмета и выбором объяснительного формата. Российские редакции обращаются к объяснительному спецпроекту не произвольно, а в ситуациях, когда тема требует от аудитории когнитивного усилия: освоения незнакомых механизмов, понимания причинно-следственных цепочек, ориентации в противоречивых данных.

Выявленная типология форматных разновидностей (инфографический объяснительный спецпроект, иллюстрированный объяснительный лонгрид, интерактивный объяснительный спецпроект, объяснительный спецпроект со скроллителлинговой механикой, рамочный объяснительный спецпроект (подборка)) демонстрирует, что объяснительная журналистика в цифровой среде не сводится к одному шаблону. Скорее, она представляет собой спектр решений, в рамках которого редакции подбирают степень мультимедийной насыщенности и интерактивности в зависимости от характера темы, целевой аудитории и имеющихся ресурсов.

Отдельного внимания заслуживает установленное в ходе анализа различие между материалами – в одних объяснение составляет ядро нарратива, в других оно выполняет служебную роль. Это различие имеет не только описательное, но и концептуальное значение: оно показывает, что объяснительная функция в мультимедийной журналистике может реализовываться двояко – как самостоятельная жанровая стратегия и как коммуникативный прием, встраиваемый в другие жанровые форматы.

Соотнесение результатов с признаками объяснительных материалов, выделенными по итогам обзора научной литературы, показывает, что четыре из пяти признаков (тематическая сложность, развитая внутренняя структура, многоформатность, опора на экспертное знание) устойчиво воспроизводятся в российской практике. Еще один признак – гипертекстуальность –

представлен менее последовательно: гиперссылки на дополнительные источники обнаружены лишь в четверти материалов выборки. Это может объясняться как редакционной политикой удержания аудитории внутри собственного ресурса, так и спецификой формата спецпроекта, который мыслится как самодостаточная «точка входа» в тему.

Перспективным представляется, во-первых, изучение аудиторного восприятия объяснительных спецпроектов: насколько эффективно они выполняют заявленную дидактическую функцию и приводят ли к реальному приращению знания у читателей. Во-вторых, заслуживает внимания редакционная сторона вопроса – организация производства объяснительных спецпроектов, состав команд, временные и финансовые затраты, а также степень осознанности редакциями объяснительного формата как отдельного направления. Наконец, сравнительный анализ российских и зарубежных объяснительных спецпроектов мог бы дать ответ на вопрос о том, формируется ли универсальная модель объяснительного цифрового формата или его конфигурация определяется особенностями национальной медиасистемы.

Список литературы

- Буркова О.С. 2014. Объяснительная журналистика и ее влияние на трансформацию имиджевых политических текстов. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 2: 91–94.
- Вартанова Е.Л. 2024. Функции журналистики: традиционные и актуальные подходы. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 6: 3–30. DOI: [10.55959/msu.vestnik.journ.6.2024.330](https://doi.org/10.55959/msu.vestnik.journ.6.2024.330)
- Власова Е.Г. 2022. Адаптивная роль современной журналистики и приемы ее реализации (на материале урбанистически ориентированных сетевых изданий). *Медиалингвистика*, 9(2): 113–125. DOI: [10.21638/spbu22.2022.203](https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.203)
- Корконосенко С.Г. 2009. Основы журналистики. М., Аспект Пресс, 318 с.
- Медведева А.Р. 2020. Машины интерфейса объяснительной журналистики (на примере сайтов интернет-изданий «Медуза» и «Вох»). *Вопросы журналистики*, 8: 71–86. DOI: [10.17223/26188422/8/5](https://doi.org/10.17223/26188422/8/5)
- Прохоров Е.П. 2011. Введение в теорию журналистики: учебник для студентов вузов. 8-е изд., испр. М., Аспект Пресс, 351 с.
- Свитич Л.Г. 2012. Введение в специальность. Профессия: журналист. 3-е изд., испр. и доп. М., Аспект Пресс, 255 с.
- Bartleman M., Dubois E., Macdonald I. 2024. A framework for examining hybridity: The case of academic explanatory journalism. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 0(0). DOI: [10.1177/13548565241255044](https://doi.org/10.1177/13548565241255044)
- Bradshaw P. 2023. The Online Journalism Handbook: Skills to Survive and Thrive in the Digital Age. London, Routledge, 362 p. DOI: [10.4324/9780429321566](https://doi.org/10.4324/9780429321566)
- De Assunção P.L. 2025. Jornalismo Explicativo: um Estudo a Partir de Reportagens do Nexo Jornal. *Lumen et Virtus*, [S. l.], 16(45): 783–792. DOI: [10.56238/levv16n45-007](https://doi.org/10.56238/levv16n45-007)
- Djerf-Pierre M., Ekström M. 2025. Constructive Journalism as Practice—Storytelling in Solutions-Focused News Reporting in Mainstream News Media. *Journalism Practice*, 1–19. DOI: [10.1080/17512786.2025.2461213](https://doi.org/10.1080/17512786.2025.2461213)
- Dwyer L., Crawford Ch., Zeller F. 2023. Media Framing of Dominant Ideologies in Explanatory Journalism Concerning Artificial Intelligence and Robotics. *Canadian Journal of Communication*, 48(4): 715–742. DOI: [10.3138/cjc.2022-0049](https://doi.org/10.3138/cjc.2022-0049)
- Fleerackers A., Riedlinger M., Bruns A., Burgess J. 2022. Academic explanatory journalism and emerging COVID-19 science: how social media accounts amplify The Conversation's preprint coverage. *Media International Australia*, 2022 Dec. 14: 1329878X221145022. DOI: [10.1177/1329878X221145022](https://doi.org/10.1177/1329878X221145022)
- Forde K.R. 2007. Discovering the explanatory report in American newspapers. *Journalism Practice*, 1(2): 227–244. DOI: [10.1080/17512780701275531](https://doi.org/10.1080/17512780701275531)
- Heravi B. 2025. Exploratory and explanatory features in data storytelling: untangling the interplay and associations with linearity, interactivity, and structure. *Journal of Computational Social Science*, 8: 94. DOI: [10.1007/s42001-025-00407-6](https://doi.org/10.1007/s42001-025-00407-6)

- Hudak J. 2016. Shining light on explanatory journalism's impact on media, democracy, and society. Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/articles/shining-light-on-explanatory-journalisms-impact-on-media-democracy-and-society/> (accessed: April 13, 2026)
- Mann T.E. 2016. Explanatory journalism: A tool in the war against polarization and dysfunction. Brookings, February 29, 2016. URL: [Explanatory journalism: A tool in the war against polarization and dysfunction | Brookings](https://www.brookings.edu/articles/explanatory-journalism-a-tool-in-the-war-against-polarization-and-dysfunction/) (accessed: April 13, 2026)
- Moreno-Gil V., Ramon-Vegas X., Rodríguez-Martínez R., Mauri-Ríos M. 2023. Explanatory Journalism within European Fact Checking Platforms: An Ally against Disinformation in the Post-COVID-19 Era. *Societies*, 13(11): 237. DOI: [10.3390/soc13110237](https://doi.org/10.3390/soc13110237)
- Parisi P. 1999. Astonishment and understanding: On the problem of explanation in journalism. *New Jersey Journal of Communication*, 7(1): 44–64. DOI: [10.1080/15456879909367354](https://doi.org/10.1080/15456879909367354)
- Salgado S. 2019. Interpretive journalism. Forms of Journalism. In: The international encyclopedia of journalism studies. Eds. T.P. Vos, F. Hanusch, D. Dimitrakopoulou, M. Geertsema-Sligh, A. Sehl. Wiley. DOI: [10.1002/9781118841570.iejs0127](https://doi.org/10.1002/9781118841570.iejs0127)
- Salgado S., Strömbäck J. 2011. Interpretive journalism: A review of concepts, operationalizations and key findings. *Journalism*, 13(2): 144–161. DOI: [10.1177/1464884911427797](https://doi.org/10.1177/1464884911427797)
- Shigaki K. 2025. Explanatory journalism in the digital age: Global practices and Japan's media landscape. *メディア・コミュニケーション研究*, 78: 1–31. URL: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/repo/huscap/all/94449/> (accessed: April 13, 2026)

References

- Burkova O.S. 2014. Explanatory journalism and its impact on image transformation political texts. *Sign: problematic field of media education*, 2: 91–94 (in Russian).
- Vartanova E.L. 2024. Functions of Journalism: Traditional and New Approaches. *Lomonosov Journalism Journal*, 6: 3–30 (in Russian). DOI: [10.55959/msu.vestnik.journ.6.2024.330](https://doi.org/10.55959/msu.vestnik.journ.6.2024.330)
- Vlasova E.G. 2022. The adaptive role of contemporary journalism and methods for its implementation: Based on the material of urban-oriented network media. *Media Linguistics*, 9(2): 113–125 (in Russian). DOI: [10.21638/spbu22.2022.203](https://doi.org/10.21638/spbu22.2022.203)
- Korkonosenko S.G. 2009. Fundamentals of Journalism. Moscow, Aspekt Press, 318 p. (in Russian).
- Medvedeva A.R. 2020. Explanatory journalism interface machines (on the example of meduza and vox). *Russian Journal of Media Studies*, 8: 71–86 (in Russian). DOI: [10.17223/26188422/8/5](https://doi.org/10.17223/26188422/8/5)
- Prokhorov E.P. 2011. Introduction to the Theory of Journalism: a Textbook for University Students. 8th ed., rev. Moscow, Aspekt Press, 351 p. (in Russian).
- Svitich L.G. 2012. Introduction to the Speciality. Profession: Journalist. 3rd ed., rev. and enl. Moscow, Aspekt Press, 255 p. (in Russian).
- Bartleman M., Dubois E., Macdonald I. 2024. A framework for examining hybridity: The case of academic explanatory journalism. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 0(0). DOI: [10.1177/13548565241255044](https://doi.org/10.1177/13548565241255044)
- Bradshaw P. 2023. The Online Journalism Handbook: Skills to Survive and Thrive in the Digital Age. London, Routledge, 362 p. DOI: [10.4324/9780429321566](https://doi.org/10.4324/9780429321566)
- De Assunção P.L. 2025. Jornalismo Explicativo: um Estudo a Partir de Reportagens do Nexo Jornal [Explanatory Journalism: a study from Nexo Jornal reports]. *Lumen et Virtus*, [S. l.], 16(45): 783–792. DOI: [10.56238/levv16n45-007](https://doi.org/10.56238/levv16n45-007)
- Djerf-Pierre M., Ekström M. 2025. Constructive Journalism as Practice—Storytelling in Solutions-Focused News Reporting in Mainstream News Media. *Journalism Practice*, 1–19. DOI: [10.1080/17512786.2025.2461213](https://doi.org/10.1080/17512786.2025.2461213)
- Dwyer L., Crawford Ch., Zeller F. 2023. Media Framing of Dominant Ideologies in Explanatory Journalism Concerning Artificial Intelligence and Robotics. *Canadian Journal of Communication*, 48(4): 715–742. DOI: [10.3138/cjc.2022-0049](https://doi.org/10.3138/cjc.2022-0049)
- Fleerackers A., Riedlinger M., Bruns A., Burgess J. 2022. Academic explanatory journalism and emerging COVID-19 science: how social media accounts amplify The Conversation's preprint coverage. *Media International Australia*, 2022 Dec. 14: 1329878X221145022. DOI: [10.1177/1329878X221145022](https://doi.org/10.1177/1329878X221145022)
- Forde K.R. 2007. Discovering the explanatory report in American newspapers. *Journalism Practice*, 1(2): 227–244. DOI: [10.1080/17512780701275531](https://doi.org/10.1080/17512780701275531)

- Heravi B. 2025. Exploratory and explanatory features in data storytelling: untangling the interplay and associations with linearity, interactivity, and structure. *Journal of Computational Social Science*, 8: 94. DOI: [10.1007/s42001-025-00407-6](https://doi.org/10.1007/s42001-025-00407-6)
- Hudak J. 2016. Shining light on explanatory journalism's impact on media, democracy, and society. Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/articles/shining-light-on-explanatory-journalisms-impact-on-media-democracy-and-society/> (accessed: April 13, 2026)
- Mann T.E. 2016. Explanatory journalism: A tool in the war against polarization and dysfunction. Brookings, February 29, 2016. URL: [Explanatory journalism: A tool in the war against polarization and dysfunction | Brookings](https://www.brookings.edu/articles/explanatory-journalism-a-tool-in-the-war-against-polarization-and-dysfunction/) (accessed: April 13, 2026)
- Moreno-Gil V., Ramon-Vegas X., Rodríguez-Martínez R., Mauri-Ríos M. 2023. Explanatory Journalism within European Fact Checking Platforms: An Ally against Disinformation in the Post-COVID-19 Era. *Societies*, 13(11): 237. DOI: [10.3390/soc13110237](https://doi.org/10.3390/soc13110237)
- Parisi P. 1999. Astonishment and understanding: On the problem of explanation in journalism. *New Jersey Journal of Communication*, 7(1): 44–64. DOI: [10.1080/15456879909367354](https://doi.org/10.1080/15456879909367354)
- Salgado S. 2019. Interpretive journalism. Forms of Journalism. In: The international encyclopedia of journalism studies. Eds. T.P. Vos, F. Hanusch, D. Dimitrakopoulou, M. Geertsema-Sligh, A. Sehl. Wiley. DOI: [10.1002/9781118841570.iejs0127](https://doi.org/10.1002/9781118841570.iejs0127)
- Salgado S., Strömbäck J. 2011. Interpretive journalism: A review of concepts, operationalizations and key findings. *Journalism*, 13(2): 144–161. DOI: [10.1177/1464884911427797](https://doi.org/10.1177/1464884911427797)
- Shigaki K. 2025. Explanatory journalism in the digital age: Global practices and Japan's media landscape. *Media and Communication Studies*, 78: 1–31 (in Japan). URL: <https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/repo/huscap/all/94449/> (accessed: April 13, 2026)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 15.04.2026

Поступила после рецензирования 15.07.2026

Принята к публикации 20.07.2026

Received April 15, 2026

Revised July 15, 2026

Accepted July 20, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Болдина Ксения Александровна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Boldina, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Journalism, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

УДК 070+811.161.1

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-415-427

EDN FTXKND

Культура и этика академического общения в цифровой среде: студент и преподаватель

¹ Глушкова В.Г., ² Полонский А.В.¹ Белгородский университет кооперации, экономики и права
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
valentina.glushkova@gmail.com; andrey.polonskiy@gmail.com

Аннотация. Масштабная цифровизация образования, с одной стороны, расширяет возможности обучения, а с другой – снижает уровень этикетной и языковой культуры в академической среде и создает риски в процессе формирования профессиональных и «мягких» навыков будущих специалистов. Цель исследования – выявить основные тенденции современной практики электронной переписки между студентами и преподавателями с точки зрения принятых в образовательной среде этикетных норм и культурных традиций. Эмпирическую базу составили собранные методом сплошной выборки 1 566 электронных писем за 2024–2026 гг. Результаты, полученные при помощи метода включённого наблюдения, а также функционально-прагматического и нормативно-стилистического анализа, демонстрируют недостаточный уровень сформированности навыков академического электронного общения у студентов: требованиям культуры академического диалога соответствуют лишь 3,4 % писем. Выявлены типичные нарушения – от несоблюдения базовых этикетных формул и структурных элементов письма до грамматических и стилистических ошибок, фамильярности и недостаточной информативности сообщений. Отмечена роль принципов «безотлагательности» и «экономии времени» в цифровой коммуникации как факторов, способствующих редукции этикетных компонентов и снижению ответственности за содержание и форму сообщения. В заключении отмечено, что несформированность навыков цифровой академической коммуникации негативно сказывается на подготовке выпускников к профессиональной деятельности, поскольку влияет на способность выстраивать статусно-ролевые и субординационные отношения, ориентироваться на получателя сообщения и обеспечивать продуктивный диалог. Сделан вывод о необходимости целенаправленного формирования культуры цифрового общения в образовательном процессе через закрепление стандартов академической переписки и образцов грамотного, профессионального и экологичного коммуникативного поведения.

Ключевые слова: культура академического общения, цифровая среда, цифровой этикет, электронная коммуникация, академическая переписка, электронное сообщение, «мягкие» навыки

Для цитирования: Глушкова В.Г., Полонский А.В. 2026. Культура и этика академического общения в цифровой среде: студент и преподаватель. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 415–427. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-415-427 EDN FTXKND

The Culture and Ethics of Academic Communication in the Digital Environment: Student and Teacher

¹ Valentina G. Glushkova, ² Andrey V. Polonskiy¹ Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
116a Sadovaya St., Belgorod 308023, Russia² Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russiavalentina.glushkova@gmail.com; andrey.polonskiy@gmail.com

Abstract. The relevance of this research is due to the extensive digitalization of education, which, on the one hand, expands the possibilities for learning, but on the other hand, leads to a decrease in the level of

etiquette and language culture in the academic environment and poses risks to the development of professional and soft skills of future specialists. The subject of the study is the features of the culture and ethics of electronic messages sent by students to their teachers. The purpose of the study is to analyze the current practice of such correspondence from the perspective of the etiquette norms and cultural traditions accepted in the educational environment. The study is based on a continuous sample of 1,566 electronic messages collected 2025–2026. The study uses the method of participant observation, as well as the following types of analysis – functional-pragmatic, and normative-stylistic. The results of the study demonstrate a low level of academic communication skills among students: only 3.4% of the letters meet the requirements of the culture of academic dialogue. The study identified typical violations, ranging from non-compliance with basic etiquette formulas and structural elements of the letter to grammatical and stylistic errors, familiarity, and insufficient information content. The study also focused on how the principles of "urgency" and "time-saving" in digital communication contribute to the reduction of etiquette components and the weakening of the sense of responsibility for the content of the message. In conclusion, it is emphasized that the lack of digital academic communication skills has a negative impact on the preparation of graduates for professional activities, as it affects their ability to establish status-based and subordinate relationships, focus on the recipient of the message, and ensure a productive dialogue. The article concludes that it is necessary to purposefully develop a digital communication culture in the educational process through the reinforcement of professional and environmentally friendly communicative behaviour and standards of academic correspondence.

Keywords: academic communication culture, digital environment, digital etiquette, electronic communication, academic correspondence, electronic message, soft skills

For citation: Glushkova V.G., Polonskiy A.V. 2026. The Culture and Ethics of Academic Communication in the Digital Environment: Student and Teacher. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 415–427 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-415-427 EDN FTXKND

Введение

Современный человек находится под мощнейшим этическим, эстетическим и коммуникационно-технологическим стрессом, обусловленным во многом масштабным внедрением цифровых технологий во все сферы социальной деятельности. Цифровизация качественно изменила образ жизни людей, способы их самосознания и взаимодействия, принципы функционирования всех общественных институтов, включая образование, обеспечивающее потребности общества в наращивании интеллектуального потенциала. «Эпоха цифровых технологий, – замечают сегодня специалисты, – неумолимо трансформирует все сферы нашей жизни, и образование – не исключение. Ещё десяток лет назад аудитории были заставлены партами, а знания передавались преимущественно очно. Сегодня же на смену мелу и доске приходят интерактивные панели, а вместо объёмных конспектов – облачные хранилища и онлайн-курсы. Что это значит для... образования? Станет ли оно доступнее, эффективнее, или же мы потеряем что-то важное в погоне за прогрессом?»¹. Эти и другие вопросы, связанные с внедрением в образовательный процесс цифровых практик, цифровых инструментов и цифрового контента, сегодня находятся среди самых актуальных и наиболее обсуждаемых в контексте перспектив, открывающих новые пути динамического развития, и рисков (когнитивных, социальных, культурных, психологических, технологических), оказывающих деструктивное влияние не только на качество образования и формирование профессиональных компетенций, но и на личность человека, его интеллектуальные и нравственные ресурсы, культурный и коммуникативный опыт.

Амбивалентность эффектов, производимых цифровыми технологиями, очевидна: они создают уникальные возможности для персонализации образовательной траектории,

¹ Лапатская С. 2025. Будущее образования: перспективы и риски цифровой эпохи. Рост.медиа, 22.10.2025. URL: <https://rost.media/public/obrazovanie-buduschego-perspektivy-i-riski-tsifrovoy-epokhi> (дата обращения: 11.05.2026).

производства и распространения учебного контента на основе различных медийных ресурсов; расширяют использование гибридных моделей обучения, объединяющих в едином учебном процессе традиционные и сетевые форматы; образуют виртуально-информационную среду, повышающую уровень вовлеченности в образовательный процесс и академический диалог обучающегося и преподавателя через инновационные инструменты (почтовые сервисы; паблики и чаты, посредством которых осуществляется мгновенный обмен разноформатным контентом и онлайн-обсуждение актуальных вопросов; вебинары, позволяющие вести обучение в режиме реального времени и живого диалога; блоги, которые создают условия для репрезентации результатов творческой, поисковой деятельности обучающихся и преподавателя с использованием разных техник – слова, изображения, звука или их сочетаний; обмена комментариями). Согласимся с мнением А.С. Машановой о том, что в цифровых реалиях современности «главный вопрос, который... волнует, – это сохранение человеческого фактора. Образование – это не только передача знаний, но и формирование личности, развитие ценностей, умение строить межличностные отношения»¹.

В условиях форсированного и не всегда, заметим, системно контролируемого внедрения в образовательный процесс цифровых технологий особенно актуальным становится изучение их влияния на эффективность процесса обучения и на культуру учебно-академического общения.

Вопросы о том, как в условиях стремительной социальной динамики сделать диалог более продуктивным, как избежать недопонимания и проблемного коммуникативного взаимодействия, постоянно находятся в поле зрения исследователей [Веселов, 1993; Полонский, 2000; Формановская, 2010, 2011; Глушкова, 2012, 2014; Марьева, 2016; Diasamidze, 2025]. Проблематика академического общения в аспекте его культуры, норм, традиций и современных практик, в том числе в контекстах цифровой среды и e-mail-коммуникации, также была в поле зрения как общественности, небезразличной к вопросам цифрового поведения и цифровой этики, так и научного сообщества, нацеленного на осмысление культуры цифрового общения как свода норм и правил, помогающих эффективно, без интеллектуальных и нравственных потерь осуществлять социальное взаимодействие посредством сетевых ресурсов. Одной из первых публикаций, в которой были сформулированы нормы вежливости, стала работа В. Ши «Нетикет» [Shea, 1994]. В последние годы тема культуры академического общения в цифровой среде, его ограничений и пределов свобод, этичности и экологичности широко изучается в рамках медиалингвистики, интернет-лингвистики, социологии и психологии сетевого общения, сетевой педагогики и медиалогики [Камуз, 2008; Король, 2011; Nia, Marandi, 2014; Ивлева, 2018; Жуков, 2019; Мурзина, Позняков 2018; Полонский, Глушкова, 2019; McCulloch 2019; Стернин, Стернина, 2021; Король, Воротницкий, 2022; Невежина, 2022; Cebollero-Salinas et al., 2022; Дускаева, 2023; Рябова, 2023; Бочарова, Шнайтер, 2025; Кожухова, 2025; Мельникова, 2025; Насырова, 2025].

Культура академического взаимодействия, умение адекватно дифференцировать ситуации общения, относиться с уважением и к себе, и к собеседнику, учитывая статус участников коммуникации, формируются в стенах учебного заведения: на аудиторных занятиях, внеаудиторных мероприятиях, а также в процессе сетевого взаимодействия, поэтому формат общения «студент – преподаватель» требует особого внимания. Нельзя не признать, что «мы все разные, и требования тоже разные. Проблема в том, что у студента одновременно множество преподавателей и, соответственно, много разных условий коммуникаций. Должны быть единые рамочные требования... Ключевые принципы академической коммуникации даже в условиях цифровизации остаются неизменными. Но

¹ Лапатская С. 2025. Будущее образования: перспективы и риски цифровой эпохи. Рост.медиа, 22.10.2025. URL: <https://rost.media/public/obrazovanie-buduschego-perspektivy-i-riski-tsifrovoy-epokhi> (дата обращения: 11.05.2026).

участникам образовательного процесса важно учитывать индивидуальные особенности друг друга и стремиться к взаимопониманию»¹. Как подчеркивают специалисты, «студенты и преподаватели – союзники в борьбе за качественное образование, но из-за поколенческого разрыва они часто оказываются по разные стороны баррикад. Трудностей добавляет и цифровизация, которая трансформировала культуру академической коммуникации»².

Обобщая существующие подходы к изучению образования и его современной цифровой экосистемы, включающей технологическую инфраструктуру, сервисы и цифровой контент, а также участников образовательного процесса – обучающихся, преподавателей, администрацию, родителей, А.Д. Король отмечает, что «цифровые технологии следует рассматривать как средство, вторичное по отношению к смыслам и целям образования. Эти технологии эффективны, когда применяются для наполнения образования новым содержанием, для применения новых форм и методов обучения, развивающих творческий потенциал и креативные способности учащегося <...> учреждения образования столкнулись с проблемой быстрого перехода от традиционных моделей работы к широкомасштабному использованию "бесконтактных" технологий. Такой переход должен был обеспечить минимизацию личных контактов при безусловном сохранении качества учебного процесса» [Король, Воротницкий, 2022, с. 53–54].

Исследователи [Камуз, 2008; Глушкова, 2014; Невежина, 2022] подчеркивают, что сформированная у обучающегося коммуникативная модель взаимодействия с преподавателем, как правило, проецируется в дальнейшем на модель коммуникации «работник – работодатель». При этом она не всегда соответствует ожиданиям работодателя, который заинтересован в том, чтобы молодой специалист владел метапрофессиональными, или «мягкими», навыками (soft skills), к которым относится и способность к продуктивному общению. Заметим, что сегодня тема цифрового взаимодействия во всех сферах социальной жизни популяризируется также экспертами [Лукинова, 2020] и представителями медиа в формате открытых площадок, блогов или подкастов (см., например: «Южный Федеральный университет (ЮФУ)»³). При такой широкой палитре исследовательских работ, научных и общественных дискуссий рассматриваемая проблематика, однако, не теряет своей актуальности, поскольку цифровая культура и практика информационного взаимодействия в условиях цифровой среды отличаются повышенной динамикой, отражая перемены как технологические, так и социальные, что обуславливает необходимость постоянного изучения всех аспектов онлайн-взаимодействия обучающегося и преподавателя.

Цель исследования – выявить основные тенденции современной практики электронной переписки между студентами и преподавателями с точки зрения принятых в образовательной среде этикетных норм и культурных традиций.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили электронные письма, отправленные обучающимися вузов (разных этапов обучения, специальностей и направлений подготовки) преподавателям по корпоративной электронной почте. В совокупности было изучено 1 566 почтовых отправок за период 2024–2026 гг., полученных методом сплошной выборки.

¹ Пучнина Е.В. 2024. Давайте выстраивать коммуникацию со студентами по-другому: как сильно изменилась этика академического общения? Юрайт, 22.07.2024. URL: <https://www.urait.ru/news/3261> (дата обращения: 11.05.2026).

² Пучнина Е.В. 2024. Давайте выстраивать коммуникацию со студентами по-другому: как сильно изменилась этика академического общения? Юрайт, 22.07.2024. URL: <https://www.urait.ru/news/3261> (дата обращения: 11.05.2026).

³ Точка зрения: что такое цифровой этикет и как вести себя в сети. 2021. Южный Федеральный университет (ЮФУ), 01.04.2021. URL: https://vk.com/@sfedu_official-tochka-zreniya-cto-takoe-cifrovoy-etiket-i-kak-vesti-sebya (дата обращения: 16.07.2026).

В исследовании применялись, помимо общенаучных методов, такие инструменты, как (1) метод включенного наблюдения, позволивший собрать необходимые данные в процессе учебного диалогового взаимодействия в качестве преподавателя, выявить мотивации академической активности обучающихся с учетом как их образовательных потребностей, решаемых ими задач и включенности в учебный процесс, так и их общей культуры и настроенности на продуктивное, нормативно-профессиональное общение; (2) функционально-прагматический анализ, который обеспечил возможность, с одной стороны, проанализировать элементы сообщения с точки зрения их целевой предназначенности и обусловленности обстоятельствами актуального информационного взаимодействия, а с другой – оценить степень полноты содержащейся в сообщении информации, полезность данных и эффективность использованных средств выражения; (3) нормативно-стилистический анализ, благодаря которому было определено, насколько языковое оформление письменного сообщения и его коммуникативно-стилевой дизайн соответствуют специфике, стандартам и требованиям академического диалога в формате «студент – преподаватель».

Результаты исследования и их обсуждение

Взаимодействие обучающегося и преподавателя в цифровой образовательной среде осуществляется разными способами – в формате конференции (онлайн-лекции, практического занятия, консультации) или групповых чатов, электронной почты и др. Однако в эпоху, когда цифровая среда (совокупность технологий, инструментов и контента) включает все культурные и коммуникативные контексты жизни и деятельности человека, опорным элементом социально-информационного взаимодействия во всех сферах жизни и деятельности общества становится именно письменное общение. В условиях «принуждения к цифре», формируемых новыми технологиями, особую значимость в контексте эффективного социально-информационного взаимодействия получает, с одной стороны, *принцип безотлагательности*, в соответствии с которым письменное сообщение должно быть подготовлено, отправлено, принято (прочитано) и на него получен ответ в самый короткий срок, а с другой – *принцип экономии времени*, требующий «лаконизации» [Умнова, 2014] высказывания, его максимального «сжатия», исключения элементов, увеличивающих время на его производство и рецепцию.

Одним из важнейших каналов, обеспечивающих в академической среде обмен информацией (запросами на получение сведений или их уточнение, дидактическими материалами, результатами учебной работы, уведомлениями, касающимися организации учебного процесса и т. п.), является корпоративная электронная почта, сохраняющая статус официального средства коммуникативного взаимодействия и используемая для решения учебных задач как преподавателями, так и обучающимися. «Сегодня обмен сообщениями электронной почты стал основным средством обмена информацией и документами... Корпоративная почта в высшем учебном заведении – это высокая эффективность работы, безопасность, возможность использования корпоративных стандартов и общей адресной книги, единых правил сортировки почты и настройки, возможность организации групповых оповещений, собраний и т. д., возможность хранения почты на сервере, а не на локальных компьютерах, возможность получения почты на мобильных устройствах, возможность оперативного подключения к системе новых пользователей, быстрое получение и настройка пользователем почты на другом рабочем месте» [Квашнин, Русинов, 2009, с. 107].

Использование корпоративной почты регламентируется внутренними документами учебного заведения; среди стандартных требований – запрет на использование в личных целях, обязательный ежедневный контроль поступления новых сообщений, проверка наличия и корректности темы, соответствия текста сообщения нормам академического общения и корпоративной культуры, а также наличия необходимых вложений. Диалог,

осуществляемый посредством корпоративной почты между обучающимся и преподавателем, оформляется в ряд важных результатов, имеющих значение как в профессионально-познавательной сфере, так и в личностном отношении.

В этом контексте особенно значимыми среди «мягких» навыков являются навыки грамотного коммуникативного взаимодействия. При этом развитие «мягких» навыков неизбежно предполагает повышение культуры общения в целом и в частности культуры электронного общения. Исследователи формулируют вопрос: «...в какой степени культура коммуникации преподавателя и студента в вузе формирует коммуникативные навыки студента, необходимые ему для успешной адаптации на современном динамично меняющемся рынке труда» [Чевтаева и др., 2020, с. 35]. Письменная форма коммуникации является индикатором культуры общения и не только профессионального, но и личностного развития студента.

Особую роль в рамках учебного взаимодействия студента с преподавателем посредством письменных сообщений играет их информационная насыщенность, логичность, нейтральность стиля и правила этикета, которые культурная традиция предписывает обязательно исполнять, однако, как отмечают исследователи, «формат динамичного, почти синхронного цифрового общения приводит к противоположной тенденции – экономии языковых средств» [Ефремов, Лукинова, 2024, с. 333].

Как показало проведенное исследование, студенты, несмотря на то, что разные аспекты грамотной коммуникации изучаются в ряде вузовских дисциплин («Культура речи», «Этика делового общения», «Профессиональная этика», «Культура делового общения» и др.), не всегда осознают, что соблюдение норм и правил делового этикета является не только проявлением требуемого к участнику коммуникации уважения и демонстрацией того, что человек разделяет ценности данного сообщества, но и обеспечивает эффективность решения стоящих задач. Лишь незначительная часть писем (53 письма – 3,4 % от общего количества проанализированных писем) соответствует требованиям культуры академического общения в условиях цифровой коммуникации: они написаны в академическом стиле, в вежливой, нейтральной тональности, с соблюдением правил использования языковых средств, содержат необходимые сведения, которые позволяют полностью понять ситуацию и принять верное решение, а также включают такие компоненты, как тема сообщения, уместная формула приветствия и персонализированное обращение, представление отправителя с указанием его имени, фамилии и статуса, формулы вежливости (*спасибо, пожалуйста, извините, с уважением*) и подпись.

Например:

«Тема: Загрузка домашнего задания

Здравствуйте, уважаем(ый/ая) <имя и отчество>! Простите, пожалуйста, не рассчитала время с последним практическим заданием. Загрузка недоступна, но надеюсь, что еще не поздно отправить. Спасибо.

<имя и фамилия>, ... курс, группа...»¹;

«Тема: Домашнее задание

Добрый день, <имя и отчество>! Вас беспокоит <имя и фамилия>, студентка группы... Скажите, пожалуйста, задания, выполненные неправильно, нужно переделать?

Заранее благодарю за ответ.

С уважением,

<имя и фамилия>».

В большинстве писем (96,6 %), однако, присутствуют разного рода отступления от требований академического общения. Выделим следующие наиболее частотные проблемы. Это прежде всего отсутствие в студенческих письмах информации, необходимой для принятия решений:

¹ Во всех приводимых фрагментах писем сохраняется авторская стилистика, орфография и пунктуация.

– **отсутствие темы сообщения** или некорректная ее формулировка:

«<имя и отчество>, здравствуйте. Прошу прощения, что беспокою в нерабочее время, и так поздно. Прошу вас открыть дополнительные задания для меня (<фамилия и имя> из группы...). Пойму, если вы этого не сделаете, так как время позднее, но надеюсь, что пойдете навстречу. Все-таки студенты звери ночные»;

«Пара»;

«выполнил»;

«По родной литературе»;

– **отсутствие необходимых сведений об авторе письма:** в 51 % писем из сформированной выборки студент указывает только свою фамилию или только номер группы, что не позволяет дать полный и адресный ответ на его запрос:

«Может быть я в системе <фамилия>. Но фамилию я меняла еще на бакалавре»;

«Здравствуйте. Откройте мне, пожалуйста, тест. Я из группы... »;

– **отсутствие названия академической дисциплины**, с которой связан запрос в письме (38 %), что делает невозможным ответ по существу:

«Добрый день, я недавно перевёлся в ваше учебное заведение и мне необходимо получить задания для закрытия вашей дисциплины»;

«Добрый вечер! У меня есть хвосты по зачетам, подскажите, как мне их закрыть, что нужно сделать? Отправьте, пожалуйста, задания».

В 12 % присылаемых преподавателю писем студентов **отсутствует текст сообщения**, который должен сопровождать прикрепленный файл (как известно, отправка файла без сопроводительного комментария в деловой переписке воспринимается как проявление равнодушия и неуважительного отношения к собеседнику).

Среди нарушений этикетных требований отметим также следующие:

– **отсутствие приветствия** (58 % писем):

«<имя и фамилия>, как я могу сдать зачет?»;

– **использование стилистически сниженного** (разговорного) **приветствия** (8 %) *«Доброго времени суток!»* (популярное сегодня сетевое приветствие, которое, однако, не рекомендуется использовать в деловом стиле):

«<имя и отчество>, доброго времени суток. Я выполнил задание».

– **отсутствие персонализированного обращения** (87 %):

«Здраствуйте, это нужно сделать чтобы получить аттестацию?»;

– **отсутствие и приветствия, и обращения** (64 %):

«Хвостову скоро принесу»;

«Все, получилось, решила. А можно тест пожалуйста пройти?»;

– **отсутствие формул вежливости** (спасибо, пожалуйста, извините, с уважением):

«Добрый день! И что мне с этим делать, уточните в деканате, я учусь в группе ...»;

«Я отношусь к остальным :) А когда можно будет попробовать пройти тест? Когда Вы его откроете?»;

– **отсутствие подписи** (79 %):

«<имя и отчество>, продублирую написанные конспекты и презентацию Вам на почту»;

«Вам его прикрепить куда-нибудь или прислать? Тема довольно слабенькая, больше подходит для доклада на 1–3 страницы (хотя его я и должен был сдать, прошу простить заранее), поэтому по объему особо удивить не получилось, но постарался хоть какую-то мысль развить».

– **немотивированное нанизывание знаков препинания**, а также **неуместное использование визуальных элементов** (36 %), то есть тех средств, которые воспринимаются как нарушение субординации, сокращение дистанции, недопустимое повышение тона, психологического давление или даже как эмоциональная агрессия:

«<имя и отчество>, добрый день :) Нас просят сдать автореферат 4 числа. Что делать?!!!»;

«Доброе утро. Сегодня можете открыть тест???».

В студенческих письмах нередко нарушаются нормы академического письма. В некоторых из них (44 %) **полностью игнорируются требования к оформлению текста**, включая соблюдение стилистических и языковых норм (лексических, грамматических, орфографических и пунктуационных):

«Добрый вечер, такой вопросик вы скидывали домашнюю работу по культуре речи... ее нужно делать или нет? там просто дата окончания уже просрочена и если да то скидывать ее сюда же или куда то?»;

«Здравствуйте система не даёт отправить вам задания, можно вашу почту можно ли взять тему эмоциональный контакт»;

«Здравствуйте, извините меня пожалуйста что я не каректно написала вам пришедшее сообщения»;

Неуместное использование разговорных слов и выражений, а также молодежного сленга (40 %) – широко распространенная практика в сетевой переписке студента:

*«<имя и отчество>, добрый день! Вас беспокоит <имя и фамилия>, группа.... Я вам говорил, что **скину** презентацию и план нашего выступления, но, к сожалению, презентацию я показать не смогу... За визуальную составляющую не переживайте: презентация будет красивой и информативной. Ниже прикреплю версию нашего сценария, но мы пока что ее еще дорабатываем, В понедельник **все будет в лучшем виде!***

С уважением <имя и фамилия>;

*«Хочу **сдать хвост** по дисциплине "Технологии деловых и межкультурных коммуникаций", что нужно подготовить и будет ли у Вас возможность принять хвост онлайн?»;*

*«Прошу Вас **сбросить** учебные материалы;*

*«Я пробовала **скинуть** через себя и через одногруппницу, файл не грузился, скидываются только письменные сообщения, я **скинула** на указанную вами почту»;*

*«Добрый день, пишу вам по поводу своего **хвоста**, как можно будет закрыть? У меня вел <фамилия>, но так как он ушел сказали закрывать у вас **хвосты**»;*

*«Добрый день, у меня сейчас **прямо** перед сдачей диплома **нарисовалась академ разница** по родной литературе; сегодня-завтра будет возможность пройти тест, сможете открыть?».*

В студенческих письмах нередко случаи (77 %) нарушения языковых норм, отклонение от принятых в литературном языке правил письменной речи, включающее лексические, грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки:

– **лексические ошибки:**

*«За какой **период времени** есть возможность подготовить задание?»;*

*«Вчера я **подгрузил** файл»;*

– **грамматические ошибки:**

*«Реферат не выполнял, **не знал за него**»;*

– **орфографические ошибки:** «здрaствуйтe»; «имидж**и**ология», «дисц**е**плина», «одногрупп**н**ица», «провер**т**и» (вместо «провер**ь**те»); «да**й**ти» (вместо «да**й**те»); «из за»; «если **сто**ит беспоко**и**т**с**я...».

Особо отметим устойчивое в студенческих сообщениях написание со строчной буквы местоимений *Вы* и *Ваши* как форм вежливого обращения к преподавателю:

*«Здравствуйте, **вы** говорили написать **вам** после праздников»;*

*«Здравствуйте, **вы** поставили мне зачет?»;*

*«Можно пожалуйста сдать **вам** зачет заочно?»;*

*«Можно будет как-то сдать **вам**, реферат или может еще что-то? просто нахожусь вне города»;*

*«Здравствуйте, добрый вечер, что я должен сделать для **вашей** дисциплины, я жду **вашего** ответа».*

Особенно частотны (72 %) в студенческих письмах **пунктуационные ошибки**:

«Здравствуйте, откройте тест, пожалуйста. я готова, по идее»;

«может быть это сбой в системе?»;

«День добрый не могу прикрепить ответ на задание».

Обратим также внимание на то, что слово «*пожалуйста*» более чем в 50 % студенческих сообщений не обособляется запятыми:

«Здравствуйте, подскажите пожалуйста что надо сделать чтобы сдать?»;

«Здравствуйте, <имя и отчество>. К лекции... нет файла. Скиньте пожалуйста сюда файл или прикрепите в пегас. Очень жду от вас ответа».

Таким образом, электронное письмо обучающегося преподавателю в рамках академического общения отражает уровень владения студентом коммуникативными и языковыми компетенциями, понимания им контекста, умения адаптироваться к коммуникативным реалиям цифровой среды.

Цифровые технологии оказывают влияние на академическое общение, создавая риски, связанные с неуместным расширением неформального типа общения и, как следствие, со снижением внимания к нормам и правилам общения, что со временем может закрепляться и понижать общий уровень грамотности, а также культуры академического и профессионального взаимодействия.

Заключение

В процессе исследования были выявлены следующие тенденции современной практики электронной переписки: отсутствие темы сообщения (или некорректная ее формулировка), необходимых сведений об авторе письма, названия академической дисциплины, приветствия, персонализированного обращения, подписи; использование стилистически сниженного (разговорного) приветствия, немотивированное нанизывание знаков препинания, неуместное использование визуальных элементов, несоблюдение стилистических и языковых норм (лексических, грамматических, орфографических и пунктуационных).

Результаты исследования свидетельствуют о несформированности у обучающихся навыков учебно-академического и профессионального общения, недостаточном внимании в процессе обучения к вопросам культуры письменной электронной коммуникации, включающей владение как языковыми и стилистическими нормами, так и знание делового этикета, принципов экологичного общения в цифровой среде. В результате молодой специалист часто бывает не готов к ведению продуктивного диалога, соответствующему культурной традиции статусно-ролевому поведению, субординационным отношениям.

Культура академического взаимодействия – это важный этап в профессиональной подготовке обучающегося, залог его будущих успехов как специалиста, поэтому эта проблематика требует самого пристального внимания. В процессе обучения необходимо закреплять образцы грамотного, профессионального, экологичного коммуникативного поведения, нормы академической переписки и рассматривать как неприемлемое несоблюдение стандартов учебно-академической коммуникации.

Список литературы

- Бочарова О.Е., Шнайтер С.А. 2025. Интернет-коммуникация как фактор формирования речевой культуры студенческой молодежи: оценка преподавателей и студентов. *Социология*, 10: 123–127.
- Веселов П.В. 1993. Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки. Москва, Информационно-внедренческий центр "Маркетинг", 78 с.
- Глушкова В.Г. 2012. Профессиональная этика и культура делового общения. Белгород, Белгородский университет кооперации, экономики и права, 220 с.
- Глушкова В.Г. 2014. Особенности коммуникации в учебном процессе. В кн.: Педагогические технологии в современном образовании. Материалы международной научно-практической

- конференции «Педагогические и инновационные технологии в современном образовании» и международной научно-методической конференции «Методические практики и инновации в педагогическом процессе» профессорско-преподавательского состава и аспирантов (Белгород, 08 апреля 2014 г.). Белгород, Белгородский университет кооперации, экономики и права: 164–172.
- Дускаева Л.Р. 2023. Экоречеведческие вопросы в медиалингвистике. В кн.: Актуальные проблемы медиаисследований – 2023. Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции НАММИ (Москва, 08 декабря 2023 г.). Под ред. Е.Л. Вартановой Москва, Факультет журналистики Московского государственного университета: 45–46.
- Ефремов В.А., Лукинова О.В. 2024. Этикет русской электронной деловой переписки: влияние интернет-коммуникации. *Русистика*, 22(3): 333–349. DOI [10.22363/2618-8163-2024-22-3-333-349](https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-333-349)
- Жуков Н.В. 2019. Становление отношений «преподаватель – студент» как фактор формирования конкурентоспособности вуза в эпоху цифровизации. *Молодой учёный*, 48(286): 365–367.
- Ивлева М.И. 2018. Социально-коммуникативное пространство и экология коммуникации. *Социально-гуманитарные знания*, 2: 230–235.
- Камуз В.В. 2008. Развитие культуры речи студентов в процессе профессиональной подготовки (на примере сельскохозяйственного вуза). Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Самара, 20 с.
- Квашнин П.И., Русинов А.С. 2009. Корпоративная почта как компонент информатизации вуза. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования*, 3: 107–110.
- Кожухова И.В. 2025. Академический цифровой этикет: обзор русскоязычных исследований. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 3(57): 50–59. DOI: [10.47475/2070-0695-2025-57-3-50-59](https://doi.org/10.47475/2070-0695-2025-57-3-50-59)
- Король А.Д. 2011. Человеческообразность сетевой педагогики: дидактический аспект. *Вестник Института образования человека*, 1: 8.
- Король А.Д., Воротницкий Ю.И. 2022. Цифровая трансформация образования и вызовы XXI века. *Высшее образование в России*, 31(6): 48–61. DOI: [10.31992/0869-3617-2022-31-6-48-61](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-6-48-61)
- Лукинова О.В. 2020. Цифровой этикет: как не бесить друг друга в интернете. Москва, Эксмо, Бомбора, 229 с.
- Марьева М.В. 2016. Современное деловое письмо: границы свободы. *Русская речь*, 1: 69–75.
- Мельникова А.К. 2025. Стили общения преподавателей и студентов. *Молодой ученый*, 48(599): 496–499.
- Мурзина Ю.С., Позняков В.П. 2018. Цифровое поведение и личностные особенности интернет-пользователей. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 3(3(11)): 6–21.
- Насырова А.Р. 2025. Стили педагогического общения: их плюсы и минусы. В кн.: Современные проблемы науки, общества и образования. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции (Пенза, 20 июня 2025 г.). Под ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза, Наука и Просвещение: 190–194.
- Невежина С.Б. 2022. К вопросу о культуре обратной связи во взаимодействии преподавателя и студентов. В кн.: Горизонты образования. Материалы III Международной научно-практической конференции (Омск, 21 апреля 2022 г.). Под ред. Н. В. Чекалевой. Омск, Издательство Омского государственного педагогического университета: 450–453.
- Полонский А.В. 2000. Категориальная и функциональная сущность адресатности (на материале русского языка в сопоставлении с польским). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Орел, 40 с.
- Полонский А.В., Глушкова В.Г. 2019. Запросы общества в образовании: профессионально-педагогическая культура преподавателя современного российского вуза. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 4(38): 629–638. DOI: [10.18413/2075-4574-2019-38-4-629-638](https://doi.org/10.18413/2075-4574-2019-38-4-629-638)
- Рябова М.Ю. 2023. Особенности этикета виртуальной коммуникации. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*, 2(4(8)): 239–245. DOI: [10.21603/2782-4799-2023-2-4-239-245](https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-239-245)
- Стернин И.А., Стернина М.А. 2021. Дистант и проблемы коммуникации в вузе. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования*, 2: 86–90.
- Умнова И.В. 2014. Лаконизация как современная коммуникативная тенденция. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 2: 76–78.
- Формановская Н.И. 2010. Культура общения и речевого поведения. Москва, Икар, 237 с.

- Формановская Н.И. 2011. Коммуникативный контакт и его проявления. *Русский язык за рубежом*, 1(224): 51–57.
- Чевтаева Н.Г., Никитина А.С., Вишневская А.В. 2020. Культура коммуникации преподавателя и студента как матрица формирования «soft skills» выпускника. *Высшее образование в России*, 29(12): 33–44. DOI: [10.31992/0869-3617-2020-29-12-33-44](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-12-33-44)
- Cebollero-Salinas A., Cano-Escoriaza J., Orejudo S. 2022. Impact of Online Emotions and Netiquette on Phubbing from a Gender Perspective: Educational Challenges. *Journal of New Approaches in Educational Research*, 11(1): 64–78. DOI: [10.7821/naer.2022.1.848](https://doi.org/10.7821/naer.2022.1.848)
- Diasamidze T. 2025. Business communication as a formula for effective communication. *Innovative economics and management*, 12(2): 111–116.
- McCulloch G. 2019. *Because Internet: understanding how language is changing*, London, Harvill Secker, 336 p.
- Nia F.S., Marandi S.S. 2014. Digital literacy and netiquette: Awareness and perception in EFL learning context. In: CALL Design: Principles and Practice. Proceedings of the 2014 EUROCALL Conference, Groningen, The Netherlands. Eds. S. Jager, L. Bradley, E.J. Meima, S. Thouësny. Dublin, Research-publishing.net: 77–82. DOI: [10.14705/rpnet.2014.000198](https://doi.org/10.14705/rpnet.2014.000198)
- Shea V. 1994. *Netiquette*. San Francisco, CA Albion Books, 154 p.

References

- Bocharova O.E., Shnayter S.A. 2025. Online Communication as a Factor in the Formation of Student Speech Culture: An Assessment by Teachers and Students. *Sotsiologiya*, 10: 123–127.
- Veselov P.V. 1993. *Aksiomy delovogo pis'ma: kul'tura delovogo obshcheniya i ofitsial'noi perepiski* [Axioms of business writing: the culture of business communication and official correspondence]. Moscow, Publ. Informatsionno-vnedrencheskii tsentr "Marketing", 78 p.
- Glushkova V.G. 2012. *Professional'naya ehtika i kul'tura delovogo obshcheniya* [Professional Ethics and Culture of Business Communication]. Belgorod, Publ. Belgorodskii universitet kooperatsii, ehkonomiki i prava, 220 p.
- Glushkova V.G. 2014. Osobennosti kommunikatsii v uchebnom protsesse [Features of communication in the educational process]. In: *Pedagogicheskie tekhnologii v sovremennom obrazovanii* [Pedagogical technologies in modern education]. Proceedings of the international scientific and practical conference «Pedagogicheskie i innovatsionnye tekhnologii v sovremennom obrazovanii» [Pedagogical and innovative technologies in modern education] and the international scientific and methodological conference «Metodicheskie praktiki i innovatsii v pedagogicheskom protsesse» [Methodological practices and innovations in the pedagogical process] of the faculty and postgraduate students (Belgorod, April 8, 2014). Belgorod, Publ. Belgorodskii universitet kooperatsii, ehkonomiki i prava: 164–172.
- Duskaeva L.R. 2023. *Ehkorechevedcheskie voprosy v medialingvistike* [Ecological linguistic issues in media linguistics]. In: *Aktual'nye problemy mediaissledovaniia – 2023* [Actual problems of media studies – 2023]. Collection of materials of the XIII International scientific and practical conference NAMMI (Moscow, December 8, 2023). Ed. E.L. Vartanova. Moscow, Publ. Fakul'tet zhurnalistiki Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta: 45–46.
- Efremov V.A., Lukinova O.V. 2024. Digital business etiquette: the influence of Internet communication. *Russian Language Studies*, 22(3): 333–349 (in Russian). DOI: [10.22363/2618-8163-2024-22-3-333-349](https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-333-349)
- Zhukov N.V. 2019. The formation of the relationship “teacher — student” as a factor in the formation of competitiveness of the university in the digital era. *Young Scientist*, 48(286): 365–367.
- Ivleva M.I. 2018. Socio-communicative space and communication ecology. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2: 230–235.
- Kamuz V.V. 2008. *Razvitie kul'tury rechi studentov v protsesse professional'noi podgotovki (na primere sel'skokhozyaistvennogo vuza)* [Development of students' speech culture in the process of professional training (using an agricultural university as an example)]. Abstract ... Cand. Pedagog. Sciences. Samara, 20 p.
- Kvashnin P.I., Rusinov A.S. 2009. Corporate Email as the Component of Information of High School. *RUDN Journal of Informatization in Education*, 3: 107–110 (in Russian).
- Kozhukhova I.V. 2025. Academic digital etiquette: A review of Russian-language studies. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia*, 3(57): 50–59 (in Russian). DOI: [10.47475/2070-0695-2025-57-3-50-59](https://doi.org/10.47475/2070-0695-2025-57-3-50-59)

- Korol' A.D. 2011. Chelovekosoobraznost' setevoi pedagogiki: didakticheskii aspekt [Human-conformity of network pedagogy: didactic aspect]. *Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka*, 1: 8.
- Korol A.D., Vorotnitskiy Yu.I. 2022. Digital Transformation of Education and Challenges of the 21st Century. *Higher Education in Russia*, 31(6): 48–61 (in Russian). DOI: [10.31992/0869-3617-2022-31-6-48-61](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-6-48-61)
- Lukina O.V. 2020. Tsifrovoy etiket: kak ne besit' drug druga v internete [Digital Etiquette: How to Avoid Annoying Each Other Online]. Moscow, Publ. Ehksmo, Bombora, 229 p.
- Mar'yeva M.V. 2016. Sovremennoye delovoye pis'mo: granitsy svobody [Modern Business Letter: The Boundaries of Freedom]. *Russian speech*, 1: 69–75.
- Mel'nikova A.K. 2025. Stili obshcheniya prepodavateley i studentov [Communication Styles of Teachers and Students]. *Young Scientist*, 48 (599): 496–499.
- Murzina Yu.S., Poznyakov V.P. 2018. Studies of Relationship Between Digital Behavior and Personal Characteristics of Internet Users. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 3(3(11)): 6–21 (in Russian).
- Nasyrova A.R. 2025. Styles of pedagogical communication: their pros and cons. In: *Sovremennye problemy nauki, obshchestva i obrazovaniya* [Contemporary Problems of Science, Society, and Education.]. Collection of Articles from the VIII International Scientific and Practical Conference (Penza, June 20, 2025). Ed. G.Yu. Gulyaev. Penza, Publ. Nauka i Prosveshchenie: 190–194.
- Nevezhina S.B. 2022. K voprosu o kul'ture obratnoi svyazi vo vzaimodeistvii prepodavatelya i studentov [On the Culture of Feedback in the Interaction between Teachers and Students]. In: *Gorizonty obrazovaniya* [Education Horizons]. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (Omsk, April 21, 2022). Ed. N.V. Chekaleva. Omsk, Publ. Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: 450–453.
- Polonskii A.V. 2000. Kategorial'naya i funktsional'naya sushchnost' adresatnosti (na materiale russkogo yazyka v sopostavlenii s pol'skim) [Categorical and functional essence of addressee-ship (based on the Russian language in comparison with Polish)]. Abstract dis.. Doct. Philol. Sciences. Orel, 40 p.
- Polonskiy A.V., Glushkova V.G. 2019. Society Requests in Education: Teacher's Professional Pedagogical Culture of the Modern Russian Institution of Higher Education. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 4(38): 629–638 (in Russian). DOI: [10.18413/2075-4574-2019-38-4-629-638](https://doi.org/10.18413/2075-4574-2019-38-4-629-638)
- Ryabova M.Yu. 2023. Virtual Communication Etiquette and Its Features. *Virtual Communication and Social Networks*, 2(4(8)): 239–245 (in Russian). DOI: [10.21603/2782-4799-2023-2-4-239-245](https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-239-245)
- Sternin I.A., Sternina M.A. 2021. Distance and Problems of Communication at the University. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*, 2: 86–90 (in Russian).
- Umnova I.V. 2014. Laconisation as a Contemporary Communicative Tendency. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2: 76–78 (in Russian).
- Formanovskaya N.I. 2010. Kul'tura obshcheniya i rechevogo povedeniya [Culture of Communication and Speech Behavior]. Moscow, Publ. IKAR, 237 p.
- Formanovskaya N.I. 2011. Contact and Its Manifestations. *Russkii yazyk za rubezhom*, 1(224): 51–57.
- Chevtayeva N.G., Nikitina A.S., Vishnevskaya A.V. 2020. Communication Culture as a Matrix for Graduate's "Soft Skills" Development. *Higher Education in Russia*, 29(12): 33–44 (in Russian). DOI: [10.31992/0869-3617-2020-29-12-33-44](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-12-33-44)
- Cebollero-Salinas A., Cano-Escoriaza J., Orejudo S. 2022. Impact of Online Emotions and Netiquette on Phubbing from a Gender Perspective: Educational Challenges. *Journal of New Approaches in Educational Research*, 11(1): 64–78. DOI: [10.7821/naer.2022.1.848](https://doi.org/10.7821/naer.2022.1.848)
- Diasamidze T. 2025. Business communication as a formula for effective communication. *Innovative economics and management*, 12(2): 111–116.
- McCulloch G. 2019. Because Internet: understanding how language is changing, London, Harvill Secker, 336 p.
- Nia F.S., Marandi S.S. 2014. Digital literacy and netiquette: Awareness and perception in EFL learning context. In: *CALL Design: Principles and Practice*. Proceedings of the 2014 EUROCALL Conference, Groningen, The Netherlands. Eds. S. Jager, L. Bradley, E.J. Meima, S. Thouéšny. Dublin, Research-publishing.net: 77–82. DOI: [10.14705/rpnet.2014.000198](https://doi.org/10.14705/rpnet.2014.000198)
- Shea V. 1994. Netiquette. San Francisco, CA Albion Books, 154 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.06.2026

Поступила после рецензирования 12.08.2026

Принята к публикации 28.08.2026

Received June 10, 2026

Revised August 12, 2026

Accepted August 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глушкова Валентина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и деловых коммуникаций, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия.

Полонский Андрей Васильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina G. Glushkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Business Communications, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia.

Andrey V. Polonskiy, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Journalism Department of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 070.1

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-428-439

EDN KJIWSR

Журнальная публицистика периода перестройки в России как социокультурный феномен

Даренский В.Ю.

Луганский государственный университет имени Владимира Даля
Луганская Народная Республика, 291034, г. Луганск, Молодёжный квартал, д. 20А

darenskiy1972@rambler.ru

Аннотация. В период перестройки жанр публицистики приобрел массовую популярность, что выразилось в миллионных тиражах журналов и массовом обсуждении их публикаций. Этот феномен несет в себе ценный исторический опыт как важнейшее культурное явление. Цель исследования – выявить механизмы воздействия журнальной публицистики периода перестройки в России на массового читателя. Результаты показали, что в перестроечный период толстые журналы выполняли функцию просвещения и стали важным фактором изменения общественного сознания благодаря стратегии не прямых действий. Именно эта роль сделала их уникальным явлением отечественной культуры, и она была утрачена в последующие десятилетия. Выделены три этапа эволюции журналов в рамках указанного периода. На первом этапе журналы оставались в рамках социалистической идеологии, но фактически подрывали её изнутри путем развития альтернативного взгляда на историю и публикации ранее запрещенных произведений. Второй этап (1989–1991 гг.) характеризуется прямым разрушением советской идеологии через публикации текстов антисоветского содержания (как отечественных, так и зарубежных). На третьем этапе (1991–1993 гг.), который еще стимулировала «инерция» перестройки, произошла резкая поляризация общественных сил и различных культурных парадигм, сохраняющаяся до настоящего времени.

Ключевые слова: публицистика, толстый журнал, перестройка, культура, общественное сознание

Для цитирования: Даренский В.Ю. 2026. Журнальная публицистика периода перестройки в России как социокультурный феномен. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 428–439. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-428-439 EDN KJIWSR

Publicism of the Perestroika Period in Russia as a Sociocultural Phenomenon

Vitaliy Yu. Darenskiy

Luhansk State University named after Vladimir Dahl
20A Molodezhny Quarter, Lugansk 291034, Lugansk People's Republic

darenskiy1972@rambler.ru

Abstract. Relevance of a study into the Perestroika-era publicism is explained by the role of mass media as a factor of change in the public consciousness. During the period under study, literary and social periodicals gained mass popularity, which was expressed in millions of copies of magazines and mass discussion of their publications. This phenomenon carries with it a valuable historical experience relevant to our time. Currently, the phenomenon of journalism of the Perestroika era has not been studied enough. The purpose of the study is to identify the mechanisms of the impact of the Russian Perestroika-era magazines on the mass reader, thereby determining their significance in this period as the most important cultural phenomenon. The problem-thematic analysis of the content of the publications made it possible

to identify the main ideological vectors of influence on the mass reader. During the Perestroika period, thick magazines served as enlightenment and became an important factor in changing public consciousness. It was this role that made them a unique phenomenon of Russian culture, and it was lost in the following decades. The identification of three stages of the evolution of thick magazines during this period made it possible to identify a strategy of indirect actions on mass consciousness. At the first stage, the magazines remained within the framework of the socialist ideology, but actually undermined it from within by developing an alternative view of history and publishing previously banned works. The second stage (1989–1991) is characterized by the direct destruction of Soviet ideology through the publication of texts with anti-Soviet content (both domestic and foreign). At the third stage (1991–1993), which was still stimulated by the “inertia” of perestroika, there was a sharp polarization of social forces and various cultural paradigms, which persists to the present day. Magazines played the most active role in this process, both expressing and creating this polarization, as they to be perceived “by inertia” as the “mouthpiece” of social ideas.

Keywords: journalism, thick magazines, perestroika, culture, public consciousness

For citation: Darenskiy V.Yu. 2026. Publicism of the Perestroika Period in Russia as a Sociocultural Phenomenon. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 428–439 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-428-439 EDN KJIWSR

Введение

Литературно-художественные журналы эпохи перестройки и первых постперестроечных лет представляют собой уникальный культурно-исторический феномен, ставший одним из важнейших факторов трансформации общественного сознания, которая происходила на фоне эпохальных исторических перемен. В качестве культурного явления журналы этой эпохи представляют собой определенную концентрацию исторической памяти и отражают изменения системы ценностей. С этой точки зрения они являются своего рода «историческим экспериментом», который продемонстрировал действенность журнального слова. Современные российские СМИ по сравнению с указанным периодом фактически перестали быть активным «инструментом» просвещения, хотя эта функция остается одной из основных. Тем самым журнальные СМИ эпохи перестройки, и особенно жанр публицистики, посвященной общественным проблемам, в настоящее время становятся историческим образцом.

Общие характеристики и закономерности эволюции журналов эпохи перестройки уже рассматривались рядом авторов, но в достаточно общей форме, не затрагивая их специфику как социокультурного явления. В частности, есть работы, анализирующие изменение риторики и стиля в журналах эпохи перестройки [Симон, 2007]; эволюцию толстого литературно-художественного журнала как социокультурного феномена [Головин, 2010]; специфику и разновидности публицистики журналов эпохи перестройки [Чечель, 2013].

Есть ряд исследований «знакового» журнала эпохи перестройки – «Огонька» [Есикова, 2011а, 2011б]. Например, статья Лю Яня «Рупор государства или четвертая власть: журналистские особенности журнала “Огонек” в Перестройке (1985–1991)» [Лю, 2022], в которой автор отмечает: «...журнал “Огонек” не только как рупор государства выражал политическое изменение, но и сам делал трансформацию в ходе перестройки с целью стимуляции радикальных изменений в социуме... демократизация и гласность способствовали появлению новых тем на страницах. Это отражает тенденцию, что журналистика перестала быть идеологической государственной машиной и постепенно превратилась в четвертую власть в ходе перестройки» [Лю, 2022, с. 98]. Соответственно, весьма быстро произошло изменение программного дискурса: «...журнал “Огонек” 1987 г. уже ознакомил читателей с положительными новостями в США, Лондоне, Западной Германии и Италии, опубликовав обложки западных журналов» [Лю, 2022, с. 98]. Однако автор не рассматривает вопрос о том, почему стал возможен такой поворот в программном дискурсе.

Журналы эпохи перестройки эволюционировали по своим собственным «законам», которые определялись не столько политикой, сколько процессами восстановления культурной традиции. Таким образом, в настоящее время роль литературно-художественных журналов рассматриваемого периода как значимых акторов перестройки массового сознания представлена в отдельных проблемных ракурсах, но работы, рассматривающие этот феномен как целостное культурно-историческое явление, практически отсутствуют.

Целью исследования является выявление механизмов воздействия журнальной публицистики периода перестройки в России на массового читателя и определение их значимости в данный период как важнейшего культурного явления.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили имевшие наибольший общественный резонанс публикации в отечественных журналах за 1986–1991 годы таких авторов, как В. Астафьев, Ю. Буртин, С. Залыгин, И. Клямкин, Д.С. Лихачев, А. Мень, А. Мигранян, А. Нуйкин, В. Селюнин, А. Солженицын, И. Шафаревич, Н. Шмелев, А. Ципко и др.

Основным методом исследования в статье является проблемно-тематический анализ содержания массива журнальной публицистики в период перестройки. Также использован метод компаративного анализа программных дискурсов журнальных изданий.

Результаты и их обсуждение

Журнальная публицистика периода перестройки в России по своему масштабу является уникальным явлением в отечественной и мировой истории СМИ. В частности, за 1985–1989 гг. тираж газеты «Аргументы и факты» вырос на 136 % и достиг 33 млн., и она попала в Книгу рекордов Гиннеса¹. Еще более впечатляющим в этот период был рост числа читателей журналов: «Новый мир» увеличил число подписчиков на 311 %, «Огонек» – на 417 %, «Знамя» – на 532 %, «Дружба народов» – на 820 %². В 1990 году тиражи наиболее популярных журналов были такими: «Работница» – 24,106 млн, «Крестьянка» – 22,18 млн, «Огонек» – 4,6 млн, «Роман-газета» – 3,36 млн, «Смена» – 3,318 млн, «Юность» – 3,1 млн, «Ровесник» – 3 млн, «Новый мир» – 2,71 млн, «Наука и жизнь» – 2,7 млн, «Студенческий меридиан» – 1,125 млн, «Аврора» – 1,09 млн, «Знамя» – 1 млн³. Как видим, толстые литературно-художественные журналы резко выросли в тиражах одновременно с журналами специализированными и общественно-публицистическими: это свидетельствует о феномене «культурного взрыва» в эпоху перестройки. Также появилось много новых периодических изданий: около 250 наименований в 1988 году, более 900 – в 1989 году, более 1600 – в 1990 году⁴. Они стали преемниками «самиздата», но теперь их издатели могли не опасаться преследований.

С теоретической точки зрения толстый журнал как особая форма печатного издания представляет собой структурированное единство с особой поэтикой целостности, поскольку, как отмечал В.Б. Смирнов, он «обладает многоуровневой текстовой структурой, полидискурсивностью... многообразием функциональных стилей» [Смирнов 2007, с. 385]. В толстых журналах реализуется поэтика «программного дискурса», то есть определенная идейная программа и, соответственно, редакционная политика издания, предполагающая воздействие на сознание аудитории. Поэтому историк «исследует произведение в

¹ «Аргументы и факты» – история бренда // <https://www.brandpedia.ru/brand-225.html>

² От цензуры и самиздата к свободе печати. 2016. Томский мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД», 28 января 2016–28 марта 2016. URL: https://nkvd.tomsk.ru/exhibs/single_item_exhibition/kopilka/samizdat_exhib/?ysclid=mt8wecbxut307610021 (дата обращения: 01.08.2026).

³ Печать СССР в 1990 году : стат. сборник. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 117–118.

⁴ От цензуры и самиздата к свободе печати.

журнальном контексте... оживляя все идейное богатство и многообразие связей с общественно-литературной борьбой, поскольку и автор ориентируется, и произведение сориентировано на тот семиотический код, который в органе с последовательным направлением складывается в процессе его существования» [Смирнов 1996, с. 10]. Таким образом, исследование таких журналов должно опираться на реконструкцию «программного дискурса» журнальной публицистики периода перестройки в России.

А. Гузева так обобщает исторический опыт бытования толстых журналов в СССР: «Литературно-художественные журналы были совершенно уникальным культурным феноменом, имевшим огромную значимость в советской России. Их читала буквально вся страна, а публикация в них сулила автору славу... Они распространялись по подписке, на которую могла быть и очередь из-за ограниченности тиража и высокого спроса. Поэтому журналы часто передавали из рук в руки... Их читали за фундаментальность и интеллектуальный вес: там публиковали художественные произведения... критику и публицистику талантливых авторов»¹. Толстые журналы в течение всего советского периода были весьма мощным культурным феноменом, воздействовавшим на массовое сознание, но в период перестройки произошел настоящий взрыв их популярности. Чем это было обусловлено?

Как отмечают историки – исследователи перестройки, в ее основе лежали массовые настроения населения СССР: «недовольство своим уровнем жизни превращалось в недовольство общественной системой» [Полынов, 2010, с. 507]. Руководство страны искало выход из этой ситуации. Кроме того, СССР к 1980-м годам уже технологически и экономически заметно отставал от Запада, и это было даже еще большим стимулом для начала перестройки, чем массовые настроения недовольства. Однако «перестройка, начавшаяся ради... придания социализму нового дыхания, превращения нашей страны в современную технологическую державу, закончилась прямо противоположным результатом: разрушением общественно-политического строя и СССР как государства» [Полынов, 2010, с. 508]. Но это было закономерно, поскольку советский социально-экономический и политический строй был основан на совсем иных принципах, чем западный, – и поэтому попытка соединения этих взаимоисключающих принципов (а в этом и состояла идея «перестройки») неизбежно приводила к разрушению всей общественной системы. В результате «в короткие сроки общественное мнение вышло за рамки официальной идеологии, в связи с чем партийно-государственное руководство оказалось не в состоянии контролировать массовые и спонтанные процессы социального протеста» [Мусатов, 2007, с. 6]. Последнее обстоятельство было связано также и с ролью толстых журналов, которые стали активно влиять на общественное мнение и сами стали его активными выразителями.

Предметно-содержательный анализ толстых журналов основывается на внутренней периодизации их эволюции в эпоху перестройки и начала постсоветского периода, который стал её органическим продолжением. На первом этапе, охватывающем 1986–1988 годы, программный дискурс таких журналов задавался принципом «очистки» социализма от наследия «сталинизма», что выражалось в активно транслировавшейся идеологии «социализм с человеческим лицом». Публицисты на этом этапе рассматривали проблемы советского общества в целом, но характерно, что в первую очередь внимание авторов было направлено на проблемы советской экономики.

Так, большой резонанс имела статья В. Селюнина «Истоки»², которая была переведена на иностранные языки и широко цитировалась как экономистами, так и политиками; согласно некоторым подсчетам, всего по территории СССР разошлось

¹ Гузева А. 2026. Почему в СССР так любили «толстые» журналы? Окно в Россию, 12 мая 2026 г. URL: <https://ru.gw2ru.com/read/249512-pochemu-sssr-lyubili-tolstye-zhurnaly?ysclid=mt8wnxzz2641468104> (дата обращения: 06.07.2026).

² Селюнин В. 1988. Истоки. Новый мир, 5: 162–189.

порядка пятнадцати-семнадцати миллионов ее копий¹. О порочности советской экономической системы писал на страницах «Нового мира» И. Клямкин², хотя его отношение к марксизму было более позитивным, чем у В. Селюнина. Также знаковой публикацией была статья экономиста Н. Шмелева «Авансы и долги»³. Тексты этих двух авторов были изданы в 1990 году одной книгой, тираж которой разошелся в самые короткие сроки. Эти статьи удовлетворяли запрос аудитории на новое, недогматическое освещение проблем советской экономики; они отличались от других публикаций на ту же тему не только обилием ранее неизвестных фактов и смелостью выводов, но также живым, недогматическим стилем изложения.

За рамками специальных экономических тем в более широком историософском контексте работал известный публицист Ю.Г. Буртин (1932–2000), который в 1970 году, после отставки А. Твардовского, покинул «Новый мир». В статье-манифесте «Изжить Сталина!» он писал: «Это был подлинный гений зла. Он обладал государственным умом и железной волей, он умел добиваться поставленных целей? Тем хуже, ибо реальной целью его было государство-тюрьма»⁴. Согласно данным социологических опросов, в 1988 году Ю. Буртин входил в двадцатку лидеров общественного мнения страны [Чечель, 2013].

Одним из знаковых и часто цитируемых публицистов того времени был А.А. Нуйкин, в частности, благодаря его опубликованному в «Огоньке» в 1990 г. «Открытом письме ко всем бюрократам, коррупционерам, взяточникам, воротилам военно-промышленного комплекса, дельцам теневой экономики, мафиози и прочим захребетникам Советского Союза», в котором он обращался к советской номенклатуре так: «Вы готовы жить плохо, лишь бы другим было еще хуже!.. в категорию «малообеспеченных» (по их понятиям) в США попадает всего 20 %, а у нас в категорию «бедных» – 86,5 %!»⁵. Большой резонанс, выразившийся в последующей журнальной полемике, имели его статьи «Идеалы или интересы?: По страницам газет и журналов»⁶, а также «Новое богоискательство и старые догмы» об официальном советском атеизме как разрушительной идеологии⁷.

По свидетельству многих современников, среди публикаций ранее запрещенных художественных произведений особенно сильное воздействие на общественное сознание имели две повести М. Булгакова – «Роковые яйца» и «Собачье сердце», опубликованные в 1987 г. в журнале «Знамя» (и уже в 1988 г. «Собачье сердце» было блестяще экранизировано В. Бортко). Повесть «Роковые яйца» также была притчей о современности: по её сюжету, в результате путаницы яйца крокодилов, анаконд и страусов вместо куриных подвергаются воздействию «лучей жизни», активизирующих рост. Получившиеся в результате огромные твари в поисках пропитания двигаются на Москву. Однако столицу спасло аномальное похолодание: теплолюбивые монстры, которых не могла остановить Красная армия, гибнут сами. Булгаков в дневнике оставил запись: «В повести испорчен конец, потому что я писал ее наспех»⁸. Но берлинская газета «Дни» в 1925 году в одном из январских номеров опубликовала альтернативное окончание повести: «В ней необозримые полчища гадов двинулись на Москву, осадили ее и сожрали. Заключительная картина – мертвая Москва и

¹ Памяти В.И. Селюнина. 1994. Новый мир, 12: 247 с.

² Клямкин И. 1987. Какая улица ведет к храму? Новый мир, 11: 150–188; Клямкин И. 1989. Почему трудно говорить правду. Новый мир, 2: 204–238.

³ Шмелев Н. 1987. Авансы и долги. Новый мир, 6: 142–158.

⁴ Буртин Ю. 1988. Изжить Сталина! Огонек, 12. С. 18.

⁵ Нуйкин А.А. 1990. Открытое письмо ко всем бюрократам, коррупционерам, взяточникам, воротилам военно-промышленного комплекса, дельцам теневой экономики, мафиози и прочим захребетникам Советского Союза. В кн.: Ох, социализм, социализм!... Москва, Правда. С. 16.

⁶ Нуйкин А. 1988. Идеалы или интересы? (По страницам газет и журналов.) Новый мир, 1: 190–211; Нуйкин А. 1988. Идеалы или интересы? (По страницам газет и журналов.) Новый мир, 2.

⁷ Нуйкин А. 1987. Новое богоискательство и старые догмы. Новый мир, 4.

⁸ Юрков А. 2026. Если бы не тиф, не было бы «Мастера и Маргариты». Независимая газета, 13.05.2026 URL: https://www.ng.ru/subject/2026-05-13/7_9494_bulgakov.html?ysclid=mt8yk8o7d8789050004 (дата обращения: 06.07.2026).

огромный змей, обвившийся вокруг колокольни Ивана Великого»¹. Как видим, символика повестей очень прозрачна – происходящее в обществе после 1917 года в них аллегорически изображается как вторжение варваров и монстров, от которого может спасти либо их истребление, либо чудо.

Каким образом эти новые идейные и художественные явления воздействовали на массовое сознание? Подобные феномены уже исследованы в литературе по данной проблематике. В частности, в книге У. Липпмана «Общественное мнение» констатируется: «Самые тонкие и самые распространенные механизмы воздействия – это те, что создают и поддерживают репертуар стереотипов» [Липпман 2023, с. 126], и далее, в главе «Стереотипы как защита» уточняется: «Системы стереотипов могут служить ядром нашей личной традиции, способом защиты нашего положения в обществе... любое изменение стереотипов воспринимается как атака на основы мироздания. Это атака на основания *нашего* мира» [Липпман 2023, с. 131]. Таким образом, основой трансформации общественного сознания должна быть не прямая атака на стереотипы, которая вызовет их усиленную защиту, а разрушение их смысловых оснований в виде изменения ключевых символов, а также внешне «позитивной» критики. Это приводит к разрушению привычной картины мира и дезориентации людей. В более общем плане такая стратегия является частным случаем известной стратегии «непрямых действий». Но в данном случае она применяется не в боевых действиях, а в идеологической борьбе и воздействии на массовое сознание.

Защита стереотипов массового советского сознания не заставила себя долго ждать. Знаковым стало письмо преподавателя химии Ленинградского технологического института Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами», опубликованное 13 марта 1988 года в газете «Советская Россия». В ответ 5 апреля 1988 года орган ЦК КПСС газета «Правда» опубликовала статью «главного идеолога перестройки» А.Н. Яковлева, который назвал статью Н. Андреевой «манифестом антиперестроечных сил», а письмо Н. Андреевой в конечном счете стало аргументом, убеждающим в необходимости перестройки, поскольку трактовалось как опасное сопротивление обновлению общества. Однако стоит отметить, что в этот период фактически существовала цензура, почти не допускавшая публикацию «антиперестроечных» текстов. Публикация Н. Андреевой, судя по столь быстрому ответу на неё, исходящему с самой «вершины» власти, была допущена сознательно как повод для официального ответа на неё.

Стоит отметить, что иногда в публикации важных произведений толстые журналы отставали от газет. Например, знаменитое воззвание А. Солженицына «Жить не по лжи!» было впервые (неофициально, без ведома автора) опубликовано в СССР 18 октября 1988 г. в киевской газете «Рабочее слово». «Самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь всё покрывает, всем владеет, но в самом малом упрёмся: пусть владеет не через меня!»². Такая стратегия мирной борьбы с тоталитарным строем соотносится со стратегией *сатьяграхи* (буквально «упорство в следовании истине») М. Ганди, которая представляет собой особую форму ненасильственного сопротивления как средства национальной обороны путем «неучастия» в официальной лжи.

Однако публицистика в толстых журналах, декларировавшая очищение социализма от ошибок прошлого, на этом этапе еще не была направлена на разрушение советского мировоззрения. Но принципиальный поворот вскоре произошел. Знаковой в этом отношении стала статья философа и политолога А. Ципко «Истоки сталинизма»³,

¹ Юрков А. 2026. Если бы не тиф, не было бы «Мастера и Маргариты». Независимая газета, 13.05.2026 г. URL: https://www.ng.ru/subject/2026-05-13/7_9494_bulgakov.html?ysclid=mt8yk8o7d8789050004 (дата обращения: 06.07.2026)

² Солженицын А.И. 1995. Жить не по лжи! В кн.: Публицистика: В 3 т. Т. 1: Статьи и речи. Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство. С. 188.

³ Ципко А. 1988. Истоки сталинизма. Наука и жизнь, 11: 45–55; Ципко А. 1988. Истоки сталинизма.

рассматривавшего сталинизм не как «отклонение» и ряд отдельных ошибок, а как неизбежное следствие марксистской идеологии. В это же время была опубликована статья Ю. Буртина «Ахиллесова пята исторической теории Маркса»¹, в которой доказывалось, что марксизм не учитывает фактор человеческой свободы и индивидуальности и поэтому опровергнут самой историей.

Начало второго этапа относится к 1989 году, когда в толстых журналах стали появляться публикации антисоветского характера. Переломным моментом стал Первый съезд народных депутатов в июне 1989 года, на котором фактически произошел прорыв в публичное пространство антисоветского дискурса (особенно ярко это проявилось в выступлениях депутатов из Прибалтики, которые прямо заявили о «советской оккупации» их республик). И уже в июле в № 7 журнала «Новый мир» вышла подборка материалов, которая разбивала советскую идеологию: здесь были опубликованы Нобелевская лекция А. Солженицына, статьи А. Миграняна «Долгий путь к европейскому дому» и И. Шафаревича «Две дороги к одному обрыву». Последняя репрезентировала ортодоксально-христианский взгляд на современную цивилизацию, негативно оценивая оба её варианта – и советский, и западный. Статья известного математика и философа В.Н. Тростникова (1928–2017) «Научна ли «научная картина мира»?»² репрезентировала ортодоксально-христианский взгляд на современную науку и доказывала, что наука не только не противоречит Библии, но прямо приводит к ней. Статья А.С. Ципко «Хороши ли наши принципы?»³, предваряясь статьей главного редактора С. Залыгина «Наше общество нынче завязло в плюрализме...»⁴, представляла собой уже полный разгром марксизма и советской идеологии. Такой же критикой занимались не только гуманитарии, но и ученые из других сфер. Выдающийся хирург академик Н. Амосов, также разработавший свою оригинальную теорию систем, в статье «Возвращение из утопии»⁵ показывал неэффективность советского экономического строя и предлагал собственную программу реформ.

Советский взгляд на историю разрушался также публикациями «лагерной» прозы – «Колымских рассказов» В. Шаламова в журнале «Знамя»⁶ и знаменитого «Архипелага ГУЛАГа» А. Солженицына в «Новом мире»⁷. Произведения «Красный террор» С. Мельгунова⁸ и «Неугасимая лампада» Б. Ширяева⁹ – о Соловецком концлагере – публиковались в «Нашем современнике» в 1991 году.

В свою очередь, разрушалась и идеология «социалистического реализма». Среди массы публикаций на эту тему следует выделить яркую и глубокую статью известного исследователя творчества Н.В. Гоголя, литературоведа И. Золотусского «Крушение абстракций». Он писал: «Литература невольно возвращается к старым ценностям и к старой символике, обозначающей эти ценности. Евангельская символика воскресает и в рассказах В. Астафьева, и в романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей»¹⁰. В этой статье была прямо провозглашена необходимость возвращения к христианским основаниям русской литературы.

Наука и жизнь, 12: 40–47; Ципко А. 1989. Истоки сталинизма. Наука и жизнь, 1: 46–57; Ципко А. 1989. Истоки сталинизма. Наука и жизнь, 2: 53–62.

¹ Буртин Ю. 1989. Ахиллесова пята исторической теории Маркса. Октябрь, 11: 3–25; Буртин Ю. 1989. Ахиллесова пята исторической теории Маркса. Октябрь, 12: 3–48.

² Тростников В.Н. 1989. Научна ли «научная картина мира»? Новый мир, 12: 257–263.

³ Ципко А. 1990. Хороши ли наши принципы? Новый мир, 4: 173–204.

⁴ Залыгин С. 1990. «Наше общество нынче завязло в плюрализме...» Новый мир, 4: 173.

⁵ Амосов Н. 1990. Возвращение утопии. Смена, 12: 53–62.

⁶ Шаламов В. 1989. Из «колымских рассказов». Знамя, 6: 6–38.

⁷ Солженицын А. 1989. Архипелаг ГУЛАГ. Новый мир, 8: 7–94; Солженицын А. 1989. Архипелаг ГУЛАГ. Новый мир, 9: 68–165; Солженицын А. 1989. Архипелаг ГУЛАГ. Новый мир, 10: 25–149; Солженицын А. 1989. Архипелаг ГУЛАГ. Новый мир, 11: 63–175.

⁸ Мельгунов С. 1991. Красный террор. Наш современник, 1–3.

⁹ Ширяев Б. 1991. Неугасимая лампада. Наш современник, 4–10.

¹⁰ Золотусский И. 1989. Крушение абстракций. Новый мир, 1. С. 246.

Исследователи отмечают и феномен распространения «профессорской публицистики» в эпоху перестройки [Чечель, 2013], то есть появление большого массива статей в толстых журналах, написанных крупными учеными. Здесь особо следует выделить статьи академика Д.С. Лихачева (1906–1999) и тогда еще будущего академика С.С. Аверинцева (1937–2004). Статья Д.С. Лихачева «Память преодолевает время», которой открывался первый номер нового журнала «Наше наследие», акцентировала необходимость возвращения к глубинной культурной традиции и была не лишена критического пафоса. Автор в ней писал: «...плодилась серость, безликость – в литературе, живописи, архитектуре и т. д. Мне совершенно ясно, например, почему некоторые современные писатели активно выступают против публикаций тех литературных произведений, которые десятилетия не могли найти место в наших изданиях. Да потому, что на этом фоне их собственные произведения будут выглядеть ничтожно»¹. Новый журнал «Наше наследие», начавший выходить в 1988 году, был самым традиционалистским на тот момент – целиком обращенным к русской культуре до 1917 года, а также к культуре русской эмиграции XX века. Большую известность благодаря публикациям в журналах в то время приобрел Александр Мень (1935–1990). Его биография Иисуса Христа «Сын Человеческий» публиковалась в журнале «Смена»². С начала 1990-х этот журнал стал выходить ежемесячно в «книжном» формате. К концу 1980-х гг. тираж «Смены» достигал 3 млн экземпляров.

Отдельно следует отметить публикации в журнале «Юность» этого периода текстов философов, писателей и поэтов Серебряного века. Новый журнал «Век XX и мир» также публиковал классиков русской мысли, но особенно выделялся острой политической публицистикой. Новый журнал «Диалог» был официальным органом ЦК КПСС, который пытался участвовать в общественных дискуссиях, оставаясь на марксистской платформе.

В периодике 1990–1991 годов публиковались фрагменты из книги историка, социолога и философа М.С. Восленского (1920–1997), в 1975 году эмигрировавшего в Германию, «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза», а в 1991 году книга вышла в Москве отдельным изданием. Фактически на тот момент она была главным научным трудом, рассматривавшим СССР с самых критических позиций: советский строй характеризовался как антагонистический – как диктатура замкнутой партийной касты над бесправным народом.

Таким образом, на уровне базовых идеологем переход от первого ко второму этапу эволюции журнальной публицистики в этот исторический период можно в целом обозначить как переход от парадигмы «социализма с человеческим лицом» к парадигме оценки социализма как утопии. Причем утопия здесь понимается весьма широко – не только в политическом и социально-экономическом плане, но и на уровне общего мировоззрения. Утопичными здесь мыслятся и безрелигиозное мировоззрение, и абсолютизация науки.

Распад СССР в конце 1991 г. обозначил третий этап развития толстых журналов, характеризующийся резкой поляризацией мировоззренческих и идеологических установок, обусловленных поиском новой идентичности российского общества. Выделились журналы либерального направления, расценивавшие крах советского строя как возвращение в «цивилизованный мир», и внутренне неоднородная группа «патриотически» направленных журналов. Ряд этих изданий, воспринимавших распад Советского Союза как историческую катастрофу, можно определить как несоветские, другие же, видевшие в крахе СССР освобождение от тирании и безбожия, – как православно-патриотические.

Вместе с тем, журналы патриотического направления также противостояли «западникам»-либералам, воспринимая их как разрушителей исторической России и виновников катастрофы XX века. Таким образом, в общественном сознании проявилась

¹ Лихачев Д.С. 1988. Память преодолевает время. Наше наследие, 1: 1–4.

² Мень А. 1990. Сын Человеческий. Смена, 6–12.

поляризация мировоззрений в виде своеобразного «треугольника»: либералы-«западники» (противостоявшие как несоветским настроениям, так и православному «черносотенству»); советские «неосталинисты» (противостоявшие как «западникам», так и «черносотенцам»); православные монархисты-«черносотенцы» (противостоявшие и тем, и другим). Такие поляризованные мировоззренческие и идеологические установки, сформированные еще в период перестройки, сохраняются в российских журналах и до настоящего времени.

Заметным явлением рассматриваемого периода стала переписка историка Н.Я. Эйдельмана (1930–1989) с новым классиком русской литературы В.П. Астафьевым (1924–2001) в 1986 году. Инициатором её был Н.Я. Эйдельман, однако враждебность позиций корреспондентов обозначилась сразу же: В.П. Астафьев заявил об уничтожении русского народа советским режимом, а его оппонент обвинил писателя в «шовинизме» и «черносотенстве». В.П. Астафьев в итоге написал Н.Я. Эйдельману: «Вам... стоит подумать и над тем, что в лагерях вы находились и за преступления Юровского [убийцы царской семьи] и иже с ним, маялись по велению Высшего судии, а не по развязности одного Ежова. Как видите, мы, русские, еще не потеряли памяти, и мы все еще народ Большой, и нас все еще мало убить, но надо и повалить»¹.

Стоит выделить из потока публицистики тех лет работу Н.Я. Эйдельмана «"Революция сверху" в России», которая публиковалась в журнале «Наука и жизнь»² и отражала общий культурно-идеологический контекст. В ней развивалась концепция, согласно которой перестройка вписывается в закономерности всей истории России, где реформы всегда происходили по инициативе власти, а не народа.

Уже упомянутый академик И.Р. Шафаревич (1923–2017), выдающийся математик с мировым именем, стал в это время идеологом православно-патриотического направления, в первую очередь благодаря публикации своей работы «Русофобия»³. В ней на основе анализа значительного количества документальных фактов автор обосновывал положение о том, что важнейшим движущим мотивом революционеров 1917 г. были не теории социального переустройства, а ненависть к православной России, к христианству и русскому народу, чем и был вызван беспрецедентный террор периода Гражданской войны и сталинизма.

События 3–4 октября 1993 года в Москве, известные как расстрел Дома Советов, могут считаться окончанием рассматриваемого периода. Это событие повлекло за собой публикацию 5 октября 1993 г. в газете «Известия» «Письма сорока двух» – публичного обращения группы известных литераторов, содержащее слова поддержки действий президента России Б.Н. Ельцина. Подписанты, среди которых были академик Д.С. Лихачёв, поэт Б. Окуджава, писатели В. Астафьев, Г. Бакланов, В. Быков и Д. Гранин, публицист А. Нуйкин, требовали и далее противостоять неосоветскому реваншизму и «фашизму». Против них выступила группа членов Союза писателей России – сторонников Верховного Совета России: А. Проханов, Ю. Бондарев, В. Белов и др. Проявившаяся в тот период поляризация общественных сил в целом сохраняется до настоящего времени.

Вместе с тем, даже несмотря на самые принципиальные расхождения указанных мировоззренческих позиций, все они действовали уже в рамках постсоветской парадигмы построения новой России, хотя и видели её радикально по-разному. Тем самым, можно сказать, что на смену двум упомянутым идеологемам пришла третья – идеологема «новой России». Но именно в рамках этой идеологемы максимально обострились мировоззренческие и идейные противоречия. Резкое падение интереса к журналам и

¹ Из переписки Н.Я. Эйдельмана с В.П. Астафьевым. 1990. Даугава, 6. С. 65.

² Эйдельман Н.Я. 1988. «Революция сверху» в России. Наука и жизнь, 10: 97–105; Эйдельман Н.Я. 1988. «Революция сверху» в России. Наука и жизнь, 11: 109–120; Эйдельман Н.Я. 1988. «Революция сверху» в России. Наука и жизнь, 12: 102–112.

³ Шафаревич И. Русофобия. 1989. Наш современник, 6: 167; Шафаревич И. 1989. Русофобия. Наш современник, 11: 162–172.

журнальной публицистике со второй половины 1990-х годов и до настоящего времени объясняется многими факторами, в том числе сменой ценностных парадигм и утратой обществом в целом интереса к идейным поискам в новых социально-исторических условиях.

Заключение

Функция толстых журналов как органов просвещения активно проявилась в период перестройки, когда именно этот тип издания стал одним из важных факторов перемен в общественном сознании. Этим в целом определялась их роль как феномена отечественной культуры данного периода. В настоящее время такую роль они уже не выполняют.

Выделение трех этапов эволюции журналов в рассматриваемый период позволило показать общую логику их воздействия на массовое сознание как стратегию «непрямых действий». На первом этапе журналы оставались в рамках социалистической идеологии, но фактически подрывали её изнутри путем развития альтернативного взгляда на историю и публикации ранее запрещенных произведений. На втором этапе (1989–1991) происходило уже прямое разрушение советской идеологии путем публикации текстов антисоветского содержания – как отечественных, так и зарубежных. На третьем этапе (1991–1993), обусловленном своего рода «инерцией» периода перестройки, произошла резкая поляризация общественных сил и различных социокультурных парадигм, которая сохраняется до настоящего времени.

Общая стратегия трансформации массового сознания, которая проявилась в изменении содержания толстых журналов в этот период, может быть определена через известную концепцию «непрямых действий», суть которой состоит в том, что действие осуществляется не напрямую, что может вызвать организованное сопротивление, а косвенно – путем подрыва позиций и истощения ресурсов противника. В данном случае это осуществлялось на первом этапе путем критического пересмотра существовавших стереотипов и расширения свободы мышления за счет больших потоков новой информации; на втором этапе – путем ознакомления с альтернативным мировоззрением (но без прямого его навязывания); на третьем – путем призыва к построению новой России. Таким образом, в течение всех трех этапов своей эволюции в рассматриваемый период толстые журналы работали в рамках данной стратегии, хотя осуществляли её по-разному.

Однако роль журналов, естественно, не сводилась только к этим процессам работы с массовым сознанием. В первую очередь они выступали в качестве особого очень активного и значимого фактора культурной жизни. Благодаря журналам этого периода в массовое сознание вошло множество новых культурных смыслов и явлений – новые идеи, неизвестные ранее произведения, и в конечном итоге – новые типы мировоззрения, которые открывали свободу мысли и возможность самостоятельного духовного развития.

Список литературы

- Головин Ю.А. 2010. Российский толстый литературно-художественный журнал как социокультурный феномен. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 2(34): 47–52.
- Есикова Е.М. 2011а. Журнал «Огонек» в контексте переходных эпох (1905–1917 и 1986–1991). Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 140 с.
- Есикова Е.М. 2011б. Стиль публикаций журнала «Огонёк» в эпоху перестройки: между советским и демократическим дискурсами. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*, 2: 84–89.
- Липпман У. 2023. Общественное мнение. Пер. с англ. Е.С. Абасовой. Под ред. Г. Весниной. Москва, АСТ, 448 с.
- Лю Я. 2022. Рупор государства или четвертая власть: журналистские особенности журнала «Огонек» в Перестройке (1985–1991). *Теории и проблемы политических исследований*, 11(6А): 92–101. DOI: [10.34670/AR.2023.47.45.021](https://doi.org/10.34670/AR.2023.47.45.021)

- Маслова К.О. 2020. Журнал «Огонек» периода перестройки: типологические признаки. *Форум молодых ученых*, 1(41): 420–426.
- Мусатов И.М. 2007. Советское общество в условиях перестройки в СССР на рубеже 1980-х – 1990-х гг. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Москва, 18 с.
- Печать СССР в 1990 году: стат. сборник. 1991. М.: Финансы и статистика, 288 с.
- Полынов М.Ф. 2010. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. Санкт-Петербург, Алетейя, 512 с.
- Симон А.А. 2007. Больше демократии – больше социализма: язык журнальной публицистики периода перестройки. *Политическая лингвистика*, 1(21): 45–48.
- Смирнов В.Б. 1996. Ф.М. Достоевский и русская демократическая журналистика 70–80-х годов. Волгоград, Издательство Волгоградского государственного университета, 126 с.
- Смирнов В.Б. 2007. Поэтика русского литературно-художественного журнала как проблема комплексного изучения. В кн.: Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Материалы Второй международной научной конференции (Волгоград, 24–26 апреля 2007 г.): в 2 томах. Том 2. Волгоград, Волгоградский государственный университет: 385–389.
- Чечель И. 2013. Советское общественное сознание 1985–1991 гг.: попытка историографического подхода. *Гегтер*, 22 мая 2013. URL: <https://web.archive.org/web/20181101075129/http://gefter.ru/archive/8736> (дата обращения – 06.07.2026).

References

- Golovin Yu.A. 2010. Rossiiskii tolsty i literaturno-khudozhestvennyi zhurnal kak sotsiokul'turnyi fenomen [Russian thick literary and artistic magazine as a sociocultural phenomenon]. *The Bulletin of Moscow state University of culture and arts*, 2(34): 47–52.
- Esikova E.M. 2011a. Zhurnal «Ogonek» v kontekste perekhodnykh ehpokh (1905–1917 i 1986–1991) [The magazine "Ogonyok" in the context of transitional eras (1905–1917 and 1986–1991)]. Dis. ... Cand. Philol. Sciences. Moscow, 140 p.
- Yesikova E.M. 2011b. Style of «Ogonyok» Magazine Articles During the Period of Perestroika: Between the Soviet and Democratic Discourse. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2: 84–89.
- Lippman U. 2023. Obshchestvennoe mnenie [Public Opinion]. Transl. from Engl. E.S. Abaeva. Ed. G. Vesnina. Moscow, Publ. AST, 448 p.
- Liu Ya. 2022. The State Mouthpiece or the Fourth Estate: Journalistic Features of the “Ogonyok” magazine in Perestroika (1985–1991). *Theories and Problems of Political Studies*, 11(6A): 92–101 (in Russian). DOI: [10.34670/AR.2023.47.45.021](https://doi.org/10.34670/AR.2023.47.45.021)
- Maslova K.O. 2020. Ogonyok Magazine of the Perestroika Period: Typological Features. *Forum molodykh uchenykh*, 1(41): 420–426.
- Musatov I.M. 2007. Sovetskoe obshchestvo v usloviyakh perestroiki v SSSR na rubezhe 1980-kh – 1990-kh gg. [Soviet society in the conditions of perestroika in the USSR at the turn of the 1980s – 1990s.]. Abstract. dis. ... cand. histor. sciences. Moscow, 18 p.
- The publications in USSR in 1990: statistics. 1991 [Pechat' SSSR v 1990 godu : stat. sbornik]. Moscow: Finance and Statistics, 288 p.
- Polynov M.F. 2010. Istoricheskie predposylki perestroiki v SSSR. Vtoraya polovina 1940 – pervaya polovina 1980-kh gg. [Historical Preconditions for Perestroika in the USSR. Second Half of the 1940s – First Half of the 1980s.]. St. Petersburg, Publ. Aleteiya, 512 p.
- Simon A.A. 2007. «More democracy – more socialism»: the language of perestroika journalism. *Political Linguistics*, 1(21): 45–48 (in Russian).
- Smirnov V.B. 1996. F.M. Dostoevskii i russkaya demokraticeskaya zhurnalistika 70–80-kh godov [F.M. Dostoevsky and Russian Democratic Journalism of the 1970s–1980s.]. Volgograd, Publ. Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 126 p.
- Smirnov V.B. 2007. Poehtika russkogo literaturno-khudozhestvennogo zhurnala kak problema kompleksnogo izucheniya [Poetics of the Russian literary and artistic journal as a problem of comprehensive study]. In: Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennykh integratsionnykh protsessov [Russian literature in the context of modern integration processes]. Proceedings of the Second international scientific conference (Volgograd, April 24–26, 2007): in 2 vol. Vol. 2. Volgograd, Publ. Volgogradskii gosudarstvennyi universitet: 385–389.

Chechel' I. 2013. Sovetskoe obshchestvennoe soznanie 1985–1991 gg.: popytka istoriograficheskogo podkhoda [Soviet Public Consciousness 1985–1991: An Attempt at a Historiographic Approach]. *Gefter*, May 22, 2013. URL: <https://web.archive.org/web/20181101075129/http://gefter.ru/archive/8736> (06.07.2026).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.05.2026

Поступила после рецензирования 12.08.2026

Принята к публикации 26.08.2026

Received May 17, 2026

Revised August 12, 2026

Accepted August 26, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры журналистики, Луганский государственный университет имени Владимира Даля, г. Луганск, Луганская Народная Республика.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaliy Yu. Darenskiy, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Journalism, Lugansk State University named after Vladimir Dal, Lugansk, Lugansk People's Republic.

УДК 070.1(510):327(470+571)

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-440-452

EDN KMEXJT

Локальный поворот глобальной коммуникации КНР (на примере деятельности Центра русско-китайского гуманитарного сотрудничества и развития)

¹ Зорин К.А., ^{2,3} Чжань Ч., ⁴ Ключев Ю.В.

¹ Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6

² Московский финансово-юридический университет МФЮА
Россия, 115191, г. Москва, ул. Серпуховский вал, д.17, корп. 1

³ Центр международного гуманитарного сотрудничества и развития
Россия, 117342, г. Москва, ул. Введенского, 1А, оф. 6.3

⁴ Херсонский государственный педагогический университет
Россия, 273003, г. Херсон, ул. 40 лет Октября, д. 27

kirill_zorin@mail.ru, zcusagi@gmail.com, klim-yurish@inbox.ru

Аннотация. В международной коммуникации Китая в 2020-е годы наметился «локальный поворот»: государство модернизирует систему международных коммуникаций, развивая внутри страны и за рубежом сеть локальных коммуникационных центров, которые становятся «хабами», объединяющими медиадипломатию, народную дипломатию и бизнес-сотрудничество. Западным глобальным медиа противопоставляется сложная децентрализованная экосистема, которая позволяет местным акторам в разных странах устанавливать прямую связь для горизонтального обмена информацией, технологиями и культурой. В отечественных исследованиях этот тренд почти не рассматривается, особенно на уровне конкретных институциональных практик. Цель исследования – выявить стратегии китайских международных центров в создаваемой коммуникационной экосистеме КНР и описать их участие в локализации контента. Теоретическую основу составляют концепции транслокализма А. Аппадурай и воображаемых сообществ Б. Андерсона. Эмпирическую базу составили данные включенного наблюдения и анализа документов Центра русско-китайского гуманитарного сотрудничества и развития в Москве. Результаты показывают, что деятельность Центра иллюстрирует ключевые стратегии локального поворота: диверсификацию взаимодействия с разными аудиториями через федеральные и региональные СМИ; создание контента, формирующего деполитизированное восприятие Китая; в перспективе – использование технологий ИИ и гиперлокального контента для персонализации подачи материалов. Исследование дополняет представления о локальных медиа как инструментах «мягкой силы» и глобального влияния.

Ключевые слова: Китай, транслокальность, глокализация, локальные медиа, локальный поворот

Для цитирования: Зорин К.А., Чжань Ч., Ключев Ю.В. 2026. Локальный поворот глобальной коммуникации КНР (на примере деятельности Центра русско-китайского гуманитарного сотрудничества и развития). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 440–452. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-440-452 EDN KMEXJT

The Local Turn in the PRC's Global Communication (A Case Study of the Center for Russian-Chinese Humanitarian Cooperation and Development)

¹ Kirill A. Zorin, ^{2,3} Chen Zhan, ⁴ Yuriy V. Klyuev

¹ Russian State University for the Humanities

6 Bldg., 6 Miusskaya Sq., Moscow 125047, Russia

² Moscow University of Finance and Law MFUA

1 Bldg., 17 Serpukhovsky Val St., Moscow 115191, Russia

³ Center for International Humanitarian Cooperation and Development

office 6.3, 1A Vvedensky St., Moscow 117342, Russia

⁴ Kherson State Pedagogical University

27 40 Let Oktyabrya St., Kherson 273003, Russia

kirill_zorin@mail.ru, zcusagi@gmail.com, klim-yurish@inbox.ru

Abstract. In China's international communication in the 2020s, a "local turn" has emerged: the state is modernizing the system of international communications, developing a network of local communication centres both domestically and abroad, which are becoming "hubs" that unite media diplomacy, people's diplomacy and business cooperation. Western global media are being contrasted with a complex, decentralized ecosystem that enables local actors in different countries to establish direct links for the horizontal exchange of information, technologies and culture. This trend is barely examined in domestic research, especially at the level of specific institutional practices. The aim of the study is to identify the strategies of Chinese international centers in the emerging communication ecosystem of the PRC and to describe their role in content localization. The theoretical framework is based on the concepts of translocalism by A. Appadurai and imagined communities by B. Anderson. The empirical basis consists of data from participant observation and analysis of documents from the Center for Russian-Chinese Humanitarian Cooperation and Development in Moscow. The results show that the Center's activities illustrate key strategies of the local pivot: diversifying engagement with different audiences through federal and regional media; creating content that fosters a depoliticized perception of China; and, in the long term, using AI technologies and hyper-local content to personalize the presentation of materials. The study expands the understanding of local media as tools of "soft power" and global influence.

Keywords: China, translocality, gocalosation, local media, Local turn

For citation: Zorin K.A., Zhan Chen, Klyuev Y.V. 2026. The Local Turn in the PRC's Global Communication (A Case Study of the Center for Russian-Chinese Humanitarian Cooperation and Development). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 440–452 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-440-452 EDN KMEXJT

Введение

Глобальное присутствие китайских СМИ на мировой информационной арене в 2020-е годы стало очевидным фактом. Еще в конце 2000-х – начале 2010-х годов ученые, в том числе эксперты в КНР, сомневались в том, что страна сможет стать более открытой для мира, особенно с учетом предыдущей цензурной политики [Yamada, 2011]. Сегодня исследователи обращают внимание на политику Китая по использованию ресурсов «мягкой силы» [Подольяк, 2018], его медиадипломатию [Гулева, Калинина, 2025] и медийную экспансию в страны Запада [Борисова, 2018] и Глобального Юга [Marsh et al., 2023].

Анализ научной литературы позволяет выделить основные направления современных исследований участия китайских медиа в международной коммуникации.

Во-первых, исследуется влияние технологического фактора. В КНР в XXI веке реализуется стратегия коэволюции телевидения, интернета и новых медиа; уделяется большое внимание визуальным коммуникациям, компенсирующим отсутствие языкового единства внутри страны и помогающим в работе с иностранными аудиториями [Зорин,

2024a; Цзинь, 2024; Li, 2025]. Крупнейшая медиакомпания КНР China Media Group (CMG), сформированная в результате слияния в 2018 году Центрального телевидения Китая (CCTV), Национального и Международного радио Китая, активно изучает и внедряет в практику технологии работы с большими данными, облачные вычисления, интернет вещей, блокчейн и искусственный интеллект [Гулева, Калинина, 2025].

Во-вторых, рассматривается роль финансового и ресурсного фактора в развитии партнерства Китая с иностранными медиаорганизациями. С одной стороны, изучается официальное взаимодействие редакций и кабельных сетей с корпорацией CMG и глобальной телевизионной сетью Китая CGTN в основном в рамках инициативы «Один пояс, один путь» [Соколов, 2023; Тан, 2024]. С другой стороны, рассматриваются «серые» схемы, использование которых различными медиа позволяет CGTN занять ведущее место. Например, П. Моралес отмечает, что с их помощью создавалась ассоциированная с КНР компания StarTimes в Африке [Morales, 2021]. А исследователь А. Аджина пишет, что для этого использовались инвестиции через подставные фирмы и привлечение подписчиков за счет дешевых пакетов телеканалов, где произведенный китайскими компаниями контент занимает значительное место [Agina, 2025].

В-третьих, есть работы, касающиеся контентной и дискурсивной политики китайских глобальных медиа, активно формирующих альтернативное видение глобального мирового порядка и подрывающих гегемонию Запада [Гулева, Калинина, 2025; Линчжи, Цзяхуан, 2025] через продвижение новых (незападных) определений прав человека и демократии [Thussu, 2022] и даже нового видения журналистики – «конструктивной журналистики», в которой столь важные для Запада роли наблюдателя за правительством (watch dogs) и защитника прав граждан уже не имеют такой значимости [Marsh et al., 2023].

Значительно меньше исследований, особенно в российских академических изданиях, посвящено тому, как КНР адаптирует контент и способы коммуникации к национальным и особенно локальным социальным контекстам. Практически не описано и вовлечение локальных медиа, а также иных локальных акторов в международную коммуникацию. Во многом это объясняется тем, что до 2010-х годов в России под локальными медиа понимали только местные газеты и телерадиоканалы, а взрывное развитие блогов, социальных сетей и мессенджеров, ставших важной частью коммуникационной экосистемы, выявило дефицит теорий и концепций, осмысляющих неинституционализированные локальные медиа [Зорин, 2024b]. При этом западные теоретики еще в XX веке рассматривали локальные медиа как важную составляющую социальной реальности конкретных «локаций» – города, деревни или района как сообщества жителей. Изучалась роль локальных медиа и «низовых» коммуникаций в социальном конструировании реальности, их участие в формировании идентичности, а также их место в процессе транслокализации [Carpentier, 2007]. Китай знакомился с западными исследованиями локальной коммуникации и адаптировал их для своих нужд и в итоге увидел в «местном» огромный потенциал для развития децентрализованной системы международных коммуникаций, когда отдельные города и районы внутри страны напрямую контактируют с городами и районами за рубежом [Zhao, Wang, 2025]. Как результат, китайская медиадипломатия переходит от централизованной модели (когда государство выстраивает одностороннюю коммуникацию через глобальные медиа) к модели с участием множества субъектов [He, Zhang, Liu, 2026]. Среди них уже не только государственные СМИ, но и частные технологические компании, культурные и коммуникационные международные центры. Ожидается, что такие локальные организации будут играть ключевую роль в сфере глобальных коммуникаций Китая [Fang, 2024].

Цель исследования – выявить роль китайских международных центров в создаваемой коммуникационной экосистеме и описать их участие в локализации контента на примере Центра русско-китайского гуманитарного сотрудничества и развития в Москве.

Материалы и методы исследования

Исследование сочетает обзорно-аналитический метод и системный подход. Для осмысления роли локальных коммуникаций в продвижении глобальной повестки использованы концепции транслокализма А. Аппадурай [Appadurai, 2000, 2001, 2003] и «воображаемых сообществ» Б. Андерсона [2001]. Для исследования феномена «локального поворота» в международной коммуникации КНР изучены статьи Китайской национальной инфраструктуры знаний (CNKI) за 2020–2026 годы.

В эмпирической части исследования проанализирована деятельность Центра русско-китайского гуманитарного сотрудничества и развития в г. Москве. В качестве методов использованы включенное наблюдение (проводилось одним из авторов, являющимся сотрудником Центра) в период с сентября 2025 по март 2026 года, анализ внутренних отчетов центра и классификация.

Концепции глокализации и транслокализма

Глокализация – это процесс, при котором глобальные тенденции, продукты или идеи адаптируются к местным условиям. Интерес к глокализации в академической среде возник в 1980-х годах, когда стало очевидно, что глобализация не является линейным процессом, и был обнаружен парадокс: локальные особенности не исчезают, а, наоборот, активно взаимодействуют с глобальными явлениями. В 1990-х годах А. Аппадурай предложил термин «транслокализм» (также «транслокальность») [Appadurai, 2003], чтобы сместить акцент с международного взаимодействия национальных государств на взаимодействие более мелких субъектов – районов и городов («мест»).

Трудности изучения того, как взаимодействует глобальное и локальное, часто связаны с чрезмерной политизацией термина «глобальный», которая автоматически приводит к искажению понятия «локальный». В контексте противостояния неолибералов и их оппонентов локальное нередко рассматривалось лишь как то, что находится под угрозой из-за колонизирующего и нивелирующего воздействия информационных потоков глобальных медиа [Carpentier, 2007], при этом защита локального, не тронутого модернизацией, стала нередко подаваться как сопротивление ходу истории [Roudometof, 2019]. В действительности всегда существует диалектическая связь локального и глобального. В 1990-е годы А. Аппадурай показал, что глобализация затрагивает не все слои общества, а потому создает разобщенность между различными сферами и ландшафтами (этноландшафтами, медиа-ландшафтами, идеологическими, технологическими и финансовыми ландшафтами). Однако за этой разобщенностью стоит сложное взаимодействие: хотя гомогенизирующее воздействие глобальной культуры и существует, оно поглощается местными политическими и культурными экономиками [Appadurai, 2000]. Такое взаимодействие гомогенного и гетерогенного, глобального и локального отражено в концепции глокализации [Robertson, 1995].

Проблема концепции глокализации в том, что она рассматривает глобальный уровень как отправную точку для конструирования локального [Carpentier, 2007]: глобальное адаптируется к местным условиям. Однако рост разнообразия диаспор и культурная фрагментация продемонстрировали, что явления локального уровня могут быть отправной точкой для создания конструкций, выходящих за рамки одной территории. Например, мигранты, географически оторванные от исторической родины, смогли благодаря медиа и коммуникационным технологиям «перевозить» с собой среду их первоначальной социализации.

С целью осмысления того, как воспроизводится идентичность, основанная на специфических национальных и региональных культурных образцах, А. Аппадурай в работе «Производство локальности» вводит концепцию транслокальности. Место в его концепции – это не просто географическая точка или некая данность, а сложная социокультурная конструкция, которая требует постоянного воспроизводства через

социальные практики, ритуалы, взаимодействие в повседневной жизни. При этом способность конкретных локаций порождать свои уникальные контексты зависит от того, как крупные территориальные образования – национальные государства, священные империи и торговые картели – формируют местные особенности [Appadurai, 2003].

Ключ к пониманию взаимодействия глобального с локальным, а также к реалистичной оценке роли глобальных и локальных медиа в поддержании определенных нарративов можно найти в работе Б. Андерсона. С его точки зрения, все сообщества крупнее деревень, где люди общаются лицом к лицу, являются воображаемыми, поскольку люди при всем желании не могут знать о существовании большинства членов таких сообществ, но могут конструировать в своем сознании образ воображаемой общности [Андерсон, 2001, с. 32]. В Средневековье воображаемые сообщества вроде христианского мира, исламской Уммы, буддистского мира создавались благодаря общности веры, священного языка и священных текстов. Появление печати и капитализма способствовало возникновению другого типа воображаемого сообщества – нации, воспроизводимой с помощью гомогенных национальных языков и унифицированных полей коммуникации.

Взгляды теоретика транслокализма А. Аппадурай совпадают с концепцией Б. Андерсона: глобальное – это пространство, которое представляется и воображается, а не переживается непосредственно. Глобальное пространство построено на распространении все более сложных гибридизированных текстов, встроенных в усложняющиеся процессы транскультурного обмена, которые приводят к появлению множества воображаемых миров [Appadurai, 2001]. С одной стороны, технологии облегчают построение этого множества воображаемых миров. Если в эпоху аналоговых медиа локализация сводилась к простому переводу сообщений на иностранный язык, то благодаря цифровым технологиям стала возможна адаптация звуков, музыки, визуальных составляющих [Esser et al., 2016]. С другой стороны, эмпирические исследования показывают, как эти гибридные миры напрямую связаны с политическим взаимодействием. Так, Ф. Дарлинг-Вольф на примере анализа медиаконтента во Франции, США и Японии показала, что каждая страна даже глобальные концепты массовой культуры (например, концепт «американская мечта») всегда использует исходя из своего локального контекста [Darling-Wolf, 2014, p. 142].

Изучение транслокализма актуально и сегодня. Во-первых, предпринимаются попытки уйти от евро-американского взгляда на глобализацию и международную коммуникацию. Ученые стремятся сделать исследования более универсальными и учесть множественность идентичностей, диаспор и транскультурных практик [Lee, 2015]. Во-вторых, идеи транслокализма позволяют проводить практические исследования, например, формирования экономических и социальных связей в отправляющем и принимающем обществах [Greiner, Sakdapolrak, 2013]. В этом аспекте опыт мигрантов изучается и в России [Жить..., 2021].

«Локальный поворот» и «низовые» коммуникации в КНР

Исследователи глобализации и глокализации первоначально обращали внимание на экономическую интеграцию, которая началась на Западе в 1980-х годах, но постепенно представители разных областей увидели иные аспекты феномена. Во-первых, это укрепление социальных связей по всему миру, из-за чего взгляды, через призму которых люди смотрят на социальную реальность, уже не всегда связаны с их собственной страной. Во-вторых, это растущее осознание взаимозависимости, способствующее мировой интеграции. В-третьих, это развитие трансграничных связей не только между государствами, но и между отдельными социальными группами, чему особенно способствовало распространение интернета [Junxi, 2026]. Китайские авторы обращают внимание, что эти факторы неизбежно трансформируют международную коммуникацию: если раньше она была прерогативой правительства и центральных СМИ, то в эпоху новых медиа международная коммуникация становится децентрализованной, в ней участвует

широкий круг участников. Усилий одних только центральных медиа уже недостаточно, все более активную роль в медиадипломатии играют локальные участники [He, 2026].

В работах китайских авторов [Zhao, Wang, 2025] обращение к «низовым» коммуникациям называют «локальным поворотом» (local turn). КНР увидела в механизмах транслокализма возможность обойти фильтры западных глобальных медиа при установлении отношений со странами Глобального Юга, чтобы формировать прямую связь «от низов к низам» и «от людей к людям» и горизонтальному распространению технологий и культуры [Hu, Tang, 2026]. В статье, опубликованной от имени Китайской службы новостей в 2023 году, описывалось создание новой многосубъектной системы внешней пропаганды для более эффективного противостояния Западу и продвижения положительного образа Китая. Для этого предлагалось замещение односторонней коммуникации на основе вещательной модели («я говорю – вы слушаете») диалогом. Отдельное внимание уделялось локальным медиакластерам: кроме государственных каналов важным признавалось использование «низовых» коммуникаций (в том числе социальных сетей) с привлечением китайских диаспор за рубежом и иностранных лидеров мнений. Статья была опубликована в главном теоретическом печатном органе ЦК Коммунистической партии Китая «Цюши» (Qiushi) ¹.

Широкий круг нынешних участников международной коммуникации КНР включает глобальные медиа вроде CGTN, правительственные и негосударственные организации, селебрити в зарубежных странах и даже обычных людей, участвующих в спонтанной народной дипломатии [Hu, Tang, 2026]. Относительно новым инструментом становятся международные коммуникационные центры, которые создаются с 2018 года внутри КНР и за ее пределами и участвуют в многосторонней координации контактов [Huang, Liu, 2025]. Функционирование таких центров считается критически важным для укрепления общего потенциала Китая в сфере международной коммуникации: они помогают адаптировать глобальные нарративы КНР к локальным особенностям отдельных стран и их регионов. Несмотря на то, что китайские глобальные медиа обладают передовыми технологиями, им трудно учесть местные особенности и нюансы, особенно если речь идет об аудиториях в других странах. Коммуникационные центры не только участвуют в локализации контента, но и исследуют локальные аудитории, налаживают контакты с местными организациями [Fang, 2024].

«Низовые» коммуникации как форма с их ориентацией на диалог помогают интегрировать «большие концепции» о положительной роли Китая в «маленькие истории» простых людей [Liang, 2026], что рассматривается сегодня в КНР как средство ослабления монополии Запада на глобальные нарративы. Примечательно, что децентрализация международной коммуникации КНР приводит и к внутренним переменам. Если раньше распространение информации в Китае и за его пределами осуществлялось неодинаково (цензура внутри страны и определенная свобода во внешней медиадипломатии), то теперь принцип «внутреннее отличается от внешнего» постепенно заменяется принципом «внутреннее и внешнее едины» [Shengjun, 2024].

Опыт деятельности китайского коммуникационного центра в Москве

Практическое участие коммуникационных центров в международной коммуникации КНР и локализации контента рассмотрено на примере деятельности расположенного в Москве Центра международного гуманитарного сотрудничества и развития (он же Российско-Китайский Центр ²). Наиболее значимые направления деятельности Центра –

¹ Innovative international communication, tell a good Chinese story. 10.01.2023 // www.qstheory.cn (китайский) URL: https://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-10/01/c_1129890464.htm (дата обращения: 15.04.2026).

² Центр международного гуманитарного сотрудничества и развития. URL: <https://rc-centre.ru/about-us/> (дата обращения: 15.04.2026).

обучение китайскому языку (в том числе через официальное сотрудничество со школами Москвы); помощь в организации обучения как в России, так и в КНР; координация поездок специалистов разного профиля в Китай, встреч, переговоров. Центр участвует в подготовке медиаконтента и взаимодействует с рядом российских медиа, в частности с группой «Россия сегодня», где реализуется проект «Россия – Китай: главное»¹ (он включает и одноименное приложение для смартфона²).

Участие Центра в локализации контента и адаптации китайских нарративов к российским реалиям осуществляется как в рамках сотрудничества с российскими СМИ, так и прямого взаимодействия с ключевыми группами.

Во-первых, Центр осуществляет диверсификацию взаимодействия с аудиториями. Сотрудничество с телеканалом «Россия 1» позволяет выходить на федеральную российскую аудиторию, с телеканалом «Мир» – на международную аудиторию в рамках СНГ³. Здесь часто публикуются материалы об официальном взаимодействии стран, развитии туризма, культурном и экономическом сотрудничестве. Партнерство с телеканалом «Москва 24»⁴ помогает контактировать с московской аудиторией, которая является основной клиентской и партнерской базой Центра, учитывая его географическую привязку к столице. Помимо официальных новостей, данное медиа публикует материалы о традициях и привычках китайцев⁵, об истории российско-китайских отношений⁶. Локализация контента проявляется в том, что редакции СМИ помогают делать материалы о местных событиях, связанных с китайцами (примеры: «Китайские студенты рассказали о причинах выбора московских вузов»⁷, «Площадки фестиваля "Китайский Новый год" разместили в разных частях столицы»⁸). Также осуществляется сотрудничество с телеканалами «Домашний» и «Катюша». Однако «Домашний» просто размещает материалы о КНР (примеры: выпуски проектов «Города мира», «Замуж за рубеж»⁹). Телеканал «Катюша» – это совместный проект Первого канала и Центрального телевидения Китая, вещает с 2017 года на территории КНР с китайскими субтитрами¹⁰ (в данном случае речь идет о локализации российского контента для китайской аудитории).

Во-вторых, Центр работает над формированием деполитизированного, гуманитарного восприятия Китая не только при прямой работе с ключевыми аудиториями (академическое сообщество, молодежь, предприниматели), но и посредством помощи СМИ в подготовке материалов (подбор тем сюжетов, экспертов, услуги перевода). Это важно в связи с тем, что российские граждане, по данным внутренних исследований Центра, по-прежнему воспринимают Китай через стереотипы, ранее сформированные массовой культурой и массмедиа. В прямых коммуникациях с академическим сообществом акцент делается на интерес к научным программам, грантам, публикационному сотрудничеству. В общении с молодежью – ставка на информирование о стажировках, языковых курсах, карьере в Китае. При взаимодействии с предпринимателями – на рассказ о практических решениях,

¹ Проект «Россия – Китай: главное». https://vk.ru/cr1_rus (дата обращения: 17.04.2026).

² Проект «Россия – Китай: главное». <https://www.sinorusnewsfocus.com/> (дата обращения: 17.04.2026).

³ Новости Китая // Проект «СНГ + мир». <https://cisplus.world/category/novosti-kitaya/> (дата обращения: 17.04.2026).

⁴ Москва 24. URL: <https://www.m24.ru/sphinx/?criteria=%D0%9A%D0%9D%D0%A0> (дата обращения: 17.04.2026).

⁵ «Вечерник встречи»: традиции и привычки китайцев. 2.06.2026 // Москва 24. URL: <https://www.m24.ru/audios/02062026/906915> (дата обращения: 3.08.2026).

⁶ «Москлекторий»: Андрей Волынский – о взаимодействии России и Китая. 24.10.2025 // Москва 24. URL: <https://www.m24.ru/shows1/180/841825> (дата обращения: 19.04.2026).

⁷ Китайские студенты рассказали о причинах выбора московских вузов. 18.02.2026 // Москва 24. URL: <https://www.m24.ru/videos/18022026/875354> (дата обращения: 19.04.2026).

⁸ Площадки фестиваля «Китайский Новый год» разместили в разных частях столицы. 17.02.2026 // Москва 24. URL: <https://www.m24.ru/videos/17022026/874660> (дата обращения: 19.04.2026).

⁹ Телеканал «Домашний». URL: <https://domashniy.ru> (дата обращения: 17.04.2026).

¹⁰ Телеканал «Катюша». URL: <https://www.katyusha.tv> (дата обращения: 19.04.2026).

касающихся гуманитарного измерения деловых отношений. На основе содержательного анализа медиапроектов, ориентированных на более широкую аудиторию, Центром выявлены несколько перспективных тематических кластеров, укрепляющих интерес россиян к КНР. Первый – это языковое образование: курсы китайского языка, открытые уроки в московских школах, занятия в детских садах. Второй кластер охватывает традиционную китайскую культуру в ее разнообразных проявлениях: ушу, каллиграфию, чайную церемонию, вырезание из бумаги, традиционную медицину, кулинарные традиции. Так удовлетворяется интерес россиян к экзотическим, но при этом все более доступным практикам восточной культуры. Третий кластер связан с международным сотрудничеством в сфере образования и науки – программами обучения за рубежом, программами двойных дипломов, выездом российских специалистов в КНР для участия в научно-исследовательских проектах.

В-третьих, Центр международного гуманитарного сотрудничества регулярно проводит мониторинг коммуникационной экосистемы Москвы для совершенствования собственных локальных стратегий взаимодействия с аудиторией. Часть московских коммуникационных центров занимается непосредственным производством контента, часть – его агрегацией и дистрибуцией. Некоторые центры сосредоточены на методической и образовательной деятельности, направленной на профессиональное сообщество медиаспециалистов. А такие крупные структуры, как АНО «Диалог» и Центр управления регионом совмещают все три формата деятельности. Во внутренних документах Российско-Китайского Центра отмечается, что в 2023–2025 гг. эти московские медиацентры сделали акцент на создание гиперлокального контента, ориентированного на конкретные районы и сообщества Москвы, активное применение инструментов искусственного интеллекта для персонализации подачи материала, а также на развитие сетей контактов с городскими НКО, университетами и профессиональными ассоциациями.

В-четвертых, Центр содействует развитию сотрудничества между китайскими и российскими СМИ, но в связи с закрытостью данных описание конкретные механизмов и практик ограничено. Однако открытые данные в интернете свидетельствуют о развитии сотрудничества отечественных СМИ с Медиакорпорацией Китая (CMG), информационным агентством «Синьхуа» и международным телеканалом CGTN. О совместной работе с ними, например, заявили в 2023 году ВГТРК ¹, крупнейший частный медиахолдинг России «Национальная медиагруппа» ², российская частная мультиплатформенная компания «Евразийская медиагруппа» ³, «Газпром-Медиа-Холдинг», ТАСС ⁴. Китайские медиа начали подписывать как точечные соглашения о партнерстве с российскими региональными медиа для освещения российско-китайских мероприятий, так и постоянные. Так, ГТРК «Владивосток» не менее 10 лет сотрудничает с CGTN, телевидением городов Чанчунь, Чуньчунь, Яньбянь Корейского Автономного Округа, агентством «Синьхуа». Компания не только использует контент иностранных коллег, но и выпускает на китайском языке программу «Вести Приморье» (обзор основных событий по темам экономики, культуры, туризма, культуры двух стран) ⁵.

¹ Медиакорпорации Китая и ВГТРК договорились о сотрудничестве 21.03.2023 // Большая Азия. URL: <https://bigasia.ru/mediakorporacziya-kitaya-i-vgtrk-dogovorilis-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 19.04.2026).

² Эксклюзив: Медийное сотрудничество между Россией и Китаем играет исключительно важную роль в двусторонних отношениях гендиректор Национальной Медиа Группы С. Баланова. 24.05.2026 // myseldon.com. URL: <https://myseldon.com/ru/news/index/346297612?requestId=2fd9f37e-3191-4237-8212-f2bedd0bdafd> (дата обращения: 20.07.2026).

³ Евразийская медиагруппа и Русская служба CGTN заключили соглашение о взаимном обмене контентом. 17.12.2024 // Евразия сегодня. URL: <https://eurasia.today/news/evraziyskaya-mediagruppa-i-russkaya-sluzhbha-cgtn-zaklyuchili-soglashenie-o-vzaimnom-obmene-kontentom/> (дата обращения: 20.07.2026).

⁴ Информагентство Синьхуа подписало документы о сотрудничестве с российскими медийными организациями. 22.05.2026 // Синьхуа Новости. URL: <https://russian.news.cn/20260522/1f06c9c35a0140f4b0a84165c01cb084/c.html> (дата обращения: 20.07.2026).

⁵ «Вести Приморье» в китайской провинции Ляонин. 26.09.2017 // Вести Приморье. URL: <https://vestiprim.ru/news/ptnews/54995-vesti-primore-v-kitayskoy-lyeonin.html> (дата обращения: 20.07.2026).

Интересным примером интеграции с CGTN является и телеканал «Хабаровск». Здесь не менее пяти лет 1–2 раза в месяц выходит программа «CGTN – китайские новости», в которой освещаются разные темы от политики и экономики до технологий, мультимедиа, моды, праздников, бытовых новостей¹. Помимо готовых сюжетов от китайских корреспондентов создаются и совместные сюжеты с использованием видеоконференцсвязи. Эпизодически проходят телемосты (например, «Хабаровск – Харбин – Москва»²), а также корреспонденты CGTN иногда делают сюжеты по заказу телекомпании. Так, в частности, освещалась выставка «Хайнань-экспо»³. На канале «Хабаровск» выходит программа «Китай и Россия – вместе: семья, работа, отдых / Хабаровск. Мы», она освещает взаимодействие с КНР уже в самом городе. Например, здесь выходят сюжеты о визитах китайских инвесторов, блогерах, о российско-китайских семьях и так далее⁴.

В качестве одного из дальнейших направлений деятельности Центра рассматривается не только взаимодействие со СМИ по адаптации китайского контента к российской аудитории, но и реализация стратегии КНР по его совместному с Россией производству. Уже сегодня осуществляются мероприятия по укреплению сотрудничества с блогерами и руководителями социальных сетей, например, сети ВКонтакте⁵.

Заключение

Пример деятельности Центра международного гуманитарного сотрудничества и развития иллюстрирует осуществляемый КНР переход к комплексной системе международной коммуникации, сочетающей деятельность как традиционных глобальных медиа, так и локальных коммуникационных центров, которые помогают адаптировать медиаконтент и иные способы трансляции смыслов (например, пользовательский контент, короткие видео) к условиям конкретной страны, региона, города.

Центр контактирует напрямую с ключевыми аудиториями (академическое сообщество, молодежь, предприниматели), а также помогает российским медиа в подготовке контента о Китае (подбор тем, экспертов, услуги перевода). Развиваются такие тематические направления, как курсы китайского языка, китайская культура (экзотические, но доступные практики), международное сотрудничество в сфере науки и образования. Также Центр проводит мониторинг коммуникационной экосистемы Москвы с целью совершенствования собственных стратегий. Заявляется участие Центра в развитии деловых отношений между российскими и китайскими СМИ, но конкретная информация закрыта, при этом анализ открытых источников в интернете свидетельствует о подписании ряда партнерских соглашений в 2023–2026 годах.

Усиление роли китайских локальных коммуникационных центров в международной коммуникации и дипломатии происходит под влиянием «локального поворота» КНР, который реализует на практике концепцию транслокализма и позволяет одним территориям напрямую обмениваться культурой, технологией, контентом, смыслами с другими при минимальном участии центра. Данная стратегия должна помочь Китаю преодолеть монополию Запада над глобальными каналами коммуникации и способствовать развитию добрососедских отношений со странами Глобального Юга.

¹ CGTN – китайские новости // Телеканал Хабаровск. URL: <https://rutube.ru/plst/72171/> (дата обращения: 20.07.2026).

² Телемост: Хабаровск – Харбин – Москва. 20.05.2025 // Телеканал «Хабаровск». URL: https://vkvideo.ru/video-48769008_456251502?pl=-48769008_4 (дата обращения: 20.07.2026)

³ Россия и Китай: мост через «Хайнань экспо – 2026». 15.04.2026 // Телеканал «Хабаровск». URL: https://vkvideo.ru/video-48769008_456254828?pl=-48769008_4 (дата обращения: 20.07.2026).

⁴ Китай и Россия – вместе: семья, работа, отдых. 13.08.2024 // Телеканал «Хабаровск». URL: https://vkvideo.ru/video-48769008_456248930?pl=-48769008_4 (дата обращения: 20.07.2026).

⁵ В посольстве Китая в России прошла церемония открытия конкурса контента в новых медиа и день открытых дверей для интернет-знаменитостей. 24.06.2026 // Синьхуа Новости. URL: <https://russian.news.cn/20260624/2a1dfa52b56048bba6af068d4c7ee560/c.html> (дата обращения: 20.07.2026).

Таким образом, деятельность Центра иллюстрирует ключевые стратегии локального поворота коммуникации КНР: диверсификацию взаимодействия с разными аудиториями через федеральные и региональные СМИ; создание контента, формирующего деполитизированное восприятие Китая.

Список литературы

- Андерсон Б. 2001. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В.Г. Николаева. Под ред. С.П. Баньковской. Москва, Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 288 с. (Benedict A. 1999. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York, Verso, 243 p.)
- Борисова Ю.М. 2018. Медиаландшафт в Китае. Экспансия китайских СМИ на Запад. *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*, 3(17): 88–97.
- Гулева М.А., Калинина А.А. 2025. Обзор деятельности медиакорпорации Китая и ее роль во взаимодействии с российскими СМИ. *Социально-гуманитарные знания*, 4: 371–374.
- Жить в двух мирах: Переосмысляя транснационализм и транслокальность. 2021. Под ред. О.Е. Бердниковой, С.Н. Абашина. Москва, Новое литературное обозрение, 520 с.
- Зорин К.А. 2024а. Визуальная коммуникация в видеоконтенте на примере программ телевидения Китая (CCTV). *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*, 11: 138–147. DOI: [10.28995/2686-7249-2024-11-138-147](https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-11-138-147)
- Зорин К.А. 2024б. В точке «здесь-и-сейчас»: локальные медиа в коммуникативном пространстве сетевого общества. Пенза, Социосфера, 295 с.
- Линчжи Л., Цзяхуан Т. 2025. Нарративы «нового мирового порядка» в медиадискурсе «China Daily»: идеологические и языковые особенности. *Язык. Коммуникация. Общество*, 2(10): 30–39.
- Подольяк Д.В. 2018. СМИ как инструмент «мягкой силы» во внешней политике КНР. *Общество: политика, экономика, право*, 11(64): 41–44. DOI: [10.24158/pep.2018.11.8](https://doi.org/10.24158/pep.2018.11.8)
- Соколов А.В. 2023. Коммуникативные стратегии китайских медиа в концепции «Сообщества единой судьбы». *Вестник Академии медиаиндустрии*, 1(33): 154–177.
- Тан Ж. 2024. Медийное сотрудничество Беларуси и Китая в аспекте межкультурной коммуникации. *Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии*, 1(279): 57–62. DOI: [10.52065/2520-6729-2024-279-8](https://doi.org/10.52065/2520-6729-2024-279-8).
- Цзинь Т. Визуальные коммуникации в современной журналистике: проблемы и перспективы. *Научный аспект*, 2 (25): 3108–3112.
- Agina A. 2025. The reception of China's StarTimes in Nigeria. *Journal of African Media Studies*, 17(2): 169–182. DOI: [10.1386/jams.00138.1](https://doi.org/10.1386/jams.00138.1)
- Appadurai A. 2000. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy. In: *The Global Transformations Reader: An Introduction to the Globalization Debate*. Eds. D. Held, A. McGrew. Polity Press, Blackwell Publishing: 230–238.
- Appadurai A. 2001. Grassroots Globalization and the Research Imagination. In: *Globalization*. Ed. A. Appadurai. Durham et Londres, Duke University Press: 1–21.
- Appadurai A. 2003. The production of locality. In: *Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge*. Ed. R. Fardon. London, Routledge: 204–225.
- Carpentier N. 2007. Translocalism, Community Media and the City. Centre for Studies on Media and Culture, Free University Brussels, Brussels, Belgium, 32 p.
- Darling-Wolf F. 2014. *Imagining the Global: Transnational Media and Popular Culture Beyond East and West*. University of Michigan Press, 216 p. DOI: [10.3998/nmw.12748915.0001.001](https://doi.org/10.3998/nmw.12748915.0001.001)
- Esser A., Bernal-Merino M.A., Smith R. 2016. Introduction. In: *Media Across Borders Localizing TV, Film, and Video Games*. Eds. A. Esser, I.R. Smith, M.Á. Bernal-Merino. New Yourk, London: Routledge: 1–18.
- Fang Sh. 2024. Localization and Globalization, the Complexities and Strategies of Establishing Local International Communication Centers in China. In: *Proceedings of the 2024 8th International Seminar on Education, Management and Social Sciences (ISEMSS 2024)* (Harbin, China, 19–21 July, 2024). Atlantis Press: 573–579. DOI: [10.2991/978-2-38476-297-2_72](https://doi.org/10.2991/978-2-38476-297-2_72)
- Greiner C., Sakdapolrak P. 2013. Translocality: Concepts, applications and emerging research perspectives. *Geography Compass*, 7(5): 373–384. DOI: [10.1111/gec3.12048](https://doi.org/10.1111/gec3.12048)

- He M., Zhang W., Liu L. 2026. The local international communication center carries out the innovation path of media diplomacy. *Journalism & Media Studies*, 8: 85–87. 和曼, 张文君, 刘岚. 地方国际传播中心开展媒体外交创新路径. *Journalism & Media Studies*, 2026, (8) 85–87.
- Hu Yu, Tang J. 2026. Cultivating a new type of international communication subject: Picture, direction and practice. *International Communications*, 8: 4–8. DOI: [10.26948/j.cnki.dwcb.2026.08.015](https://doi.org/10.26948/j.cnki.dwcb.2026.08.015). 胡钰, 汤继运. 培育新型国际传播主体: 图景、方向与实践. *International Communications*, 2026, (8) 4–8. DOI: [10.26948/j.cnki.dwcb.2026.08.015](https://doi.org/10.26948/j.cnki.dwcb.2026.08.015).
- Huang Ch., Liu Ch. 2025. Challenges and ways forward: the practice of local International communication Centers in the context of systematic change in mainstream media. *Global Communication Review*, 4: 4–10. 黄楚新, 刘畅. 挑战与进路: 主流媒体系统性变革视域下的地方国际传播中心实践. *Global Communication Review*, 2025, (4) 4–10.
- Junxi Y. 2026. The “Triple Model” of Chinese Cultural Communication from the Perspective of Globalization. *Jiangxi Social Sciences*, 46(02): 155–164.
- Lee Ch.-Ch. 2015. Internationalizing "International Communication". Michigan, University of Michigan Press, 338 p.
- Li Y. 2025. AI-Driven Efficiency Enhancement in Television Content Production. *Journal of Media Technology*, 18(3): 45–62.
- Liang Y. 2026. Ten years of international communication breaking the game: Narrative innovation and path optimization from “spreading out” to “integrating in”. *Chinese reporter*, 3. 梁益畅. 2026. 十年国际传播破局: 从“传出去”到“融进去”的叙事革新与路径优化. *中国记者*, 3. URL: <https://news.qq.com/rain/a/20260316A02WR600> (дата обращения: 7.04.2026).
- Marsh V., Madrid-Morales D., Paterson Ch. 2023. Global Chinese media and a decade of change. *International Communication Gazette*, 85(1): 3–14. DOI: [10.1177/17480485221139459](https://doi.org/10.1177/17480485221139459)
- Morales P.S. 2021. International broadcasters and country image management: Comparing audience perceptions of China, Russia and Iran in Latin America. *Global Media and China*, 6(1): 100–115. DOI: [0.1177/2059436420960882](https://doi.org/10.1177/2059436420960882)
- Robertson R. 1995. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: *Global Modernities*. Eds. M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. Sage Publications, London: 25–44.
- Roudometof V. 2019. Recovering the local: From glocalization to localization. *Current Sociological Review*, 67(6): 801–817. DOI: [10.1177/0011392118812933](https://doi.org/10.1177/0011392118812933)
- Shengjun S. 2024. A Strategic Study of China's International Communication – Take CGTN and CCTV Global International Video Agency for Examples. *Journal of Shangqiu Polytechnic*, 23(5): 38–42.
- Thussu D. 2022. Rethinking global media ethics for a ‘post-American’ world. In: *Global Media Ethics and the Digital Revolution*. Ed. N. Miladi. Abingdon, Routledge: 88–100.
- Yamada K. 2011. China’s Focus on External Publicity: The Impact of Changing Media Policy at Home and Abroad. *NHK Broadcasting studies*, 9: 185–208.
- Zhao Yu., Wang X. 2025. The Local Turn in International Communication: Theories, Resources and Praxis. *Ningxia Social Sciences*, 1(01): 172–185. 赵月芝, 王新宇. 国际传播的“地方转向”: 理论、资源与实践路径. *宁夏社会科学*. 2024, 1: 161–170. DOI: [10.3969/j.issn.1002-0292.2024.01.016](https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-0292.2024.01.016)

References

- Anderson B. 2001. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Transl. from engl. by V.G. Nikolaev. Ed. S.P. Ban'kovskaya. Moscow, Publ. Kanon-press-Ts, Kuchkovo pole, 288 p. (Benedict A. 1999. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London; New York, Verso, 243 p.)
- Borisova Yu.M. 2018. Chinese media landscape. Chinese media goes globa. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, (17): 88–97 (in Russian).
- Guleva M.A., Kalinina A.A. 2025. Review of the activities of China Media Group and its role in interaction with Russian media. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 4: 371–374.
- Tang J. 2024. Mediynoye sotrudnichestvo Belarusi i Kitaya v aspekte mezhkul'turnoy kommunikatsii. *Trudy BGTU. Ser. 4, Print- i mediatekhnologii*, 1 (279): 57–62. DOI: [10.52065/2520-6729-2024-279-8](https://doi.org/10.52065/2520-6729-2024-279-8).

- "Zhit' v dvukh mirakh": Pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost' ["Living in Two Worlds": Rethinking Transnationalism and Translocality]. 2021. Eds. O.E. Berdnikova, S.N. Abashin. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 520 p.
- Zorin K.A. 2024a. Visual communication in video content using Chinese television (CCTV) programmes as an example. *RSUH/RGGU Bulletin: Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies, Series*, 11: 138–147 (in Russian). DOI: [10.28995/2686-7249-2024-11-138-147](https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-11-138-147)
- Zorin K.A. 2024b. V tochke «zdes'-i-seichas»: lokal'nye media v kommunikativnom prostranstve setevogo obshchestva [At the Point of "Here and Now": Local Media in the Communicative Space of the Network Society]. Penza, Publ. Sotsiosfera, 295 p.
- Jin T. Vizual'nyye kommunikatsii v sovremennoy zhurnalistike: problemy i perspektivy. *Nauchnyy aspekt*, 2(25): 3108–3112.
- Lingzhi L., Jiahuang T. 2025. Narratives of the «New World Order» in the Media Discourse of «China Daily»: Ideological and Linguistic Features. *Language. Communication. Society*, 2(10): 30–39 (in Russian).
- Podolyak D.V. 2018. Media as a Soft Power Tool in the Prc's Foreign Policy. *Society: Politics, Economics, Law*, 11(64): 41–44 (in Russian). DOI: [10.24158/pep.2018.11.8](https://doi.org/10.24158/pep.2018.11.8)
- Sokolov A.V. 2023. Communication Strategies of the Chinese Media in the “Community With Shared Future” Concept. *Bulletin of the Academy of Media Industry*, 1(33): 154–177 (in Russian).
- Agina A. 2025. The reception of China's StarTimes in Nigeria. *Journal of African Media Studies*, 17(2): 169–182. DOI: [10.1386/jams_00138_1](https://doi.org/10.1386/jams_00138_1)
- Appadurai A. 2000. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy. In: *The Global Transformations Reader: An Introduction to the Globalization Debate*. Eds. D. Held, A. McGrew. Polity Press, Blackwell Publishing: 230–238.
- Appadurai A. 2001. Grassroots Globalization and the Research Imagination. In: *Globalization*. Ed. A. Appadurai. Durham et Londres, Duke University Press: 1–21.
- Appadurai A. 2003. The production of locality. In: *Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge*. Ed. R. Fardon. London, Routledge: 204–225.
- Carpentier N. 2007. Translocalism, Community Media and the City. Centre for Studies on Media and Culture, Free University Brussels, Brussels, Belgium, 32 p.
- Darling-Wolf F. 2014. Imagining the Global: Transnational Media and Popular Culture Beyond East and West. University of Michigan Press, 216 p. DOI: [10.3998/nmw.12748915.0001.001](https://doi.org/10.3998/nmw.12748915.0001.001)
- Esser A., Bernal-Merino M.A., Smith R. 2016. Introduction. In: *Media Across Borders Localizing TV, Film, and Video Games*. Eds. A. Esser, I.R. Smith, M.Á. Bernal-Merino. New Yourk, London, Routledge: 1–18.
- Fang Sh. 2024. Localization and Globalization, the Complexities and Strategies of Establishing Local International Communication Centers in China. In: *Proceedings of the 2024 8th International Seminar on Education, Management and Social Sciences (ISEMSS 2024)* (Harbin, China, 19–21 July, 2024). Atlantis Press: 573–579. DOI: [10.2991/978-2-38476-297-2_72](https://doi.org/10.2991/978-2-38476-297-2_72)
- Greiner C., Sakdapolrak P. 2013. Translocality: Concepts, applications and emerging research perspectives. *Geography Compass*, 7(5): 373–384. DOI: [10.1111/gec3.12048](https://doi.org/10.1111/gec3.12048)
- He M., Zhang W., Liu L. 2026. The local international communication center carries out the innovation path of media diplomacy. *Journalism & Media Studies*, 8: 85–87. 和曼, 张文君, 刘岚. 地方国际传播中心开展媒体外交创新路径. *Journalism & Media Studies*, 2026, (8) 85–87.
- Hu Yu, Tang J. 2026. Cultivating a new type of international communication subject: Picture, direction and practice. *International Communications*, 8: 4–8. DOI: [10.26948/j.cnki.dwcb.2026.08.015](https://doi.org/10.26948/j.cnki.dwcb.2026.08.015). 胡钰, 汤继运. 培育新型国际传播主体: 图景、方向与实践. *International Communications*, 2026, (8) 4–8. DOI: [10.26948/j.cnki.dwcb.2026.08.015](https://doi.org/10.26948/j.cnki.dwcb.2026.08.015).
- Huang Ch., Liu Ch. 2025. Challenges and ways forward: the practice of local International communication Centers in the context of systematic change in mainstream media. *Global Communication Review*, 4: 4–10. 黄楚新, 刘畅. 挑战与进路: 主流媒体系统性变革视域下的地方国际传播中心实践. *Global Communication Review*, (4): 4–10.
- Junxi Y. 2026. The “Triple Model” of Chinese Cultural Communication from the Perspective of Globalization. *Jiangxi Social Sciences*, 46(02): 155–164.

- Lee Ch.-Ch. 2015. Internationalizing "International Communication". Michigan, University of Michigan Press, 338 p.
- Li Y. 2025. AI-Driven Efficiency Enhancement in Television Content Production. *Journal of Media Technology*, 18(3): 45–62
- Liang Y. 2026. Ten years of international communication breaking the game: Narrative innovation and path optimization from "spreading out" to "integrating in". *Chinese reporter*, 3. 梁益畅. 2026. 十年国际传播破局：从“传出去”到“融进去”的叙事革新与路径优化. 中国记者, 3. URL: <https://news.qq.com/rain/a/20260316A02WR600> (дата обращения: 7.04.2026).
- Marsh V., Madrid-Morales D., Paterson Ch. 2023. Global Chinese media and a decade of change. *International Communication Gazette*, 85(1): 3–14. DOI: [10.1177/17480485221139459](https://doi.org/10.1177/17480485221139459)
- Morales P.S. 2021. International broadcasters and country image management: Comparing audience perceptions of China, Russia and Iran in Latin America. *Global Media and China*, 6(1): 100–115. DOI: [0.1177/2059436420960882](https://doi.org/10.1177/2059436420960882)
- Robertson R. 1995. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Global Modernities. Eds. M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. Sage Publications, London: 25–44.
- Roudometof V. 2019. Recovering the local: From glocalization to localization. *Current Sociological Review*, 67(6): 801–817. DOI: [10.1177/0011392118812933](https://doi.org/10.1177/0011392118812933)
- Shengjun S. 2024. A Strategic Study of China's International Communication – Take CGTN and CCTV Global International Video Agency for Examples. *Journal of Shangqiu Polytechnic*, 23(5): 38–42.
- Thussu D. 2022. Rethinking global media ethics for a 'post-American' world. In: Global Media Ethics and the Digital Revolution. Ed. N. Miladi. Abingdon, Routledge: 88–100.
- Yamada K. 2011. China's Focus on External Publicity: The Impact of Changing Media Policy at Home and Abroad. *NHK Broadcasting studies*, 9: 185–208.
- Zhao Yu., Wang X. 2024. The Local Turn in International Communication: Theories, Resources and Praxis. *Ningxia Social Sciences*, 1(01): 172–185. 赵月芝, 王新宇. 国际传播的“地方转向”：理论、资源与实践路径. 宁夏社会科学. 2024, 1: 161–170. DOI: [10.3969/j.issn.1002-0292.2024.01.016](https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-0292.2024.01.016)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.04.2026
Поступила после рецензирования 12.08.2026
Принята к публикации 27.08.2026

Received April 20, 2026
Revised August 12, 2026
Accepted August 27, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зорин Кирилл Александрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры журналистики, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия.

Kirill A. Zorin, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Journalism, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Чжань Чэнь, магистрант кафедры журналистики, Московский финансово-юридический университет МФЮА; Центр международного гуманитарного сотрудничества и развития, г. Москва, Россия.

Chen Zhan, Master's Student, Department of Journalism, Moscow University of Finance and Law; Center for International Humanitarian Cooperation and Development, Moscow, Russia.

Клюев Юрий Владимирович, доктор политических наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и социальных коммуникаций, Херсонский государственный педагогический университет, г. Херсон, Россия.

Yuriy V. Klyuev, Doctor of Political Science, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Journalism and Social Communications, Kherson State Pedagogical University, Kherson, Russia.

УДК 070:654.197(476)(091)

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-453-463

EDN TEIPSQ

Тележурнал Минской студии телевидения как форма эволюции печатного издания: коммуникативные приемы вовлечения зрителей

Морозова Е.И.

Белорусский государственный университет

Республика Беларусь, 220004, г. Минск, ул. Кальварийская, д. 9

aimarozawa@gmail.com

Аннотация. Динамичная трансформация медиасреды и практик медиапотребления актуализирует изучение жанровых форм, обеспечивающих историческую и культурную преемственность, а также процессов их адаптации к изменяющимся условиям функционирования медиа. Несмотря на значимую роль тележурнала в становлении аудиовизуальной коммуникации, дискурсивная специфика этой жанровой формы, особенно на материале раннего белорусского телевидения, до настоящего времени не исследовалась. Цель исследования – выявить коммуникативные приёмы, использовавшиеся создателями тележурналов для вовлечения зрителей в процесс осмысления контента. Рассмотрен исторический опыт Минской студии телевидения (1956–1963 гг.) – одной из первых республиканских телевизионных студий СССР, выбор которой обусловлен ее значительной ролью в становлении белорусского телевидения и включенностью в общесоюзную систему телевизионного обмена: программы транслировались не только в БССР, но и на Центральном телевидении. Проведен сравнительный дискурс-анализ белорусских тележурналов и близких им по тематике советских печатных журналов «Искусство», «Здоровье», «Работница и крестьянка» за 1956–1963 гг. Установлено, что освоение телевидением коммуникативной формы печатного издания сопровождалось трансформацией принципов композиции, рубрикации и организации материала, а также становлением мультимодальной системы выразительных средств. Выявлены характерные для тележурнала коммуникативные приёмы индуктивной композиции, диалогизированного полилога, а также конструирования образа съёмочной группы и системы интертекстуальных связей. Научный вклад исследования заключается в выявлении дискурсивных особенностей тележурнала как самостоятельной формы телевизионной журналистики, а также во введении в научный оборот сценариев первых белорусских регулярных телепередач – тележурналов «Искусство», «Здоровье» и «Для вас, женщины».

Ключевые слова: история советского телевидения, тележурнал, интертекст, диалогизированный полилог, визуальная экспликация метафор, индуктивная композиция

Для цитирования: Морозова Е.И. 2026. Тележурнал Минской студии телевидения как форма эволюции печатного издания: коммуникативные приемы вовлечения зрителей. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 453–463. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-453-463 EDN TEIPSQ

The Telemagazine of Minsk Television Studio as a form of Printed Media Evolution: Communicative Strategies for Audience Engagement

Elena I. Morozowa

Belarusian State University

9 Kalvarijskaya St., Minsk 220004, Republic of Belarus

aimarozawa@gmail.com

Abstract. The dynamic transformation of the media environment and media consumption practices has increased the relevance of studying genre forms that ensure historical and cultural continuity, as well as the

processes through which they adapt to changing media conditions. Despite the significant role of the television magazine in the development of audiovisual communication, the discursive characteristics of this genre, particularly in the context of early Belarusian television broadcasting, have not yet been examined. This article explores the historical experience of Minsk Television Studio (1956–1963), one of the first republican television studios in the USSR. The choice of this case is explained by its significant contribution to the development of Belarusian television broadcasting and its integration into the all-Union television exchange system, with its programmes broadcast not only within the Byelorussian Soviet Socialist Republic (BSSR) but also on Soviet Central Television. The novelty of the study lies in introducing into scholarly circulation the scripts of the first regular Belarusian television programmes. The aim of the research is to identify the communicative strategies employed by television magazine producers to engage viewers in the process of content interpretation. A comparative discourse analysis was conducted of Belarusian television magazines and thematically related Soviet print magazines, "Iskusstvo", "Zdorovye", "Rabotnitsa i Syalanka", published between 1956 and 1963. The study demonstrates that television appropriating the communicative form of the print periodical entailed transformations in the principles of composition, sectioning, and content organization, as well as the emergence of a multimodal system of expressive means. The analysis reveals the television magazine characteristic inductive composition, dialogized polylogue, and the construction of both the production team's image and a system of intertextual connections. The academic contribution of the study lies in identifying the discursive features of the television journal as an independent form of television journalism.

Keywords: history of Soviet television, telemagazine, intertextuality, dialogic polylogue, visual explication of metaphors, inductive composition

For citation: Morozowa E.I. 2026. The Telemagazine of Minsk Television Studio as a form of Printed Media Evolution: Communicative Strategies for Audience Engagement. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 453–463 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-453-463 EDN TEIPSQ

Введение

В условиях интенсивного развития аудиовизуальной коммуникации и ускоренного обновления дискурсивных практик особую значимость приобретает изучение процессов адаптации медийных жанров к меняющейся технологической и культурной среде. Переосмысление коммуникативных моделей было характерно и для раннего этапа развития Центрального телевидения Советского Союза (далее – ЦТ), что делает данный исторический опыт значимым материалом для исследования медийных трансформаций.

В рамках единой телевизионной системы республиканские студии выступали пространством формирования собственных коммуникативных практик, сочетавших общесоюзные модели вещания с локальными культурными особенностями. В этом контексте особое место занимает Минская студия телевидения, начавшая регулярное вещание 1 января 1956 г. и ставшая одной из первых республиканских телестудий Советского Союза. Развитая система периодической печати БССР, представленная общественно-политическими, литературно-художественными и отраслевыми изданиями, создавала культурную среду, в которой журнальные формы и способы организации материала были хорошо знакомы аудитории. Наличие сохранившихся архивных сценариев позволяет рассматривать белорусский тележурнал как репрезентативный материал для изучения процессов эволюции печатного журнала в аудиовизуальную форму.

В последние десятилетия наблюдается возрастающий интерес к истории советского телевидения. Институциональному развитию и программной политике телевидения посвящены исследования Н. С. Гегеловой [Гегелова, 2011], а функционирование Центрального телевидения СССР в социокультурном контексте анализирует К. Эванс [Эванс, 2024]. Вопросы телевизионной речи и жанровой системы телевидения рассматриваются в работах О. В. Гладко [Гладко, 2023] и С. Н. Ильченко [Ильченко, 2012]. Вместе с тем коммуникативная специфика телевизионного журнала как жанровой формы,

основанной на взаимодействии вербальных, визуальных и акустических знаков, до настоящего времени не стала предметом специального исследования. В частности, остается недостаточно изученным вопрос о том, каким образом элементы печатного журнала были адаптированы к условиям телевизионного вещания и какие коммуникативные механизмы обеспечивали сохранение журнальной формы в аудиовизуальном медиатексте. Отсутствие подобных исследований затрудняет реконструкцию процессов междийной преемственности и не позволяет в полной мере определить место телевизионного журнала в эволюции журнальных форм. Цель исследования заключается в выявлении коммуникативной специфики белорусского тележурнала 1956–1969 гг. как формы эволюции печатного журнала и в определении приёмов вовлечения аудитории, использовавшихся создателями тележурналов.

Материалы и методы исследования

Гипотеза исследования заключается в том, что белорусский тележурнал сформировал особую модель телевизионного повествования, в которой принципы организации печатного журнала были адаптированы к аудиовизуальной природе телевидения и нашли выражение на композиционном, лексическом и структурном уровнях медиатекста.

Материал исследования включает 41 единицу анализа, в том числе все сохранившиеся микрофонные папки белорусских тележурналов (6 микрофонных папок тележурнала «Искусство» за 1956 г. и 4 микрофонные папки за 1962 г., по 7 микрофонных папок тележурналов «Здоровье» и «Для вас, женщины» 1962 и 1963 гг.). Термин «микрофонные папки» в настоящем исследовании используется для обозначения производственных документов телевизионного вещания, включающих сценарные планы, дикторские тексты, описания визуальных решений и указания для операторов, режиссёров и звукорежиссёров. Комплексный характер этих материалов позволяет использовать их в качестве источников для реконструкции содержания телепередач. Для сравнительного анализа были отобраны по 8 выпусков близких по тематике к рассматриваемым тележурналам печатных журналов «Искусство», «Здоровье», «Работница и крестьянка» 1956–1963 гг., по одному выпуску за год, всего 24 выпуска.

Дополнительный материал составили архивные фонды сценариста тележурнала «Искусство» О. Санникова¹ и одного из режиссёров этого тележурнала – А. Гутковича², содержащие режиссёрские сценарии, документацию, творческую переписку и рабочие материалы телевизионного процесса. Для уточнения контекста были проведены полуструктурированные интервью с двумя ветеранами белорусского телевидения: Т. Андроновой (журналист, работала на телевидении с 1960-х гг.) и Н. Чайкой (журналист, начинала карьеру в 1960-е гг.). Интервью проводились автором статьи лично в 2025 году. Расшифровки хранятся в архиве автора. Цитаты используются в статье как иллюстративный материал, отражающий субъективные воспоминания респондентов, и не рассматриваются как эмпирическое доказательство. Все респонденты дали информированное согласие на публикацию цитат.

Для понимания места и роли белорусского тележурнала в структуре вещания проведён качественно-количественный контент-анализ сплошной выборки сохранившихся в Национальном архиве Республики Беларусь и в Белорусском государственном архиве кино-, фото- и фонодокументов микрофонных папок телепередач 1956–1958 г. (187 микрофонных папок). При анализе использована формула расчёта удельного веса категории на основе взвешенного суммарного показателя [Krippendorff, 2018]. Составленные при этом списки телепередач, данные вычислений и конспекты сценариев хранятся в личном архиве автора.

¹ Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИИ.) Ф. 129.

² Там же. Ф. 325).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1956 по 1963 год, что соответствует этапу функционирования Минской студии телевидения до её преобразования в Студию Белорусского телевидения в 1964 году. Выбор данного временного отрезка обусловлен, во-первых, началом регулярного производства тележурналов с момента основания студии в 1956 году, во-вторых, сохранностью архивных материалов именно за этот период. После 1964 года организационная структура телевидения в БССР была изменена, что повлияло на формат и условия производства тележурнала, поэтому данный этап рассматривается как завершённый и внутренне целостный с точки зрения анализируемого материала.

Методологической основой исследования является сравнительный дискурс-анализ, направленный на выявление способов организации значений в телевизионных и печатных медиатекстах. В качестве единиц исследования рассматривались принципы композиционной организации материала, формы взаимодействия адресанта и адресата, способы рубрикации, особенности репрезентации образов и использования мультимодальных средств. Реконструкция содержания тележурналов осуществлялась посредством последовательного изучения вербальных, визуальных, акустических и кинестетических компонентов, зафиксированных в микрофонных папках. Сопоставление телевизионных и печатных журналов позволило проследить адаптацию журнальной формы при переходе от одномодального печатного текста к мультимодальной аудиовизуальной коммуникации и выявить специфические для тележурнала коммуникативные приёмы вовлечения аудитории.

Результаты и их обсуждение

Тележурналы занимали значимое место в становлении ранних дискурсивных практик белорусского телевидения и формировании специализированных моделей экранной коммуникации. Например, тележурнал «Здоровье», пробный эфир которого состоялся 11 января 1963 г.¹, на протяжении десятилетий был одной из самых популярных передач белорусского телевидения; тележурнал «Мастацтва» («Искусство») ², который начал выходить 23 июня 1956 г.³, относится к первым аудиовизуальным текстам о культурной и художественной жизни Беларуси. Выпуски тележурнала «Для вас, женщины» можно назвать одними из первых передач для женской аудитории на советском телевидении. Рассмотрим подробнее дискурсивные приёмы и средства, обеспечивавшие функционирование данных моделей экранной коммуникации.

1. Место и роль в структуре вещания, рубрикация и композиция тележурнала

Качественно-количественный контент-анализ показал, что доля тележурналов в структуре вещания стремительно возрастала: с 6,25 % эфирного времени в 1956 г. до 12,6 % в 1958 г. Поскольку в 1956 г. структура вещания белорусского телевидения была представлена преимущественно единичными жанровыми формами, а телевизионные новости начали регулярно выходить лишь с 1958 г., тележурналы могут быть определены как первые регулярные передачи белорусского телевидения. Тележурналы выходили, как правило, раз в три недели в вечернем эфире (17–18 часов). Типичный выпуск продолжительностью 45–60 минут включал пять–шесть сюжетов, разделённых студийными подводками, выступлениями диктора или приглашённых участников. Сравнительный дискурс-анализ показал, что в большинстве (95%) исследованных выпусков композиция тележурнала воспроизводила журнальную модель рубрикации. Названия сюжетов выносились на экран при помощи графических средств, а переходы между сюжетами сопровождались визуально-акустическими перебивками. Использование дикторами терминов «страница», «рубрика», «номер», «музыкальная обложка» дополнительно маркировало связь передачи с журнальной традицией.

¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 871. Оп. 8. Дело 93.

² Далее названия тележурналов и цитаты из них поданы в авторском переводе на русский язык.

³ НАРБ.Ф. 871. Оп. 8. Дело 4.

При этом способы организации восприятия в печатном и телевизионном журнале существенно различались. Печатное издание предполагает нелинейное освоение содержания: читатель может просматривать заголовки, выбирать статьи и самостоятельно определять последовательность чтения. Тележурнал, напротив, предполагал последовательное восприятие контента. Зритель не мог остановить просмотр, изменить последовательность сюжетов или вернуться к предыдущему фрагменту. Адаптация журнальной формы к условиям линейного восприятия сопровождалась становлением *индуктивной* композиции, выявленной в большинстве (87 %) исследованных выпусков. Если печатный журнал чаще организовывал содержание дедуктивно – от общей темы номера к отдельным публикациям, то выпуск тележурнала, напротив, как правило, развивался от частного к общему: от личности, поступка или конкретной ситуации к более широкому социальному или культурному обобщению.

Обложки выступали визуальной композиционной доминантой. На них, как правило, изображался улыбающийся человек или небольшая группа людей, репрезентирующих образ «эталонного» советского гражданина (рис. 1).

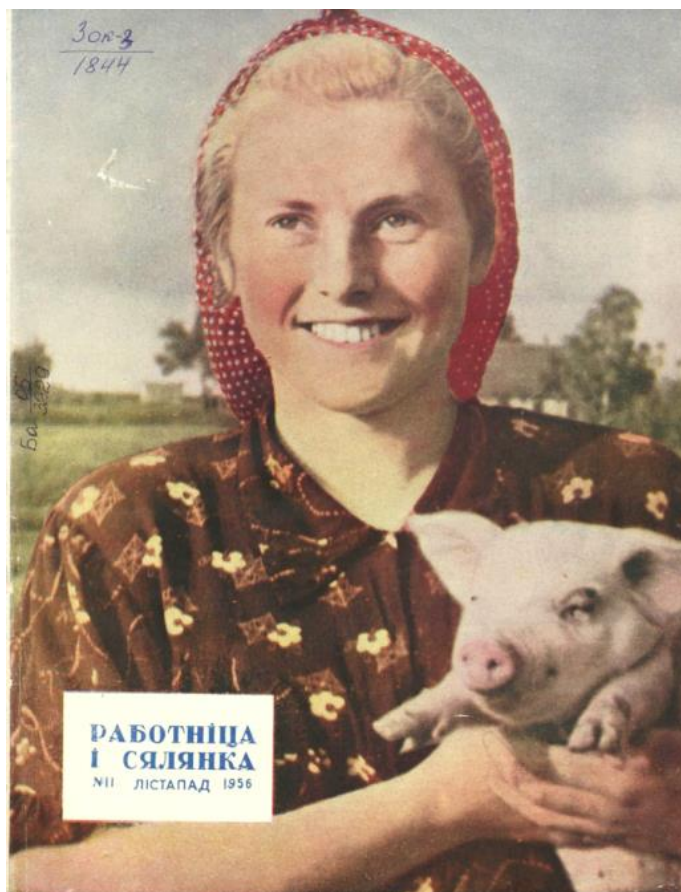

Рис. 1. Обложка журнала «Работница и сялянка». Ноябрь 1956 г.
Fig. 1. Cover of the Rabotnitsa i Krestyanka magazine. November 1956

В аспекте визуальной композиции подобные изображения чаще всего деконтекстуализированы, а фон условен, что подчёркивало универсальность представленного образа. Взгляд персонажа, направленный не на зрителя, а внутрь репрезентированного пространства, способствует усилению эмпатии адресата [Kress, van Leeuwen, 2021, p. 45]. В тележурналах аналогичную функцию выполняли начальные сюжеты выпуска. После графической заставки (рис. 2) с условным фоном следовал сюжет, построенный вокруг конкретного героя, который становился точкой входа в основную тему выпуска.

Рис. 2. Типовая заставка сюжета тележурнала. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов

Fig. 2. Typical opening title card of a TV magazine segment. Belarusian state archive of film, photo and phonodocuments

Так, после заставки тележурнала «Искусство» зрителям предлагались сюжеты о писателе И. Мележе, работавшем над пьесой; о народной артистке БССР А. Обухович, репетировавшей роль в спектакле Б. Брехта «Мамаша Кураж и её дети» (тележурнал «Искусство», 24 сентября 1962)¹; либо о педиатре Первой больницы г. Минска Вере Степановне (т/ж «Здоровье», 11 февраля 1963)². В идеациональном контексте [Halliday, 1973, р. 99] эгалитаризма советского дискурса каждый человек представлялся как потенциально способный к большим достижениям.

Индуктивная организация содержания также была связана с техническими особенностями раннего телевидения. Как отмечал режиссёр А. Гуткович, изменение плана во время прямой трансляции было затруднено, поскольку около 25 % резкости по краям кадра терялось³. В результате центральная композиция кадра и крупный план человека вынужденно становились доминирующими средствами организации экранного пространства. Позже, с развитием техники, такая особенность закрепились как традиционный коммуникативный приём.

Таким образом, освоение телевидением журнальной формы сопровождалось не механическим воспроизведением структуры печатного издания, а её адаптацией к условиям линейного восприятия прямоэфирного телевидения. Это обусловило становление индуктивной композиции как одного из базовых коммуникативно-художественных приёмов тележурнала.

2. Персонификация адресанта и образ съёмочной группы

Характерной особенностью белорусского тележурнала стало конструирование коллективного адресанта как непосредственного участника экранной коммуникации. Средства языковой или визуальной персонификации съёмочной группы присутствуют в 92 %

¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).Ф. 871. Оп. 8. Дело 4.

² НАРБ.Ф. 871. Оп. 8. Дело 93.

³ Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИИ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 64. Л. 30.

исследованных выпусков. В советских литературно-художественных и общественно-политических журналах персонификация группы адресантов чаще всего реализовывалась вербально – глаголами первого лица множественного числа: «*Мы познакомились с Аллой Ивановой*»¹, «*Экономим время*»². При помощи ролевого дейксиса коллективный адресант конструировался как расширяющееся сообщество, включающее редакцию и читателей.

Тележурнал развивал данную модель посредством формирования образа съёмочной группы как самостоятельного субъекта экранного действия. В выпусках регулярно использовались конструкции: «*Мы не случайно установили нашу передвижную телевизионную аппаратуру в отделении общей хирургии...*» (т/ж «Здоровье», 5 апреля 1963 г.)³, «...киноочерк, который *прислали нам* наши коллеги из Рижской студии телевидения...» (т/ж «Для вас, женщины», 4 февраля 1963 г.)⁴. Журналист Т. Андропова отмечала, что использование местоимения «мы» являлось элементом профессионального телевизионного этикета, позволяющим подчеркнуть коллективный характер экранной коммуникации. То же утверждал и ветеран Центрального телевидения Советского Союза А. Лысенко: «Выступавший никогда не говорил «я», это не приветствовалось на телевидении многие годы. Всегда говорили «мы»: «мы, советские люди», «мы, работники пера»...» [Лысенко, 2011, с. 30]. Н. Чайка также отмечала, что стремление раннего телевидения создать ощущение непосредственного присутствия редакции в экранном пространстве было связано с намерением вовлечь зрителей в медиатекст, обеспечить сопереживание.

Персонификации съёмочной группы способствовала и специфика презентации адресантов. Если в печатном журнале сведения о редакции требовали самостоятельного поиска, то имена участников съёмочной группы зрителю тележурнала обычно сообщал диктор после завершения выпуска. К вербальным средствам конструирования коллективного адресанта можно отнести риторику представительства: «*От вашего имени, дорогие телезрители, поблагодарим артистов за хороший концерт...*» (т/ж «Искусство», 21 июля 1956)⁵. Визуальный образ съёмочной группы также становился частью экранного повествования. Например, демонстрация репортажных фотографий людей, толкающих увязший в грязи автобус, сопровождалась комментарием: «И если в солнечную погоду наш автобус безотказно возит нас по бескрайним степям, то в дождь часто приходится меняться ролями» (т/ж «Искусство», 29 сентября 1956)⁶.

Итак, персонификация адресанта обеспечивала формирование образа съёмочной группы как участника коммуникации, а не внешнего наблюдателя.

3. Интерактивность и диалогизированный полилог

Характерной особенностью тележурнала стало конструирование активной коммуникативной позиции зрителя посредством диалогизированных форм организации экранного текста. Такие элементы присутствуют более чем в половине (74 %) исследованных выпусков. В тележурналах Минской студии телевидения данная модель реализовывалась при помощи диалогизированного монолога [Марозава, 2020], предполагающего условное взаимодействие с воображаемым собеседником. Активизация зрительской позиции обеспечивалась использованием местоимений второго лица, риторических обращений и императивных форм глаголов восприятия: «И, естественно, вы сразу вспомнили свою юность...» (т/ж «Искусство», 30 августа 1956)⁷, «Посмотрите на этих двух сорок...»⁸.

¹ Заринь М. 1957. Школа в лесу. Здоровье, 5. С. 29

² Ростопчина А. 1956. Экономим час. Работница и селянка, 11. С. 3

³ НАРБ.Ф. 871. Оп. 8. Дело 93.

⁴ НАРБ. Ф. 871. Оп. 8. Дело 84

⁵ НАРБ. Ф. 871. Воп. 8. Справа 4.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Диалогизированный полилог строился на включении в коммуникацию нескольких субъектов одновременно: диктора, героя, зрителя и закадрового адресанта. Типичным средством реализации данного приёма становилось персонализированное обращение к героям внутри экранного пространства: «Помните, Вера Степановна, сколько беспокойных часов провели Вы возле этой кислородной палатки?» (т/ж «Здоровье», 11 февраля 1963)¹. К середине 1960-х гг. подобные формы взаимодействия всё чаще реализовывались при помощи кинестетических средств. Например, женщина в кадре берёт песок, чтобы чистить посуду, и тут же откладывает его, прислушавшись к голосу за кадром: «Не следует часто чистить посуду песком, так как эмаль портится». Героиня действует в экранном пространстве, затем меняет кастрюлю, услышав голос за кадром: «Эмаль портится, если большую кастрюлю ставят на маленькую электрическую плитку, которая нагревает только часть её дна» (т/ж «Для вас, женщины», 4 февраля 1963)².

Конструируемый выход из роли, когда актёр как будто «выглядывает» из своего образа [Маркова, Ляпкина, 2022], позволял акцентировать внимание зрителей на их собственном настоящем [Кузин, 2020]. Подобные приёмы соотносятся с брехтовской концепцией «эффекта отчуждения» [Брехт, 1965, с. 98], изначально разработанной для театра, однако в дальнейшем переосмысленной в медиаисследованиях как принцип нарушения иллюзии непрерывного художественного действия и переключения внимания аудитории с содержания на способ его предъявления. В исследованиях телевидения данный эффект рассматривается как один из механизмов «разоблачения медиальности» экранного текста, при котором зритель осознаёт условность телевизионного изображения и конструктивный характер его производства [Butler, 1997; Auslander, 1999]. Мультиmodalная организация речи – интонация, паузы, оговорки, мимика и жесты – дополнительно усиливала эффект присутствия и способствовала восприятию экранной коммуникации как непосредственного взаимодействия.

Таким образом, диалогизированный полилог обеспечивал переход от модели пассивного просмотра к модели коммуникативного соучастия зрителя.

4. Интертекстуальность и визуальная экспликация метафор

Сравнительный дискурс-анализ показал, что интертекстуальность и визуальная экспликация метафор выступали приёмами коммуникативного вовлечения аудитории в дискурс тележурнала. Интертекстуальность реализовывалась посредством включения литературных произведений, актёрского чтения и инсценировок в структуру выпуска. В отличие от печатных журналов, где юмористические или литературные тексты обычно выделялись в отдельные рубрики, тележурнал интегрировал художественные элементы в единую структуру экранного повествования. Так, коммуникативный эффект рассказа «Я и мировая литература», прочитанного актрисой З. Осмоловской, строился на эмоциональном узнавании зрительницами повседневной ситуации героини, которая сравнивает своего мужа с Дон-Кихотом: «Конечно, гораздо приятнее быть похожим на рыцаря печального образа из Ламанчи, чем быть супругом жены, которая живёт на пятом этаже и требует, чтобы муж ежедневно ходил в магазин и стоял в очереди» (т/ж «Для вас, женщины», 4 февраля 1963)³.

Под визуальной экспликацией метафор в данном исследовании понимается преобразование устойчивых когнитивных метафор [Будаев, 2020, с. 86] посредством их буквального или мультиmodalного воплощения в аудиовизуальном ряде. Так, характерная для советского дискурса метафора эмоциональной связи [Лакофф, Джонсон, 2023, с. 65] членов общества как большой семьи («дружба народов», «братские отношения») нередко получала буквальное воплощение в медиатексте. Например, рассказывая о гастролях в Венгрии, цирковая артистка З. Кох отмечала: «В те минуты мы особенно чувствовали, что

¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 871. Оп. 8. Дело 93.

² НАРБ. Ф. 871. Оп. 8. Дело 84.

³ Там же.

наши выступления ещё больше укрепили дружбу между венгерским и советским народами» (т/ж «Искусство», 21 июля 1956 г.)¹. В данном случае вербальная формулировка сопровождалась соответствующим видеорядом – кадрами совместных выступлений, приветствий и неформального общения артистов, благодаря чему абстрактная метафора межнационального братства приобретала буквально зримую форму.

С визуальной экспликацией метафор коррелировала актуализация архетипических моделей коллективного бессознательного [Юнг, 2019]. Анализ показал, что наиболее устойчивым стал архетипический мотив преодоления смерти, определивший кульминацию многих сюжетов: «...Именно в это время, когда друзья умирали за Коммуну, больной, вынужденный прятаться в подполье, рабочий поэт... Эжен Потье создал стихотворение...» (т/ж «Искусство», 30 июня 1956)². Протагонист, умирая, остаётся бессмертным, оставляя нечто нетленное после себя.

Свойство мультимодальности, когда визуальные и акустические знаки могут нести разные значения, способствовало дефигурации традиционного для советского дискурса образа прогресса [Шпак, Коптева, 2025]. Так, в мультфильме под названием «Отцы и дети» (т/ж «Для вас, женщины» 23 апреля 1963)³ главный герой – мальчик, который бранится, пишет с ошибками на заборе, ломает молотком скрипку, – остаётся безразличным к замечаниям взрослого, однако когда взрослый забирает у него сигарету, мальчик ругается так, что у него изо рта вылетают жабы. Яркий ирреальный образ мог оставаться в долговременной памяти зрителей и осмысливаться как примета социального типажа.

Таким образом, интертекстуальность и экспликация метафор выступали приёмами, обеспечивающими одновременное воспроизводство привычных моделей восприятия и их трансформацию в процессе экранного взаимодействия.

Заключение

Сравнительный дискурс-анализ показал преемственность форм советских печатных журналов и тележурналов Минской студии телевидения и выявил специфику тележурнала как ранней мультимодальной жанровой формы. При интерпретации результатов учитывалось возможное расхождение между концептуальным замыслом тележурнала и его реализацией в эфире, связанное с условиями телевизионного производства. Установлено, что в процессе функционирования тележурнала сложился комплекс коммуникативных приёмов (индуктивная композиция, диалогизированный полилог, конструирование образа съёмочной группы, интертекстуальные связи, визуальная экспликация метафор), реализуемых через взаимодействие вербальных, визуальных, кинестетических и акустических средств и обеспечивающих эффект соучастия зрителя в экранном действии. Данные полуструктурированных интервью с Н. Чайкой и Т. Андроновой подтвердили наличие выраженной коммуникативной интенции, направленной на вовлечение аудитории и формирование эффекта сопереживания.

Полученные результаты в совокупности с данными количественно-качественного контент-анализа позволяют уточнить специфику тележурнала как ранней мультимодальной жанровой формы регулярного телевидения и выявить устойчивый комплекс коммуникативных стратегий, обеспечивающих эффект соучастия зрителей в экранном действии.

Список литературы

Брехт Б. 1965. Об экспериментальном театре. Пер. с нем. В. Ключева. В кн.: Брехт Б. Театр: Пьесы. Статьи. Высказывания: в 5 т. Т. 2: Пьесы. Под ред. С. Апта, Е. Суркова, И.М. Фрадкина. Москва, Искусство: 83 – 101.

¹ НАРБ. Ф. 871. Оп. 8. Д. 4.

² Там же.

³ НАРБ. Ф. 871. Оп. 8. Дело 84.

- Будаев Э.В. 2020. Сопоставительная политическая метафорология. Санкт-Петербург, Научные технологии, 464 с.
- Гегелова Н.С. 2011. Просветительское телевидение: концепции, жанры, функции. Москва, Изд-во Московского университета, 240 с.
- Гладко М.А. 2023. Коммуникативное пространство телевидения. Минск, Минский государственный лингвистический университет, 308 с.
- Жаворонкова С.В. 2022. Перформативность в социокультурном контексте XX века. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 3(107): 71–76. DOI: [10.24412/1997-0803-2022-3107-71-76](https://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-71-76)
- Ильченко С.Н. 2012. Трансформация жанровой структуры современного отечественного телеконтента: актуализация игровой природы телевидения: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. Москва, 363 с.
- Кузин А.С. 2020. Наш современник Бертольт Брехт. *Ярославский педагогический вестник*, 4(115): 190–198. DOI: [10.20323/1813-145X-2020-4-115-190-198](https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-4-115-190-198)
- Лакофф Дж., Джонсон М. 2023. Метафоры, которыми мы живём. Пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой. Под ред. А.Н. Баранова. Москва, URSS, 256 с. (Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 276 p.)
- Лысенко А.Г. ТВ живём и в записи. М., ПРОЗАИК, 2011.
- Маркова М.М., Ляпкина Т.Ф. 2022. Эпический театр: культурные и культурологические параллели. *Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*, 3(52): 80–85. DOI: [10.30725/2619-0303-2022-3-80-85](https://doi.org/10.30725/2619-0303-2022-3-80-85)
- Марозава А.І. 2020. Травелог як жанрова форма падарожнага тэленарарыса: перспектывыныя прыёмы і сродкі мастацкай выразнасці. *Журнал Беларускаго дзяржаўнага ўніверсітэта. Журналістыка. Педагогіка*, 2: 37–46.
- Нечай О.Ф. 1981. Телевидение как художественная система. Минск, Наука и техника, 256 с.
- Шпак А.А., Копцева М.С. 2025. Образ научного прогресса в монументальном искусстве СССР: на материале анализа мозаик. *Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки*, 18(2): 327–337.
- Эванс К. 2024. Между «Правдой» и «Временем»: история советского Центрального телевидения. Пер. с англ. В. Третьяковой. Москва, Новое литературное обозрение, 430 с. (Evans Ch.E. 2016. *Between «Truth» and «Time»: A History of Soviet Central Television*. New Haven & London, Yale University Press, 340 p.)
- Юнг К. Г. 2019. Архетипы и коллективное бессознательное. Пер. с англ. А. Чечиной Москва, АСТ, 495 с. (Jung C.G. 1969. *The Archetypes and the Collective Unconscious*. Princeton University Press, 451 p.)
- Auslander P. 1999. *Liveness: Performance in a Mediatized Culture*. London, New York, Routledge, 200 p.
- Butler J. 1997. *Excitable Speech: A Politics of the Performative*. New York, Routledge, 185 p.
- Halliday M. A. K. 1973. *Explorations in the Functions of Language*. London, Edward Arnold, 143 p.
- Krippendorff K. 2018. *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. 4th ed. Thousand Oaks, SAGE Publications, 472 p.
- Kress G., van Leeuwen T. 2021. *Reading images. The grammar of visual design*. London and New York, Routledge, 321 p.

References

- Brekht B. 1965. Ob ehksperimental'nom teatre [About the experimental theater]. Transl. from german V. Klyueva. In: Brekht B. *Teatr: P'esy. Stat'i. Vyskazyvaniya* [Theater: Plays. Articles. Sayings]: in 5 vols. Vol. 2: P'esy [Plays]. Eds. S. Apt, E. Surkov, I.M. Fradkin. M., Publ. Iskusstvo: 83–101.
- Budaev Eh.V. 2020. Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya [Comparative Political Metaphorology]. St. Peterburg, Publ. Naukoemkie tekhnologii, 464 p.
- Gladko M.A. 2023. Kommunikativnoe prostranstvo televideniya [The Communicative Space of Television]. Minsk, Publ. Minskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet, 308 p.
- Zhavoronkova S.V. 2022. Performativity in the socio-cultural context of the twentieth century. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, 3(107): 71–76 (in Russian). DOI: [10.24412/1997-0803-2022-3107-71-76](https://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-3107-71-76)
- Kuzin A.S. 2020. Our contemporary Bertolt Brecht. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 4(115): 190–198 (in Russian). DOI: [10.20323/1813-145H-2020-4-115-190-198](https://doi.org/10.20323/1813-145H-2020-4-115-190-198)

- Lakoff Dzh., Dzhonson M. 2023. Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]. Translated from English by A.N. Baranov, A.V. Morozova. Ed. A.N. Baranov. Moscow, Publ. URSS, 256 p. (Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, University of Chicago Press, 276 p.)
- Markova M.M., Lyapkina T.F. 2022. Epic theater: cultural and culturological parallels. *Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture*, 3(52): 80–85 (in Russian). DOI: [10.30725/2619-0303-2022-3-80-85](https://doi.org/10.30725/2619-0303-2022-3-80-85)
- Shpak A.A., Koptseva M.S. 2025. The Image of Scientific Progress in Monumental Art of the USSR: on the Material of Mosaics Analysis. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 18(2): 327–337 (in Russian).
- Ehvars K. 2024. Mezhdru «Pravdoi» i «Vremenem»: istoriya sovetskogo Tsentral'nogo tele-videniya [Between Pravda and Vremya: The History of Soviet Central Television]. Transl. from Engl. V. Tret'yakova. Moscow, Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 430 p. (Evans Ch.E. 2016. Between «Truth» and «Time»: A History of Soviet Central Television. New Haven & London, Yale University Press, 340 p.).
- Yung K. G. 2019. Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe [Archetypes and the Collective Unconscious]. Transl. from Engl. A. Chechina Moscow, Publ. AST, 495 p. (Jung C.G. 1969. The Archetypes and the Collective Unconscious. Princeton University Press, 451 p.).
- Morozowa E.I. 2020. Travelog as a genre form of a travel screen: perspective methods and means of art expression. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*, 2: 37–46 (in Belarusian).
- Auslander P. 1999. Liveness: Performance in a Mediatized Culture. London, New York, Routledge, 200 p.
- Butler J. 1997. Excitable Speech: A Politics of the Performative. New York, Routledge, 185 p.
- Halliday M. A. K. 1973. Explorations in the Functions of Language. London, Edward Arnold, 143 p.
- Krippendorff K. 2018. Content Analysis: An Introduction to Its Methodology. 4th ed. Thousand Oaks, SAGE Publications, 472 p.
- Kress G., van Leeuwen T. 2021. Reading images. The grammar of visual design. London and New York, Routledge, 321 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.11.2025

Поступила после рецензирования 19.04.2026

Принята к публикации 31.05.2026

Received November 09, 2025

Revised April 19, 2026

Accepted May 31, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морозова Елена Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena I. Morozowa, Candidate of Philology, Associated Professor of the Department of Television and Radio, Faculty of Journalism, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.

УДК 323.2 + 070 + 159.99

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-464-481

EDN TFBJDP

Слот-сетевая модель патриотического текста: от когнитивного моделирования к редакционному применению

Наумов Т.А.

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9

taras.naumov.2001@mail.ru

Аннотация. Патриотизм в условиях современных геополитических и ценностных трансформаций и медиатизации политических процессов выступает важнейшим фактором общественной консолидации и символической мобилизации. Несмотря на большое количество исследований, посвящённых языковой репрезентации концепта ПАТРИОТИЗМ и его роли в формировании национальной идентичности, механизмы организации патриотического текста и оценки его идеологической насыщенности остаются недостаточно изученными. В настоящем исследовании патриотизм интерпретируется как концепт-идеологема, а его когнитивная структура описывается посредством фреймовой модели. Цель исследования – разработать оптимальную структурно-функциональную модель патриотического текста на основе взаимодействия его слотов в русскоязычном сегменте медиа. Эмпирическую базу образовали более 2 000 материалов патриотической направленности, опубликованных в социальных сетях, блогах, новостных ресурсах и других медиа в 2022–2025 гг. Отбор материалов осуществлялся по ключевым лексическим репрезентациям концепта ПАТРИОТИЗМ («патриотизм», «патриот», «родина», «отчизна», «любовь к Родине», «защита Родины» и др.). В результате автором предложена структурно-пропозициональная модель фрейма ПАТРИОТИЗМ, состоящая из шести слотов; разработаны две аналитические матрицы, которые позволяют выявлять механизмы смыслообразования, определять степень идеологической насыщенности текста и оценивать его мобилизационный потенциал. Полученные результаты развивают методологию фреймового анализа идеологически маркированных текстов и могут быть использованы в политической коммуникации, медиалингвистике, журналистике и при разработке практических инструментов анализа и конструирования патриотических текстов.

Ключевые слова: патриотизм, медиадискурс, фрейм, идеологема, концепт

Для цитирования: Наумов Т.А. 2026. Слот-сетевая модель патриотического текста: от когнитивного моделирования к редакционному применению. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 464–481. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-464-481 EDN TFBJDP

Slot-Based Model of Patriotic Texts: From Cognitive Modeling to Editorial Application

Taras A. Naumov

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

taras.naumov.2001@mail.ru

Abstract. In the context of contemporary geopolitical and value transformation, alongside the increasing mediatization of political processes, patriotism serves as a crucial actor for social consolidation and symbolic mobilisation. Despite a substantial body of research on the linguistic representation of the concept

PATRIOTISM and its role in shaping public national identity, the mechanism underlying the organization of patriotic texts and the assessment of their ideological saturation remain insufficiently explored. This study interprets patriotism as a concept-ideologeme and describes its cognitive structure through a frame model. The aim of this work is to provide a scientific rationale for the methods and principles of constructing an optimal structural-functional model of a patriotic text, based on the interaction of its slots within the Russian-language media segment. The empirical basis comprises over 2,000 patriotic materials published on social networks, blogs, news platforms and other media outlets between February, 24 2022 and December, 31 2025. Material selection was conducted using key lexical representations of the concept PATRIOTISM (e.g., patriotism, patriot, homeland, fatherland, love for the Motherland, defense of the Motherland and others). As a result, the author proposes a structural-propositional model of the frame PATRIOTISM, consisting of six slots, two analytical matrices are developed to identify mechanism of meaning formation, determine the degree of ideological saturation of a text and assess its mobilisation potential. The findings advance the methodology of a frame-based analysis for ideologically marked texts and can be applied in political communication, media linguistics, journalism and the development of practical tool for analysing and constructing patriotic narratives.

Keywords: patriotism, media discourse, frame, ideologeme, concept

For citation: Naumov T.A. 2026. Slot-Based Model of Patriotic Texts: From Cognitive Modeling to Editorial Application. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 464–481 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-464-481 EDN TFBJDP

Введение

В условиях усиления международной напряжённости, трансформации глобального информационного пространства и роста идеологической конкуренции средства массовой информации приобретают всё более значимую роль в формировании, трансляции и легитимации смыслов. Одной из ключевых ценностных категорий российского медиапространства, при помощи которой происходит интерпретация социальной реальности, выступает патриотизм. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование механизмов медиатизации патриотизма – процесса включения патриотических ценностей в систему массовых коммуникаций посредством устойчивых языковых, когнитивных и символических практик [Борисова, Печенюк, 2025, с. 20].

В современной гуманитарной науке патриотизм рассматривается в рамках различных исследовательских традиций: философская осмысляет его как ценностное отношение личности к Родине, форму общественного сознания и фундаментальную основу существования государства [Наумов, 2026, с. 188]; политологическая определяет его как основной компонент политико-правовой культуры общества, способствующий консолидации, стабилизации и интеграции, сохранению и укреплению политической власти, исполнению гражданских обязанностей¹; психологическая трактует патриотизм как устойчивое эмоционально-ценностное состояние личности, включающее чувство привязанности к Родине, гражданскую ответственность и готовность к общественно значимой деятельности [Юревич, 2016, с. 5]; в когнитивной лингвистике патриотизм исследуется преимущественно как концепт, аккумулирующий коллективный опыт и ценностные установки общества [Мусса, 2021, с. 80]. В настоящем исследовании указанные подходы рассматриваются как взаимодополняющие: философский задаёт ценностно-мировоззренческую рамку, психологический фиксирует эмоционально-мотивационную составляющую, лингвокогнитивный позволяет эксплицировать внутреннюю структуру феномена через анализ его языковых объективизаций, в том числе и в медиа.

¹ Аверьянова Ю.И., Айвазова С.Г., Алексеева Т.А. и др. 1993. Политология. Энциклопедический словарь. Под ред. Ю.И. Аверьянова. М., Издательство Московского коммерческого университета. С. 247.

Разные акторы медиапространства (государственные институты, средства массовой информации, общественные объединения, лидеры мнений) продуцируют неодинаковые, подчас конкурирующие трактовки патриотизма, что усиливает борьбу за легитимацию той или иной версии патриотического нарратива. Особенно отчётливо эта тенденция проявляется в условиях проведения специальной военной операции.

Содержание концепта ПАТРИОТИЗМ менялось, оно определялось господствующими политическими и культурными парадигмами конкретной эпохи [Магарил, 2016, с. 144–145]. Среди наиболее значимых исторических форм репрезентации патриотической идеи выделяются следующие: «Москва – Третий Рим», концепция «общего блага» эпохи Просвещения, теория официальной народности С.С. Уварова и советская модель патриотизма [Наумов, 2024, с. 84]. Вместе с тем сквозными компонентами смысловой структуры понятия «патриотизм» на протяжении всей российской истории оставались опора на традиции, патриотический долг, желание защищать свою страну и связь с религией [Копылова, Сидорова, 2020, с. 4]. Эти устойчивые мотивационно-ценностные элементы выступали как когнитивные константы, вокруг которых формировались конкретные идеологические вариации патриотической риторики [Никифоров, 2017]. И.А. Халий подчёркивает, что для российского общества патриотизм выступает традиционной и единственно возможной ценностной установкой, сформировавшейся на протяжении многих столетий и сохраняющей свою значимость в современных условиях [Халий, 2017, с. 69]. Аналогичная позиция прослеживается и в официальном политическом дискурсе. Президент Российской Федерации Владимир Путин неоднократно заявлял, что быть патриотом – суть природы и характер российского народа ¹.

В современной научной литературе широко распространена идея дихотомии двух моделей патриотизма: субстанционального («слепого») и критического (конструктивного) [Мартынов, Габеркорн, 2019, 32–33]. Первая базируется преимущественно на эмоциональной привязанности к родине и характеризуется высоким уровнем национализма, повышенной чувствительностью к внешним угрозам и склонностью к конформным политическим позициям. Вторая предполагает сочетание любви к стране с желанием совершенствовать общественные институты; иногда она может находить выражение в оппозиционных по отношению к правящим элитам практиках. Именно это критическое понимание патриотизма перекликается с наблюдением И. Сандомирской, которая отмечает: «Дискурс патриота – всегда дискурс влюбленного, даже если этот патриот любит Родину лермонтовской отрицающей “странною любовью”» [Сандомирская, 2001, с. 232]. Близкую точку зрения высказывает А.В. Лубский, подчёркивающий различия между «гражданским» патриотизмом, который прагматичен в плане выражения [Шагбанова, 2022, с. 350], и его более эмоциональными (или этническими) вариантами [Лубский, 2019, с. 57].

Таким образом, концепт ПАТРИОТИЗМ целесообразно рассматривать как сложное многокомпонентное образование по меньшей мере на трех взаимосвязанных уровнях: эмоциональном – чувстве любви к Родине и гордости за неё; рациональном – осмыслении места и роли своей страны в мире; деятельностно-практическом – готовности действовать на благо своей страны [Эбелинг и др., 2025, с. 3]. Их сочетание обеспечивает устойчивость концепта и его воспроизводимость в различных типах дискурса.

Дополнительную сложность изучения концепта ПАТРИОТИЗМ придаёт его культурная вариативность. Так, в российской традиции патриотизм тесно связан с идеями национального единства, государственной целостности, исторической памяти и коллективной ответственности за общее будущее [Беспалова, Расторгуев, 2017; Расторгуев, 2023]. В проекте «ДНК России» ² данная ценностная доминанта раскрывается через

¹ Даничев А. 2022. Путин назвал патриотизм сутью природы российского народа. РИА Новости, 21 сентября 2022. URL: <https://ria.ru/20220921/patriotizm-1818503913.html> (дата обращения: 15.02.2026).

² Проект «ДНК России» направлен на вовлечение академического сообщества в учебно-методическое и научно-исследовательское сопровождение государственной политики в области просвещения, высшего образования и молодежной политики. URL: <https://russiadnk.ru/> (дата обращения: 25.03.2026).

идентификацию человека с обществом, готовность защищать целостность, суверенитет и особый путь России [Харичев и др., 2022, с. 14]. В американской же политической культуре ядро патриотизма формируют идеи свободы, индивидуальных прав и демократических ценностей [Чудакова и др., 2024, с. 298]. Исследователи отмечают, что тексты американского культурного дискурса раскрывают не только гордость граждан за свою страну, преданность ей, но и представление американцев об исключительности США, их превосходстве над другими странами, этносами и даже пренебрежительное отношение к последним [Чудакова и др., 2024, с. 299]. «Завышенное национальное самомнение», выраженное в аутентичных текстах, некоторые авторы рассматривают как одну из основных черт национального менталитета жителей США [Mencken, 1937, p. 7]. Подобные различия свидетельствуют, что содержание концепта ПАТРИОТИЗМ определяется не универсальным набором признаков, а спецификой национального культурно-исторического опыта.

В медиадискурсе концепт ПАТРИОТИЗМ приобретает свойства идеологемы. Под идеологемой понимается мировоззренческая установка, облечённая в языковую форму [Купина, 2000, с. 183]. В её структуре актуализируются концептуальные признаки, отражающие коллективные (часто стереотипные) представления носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах [Малышева, 2011, с. 115]. Идеологема ориентирована на воспроизводство социально значимых ценностей и формирование определённых моделей интерпретации действительности, поэтому патриотизм в современном медиапространстве выступает не просто нравственной и гражданской категорией, а инструментом символической мобилизации социальных и человеческих ресурсов [Домашев, 2005], активируя в сознании аудитории определённые ментальные и интерпретационные схемы.

К числу устойчивых признаков концепта-идеологемы ПАТРИОТИЗМ в российской языковой картине мира исследователи относят праксеологичность, апелляцию концентрированного и дисперсивного свойства, высокую концептуальную устойчивость, предельность и полисемичность [Шагбанова, 2023, с. 17]. Одновременно он организуется через систему бинарных оппозиций, играющих важнейшую роль в процессах социальной категоризации: *они – мы, патриот – предатель, свои – чужие, любовь к Отечеству – ненависть к его врагам* и др. Подобные противопоставления не только структурируют содержание самого концепта, но и выступают механизмом ценностной дифференциации.

В современном русском языке концепт ПАТРИОТИЗМ подвержен постоянной семиотической трансформации, обусловленной изменениями в социально-политическом и медийном пространствах. Его развитие сопровождается аксиологической поляризацией, расширением метафорического потенциала и активной оценочной деривацией [Борисова, Печенюк, 2025, с. 22]. Эти процессы отражают более масштабные изменения в системе ценностных ориентаций и пространстве целеполагания [Каримов, Фаткуллина, 2024]. Показательно, что в последние годы наблюдается расширение лексической репрезентации идеологемы ПАТРИОТИЗМ путём расширения сочетаемости самого слова (например, с качественными и относительными прилагательными) [Радбиль, Наговицына, 2021, с. 148]. Семантический объём концепта обогащается посредством его включения в новые предметные области, что находит отражение в таких номинациях, как *«потребительский патриотизм»*, *«ИТ-патриотизм»* и др. Одновременно с этим наблюдается тенденция к метафоризации концепта [Борисова, Печенюк, 2025, с. 21], в результате которой возникают такие оценочно маркированные конструкции, как *«самоварный патриотизм»*, *«патриотизм 2.0»* или реанимируется понятие *«квасной патриотизм»*¹ и др. Важной

¹ Прим.: «квасной патриотизм» – распространённая в XIX в. характеристика тех лиц и тех взглядов, которые подменяли любовь к родине и стремление к её развитию преклонением перед остальными формами жизни и быта данной страны [Квасной патриотизм. 1956. Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. И–К. Под ред. С.Г. Бархударова, В.В. Виноградова. Москва, Ленинград, Издательство Академии наук СССР. С. 913]. Авторство выражения приписывают князю П.А. Вяземскому: *«Гюрга называл это лакейским патриотизмом, du patriotisme d'anichamble. У нас можно бы его назвать квасным патриотизмом»*

характеристикой медиатизации патриотизма выступает его дискурсивно-модусная специфика, реализующаяся через совокупность иллюкативных стратегий и разнообразные речевые механизмы ценностного воздействия на аудиторию.

Исследователи выделяют два доминирующих направления медийной легитимации патриотизма: военное и трудовое [Борисова, Печенюк, 2025, с. 22]. В обоих случаях патриотизм конструируется как социально одобряемая форма поведения, имеющая общественную значимость. Одним из наиболее распространённых способов актуализации патриотического нарратива становится обращение к ключевым символам военного прошлого и историческим мифам: георгиевская лента, марш «Прощание славянки», фотографии Е. Халдея и др. В результате патриотизм приобретает ритуализированные формы выражения, что усиливает эмоциональное воздействие на массовую аудиторию.

Закономерно, что в последние годы значительно вырос исследовательский интерес к изучению патриотизма как инструмента легитимации власти и консолидации общества в условиях внешнеполитических вызовов [Гогберидзе, Скрынник, 2022]. Отечественными исследователями были изучены аксиологическая составляющая концепта [Барабанщикова и др., 2023]; его внутренняя архитектура и смысловой объём [Наговицына, 2021]; роль в процессах формирования идентичности [Габеркорн, 2020] и обеспечении морально-политической консолидации социума на различных стадиях его эволюционного развития [Букалерева и др., 2023]; выявлены зависимости восприятия концепта от гендерных различий [Васьбиева, 2023]. Однако обозначенная научная проблема обуславливает необходимость перехода от описательной фиксации признаков патриотизма к конструированию его структурно-функциональной модели, что предполагает обращение к методам когнитивного моделирования, позволяющим выявить и систематизировать когнитивные признаки концепта, установить взаимосвязи между ними и реконструировать его внутреннюю организацию в виде иерархической модели [Мосягина, 2024].

Несмотря на широкий корпус исследований, посвящённых языковой объективации патриотизма, его ценностному содержанию и роли в общественно-политической жизни, недостаточно изученной остаётся внутренняя когнитивная организация этого феномена. Традиционные методы анализа медиатекстов, включая контент-анализ или критический дискурс-анализ, позволяют выявить тематические доминанты и коммуникативные установки, однако не всегда объясняют механизмы конструирования патриотического нарратива: какие элементы являются обязательными, как они связаны между собой, какие структурные связи отвечают за мобилизационный эффект патриотического текста, а какие порождают «идеологический шум». В связи с этим возникает необходимость разработки такого аналитического инструмента, который, с одной стороны, учитывал бы смысловую архитектуру патриотического текста, а с другой – выявлял механизмы взаимодействия его элементов и мог быть непосредственно использован практиками: редакторами, копирайтерами, медиаменеджерами или политическими технологами. При этом следует учитывать, что в современной научной литературе отсутствует общепринятое определение понятия «патриотический текст», что обусловлено многомерностью самого феномена «патриотизм» и разнообразием его репрезентаций. В рамках этой статьи под патриотическим текстом понимается медиатекст, в котором концепт ПАТРИОТИЗМ выступает смысловой доминантой. Такое определение носит операционный характер и используется исключительно для решения задач настоящего исследования.

Цель работы – разработать оптимальную структурно-функциональную модель патриотического текста на основе взаимодействия его слотов в русскоязычном сегменте медиа.

В основе исследования лежит понимание языка не только как средства хранения и передачи информации, но и как инструмента моделирования ценностных систем [Маслова,

[Вяземский П.А. 1878. Письма из Парижа (1826–1827). В кн.: Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского : Т. 1–12 Литературные критические и биографические очерки. 1810–1827 гг. Санкт-Петербург, издание графа С.Д. Шереметева, Т. 1. С. 244].

2004]. Как отмечал В.И. Карасик, язык – важнейший способ преобразования мира, информационного обеспечения и межличностной регуляции; он актуализируется в качестве средства воздействия, побуждения людей к тем или иным действиям и фиксации социальных отношений [Карасик, 2002, с. 68]. Сегодня эта функция языка наиболее полно и многообразно проявляется в медиапространстве. Именно в медиадискурсе закрепляются способы интерпретации социальной реальности [Ерофеева, 2008, с. 168]. Однако этот процесс не сводится к механическому навязыванию смыслов. Напротив, он представляет собой сложное динамичное взаимодействие с уже существующими в обществе ценностными установками. Миромоделирующая функция медиапространства базируется на системе концептов. В когнитивной лингвистике концепт определяется как оперативная единица памяти [Маслова, 2001, с. 11], фиксирующая ценностные доминанты и культурно значимые представления общества. Поскольку концепт формируется в результате обыденного познания человеком окружающего мира, он включает в себя не только понятийный – ядерный – компонент, но и ассоциативные, оценочные и символические характеристики, выраженные в значительной степени условно.

Патриотизм относится к числу ценностно нагруженных концептов российской культуры. Его значимость определяется не только высокой частотностью употребления, но и способностью выступать одним из ключевых механизмов формирования гражданского самосознания [Фантров, Садовников, 2024, с. 436]. Особое место в патриотических текстах занимает понятие «Родина», ставшее важнейшим элементом российской идентичности [Харичев, 2025, с. 20].

Материалы и методы исследования

Методологической основой данного исследования выступает фрейм-анализ (теория фреймов). Как когнитивная структура схематизации опыта [Филлмор, 1988, с. 54] фрейм организован вокруг некоторого концепта и содержит в себе основную, типическую и потенциально возможную информацию, ассоциированную с этим концептом [Ван Дейк, 2000, с. 16–17]. Фреймы задают параметры интерпретации событий, определяют допустимые способы их осмысления и включают человека в уже существующую систему ценностных координат. Фрейм организуется через систему слотов – смысловых позиций (или узлов), заполняемых конкретным содержанием в зависимости от коммуникационной ситуации. Именно в рамках подобных когнитивных конструкций происходит осмысление и принятие информации, что способствует устойчивому формированию патриотических настроений в массовом сознании. При этом патриотизм функционирует не как фиксированная категория, сконструированная или навязанная извне, а как поле смысловой борьбы, в котором различные акторы (власть, медиа, группы влияния) борются за право определения его содержания, опираясь на уже существующие в обществе ценностные основания [Мархинин и др., 2026, с. 60].

Эмпирическую базу исследования составили более 2 000 русскоязычных медиатекстов патриотической направленности, опубликованных в период с 24 февраля 2022 г. по 31 декабря 2025 г. Материал был отобран из новостных изданий ¹ (RT, РИА Новости, ТАСС, Комсомольская правда, Известия); официальных аккаунтов государственных структур ² (Министерство обороны РФ, Правительство РФ, Кремль); общественных и волонтерских организаций ³ (Народный фронт, Росмолодёжь, Волонтерская рота); социальных сетей и

¹ ТВ-Новости. 2005–2026. RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/> (дата обращения: 15.04.2026); РИА Новости. 2026. URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 15.04.2026); ТАСС. 1999–2026. URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 15.04.2026); Комсомольская правда. 2021–2026. URL: <https://www.spb.kp.ru/> (дата обращения: 15.04.2026); Известия. 2017–2026. URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 15.04.2026).

² Министерство обороны Российской Федерации. 2026. URL: <https://mil.ru> (дата обращения: 20.04.2026); Правительство Российской Федерации. 2026. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 20.04.2026); Кремль. Новости. 2026. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20.04.2026).

³ Общероссийский Народный фронт. 2013–2026. URL: <https://onf.ru> (дата обращения: 25.04.2026);

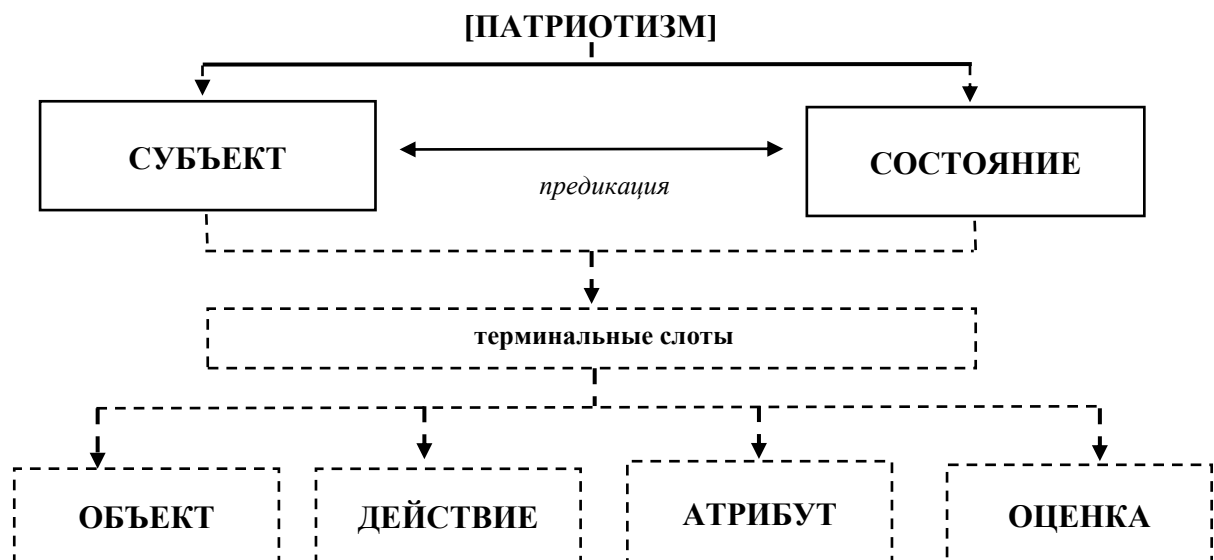
блогов лидеров общественного мнения¹ (Владимир Соловьёв, Александр Малькевич, Александр Коц).

Сбор эмпирического материала осуществлялся по тематическим группам «родина», «отчизна», «отчий дом», «защита родины», «родной край», «патриотизм», «патриот», «верность долгу», «служение отечеству», «герои СВО». На первом этапе было отобрано около 3 500 публикаций, из которых методом сплошной выборки выделено 2 150 текстов, наиболее полно соответствующих тематике исследования, что позволило сформировать репрезентативный корпус для анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках настоящего исследования патриотизм рассматривается как фрейм, реализующийся через систему взаимосвязанных слотов [Наумов, 2025]. К облигаторным, т.е. вершинным, узлам модели фрейма относятся слоты СУБЪЕКТ (патриот) и СОСТОЯНИЕ (патриотизм), выступающие ключевыми элементами пропозициональной модели. Фиксация патриотизма именно как состояния, а не качества, обусловлена природой медиадикурса: в текстах СМИ патриотизм актуализируется не через констатацию свойства личности, а через описание переживаемого эмоционально-ценностного положения. Данные узлы определяют базовую структуру смыслового содержания фрейма, задавая онтологические основания для интерпретации патриотизма как концепта-идеологемы.

К терминальным, т.е. факультативным, компонентам модели относятся слоты ДЕЙСТВИЕ (акт патриотизма), ОБЪЕКТ (Родина, Отчизна, страна), АТРИБУТ (государственные символы, военные песни, шевроны) и ОЦЕНКА (хорошо/плохо). Они расширяют и детализируют базовую структуру, позволяя моделировать вариативность конкретных реализаций концепта-идеологемы в медиадискурсе (см. рисунок).

Структурно-пропозициональная модель фрейма ПАТРИОТИЗМ
Structural-propositional model of the PATRIOTISM frame

Росмолодёжь. 2008–2026. URL: <https://fadm.gov.ru/> (дата обращения: 25.04.2026); Волонтёрская Рота Боевого Братства. 2015–2026. URL: <https://bbratstvo.com/> (дата обращения: 25.04.2026).

¹ Владимир Соловьёв. URL: <https://max.ru/SolovievLive>, <https://vk.ru/solovievlive> (дата обращения: 30.04.2026); Александр Малькевич. URL: https://max.ru/alexandr_malkevich, <https://vk.ru/malkevich> (дата обращения: 30.04.2026); Александр Коц. URL: <https://max.ru/kots>, <https://vk.ru/realkots> (дата обращения: 30.04.2026).

В отличие от линейных моделей семантического анализа, сетевой подход позволяет рассматривать фрейм ПАТРИОТИЗМ как динамическую систему взаимосвязанных элементов. В рамках этой модели каждый конкретный слот фрейма функционирует не изолированно, а в постоянном взаимодействии с другими компонентами структуры. Наиболее устойчивые связи, формируемые в процессе этого взаимодействия, конструируют ядро патриотического текста. Такой подход позволяет определять доминирующие траектории смыслообразования, степень идеологической насыщенности патриотического текста, механизмы мобилизационного воздействия, а также реконструировать когнитивные сценарии медиакommunikации.

Предлагаемая структурно-функциональная модель обладает универсальными характеристиками и может быть использована при исследовании других ценностных концептов (в частности, «гражданственность», «государственность» и др.), что определяет её методологический потенциал и расширяет границы применимости.

На основе анализа эмпирического материала были разработаны две структурно-функциональные матрицы организации фрейма ПАТРИОТИЗМ: матрица функциональной нагрузки слотов (табл. 1) и матрица взаимодействия слотов (табл. 2). Они представляют собой универсальный инструмент анализа патриотического нарратива в медиадискурсе, позволяющий выявлять структурные элементы фрейма, определять степень их актуализированности, доминирующие связи и эмоционально-оценочную нагрузку.

Матрица функциональной нагрузки (см. табл. 1) представляет собой иерархически организованную структуру компонентов фрейма, каждому из которых в тексте отводится определённая функциональная нагрузка, типовая форма языковой реализации и рекомендуемая частотность использования. Она задаёт базовую архитектуру патриотического нарратива, распределяя слоты по уровням смысловой организации.

Обратимся к каждому из них.

1. Структурообразующий уровень выражен вершинными слотами (СУБЪЕКТ и СОСТОЯНИЕ). Именно здесь формируется когнитивное ядро фрейма, задающее ключевую идеологическую позицию текста.

2. Мотивационный уровень включает слоты ОБЪЕКТ и ОЦЕНКА. Они формируют аксиологическую основу текста. Следует отметить, что при избыточной акцентуации элементы могут спровоцировать «идеологический шум» – эффект, при котором перенасыщенность оценкой или объектами снижает доверие аудитории.

3. Деятельностный уровень выражен одноимённым слотом ДЕЙСТВИЕ, который отвечает за выражение патриотизма в конкретных формах активности. Он обеспечивает практическую верификацию ценностей.

4. Слот АТРИБУТ представляет репрезентативный уровень иерархии и обеспечивает визуально-символическую маркировку дискурса.

Матрица выполняет две взаимодополняющие функции:

1) конструирующую: служит методологическим инструментом – указанием к действию – для создания патриотически ориентированного контента, позволяя редактору целенаправленно разделять смысловые акценты;

2) деконструирующую: позволяет структурировать исходный текст по слотам и оценить его структурную сбалансированность, выявить диспропорции и объяснить содержательную неопределённость медиатекста.

Матрица взаимодействия слотов (см. табл. 2) описывает сетевую организацию фрейма ПАТРИОТИЗМ. Слоты в матрице представлены как узлы, объединённые направленными и ненаправленными связями. В ней находят отражение как логико-семантические, так и ассоциативные связи. В отличие от первой матрицы, задающей вертикальную структуру организации концепта ПАТРИОТИЗМ, вторая позволяет проследить и горизонтальные траектории смыслопорождения.

Таблица 1
Table 1

Матрица функциональной нагрузки слотов фрейма ПАТРИОТИЗМ
Matrix of functional load of the PATRIOTISM frame slots

Уровень воздействия	Слот	Тип	Функция в медиатексте	Типовые реализации, используемые образы	Рекомендуемая частотность (% от общего числа значимых элементов текста)
Структурный каркас	СУБЪЕКТ (кто говорит/действует?)	Внешний	носитель патриотического состояния – инициатор, агент	коллективное «мы» («народ», «россияне»); армия: военнослужащие, добровольцы; волонтеры, герои СВО	Высокая (30–40%). Без явного указания, кто проявляет патриотизм, текст теряет адресность. Например: «Россияне (субъект) гордятся историей (состояние)» — убедительнее, чем абстрактное «Гордость за историю важна». Частое упоминание создаёт эффект «коллективного мы» – ключевой для мобилизации общественного сознания
	СОСТОЯНИЕ (что он чувствует?)		фиксация эмоционально-ценностного состояния субъекта, его внутренней мотивации	гордость, сплоченность, готовность к самопожертвованию, любовь к Родине, верность, долг, стойкость, уверенность, скорбь	
Мотивационный	ОБЪЕКТ (ради чего?)	Фактывативный	показывает, на что направлено патриотическое чувство и действия субъекта	Родина, Россия, историческая память семья, дети. Территориальные категории: Донбасс, Новороссия. русская культура, православие, Победа суверенитет	Средняя (15–30%). Слишком частое упоминание делает текст абстрактным. Нужно соответствие номинации «родина» с конкретными действиями. Например: «Волонтеры (субъект) восстанавливают дома (действие) в Мариуполе (объект)». Оценочные категории работают как усилители, при чрезмерной акцентуации порождают идеологический шум
	ОЦЕНКА (как оценивается?)		Формирует аксиологическую рамку (вектор): свои – чужие, добро – зло, героизм – предательство	Высокоэкспрессивные фигуры и конструкции: «герой», «предатель», «истинный патриот», «своих не бросаем» «подвиг». Жертвенный патриотизм, кривая патриотизм, народный патриотизм	

Окончание табл. 1

Уровень воздействия	Слот	Тип	Функция в медиатексте	Типовые реализации, используемые образы	Рекомендуемая частотность (% от общего числа значимых элементов текста)
Действительный	ДЕЙСТВИЕ (что делает? Что нужно сделать?)	фактуальность	обеспечивает переход от внутреннего состояния к внешним поступкам	защищает, помогает, спасает восстанавливает, участвует в гуманитарных миссиях, голосует на выборах, созидает помнит	10–20% Важно, но вторично после идентификации субъекта и его мотивации. Акцентуация преимущественно на действиях, а не эмоциях, превращает текст в отчёт.
Репрезентативный	АТРИБУТ (как выглядит/ звучит патриотизм?)	фактуальность	визуальные, лексико-семантические, символические метки – символическая визуализация	военные шевроны и нашивки; государственные символы: флаг, герб, гимн; патриотические песни и другие аудиальные маркеры; военная форма; символы Победы в Великой Отечественной войне: георгиевская лента, образ скульптуры «Родина-мать» и др. монументов, фотографии Е. Халдея и других военных корреспондентов; фотографии из зоны проведения СВО, муралы, символы православия	5–10% Атрибуты работают как «якоря», но их переизбыток раздражает аудиторию и усложняет текст

Таблица 2
Table 2

Матрица взаимодействий слотов фрейма ПАТРИОТИЗМ
Matrix of interactions among the PATRIOTISM frame slots

	СУБЪЕКТ	СОСТОЯНИЕ	ДЕЙСТВИЕ	ОБЪЕКТ	АТРИБУТ	ОЦЕНКА
СУБЪЕКТ		→ Субъект характеризуется через состояние: патриот представлен как носитель определенного состояния; связь конструирует эмоциональное ядро	→ Субъект не просто есть, он реализует действие: «участвует в волонтерской деятельности», «строит», «воюет» и т.д.; связь обеспечивает переход от внутреннего состояния к поступкам	→ Агентная конструкция: субъект направляет активность на объект	– Атрибут патриотизма ассоциируется с субъектом, но не формируется им и не подчиняется ему напрямую	→ Субъект в медиатексте маркируется оценкой: «настоящий патриот» и др.
СОСТОЯНИЕ	← Объект провоцирует возникновение состояния		→ Состояние мотивирует на действие	← Объект может влиять на состояние, при этом восприниматься как неотъемлемая часть патриотического опыта	– Патриотическое состояние может выражаться через символы, но один слот не детерминирует другой	→ Состояние сопровождается оценочными категориями .
ДЕЙСТВИЕ	← Субъект – активный носитель патриотизма, он совершает поступки, а не просто обладает убеждениями	← Действия патриота мотивируют его внутренним состоянием: любовью к Родине, чувством долга, готовностью к самопожертвованию		→ Патриотическое действие всегда направлено на объект	– Атрибуты сопровождают действие как символические элементы, но не обуславливают их	→ Действие получает оценку, в медиадискурсе оценка вторична по отношению к действию

Окончание табл. 2

	СУБЪЕКТ	СОСТОЯНИЕ	ДЕЙСТВИЕ	ОБЪЕКТ	АТРИБУТ	ОЦЕНКА
ОБЪЕКТ	← Субъект направляет патриотическое чувство или действие на объект.	→ Объект вызывает или усиливает патриотическое чувство.	← Объект стимулирует патриотическое действие, а не наоборот		– Объект патриотизма воплощается в атрибутах, но не порождает их напрямую	– Объект может получить положительную или отрицательную оценку, но также и оценка может инициировать выделение объекта.
АТРИБУТ	– Патриот маркируется символически, он не определяет субъект, но помогает его опознать и визуально зафиксировать.	– Символы вызывают или сопровождают эмоциональное состояние: например, слушающая гимн, человек испытывает чувство гордости.	– Атрибут сопровождает действие, но не порождает его. Они усиливают эффект.	– Визуальные элементы позволяют зрителю «увидеть» ценности объекта.		– Символизм работает в обе стороны. Атрибуты могут быть оценены, при этом часто сами стимулируют эмоциональную реакцию
ОЦЕНКА	← Оценка работает как семантический фильтр, она не только присваивается объекту, но и конструирует его образ. Зачастую субъект вводится через оценку – особенно в мобилизационном контексте	→ В медиадискурсе патриотическое состояние всегда маркируется: положительная или отрицательная коннотация, нейтральной характеристики патриотизма нет	← Действия порождают оценочные суждения, а не наоборот	– Объект патриотизма всегда наделён каким-либо ценностным ореолом, т. е. объект в этом смысле пассивен, связи симметричные	– Оценка усиливает значение символа или запускает мобилизационную реакцию.	

В ходе анализа эмпирических данных были установлены следующие закономерности.

1. Центральной в реализации фрейма становится триада «СУБЪЕКТ – СОСТОЯНИЕ – ДЕЙСТВИЕ». Именно через неё реализуется мобилизационный потенциал медиатекста: субъект переживает определенное ценностное состояние, которое трансформируется в конкретное действие.

2. Слот ОЦЕНКА выполняет роль универсального модификатора, который включён практически во все связи. Он усиливает бинарные оппозиции, присущие дискурсу, и повышает аксиологическую плотность текста.

3. Слоты ОБЪЕКТ и АТРИБУТ в тексте зачастую выступают относительно пассивными элементами. Несмотря на меньшую интенсивность исходящих связей, именно они служат триггерами актуализации патриотической ценности.

4. Связи между слотами ассиметричны. Например, ОБЪЕКТ вызывает СОСТОЯНИЕ (любовь к Родине и пр.), а не наоборот.

Область применения матрицы достаточно широка: от дискурсивной реконструкции фрейма и когнитивной визуализации патриотических паттернов до моделирования коммуникативных стратегий в публичной риторике и проведения межъязыкового сопоставительного анализа (например, русскоязычных и англоязычных медиатекстов). Одним из направлений доработки матрицы может стать определение семантической силы каждой из связей (например, от 1 до 5). Проработка данного вопроса позволит вывести «метаформулу» патриотического текста, что позволит определить величину его интенции.

Заключение

Структурно-функциональная модель фрейма ПАТРИОТИЗМ включает шесть взаимосвязанных слотов: СУБЪЕКТ, СОСТОЯНИЕ, ДЕЙСТВИЕ, ОБЪЕКТ, АТРИБУТ и ОЦЕНКА. Вершинными в данной системе стали слоты СУБЪЕКТ и СОСТОЯНИЕ; их взаимодействие создаёт смысловую основу патриотического высказывания, остальные компоненты обеспечивают его конкретизацию и адаптацию к конкретным задачам медиатекста. Определено, что наиболее устойчивой конструкцией при этом выступает триада СУБЪЕКТ – СОСТОЯНИЕ – ДЕЙСТВИЕ, обеспечивающее трансформацию эмоционально-ценностной установки в социально значимую и общественно одобряемую практику.

На основе анализа корпуса русскоязычных медиатекстов были разработаны матрица функциональной нагрузки и матрица взаимодействия слотов, позволившие определить основные закономерности организации патриотического нарратива. Подчёркнём, что матрицы работают комплексно: первая формирует понятийный и структурный остов патриотического высказывания, вторая раскрывает эффективные механизмы смыслообразования. Предложенные модели универсальны не только для анализа и построения отдельных идеологически направленных текстов, но и объёмных коммуникативных кластеров – новостной повестки, продвижения локальных брендов, персонального бренда, медиаплощадок, государственных и волонтерских проектов. Они позволяют выявлять структурно-смысловые дисбалансы патриотического нарратива, оценивать эффективность коммуникативных стратегий и прогнозировать особенности восприятия текстов аудиторией.

Перспективы дальнейших исследований связаны с количественной верификацией матриц, определением силы, устойчивости и направленности связей между слотами фрейма, а также их адаптацией для анализа различных национальных медиадискурсов и сопоставления особенностей репрезентации патриотизма в разных культурных средах.

Список литературы

Барабанщикова В.В., Иванова С.А., Арефьева Н.А., Гузеев М.С., Третьяков А.В., Зеленский А.А., Мажников Н.В., Пантюхов А.С., Федоров А.А. 2023. Ценностная ориентация «патриотизм»:

- сущность, содержание и оценка сформированности. *Национальный психологический журнал*, 18(4): 99–112. DOI: [10.11621/npj.2023.0409](https://doi.org/10.11621/npj.2023.0409)
- Беспалова Т.В., Расторгуев В.Н. 2017. Патриотизм и русская цивилизационная идентичность в современном российском обществе. Москва, Институт наследия, 224 с.
- Борисова Т.Г., Печенюк А.Н. 2025. Медиатизация концепта «Патриотизм» как фактор создания единого ценностно-ориентационного пространства. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 12(906): 18–27.
- Букалерева Л.А., Волох В.А., Горбунов М.А. Знаменский Д.Ю., Зубач А.В., Мышко Ф.Г., Суворова В.А., Титор С.Е., Яхшиян О.Ю., Шагиева Р.В. 2023. Правовое регулирование реализации государственной политики сохранения гражданского единства и межнационального согласия народов. Под ред. С.Е. Титор. Москва, Русайнс, 245 с.
- Ван Дейк Т.А. 2000. Язык, познание, коммуникация. Пер. с англ. яз. под ред. В.И. Герасимова. Благовещенск, БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 308 с.
- Васьбиева Д.Г. 2023. Ассоциативно-семантические компоненты концепта «патриотизм» в мировосприятии российской молодежи. *Мир науки, культуры, образования*, 4(101): 323–326. DOI [10.24412/1991-5497-2023-4101-323-326](https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-4101-323-326)
- Габеркорн А.И. 2020. Концепт патриотизма в процессах формирования гражданской идентичности. Дис. ... канд. полит. наук. Сургут, 201 с.
- Гогиберидзе Г.М., Скрынник М.А. 2022. Патриотизм как целевой ориентир взаимодействия социальных институтов образования и культуры: аксиологический аспект. *Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия: Философские науки*, 1(41): 33–46. DOI: [10.25688/2078-9238.2022.41.1.03](https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.03)
- Домашев А.Н. 2005. Сущность и социокультурное содержание патриотического движения в России рубежа XX–XXI веков: опыт социально-философского анализа. Дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 147 с.
- Ерофеева И.В. 2008. Патриотизм в системе ценностей современного медиадискурса. *Система ценностей современного общества*, 4: 167–172.
- Карасик В.И. 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, Перемена, 477 с.
- Каримов А.Г., Фаткуллина Г.Р. 2024. Патриотизм в системе ценностных ориентаций молодежи. *Уфимский гуманитарный научный форум*, 4(20): 358–372. DOI: [10.47309/2713-2358-2024-4-358-372](https://doi.org/10.47309/2713-2358-2024-4-358-372)
- Копылова Е.А., Сидорова И.В. 2020. Патриотизм как одна из предпосылок духовного единства нации. *Наука и Образование*, 3(1). URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/1487/1485> (дата обращения: 20.04.2026)
- Купина Н.А. 2000. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем. В кн.: Русский язык сегодня. Вып. 1. Сборник статей. Под ред. Л.П. Крысина. Москва, Азбуковник: 182–190.
- Лубский А.В. 2019. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме. *Гуманитарий Юга России*, 8(36) (2): 47–66. DOI: [10.23683/2227-8656.2019.2.3](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.2.3)
- Магарил С.А. 2016. Смыслы патриотизма – исторические трансформации. *Социологические исследования*, 1: 142–151.
- Малышева Е.Г. 2011. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования. Дис. ... докт. филол. наук. Омск, 403 с.
- Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И. 2019. Как нам измерить патриотизм? К вопросу о концептуализации понятия. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 13(4): 31–43. DOI: [10.17072/2218-1067-2019-4-31-43](https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-4-31-43)
- Мархинин В.В., Пуртова В.С., Ушакова Н.В. 2026. Патриотизм: к построению аналитической модели. *Общество: политика, экономика, право*, 4: 53–64. DOI: [10.24158/pep.2026.4.5](https://doi.org/10.24158/pep.2026.4.5)
- Маслова В.А. 2001. Лингвокультурология. Москва, Academia, 208 с.
- Маслова В.А. 2004. Введение в когнитивную лингвистику. Москва, Флинта, Наука, 293 с.
- Мосягина М.С. 2024. Моделирование концепта IDENTITY на материале лексикографических источников. *Russian Linguistic Bulletin*, 9(57). DOI: [10.60797/RULB.2024.57.15](https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.15)
- Мусса М.А. 2025. Динамика концепта «патриотизм» в русской лингвокультуре. *Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Филологические науки*, 11(22) (1): 76–88. DOI: [10.5281/zenodo.18813393](https://doi.org/10.5281/zenodo.18813393)

- Наговицына Н.В. 2021. Смысловое наполнение концепта «патриотизм» и его языковая объективация в современной русской речи. Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 210 с.
- Наумов Т.А. 2024. «Made in Russia»: патриотизм как главный социокультурный тренд современной России. В кн.: Технологии PR и рекламы в современном обществе. Инженеры смыслов: визионеры коммуникационной индустрии и национальной безопасности. Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 15–16 апреля 2024 г.). Под ред. М.С. Арканниковой. Санкт-Петербург, ПОЛИТЕХ-ПРЕСС: 82–88.
- Наумов Т.А. 2025. Конструирование концепта патриотизм в современном медиaprостранстве. Выпускная квалификационная работа магистра. Санкт-Петербург, 150 с. DOI: [10.18720/SPBPU/3/2025/vr/vr25-4201](https://doi.org/10.18720/SPBPU/3/2025/vr/vr25-4201).
- Наумов Т.А. 2026. Патриотизм в философии и медиадискурсе Нового времени. *Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность*, 5(1): 178–193. DOI: [10.24334/KBSU.2026.5.1.009](https://doi.org/10.24334/KBSU.2026.5.1.009)
- Никифоров Я.А. 2017. Социальный концепт «патриотизм» в русской общественной мысли. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 17(2): 191–193. DOI: [10.18500/1818-9601-2017-17-2-191-193](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-2-191-193)
- Пашутина Т.А. 2009. Ключевые концепты американской культуры "PRIVACY" и "PATRIOTISM" и особенности их языковой репрезентации в различных типах дискурса. Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 199 с.
- Радбиль Т.Б., Наговицына Н.В. 2021. Новые явления в лексической объективации концепта «патриотизм» в современной русской речи: лингвокультурологический аспект. В кн.: Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации. Тезисы докладов международной научной конференции, приуроченной к 90-летию со дня рождения профессора В.Н. Телия и 100-летию Белорусского государственного университета (Минск, 22–24 октября 2021 г.). Под ред. М.С. Гutowской. Минск, БГУ: 148–150.
- Расторгуев С.В. 2023. Концепт «патриотизм» в современном идеологическом пространстве России. *Власть*, 31(3): 90–96. DOI: [10.31171/vlast.v31i3.9637](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i3.9637)
- Сандомирская И.И. 2001. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wien, Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 281 p.
- Фантров П.П., Садовников Е.С. 2024. Концепт «патриотизм» в социально-политическом дискурсе. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 24(4): 435–442. DOI: [10.18500/1818-9601-2024-24-4-435-442](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-435-442)
- Филлмор Ч. 1988. Фреймы и семантика понимания. Пер. с англ. Л.Н. Баранова. В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. Под ред. В.В. Петрова, В.И. Герасимова. Москва, Прогресс: 52–92. (Fillmore Ch.J. 1985. Frames and the semantics of understanding. Quaderni di semantical, VI(2) (December): 222–254.)
- Халий И.А. 2017. Патриотизм в России: опыт типологизации. *Социологические исследования*, 2(394): 67–74.
- Харичев А.Д. 2025. Кто мы? В кн.: Государство. Выпуск 2. Под ред. А.В. Полосина. Москва, Издательство «Известия»: 16–25.
- Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. 2022. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации). *Журнал политических исследований*, 6(3): 9–19. DOI: [10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19)
- Чудакова Н.М., Латыпов Р.И., Газиева Ч.Ф., Зиннатова Д.М. 2024. Объективация концепта «патриотизм» в американской лингвокультуре. *Современное педагогическое образование*, 10: 297–301.
- Шагбанова Х.С. 2022. Концепт «Патриотизм» в балладе К. Симонова «Секрет победы». *Образование и право*, 2: 348–352. DOI: [10.24412/2076-1503-2022-2-348-352](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-2-348-352)
- Шагбанова Х.С. 2023. Лингвокультурная природа концепта «патриотизм». *Litera*, 4: 11–19. DOI: [10.25136/2409-8698.2023.4.40116](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.4.40116)
- Эбелинг Э.О., Борисова О.В., Сытых О.Л., Выдрина М.В. 2025. Роль современных российских СМИ в формировании патриотических установок студенческой молодежи. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 16(1). URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK125.pdf> (дата обращения: 18.05.2026).

- Юревич А.В. 2016. Психологические аспекты патриотизма. *Прикладная юридическая психология*, 1(34): 5–21.
- Mencken H.L. 1937. *The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States*. Alfred A. Knopf, 798 p.

References

- Barabanshchikova V.V., Ivanova S.A., Arefieva N.A., Guzeev M.S., Tretyakov A.V., Zelensky A.A., Mazhnikov N.V., Pantyukhov A.S., Fedorov A.A. 2023. Value Orientation “Patriotism”: Essence, Content, and Assessment. *National psychological journal*, 18(4): 99–112 (in Russian). DOI: [10.11621/npj.2023.0409](https://doi.org/10.11621/npj.2023.0409)
- Bespalova T.V., Rastorguev V.N. 2017. Patriotizm i russkaya tsivilizatsionnaya identichnost' v sovremennom rossiiskom obshchestve [Patriotism and Russian Civilizational Identity in Modern Russian Society]. Moscow, Publ. Institut naslediya, 224 p.
- Borisova T.G., Pechenyuk A.N. 2025. Mediatization of “Patriotism” Concept as a Factor in Creating a Unified Value-Orientalional Space. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 12(906): 18–27 (in Russian).
- Bukalero L.A., Volokh V.A., Gorbunov M.A., Znamenskii D.Yu., Zubach A.V., Myshko F.G., Suvorova V.A., Titor S.E., Yakhshiyani O.Yu., Shagieva R.V. 2023. Pravovoe regulirovanie realizatsii gosudarstvennoi politiki sokhraneniya grazhdanskogo edinstva i mezhnatsional'nogo soglasiya narodov [Legal regulation of the implementation of state policy on preserving civil unity and interethnic harmony of peoples]. Ed. S.E. Titor. Moscow, Publ. Rusains, 245 p.
- Van Deik T.A. 2000. Yazyk, poznanie, kommunikatsiya [Language, Cognition, Communication] Trans. from English. edited by V.I. Gerasimov. Blagoveshchensk, Publ. BGK im. I. A. Boduehna de Kurteneh, 308 p.
- Vasbieva D.G. 2023. Associative and Semantic Components of the Concept of Patriotism in the World Perception by the Russian Youth. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*, 4(101): 323–326 (in Russian). DOI [10.24412/1991-5497-2023-4101-323-326](https://doi.org/10.24412/1991-5497-2023-4101-323-326)
- Gaberkorn A.I. 2020. Kontsept patriotizma v protsessakh formirovaniya grazhdanskoi identichnosti [The Concept of Patriotism in the Processes of Formation of Civic Identity]. Dis. ... Cand. Political Sciences. Surgut, 201 p.
- Gogiberidze G.M., Skrynnik, M.A. 2022. Patriotism as a Target Guideline for the Interaction of Social Institutions of Education and Culture: Axiological Aspect. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1(41): 33–46 (in Russian). DOI: [10.25688/2078-9238.2022.41.1.03](https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.03)
- Domashev A.N. 2005. Sushchnost' i sotsiokul'turnoe sodержание patrioticheskogo dvizheniya v Rossii rubezha XX–XXI vekov: opyt sotsial'no-filosofskogo analiza [The essence and socio-cultural content of the patriotic movement in Russia at the turn of the 20th–21st centuries: an attempt at social and philosophical analysis]. Dis. ... Cand. Philos. Sciences. Barnaul, 147 p.
- Erofeeva I.V. 2008. Patriotizm v sisteme tsennostei sovremennogo mediadiskursa [Patriotism in the Value System of Modern Media Discourse]. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*, 4: 167–172.
- Karasik V.I. 2002. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Publ. Peremena, 477 p.
- Karimov A.G., Fatkullina G.R. 2024. Patriotism in the System of Value Orientations of Youth. *Ufa Humanitarian Scientific Forum*, 4(20): 358–372 (in Russian). DOI: [10.47309/2713-2358-2024-4-358-372](https://doi.org/10.47309/2713-2358-2024-4-358-372)
- Kopylova E.A., Sidorova I.V. 2020. Patriotism as One of the Prerequisites for the Spiritual Unity of the Nation. *Nauka i Obrazovanie*, 3(1). URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/1487/1485> (дата обращения: 20.04.2026).
- Kupina N.A. 2000. Yazykovoe stroitel'stvo: ot sistemy ideologem k sisteme kul'turem [Language construction: from the system of ideologemes to the system of culturemes]. In: *Russkii yazyk segodnya* [Russian language today]. Issue 1. Collection of articles. Ed. L.P. Krysin. Moscow, Publ. Azbukovnik: 182–190.
- Lubsky A.V. 2019. Patriotism and Citizenship in Russian Society, or How to Overcome the Deficiency of Citizenship in Russian Patriotism. *Humanities of the South of Russia*, 8(36) (2): 47–66 (in Russian). DOI: [10.23683/2227-8656.2019.2.3](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.2.3)
- Magaril S.A. 2016. Smysly patriotizma – istoricheskie transformatsii [The Meanings of Patriotism – Historical Transformations]. *Sociological studies*, 1: 142–151.

- Malysheva E.G. 2011. Russkii sportivnyi diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya [Russian sports discourse: theory and methodology of linguocognitive research]. dis. ... Doct. Philol. Sciences. Omsk, 403 p.
- Martynov M.Yu., Gaberkorn A.I. 2019. How Do We Measure Patriotism? On the Conceptualization of the Concept. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 13(4): 31–43 (in Russian). DOI: [10.17072/2218-1067-2019-4-31-43](https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-4-31-43)
- Markhinin V.V., Purtova V.S., Ushakova, N.V. 2026. Patriotism: Toward the Construction of an Analytical Model. *Society: Politics, Economics, Law*, 4: 53–64 (in Russian). DOI: [10.24158/pep.2026.4.5](https://doi.org/10.24158/pep.2026.4.5)
- Maslova V.A. 2001. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. Moscow, Publ. Academia, 208 p.
- Maslova V.A. 2004. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow, Publ. Flinta, Nauka, 293 p.
- Mosyagina M.S. 2024. Modelling the concept of IDENTITY on the material of lexicographic sources. *Russian Linguistic Bulletin*, 9(57) (in Russian). DOI: [10.60797/RULB.2024.57.15](https://doi.org/10.60797/RULB.2024.57.15)
- Moussa M.A. 2025. Dynamics of the Concept of «Patriotism» in Russian Linguistic Culture. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 11(77) (1): 76–88 (in Russian). DOI: [10.5281/zenodo.18813393](https://doi.org/10.5281/zenodo.18813393)
- Nagovitsyna N.V. 2021. Smyslovoe napolnenie kontsepta «patriotizm» i ego yazykovaya ob"ektivatsiya v sovremennoi russkoi rechi [The Semantic Content of the Concept of "Patriotism" and Its Linguistic Objectification in Modern Russian Speech]. Dis. ... Cand. Philological Sciences. Nizhny Novgorod, 210 p.
- Naumov T.A. 2024. "Made in Russia": Patriotism as the Main Socio-Culture Trend in Modern Russia. In: *Tekhnologii PR i reklamy v sovremennom obshchestve. Inzhenery smyslov: vizionery kommunikatsionnoi industrii i natsional'noi bezopasnosti* [PR and Advertising Technologies in Contemporary Society. Engineers of Meanings: Visionaries of the Communications Industry and National Security]. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, April 15–16, 2024). Ed. M.S. Arkannikova. Saint Petersburg, Publ. Sankt-Peterburg, POLITEKh-PRESS: 82–88.
- Naumov T.A. 2025. Constructing Concept of Patriotism in Modern Media Space. Master's thesis. St. Petersburg, 150 p. DOI: [10.18720/SPBPU/3/2025/vr/vr25-4201](https://doi.org/10.18720/SPBPU/3/2025/vr/vr25-4201)
- Naumov T.A. 2026. Patriotism in Early Modern Philosophy. *Kabardino-Balkarian State University Bulletin: Journalism. Education. Literature*, 5(1): 178–193 (in Russian). DOI: [10.24334/KBSU.2026.5.1.009](https://doi.org/10.24334/KBSU.2026.5.1.009)
- Nikiforov Ya.A. 2017. Social Concept "Patriotism" in the Russian Social Thought. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 17(2): 191–193 (in Russian). DOI: [10.18500/1818-9601-2017-17-2-191-193](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2017-17-2-191-193)
- Pashutina T.A. 2009. Klyuchevye kontsepty amerikanskoi kul'tury "PRIVACY" i "PATRIOTISM" i osobennosti ikh yazykovoï reprezentatsii v razlichnykh tipakh diskursa [Key concepts of American culture "PRIVACY" and "PATRIOTISM" and features of their linguistic representation in various types of discourse]. Dis. ... Cand. Philol. Sciences. Belgorod, 199 p.
- Radbil T.B., Nagovitsyna N.V. 2021. The new phenomena in lexical objectification of the concept "patriotism" in modern Russian speech: linguo-culturological aspect. In: *Language, Culture, Creativity in Transdisciplinary Dimensions: Traditions and Innovations. Book of Abstracts of the International Scientific Conference Dedicated to the 90th anniversary of Professor V.N. Teliya and the 100th Anniversary of the Belarusian State University* (Minsk, October 22–24, 2021). Ed. M.S. Gutovskva. Minsk, Publ. BGU: 148–150 (in Russian).
- Rastorguev S.V. 2023. The Concept of Patriotism in the Modern Ideological Space of Russia. *The Authority*, 31(3): 90–96 (in Russian). DOI: [10.31171/vlast.v31i3.9637](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i3.9637)
- Sandomirskaya I.I. 2001. Kniga o Rodine: opyt analiza diskursivnykh praktik [A Book about the Motherland: An Analysis of Discursive Practices]. Vienna, Publ. Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 281 p.
- Fantrov P. P., Sadovnikov E. S. Concept "patriotism" within socio-political discourse. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 435–442 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-435-442>, EDN: MEPSOX
- Fantrov P.P., Sadovnikov E.S. 2024 Concept "patriotism" within socio-political discourse. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 24(4): 435–442 (in Russian). DOI: [10.18500/1818-9601-2024-24-4-435-442](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-4-435-442)

- Fillmor Ch. 1988. Freimy i semantika ponimaniya [Frames and the Semantics of Understanding]. Transl. from English L.N. Baranova. In: Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New Developments in Foreign Linguistics]. Issue XXIII: Kognitivnye aspekty yazyka [Cognitive Aspects of Language]. Eds. V.V. Petrov, V.I. Gerasimov. Moscow, Publ. Progress: 52–92. (Fillmore Ch.J. 1985. Frames and the semantics of understanding. Quaderni di semantical, VI(2) (December): 222–254.)
- Khaliy I.A. 2017. Patriotism in the Russian: Typology. *Sociological studies*, 2(394): 67–74 (in Russian).
- Kharichev A.D. 2025. Kto my [Who Are We]? In: Gosudarstvo [The State]. Issue 2. Ed. A.V. Polosin. Moscow, Publ. Izvestiya: 16–25.
- Kharichev A.D., Shutov A.Yu., Polosin A.V., Sokolova E.N. 2022. Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). *Journal of Political Research*, 6(3): 9–19 (in Russian). DOI: [10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19)
- Chudakova N.M., Latypov R.I., Gazieva Ch.F., Zinnatova D.M. 2024. Objectivization of the concept PATRIOTISM in American linguoculture. *Modern pedagogical education*, 10: 297–301 (in Russian).
- Shagbanova Kh.S. 2022. The Concept of "Patriotism" in K. Simonov's Ballad "Secret of Victory". *Obrazovanie i pravo*, 2: 348–352. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-2-348-352
- Shagbanova Kh.S. 2023. The Linguistic and Cultural Nature of the Concept of "Patriotism". *Litera*, 4: 11–19 (In Russian). DOI: [10.25136/2409-8698.2023.4.40116](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.4.40116)
- Ebeling E.O., Borisova O.V., Sytykh O.L., Vydrina M.V. 2025. The role of modern Russian media in the formation of patriotic attitudes of students. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 16(1). (in Russian) URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK125.pdf> (accessed: May 18, 2026)
- Yurevich A.V. 2016. Psychological aspects of patriotism. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 1(34): 5–21.
- Mencken H.L. 1937. The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States. Alfred A. Knopf, 798 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.06.2026

Поступила после рецензирования 23.07.2026

Принята к публикации 18.08.2026

Received June 10, 2026

Revised July 23, 2026

Accepted August 18, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наумов Тарас Александрович, аспирант института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Taras A. Naumov, Postgraduate Student at the Higher School of Journalism and Mass Communications, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

УДК 070.15:32.019.5

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-482-502

EDN RFNJTO

Политическая философия Ноама Хомского как концептуальная основа левой гражданской медиакритики Британии

Шилин А.М., Короченский А.П.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

shilin_a_m@bsuedu.ru; prensa@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению становления и развития политико-философских, методологических и практических принципов современной левой гражданской медиакритики, которые ранее не были в полной мере осмыслены в отечественной и зарубежной науке. Цель исследования заключается в выявлении особенностей влияния политико-философских взглядов Н. Хомского и разработанной им совместно с Э. Херманом модели пропаганды на медиакритическую деятельность Media Lens. Эмпирическую базу составили 26 программных и 20 медиакритических публикаций Media Lens за 2001–2025 годы, а также глубинное интервью редакторов проекта Д. Эдвардса и Д. Кромвелла, проведенное одним из авторов (А.М. Шилиным) в 2025 году по электронной почте. Установлен комплексный характер влияния идей Н. Хомского на деятельность Media Lens, проявляющийся как в использовании модели пропаганды в качестве аналитического инструмента, так и в понимании медиакритики как формы общественного и политического действия. Показано, что концепция «интеллектуальной самозащиты» Н. Хомского трансформируется авторами Media Lens в практическую стратегию критического взаимодействия с корпоративными СМИ и формирования автономного медиапотребления аудитории. Сделан вывод о том, что политико-философские представления Н. Хомского определяют понимание Д. Эдвардсом и Д. Кромвеллом социальной роли медиакритики и принципы критической аргументации.

Ключевые слова: медиакритика, гражданская медиакритика, Media Lens, Н. Хомский, модель пропаганды, концепция интеллектуальной самозащиты

Для цитирования: Шилин А.М., Короченский А.П. 2026. Политическая философия Ноама Хомского как концептуальная основа левой гражданской медиакритики Британии. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 482–502. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-482-502 EDN RFNJTO

Noam Chomsky's Political Philosophy as a Conceptual Foundation of Left-Wing Civic Media Criticism in Britain

Andrey M. Shilin, Aleksandr P. Korochensky

Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod 3008015, Russia

shilin_a_m@bsuedu.ru; prensa@yandex.ru

Abstract. Despite the considerable body of research devoted to media criticism, N. Chomsky's political philosophy, and the activities of the British civic media criticism project *Media Lens*, the relationship between the ideological and methodological foundations of Chomsky's concepts and the practice of contemporary left-wing civic media criticism has not yet received comprehensive scholarly attention. This study examines the ideological and methodological influence of N. Chomsky's media-critical concepts and

political-philosophical views on the development of left-wing civic media criticism, with *Media Lens* as a case study. The scholarly novelty of the study lies in providing a comprehensive examination of Noam Chomsky's role in shaping the ideological and methodological foundations of contemporary left-wing civic media criticism, using *Media Lens* as a case study. Unlike studies that address Chomsky's political philosophy, his Propaganda Model, or the activities of *Media Lens* separately, this article examines the interconnections between these components and their transformation into the practice of contemporary civic media criticism. The aim of the study is to identify the specific ways in which N. Chomsky's political-philosophical views and the propaganda model developed jointly with E. Herman have influenced the media-critical practice of *Media Lens*. The empirical basis of the study consists of an analysis of the project's programmatic and media-critical publications, as well as an in-depth interview with the project's editors, D. Edwards and D. Cromwell, conducted by the author. The study establishes that the influence of Chomsky's ideas on the activities of *Media Lens* is comprehensive, manifesting itself both in the use of the propaganda model as an analytical tool and in the understanding of media criticism as a form of social and political action. It is concluded that his political-philosophical views shape the understanding of the social role of media criticism and the principles of critical argumentation. The study demonstrates that Chomsky's concept of "intellectual self-defence" is transformed by the authors of *Media Lens* into a practical strategy of critical engagement with corporate media and the development of autonomous media consumption among audiences.

Keywords: media criticism, civic media criticism, *Media Lens*, N. Chomsky, propaganda model, concept of intellectual self-defence

For citation: Shilin A.M., Korochensky A.P. 2026. Noam Chomsky's Political Philosophy as a Conceptual Foundation of Left-Wing Civic Media Criticism in Britain. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 482–502 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-482-502 EDN RFNJTO

Введение

Современные средства массовой информации занимают центральное место в формировании публичного информационного пространства, определяя не только содержание общественной повестки, но и способы интерпретации социально и политически значимых событий. В условиях высокой степени институциональной, экономической и технологической зависимости медиапроизводства вопрос о механизмах отбора, интерпретации и распространения информации приобретает особую значимость. В связи с этим исследование медиа не может ограничиваться анализом отдельных медиатекстов: существенное значение приобретает изучение тех профессиональных, институциональных и идеологических условий, в которых формируется публичная картина социальной реальности. Одним из направлений такого исследования выступает медиакритика, которая представляет собой не только оценку качества журналистских материалов, но и форму рефлексии над общественной функцией и ответственностью СМИ. Её предмет включает содержание медиатекстов, профессиональные и редакционные практики, механизмы функционирования медиасистемы, а также взаимодействие СМИ с аудиторией и другими общественными институтами. В этом отношении медиакритика выполняет не только аналитическую, но и регулятивную функцию, поскольку позволяет выявлять расхождения между реальными практиками медиапроизводства и нормативными представлениями о социальной ответственности журналистики.

Особое место в данном контексте занимает гражданская медиакритика, осуществляемая независимыми от профессионального медиасообщества исследователями, общественными организациями и медиакритическими проектами. В отличие от профессиональной медиакритики, ориентированной преимущественно на поддержание внутриинституциональных стандартов журналистики, гражданская медиакритика может рассматривать медиа как часть более широких политических, экономических и социальных отношений. Поэтому её аналитические подходы нередко основываются не только на

профессиональной этике и журналистских стандартах, но и на определённых политико-философских представлениях о природе власти, гражданской ответственности и роли информации в демократическом обществе. Именно наличие определённой нормативной и идеологической основы требует установить, каким образом конкретные политико-философские концепции преобразуются в инструменты анализа и практики критического взаимодействия с медиа.

Существенный вклад в разработку нормативных оснований медиакритики внесли зарубежные исследователи журналистики, в частности Э.Б. Ламбет [Lambeth, 1992], понимавший медиакритику как один из ключевых механизмов общественного контроля журналистики и важнейший фактор ее социальной ответственности. В российской научной традиции медиакритика рассматривается как особая область журналистской деятельности, ориентированная на критическое осмысление медиатекстов, профессиональных практик и социального функционирования средств массовой информации [Короченский, 2002, 2004].

Значительное развитие получили исследования гражданской медиакритики, к функциям которой относятся как критическое осмысление деятельности СМИ, так и отражение более широких политических, экономических и идеологических процессов. Одним из наиболее влиятельных теоретиков данного направления является Ноам Хомский, разработавший совместно с Эдвардом Херманом «модель пропаганды» функционирования средств массовой информации, оказавшую существенное влияние на развитие современной англоязычной левой медиакритики.

Вместе с тем вопрос о характере этого влияния на конкретные медиакритические проекты, прежде всего на британскую гражданскую медиакритическую группу Media Lens, до настоящего времени в отечественной научной литературе не получил специального освещения. Несмотря на значительный массив работ, посвящённых медиакритике, фокус внимания исследователей сосредоточен преимущественно на её институциональных, профессионально-этических и коммуникативных аспектах, представленных в работах А.П. Короченского [2002, 2003, 2004, 2015, 2018а, 2018б], А.В. Федорова [2005], Р.П. Баканова [2020, 2023] и др., рассматривающих медиакритику прежде всего как форму общественного контроля над деятельностью СМИ, средство совершенствования журналистской практики и развития медиаграмотности аудитории. В то же время в зарубежных исследованиях С. Фенглер [Fengler, 2012, 2019], Ф. Прохазки [Prochazka, Obermaier, 2022], Д. Черуйота [Cheruiyot, 2024] и др. основное внимание уделяется вопросам профессиональной ответственности журналистики, общественного контроля над медиа, функционирования альтернативных медиа и медиаактивизма. При этом значительно меньшее внимание как в отечественных, так и в западных исследованиях уделяется идеологическим и методологическим основаниям гражданской медиакритики, определяющим характер анализа СМИ и способы взаимодействия медиакритиков с массовой аудиторией.

Цель исследования – выявить направления влияния концепции Н. Хомского на идеологию и методологию медиакритической деятельности группы Media Lens.

В научный оборот впервые вводятся материалы интервью одного из авторов исследования с основателями проекта Дэвидом Эдвардсом и Дэвидом Кромвеллом, позволяющие проследить эволюцию восприятия и развития идей Н. Хомского самими представителями современной гражданской медиакритики.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели использовались историко-биографический метод при реконструкции политических взглядов Н. Хомского, сравнительный анализ при сопоставлении теоретических положений Н. Хомского и медиакритической практики Media Lens, качественный контент-анализ и дискурс-анализ публикаций Media Lens, а также метод глубинного интервью, позволивший выявить особенности идентификации

проекта авторами и их понимания роли идей Н. Хомского. Эмпирическую базу исследования составили 20 медиакритических публикаций организации за 2001–2025 гг., а также глубинное полуструктурированное совместное интервью с основателями Media Lens Д. Эдвардсом и Д. Кромвеллом, проведённое по электронной почте на английском языке 19 декабря 2025 г. Интервью включало 11 вопросов, посвящённых роли профессиональных стандартов в журналистской работе, влиянию идей Ноама Хомского на медиакритический подход авторов и их трансформацию в условиях современной британской медиасистемы (см. приложение).

Результаты и их обсуждение

Медиакритика рассматривается исследователями не только как инструмент оценки качества журналистских материалов, но и как особая форма осмысления общественной роли средств массовой информации. Медиакритика определяется как область современной журналистики, осуществляющая критическое познание, анализ и оценку актуальных, социально значимых аспектов информационного производства и функционирования средств массовой информации [Короченский, 2004].

Предмет медиакритики, понимаемый как социальное функционирование медиа, имеет несколько взаимосвязанных уровней. Во-первых, медиакритика осуществляет мониторинг, анализ и оценку медиатекстов, выявляя особенности их содержания, формы, способов репрезентации событий и соответствия профессиональным стандартам. Во-вторых, она рассматривает производственно-творческую деятельность самих средств массовой информации: принципы редакционной политики, механизмы отбора информации, профессиональные практики журналистов, редакторов и медиаменеджеров, а также условия производства медийного контента. Наконец, наиболее широким уровнем анализа становится «социальное бытование» СМИ, при котором «критик соотносит медийное содержание не только с действительностью, но и с широко понимаемым социальным идеалом, к которому стремится общество <...> на данном этапе исторического развития» [Короченский, 2002, с. 99]. В этом аспекте медиакритика рассматривает СМИ в контексте их взаимодействия с аудиторией, государственными, политическими и экономическими институтами, влиянием на общественное сознание и процессы формирования картины социальной реальности.

Медиакритика в таком понимании не ограничивается анализом отдельных публикаций или достижений и ошибок профессионалов медиа. Её задача состоит в комплексном осмыслении места и роли медиа в общественной жизни, а также в сопоставлении создаваемых средствами массовой информации образов действительности с объективными социальными процессами и запросами, что позволяет оценивать степень их ответственности перед обществом.

Ряд исследователей рассматривает медиакритику не как внешнюю по отношению к журналистике практику, а как её неотъемлемый элемент. Так, американский теоретик журналистики Э.Б. Ламбет в работе *Committed Journalism* («Ответственная журналистика») относит медиакритику к числу важнейших составляющих журналистской деятельности наряду с социальной ответственностью СМИ, защитой общественных интересов, соблюдением профессиональной этики и правовых норм. Более того, исследователь характеризует медиакритику как «пятую власть», подчёркивая её особую роль в общественном контроле «четвёртой власти» – журналистики и массмедиа [Lambeth, 1992, с. 7]. В этом отношении медиакритика является инструментом не только анализа медиа, но и саморефлексии журналистики как социального института, способствующим поддержанию её профессиональных и общественных стандартов.

Развивая этот подход, Н.А. Владимирова и В.А. Славина считают назначением медиакритики не столько фиксацию отдельных профессиональных достижений, ошибок или нарушений журналистских стандартов, сколько «стремление к практическому

воплощению идеальной журналистики», предполагающее сопоставление существующих медийных практик с определённым нормативным представлением о том, какой должна быть журналистика и какие общественные функции она призвана выполнять [Владимирова, Славина, 2018, с. 649]. При таком подходе предметом медиакритического анализа становятся не только конкретные медиатексты или редакционные решения, но и фундаментальные характеристики медиасистемы: её взаимоотношения с государством и экономическими институтами, механизмы формирования информационной повестки, принципы отбора и интерпретации событий, а также влияние политических и социальных факторов на производство новостей. Очевидно, что медиакритика неизбежно выходит за рамки анализа отдельных медийных практик, обращаясь к структурным основаниям функционирования массовой коммуникации.

В актуальной практике медиакритики выделяются четыре её разновидности: академическая, профессиональная, массовая и гражданская [Короченский, 2018a]. В контексте данного исследования именно гражданская медиакритика представляет собой особое ответвление, поскольку выходит за рамки оценки отдельных медиатекстов и рассматривает деятельность СМИ с позиций общественных интересов, социальной ответственности и участия граждан в контроле над медиа. В этом качестве она сочетает мониторинг и анализ медиаконтента, критику профессиональных и институциональных практик и публичное воздействие на медиасистему, используя общественные кампании, просветительскую деятельность и цифровые формы коммуникации.

«Идеал журналистики» может основываться на положениях профессиональной этики (в корпоративной или массовой медиакритике), научных представлениях о роли СМИ (в научно-экспертной медиакритике) или на более широких, мировоззренческих концепциях. Именно в последнем случае медиакритика приобретает выраженное мировоззренческое измерение, а критика конкретных медиатекстов становится частью более масштабной критики общественных и политических институтов, превращаясь таким образом в одну из форм гражданского активизма. Подобный нормативный характер медиакритики предполагает систему ценностей, относительно которой осуществляется критическая оценка деятельности СМИ. В академической медиакритике такой системой выступают научные подходы и методы исследования, в профессиональной – журналистская этика и отраслевые стандарты. В гражданской же медиакритике, не обладающей единым институциональным или методологическим основанием, функцию нормативного ориентира нередко выполняют более широкие философские, политические или идеологические концепции. В этом случае критика медиатекстов становится частью критического анализа общественных институтов, а оценка функционирования журналистики оказывается неразрывно связанной с пониманием власти, демократии, социальной справедливости и роли гражданского общества. Именно поэтому гражданская медиакритика нередко оказывается тесно связанной с определёнными политическими и философскими традициями, через призму которых анализирует деятельность СМИ, составляя конкуренцию профессиональным медиакритикам [Баканов, 2023, с. 39]. Одним из наиболее показательных примеров подобного подхода является медиакритическая концепция Н. Хомского. Рассматривая медиа как элемент системы политико-экономических отношений, Н. Хомский анализирует деятельность СМИ с позиций левой критической традиции, акцентируя внимание на зависимости журналистики от государственных и корпоративных структур, механизмах производства общественного согласия и воспроизводстве доминирующей идеологии в массовой коммуникации. Фигура Н. Хомского в рамках данной работы важна потому, что его концепции свободы слова, теории пропаганды и зависимости прессы от властных структур во многом находят отражение в деятельности ряда независимых гражданских медиакритических организаций, в частности американской FAIR и британской Media Lens, осмысляющих деятельность современных СМИ сквозь призму левых взглядов.

***Политико-философские основания
медиакритической концепции Н. Хомского***

Н. Хомский (род. 1928) – американский лингвист, философ, политический публицист и один из наиболее известных критиков СМИ второй половины XX – начала XXI вв., разработавший концепцию порождающей грамматики, существенно повлиявшей на развитие когнитивных наук и современного языкознания [Chomsky, 1957]. Наряду с научной деятельностью ученый активно участвовал в общественно-политических дискуссиях. Начиная с 1960-х годов, он выступал с критикой внешней политики США, военных интервенций, корпоративного влияния на демократические институты и деятельность ведущих средств массовой информации [Chomsky, 1967]. В политической теории его взгляды обычно характеризуются как либертарный социализм или анархо-синдикализм [Седых, 2024, с. 113]. Сам Н. Хомский также неоднократно подчёркивал свою принадлежность к леворадикальной политической традиции [Хомский, 2012].

В работах Н. Хомского анализ средств массовой информации не изолирован от более широких вопросов власти, демократии, гражданского участия и функционирования современных политических институтов. Напротив, критика медиа, по Н. Хомскому, выступает частью общей критики существующего общественного устройства и механизмов воспроизводства социального неравенства. Эта взаимосвязь обусловлена самим объектом исследования: рассматривая СМИ как важный элемент политической системы, он связывает особенности функционирования журналистики с экономическими и властными отношениями, существующими в обществе, и многие его выводы о роли медиа, причинах искажений в новостном освещении и ограничениях журналистской автономии непосредственно вытекают из его представлений о природе государственной власти, корпоративного влияния и демократического участия граждан в общественной жизни. В связи с этим анализ собственно медиакритических взглядов Н. Хомского целесообразно предварить кратким обзором его общественно-политических взглядов, уделив особое внимание вопросам гражданского активизма, сопротивления властным структурам, ответственности интеллектуалов и значимости общественного участия в демократических процессах, что позволит понять теоретические предпосылки критики им современных медиасистем.

Одной из ранних работ Н. Хомского, обосновавшей философию его медиакритики, является эссе *The Responsibility of Intellectuals*¹ («Ответственность интеллектуалов»), написанное после начала войны во Вьетнаме и посвященное коллективной ответственности, – вопросу, остро стоявшему после Второй мировой войны. При этом автор возлагает «коллективную вину» за войны, бедствия и катастрофы не столько на народы в целом, сколько на «интеллектуалов» – привилегированное меньшинство, задача которого «говорить правду и разоблачать ложь» и задавать себе вопрос «а что сделал я?» [Chomsky, 1967]. Н. Хомский не раскрывает подробно понятие «интеллектуал», имея в виду любого мыслящего человека – от учёных до школьных учителей, однако при такой широкой трактовке эта концепция применима и к журналистам, и к самому автору.

Демонстрируя гражданскую активность, участвуя в протестных акциях и движениях, Н. Хомский в конце 1960-х – начале 1970-х гг. стал одним из самых заметных критиков внешней политики США, артикулируя свою политическую позицию в публицистических и медиакритических работах. В работе *The Government in the Future* («Государство будущего») [Хомский, 2012] Хомский противопоставляет либертарный социализм государственному капитализму и государственному социализму, рассматривая его как политическую концепцию, более соответствующую потребностям человека в автономии, творчестве и

¹ Dorfman A., Abelson R., Calhoun F., Murray E.B., reply N. Chomsky. 1967. *The Responsibility of Intellectuals*. The New York Review, April 20, 1967. URL: <https://www.nybooks.com/articles/1967/04/20/the-responsibility-of-intellectuals-4/> (accessed: May 21, 2026).

общественном самоуправлении. Центральное место в его концепции занимает идея постоянного критического отношения к любым структурам власти. Ученый исходит из того, что политические, экономические и общественные институты должны быть открыты для общественного контроля и обязаны обосновывать собственную легитимность. Он убежден, что для этого необходимо не просто «ограничить вмешательство политических институтов в жизнь общества, но уничтожить государственную власть», на смену которой придет новая система, обеспечивающая «народный контроль над всеми институтами со стороны граждан» [Седых, 2024, с. 123]. В противном случае социальные институты, считает Н. Хомский, становятся механизмами воспроизводства господства и ограничения человеческой свободы.

Конечной целью в политической концепции Н. Хомского является общественное устройство на принципах либертарного социализма, широкого демократического участия и общественного самоуправления. Современное государство и крупные корпорации он рассматривает как взаимосвязанные институты, концентрирующие политическую и экономическую власть в руках элит и тем самым ограничивающие реальное участие граждан в принятии общественно значимых решений. По мнению Н. Хомского, преодолеть подобную модель возможно лишь посредством активного гражданского участия и формирования революционного движения, способного поставить под демократический контроль существующие властные институты и отказаться от авторитарных форм организации политической и экономической жизни.

В дальнейших работах Н. Хомского наблюдается определенное противоречие между стратегическими целями и предлагаемыми средствами их достижения. С одной стороны, он выступает за радикальное преобразование существующего общественного устройства при помощи создания «революционного движения», однако вместе с тем не связывает достижение этих целей с насильственной революцией в её традиционном понимании. Напротив, в работах, посвящённых гражданскому сопротивлению, в частности в эссе *On Resistance* («О сопротивлении») Н. Хомский отвергает насилие как политическую тактику, считая его не только морально неприемлемым, но и практически неэффективным [Chomsky, 2008, p. 5]. Предпочтительными формами сопротивления он называет ненасильственное гражданское неповиновение, массовые общественные кампании, забастовки, отказ от сотрудничества с государственными институтами и иные способы повышения «политической цены» проводимой властями политики. Таким образом, революционный характер взглядов Н. Хомского проявляется прежде всего в радикальности поставленных целей, тогда как инструментом их достижения он рассматривает постепенную общественную мобилизацию и ненасильственный гражданский активизм разных форм и направлений.

В своих рассуждениях о роли государства Н. Хомский в противовес классическому либерализму и либертарному социализму рассматривал как «неадекватные» политические системы «государственный капитализм» (развитый в США) и «государственный социализм» (существовавший в СССР), при которых общество слабо влияет на принятие решений политическими или экономическими элитами [Chomsky, 1973]. Одним из наиболее важных проявлений этой проблемы автор называет зависимость, ангажированность и подконтрольность СМИ, которые вместо выполнения своей первоочередной задачи – информирования общества – лишь тиражируют необходимые государству или бизнесу нарративы. Эту идею Н. Хомский совместно с Э. Херманом развили в наиболее известной работе о зависимости СМИ от властных элит – *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media* («Производство согласия: политическая экономия СМИ») [Herman, Chomsky, 1988], где представлена разработанная авторами «модель пропаганды» – концепция, согласно которой «корпоративные» СМИ отбирают общественно важную информацию при помощи пяти «фильтров», превращающих новости в удобные для элит нарративы. Авторы полемизируют с либеральной концепцией прессы,

согласно которой СМИ являются независимым институтом общественного контроля, обеспечивающим объективное информирование граждан и свободную конкуренцию мнений. По их мнению, подобное представление игнорирует институциональные ограничения, определяющие работу современных медиа. Они утверждают, что в демократических странах ведущие средства массовой информации не являются инструментом прямой государственной пропаганды и не подвержены цензуре, как в авторитарных режимах, однако объективно функционируют таким образом, что воспроизводят интересы политических и экономических элит, используя более тонкие и скрытые механизмы манипуляции общественным сознанием [Herman, Chomsky, 1988]. Первый фильтр – структура собственности: концентрация СМИ в руках крупных коммерческих корпораций связывает редакционную политику с интересами владельцев и акционеров. Второй – зависимость от рекламы: поскольку рекламодатели являются важнейшим источником финансирования, медиа заинтересованы в контенте, не противоречащем интересам корпоративного бизнеса. Третий фильтр – зависимость от официальных источников: экономическая и организационная логика новостного производства делает государственные структуры, корпорации и другие институционально авторитетные источники основными поставщиками информации, что ограничивает присутствие альтернативных интерпретаций. Четвёртый фильтр авторы называют термином *flak*, который можно понимать как негативную реакцию элит на публикации журналистов: судебное, политическое, репутационное и экономическое давление на СМИ за публикацию нежелательных материалов ведет к самоцензуре. Пятый фильтр – идеологический, первоначально связанный с антикоммунизмом, а после окончания холодной войны способный создавать другие образы «внешнего врага», например терроризма или угрозы национальной безопасности. Его функция заключается в установлении допустимых рамок интерпретации событий и ограничении публичного дискурса.

В совокупности действие всех пяти фильтров формирует механизм, который авторы называют «производством согласия» (*manufacturing consent*). По их мнению, даже при отсутствии прямой государственной цензуры журналистика систематически воспроизводит те интерпретации социальной и политической реальности, которые соответствуют интересам доминирующих политических и экономических групп. С этих позиций объектом медиакритики должны становиться не отдельные журналистские ошибки или случаи предвзятого освещения событий, а сами структурные механизмы производства новостей. В этом контексте медиакритика направлена не столько на попытку отрегулировать существующие механизмы, профессионально-этические стандарты или идеологические подходы к работе СМИ, сколько на кардинальное переустройство медиасистемы в соответствии с левыми представлениями о политике, обществе и свободе слова. Именно этот тезис впоследствии стал методологической и идеологической основой деятельности британской гражданской медиакритической группы (*media watch group*) *Media Lens* (существует с 2001 г.), которая переносит пропагандистскую модель с уровня общей теории на уровень анализа конкретных публикаций, редакционных практик и медиадискурсов корпоративных СМИ Британии.

Трансформация идей Н. Хомского в практике левой гражданской медиакритики на примере Media Lens

Media watch groups представляют собой институты гражданского общества, осуществляющие систематический мониторинг средств массовой информации, анализ качества журналистских материалов и публичную оценку их соответствия профессиональным и общественным требованиям. Их деятельность направлена не только на защиту прав аудитории и обеспечение свободы массовой информации, но и на повышение профессионального уровня журналистики посредством общественного

контроля над функционированием медиа [Короченский, 2018а, с. 26]. Подобные организации могут существенно отличаться по своим идеологическим и политическим ориентирам, однако одними из наиболее заметных среди них являются группы медиакритиков – «леволиберальных активистов и медиаэкспертов», являющихся последователями Н. Хомского [Короченский, 2018а, с. 26].

Отметим, что Media Lens – не единственный пример гражданской медиакритической организации, опирающейся на левые идеи, постулируемые Н. Хомским. Так, одним из наиболее известных представителей данного направления выступает американская организация FAIR (Fairness and Accuracy in Reporting – «Честность и достоверность в сообщении информации»), основанная в 1986 г.¹ Подобно Media Lens, FAIR исходит из представления о том, что средства массовой информации должны выполнять общественные, а не корпоративные или государственные функции, и поэтому осуществляет систематический мониторинг деятельности СМИ, публикует медиакритические материалы, реализует образовательные проекты и выступает с инициативами, направленными на реформирование медиасистемы [Аношина, 2007]. Пример FAIR позволяет рассматривать модель пропаганды Н. Хомского и Э. Хермана не как интеллектуальный источник деятельности одной конкретной организации, а как фактор формирования целого направления англоязычной гражданской медиакритики. Как FAIR в США, так и Media Lens в Британии используют предложенную философами модель пропаганды в качестве методологической основы анализа медиатекстов, интерпретируя систематические искажения новостной повестки как следствие институционального характера современной медиасистемы, а не как совокупность отдельных журналистских ошибок.

Британская группа Media Lens, основанная Д. Эдвардсом и Д. Кромвеллом, является одной из наиболее известных гражданских организаций медиамониторинга, осуществляющих критический анализ деятельности ведущих британских СМИ, в частности освещение международной политики, вооружённых конфликтов и внешнеполитической деятельности Британии и её союзников.

В рамках исследования было проведено глубинное интервью с редакторами Media Lens. Полученные ответы позволяют сделать вывод о связи проекта с идеями и медиакритической методологией Н. Хомского. Прежде всего, обращает на себя внимание трактовка Д. Эдвардсом и Д. Кромвеллом журналистских стандартов. Редакторы Media Lens не отвергают принципы честности, точности или независимости как профессионального идеала журналистики. Напротив, в ответах в рамках интервью они исходят из того, что данные стандарты остаются нормативно значимыми, однако оказываются практически недостижимыми в рамках существующей институциональной организации корпоративных СМИ, описанной Э. Херманом и Н. Хомским: *«"Официальные" журналистские стандарты подразумевают предполагаемые стандарты объективности и беспристрастности профессиональных корпоративных СМИ. Согласно этой идее, группа «профессионально подготовленных» журналистов обладает уникальными навыками, позволяющими обеспечивать сбалансированное и беспристрастное освещение событий. В действительности же эти журналисты систематически производят предвзятые материалы, благоприятствующие интересам влиятельных государственных и корпоративных структур. Пропагандистская ценность подобных заявлений о «профессионализме» и «объективности» заключается в том, что они дают «мейнстримным» СМИ повод отвергать любую критику их собственной предвзятости, утверждая, что эта критика лишена «беспристрастности» либо исходит от журналистов-активистов, не обладающих «профессиональной» квалификацией»*² (здесь и далее перевод А. М. Шилина; полное интервью в оригинале см. в приложении).

¹ FAIRNESS & ACCURACY IN REPORTING. URL: <https://fair.org/> (accessed: May 21, 2026)

² Интервью с Д. Эдвардсом и Д. Кромвеллом, проведено А.С. Шилиным 25.12.2025 (личный архив автора).

Этот тезис подтверждает и само описание проекта, в котором указывается, что объектом критики становятся не эти стандарты как таковые, а систематическое расхождение между декларируемыми профессиональными принципами и реальной практикой функционирования корпоративных медиа¹. По их утверждению, заявления ведущих медиа о собственной объективности нередко приобретают идеологическую функцию, позволяя дискредитировать любую внешнюю критику как «непрофессиональную» или «активистскую», что превращает сами профессиональные стандарты в один из механизмов легитимации существующей медиасистемы.

Отвечая на вопрос о причинах систематических искажений новостного освещения, редакторы практически воспроизводят логику пяти фильтров «производства согласия», подчёркивая влияние структуры собственности, зависимости от рекламного рынка, привилегированного доступа государственных источников информации и давления политических и корпоративных институтов на редакционную политику. Из этого следует, что главную проблему современной журналистики они усматривают не в индивидуальной недобросовестности журналистов, а в институциональных условиях производства новостей, при которых журналисты, реагируя на критику, порой вынуждены прибегать к методам «цифрового дискурсивного сопротивления» [Cheruiyot, 2024, с. 294].

Собственное описание проекта также демонстрирует прямую преемственность по отношению к концепции «модели пропаганды» Э. Хермана и Н. Хомского. Редакторы неоднократно подчеркивают, что рассматривают корпоративные СМИ не как нейтральных посредников общественной коммуникации, а как институты, деятельность которых определяется экономическими и политическими интересами². В качестве основной задачи Media Lens обозначено выявление систематических закономерностей медиапроизводства, приводящих к селективному освещению событий, воспроизводству официальной повестки и маргинализации альтернативных точек зрения. Таким образом, критика отдельных публикаций рассматривается ими лишь как средство демонстрации более глубоких структурных механизмов функционирования медиасистемы.

Авторы Media Lens специально подчеркивают, что не разделяют представления о существовании централизованного заговора или сознательной координации действий журналистов и редакций: «нашу систему нельзя свести к искусно замаскированной версии «1984», – заявляют они в описании проекта³ и воспроизводят известное положение Н. Хомского, согласно которому «пропаганда для демократии — это то же самое, что насилие для тоталитарного государства»⁴. Эта формула отражает центральную для Media Lens мысль о том, что в демократических обществах контроль над общественным мнением осуществляется не посредством прямого принуждения, а через механизмы информационного отбора, интерпретации и конструирования повестки дня.

Одной из иллюстраций практического применения «модели пропаганды» в медиакритической деятельности Media Lens является анализ интервью Н. Хомского британскому журналисту Times Radio Мэтту Чорли в статье Souls For Sale – The Times Interviews Noam Chomsky (2023 г.)⁵. По мнению создателей проекта, в центре внимания интервью оказывается не обсуждение аргументов Н. Хомского, а попытка связать его критические оценки политики западных государств с поддержкой российской позиции в

¹ Frequently Asked Questions. Media Lens. URL: <https://www.medialens.org/frequently-asked-questions/#conspiracy> (accessed: May 21, 2026).

² The Propaganda Model: An Overview. Media Lens. URL: <https://www.medialens.org/the-propaganda-model/> (accessed: May 21, 2026).

³ Frequently Asked Questions. Media Lens. https://www.medialens.org/frequently-asked-questions/#what_do (accessed: May 21, 2026).

⁴ Meaningful Democracy. 1989. Noam Chomsky interviewed by Bill Moyers. A World of Ideas, Doubleday: 38–58. URL: https://chomsky.info/1988____/ (accessed: May 22, 2026).

⁵ Souls For Sale – The Times Interviews Noam Chomsky. URL: <https://www.medialens.org/2023/souls-for-sale-the-times-interviews-noam-chomsky/> (accessed: May 22, 2026).

конфликте с Украиной. Media Lens обращает внимание на то, что Н. Хомский критикует действия России, однако одновременно предлагает рассматривать их в более широком контексте, сопоставляя с вооружёнными конфликтами США и их союзников, которые интервьюер в беседе, однако, предпочитает игнорировать⁵. Авторы приходят к выводу, что подобная стратегия интервьюирования отражает один из ключевых механизмов, описанных в «модели пропаганды»: смещение общественной дискуссии с анализа фактов и аргументов на обсуждение предполагаемых политических мотивов критика.

Вместе с тем глубинное интервью показывает, что Media Lens выходит за пределы исключительно дескриптивного анализа медиасистемы. Если Н. Хомский и Э. Херман стремились прежде всего объяснить механизмы функционирования корпоративных СМИ, то редакторы Media Lens в большей степени акцентируют внимание на общественной миссии медиакритики, которую авторы называют политической, активистской и журналистской практикой одновременно, а также на ее функционировании в британском массмедийном контексте: *«Анализ СМИ, предложенный Херманом и Хомским, представляет собой описательную модель того, как функционируют медиа»*¹. Основной целью своей деятельности они называют предоставление аудитории «инструментов интеллектуальной самозащиты» (tools of intellectual self-defence – термин, перекликающийся с идеями Э. Хермана и Н. Хомского), понимая медиакритику как средство формирования независимого мышления и развития медиакомпетентности граждан. Тем самым критика СМИ рассматривается не только как исследовательская практика, но и как форма гражданского просвещения, позволяющая аудитории самостоятельно выявлять факты информационного воздействия и пропаганды.

Практическая реализация описанных мировоззренческих установок прослеживается в аналитических материалах Media Lens, посвящённых разбору публикаций британской прессы. Так, в публикации Extreme Dishonesty – The Guardian, Noam Chomsky and Venezuela (2011г.)², анализируя статью The Observer, посвящённую интервью Н. Хомского о Венесуэле, авторы сопоставляют опубликованный материал с полной стенограммой беседы и показывают, что журналистская интерпретация основывалась на избирательном цитировании и исключении значительной части контекста. В частности, из публикации были исключены критические замечания Н. Хомского относительно внешней политики США, условий содержания Брэдли Мэннинга и более широких оценок ситуации в Латинской Америке, тогда как заголовок и первые абзацы формировали впечатление о якобы полном разрыве философа с политикой Уго Чавеса. Сам Н. Хомский впоследствии охарактеризовал публикацию как «крайне нечестную» и «совершенно обманчивую»³. Подобный анализ практически воспроизводит предложенную Э. Херманом и Н. Хомским модель пропаганды, согласно которой идеологическое воздействие СМИ обеспечивается не столько прямой фальсификацией фактов, сколько механизмами отбора информации, расстановки смысловых акцентов и формирования интерпретационных рамок. В данном случае объектом критики становится не отдельная фактическая ошибка журналиста, а институционально обусловленный способ конструирования политической реальности средствами массовой информации.

Не менее показательным отношением редакторов к политической ангажированности медиакритики. Отрицая возможность абсолютно «нейтрального» анализа, они утверждают, что всякая медиакритика неизбежно опирается на определённые ценностные основания.

¹ Интервью с Д. Эдвардсом и Д. Кромвеллом, проведено А.С. Шилиным 25.12.2025 (личный архив автора).

² Extreme Dishonesty – The Guardian, Noam Chomsky and Venezuela. Media Lens, 6th July 2011/ URL: <https://www.medialens.org/2011/extreme-dishonesty-the-guardian-noam-chomsky-and-venezuela/> (accessed: May 22, 2026).

³ Noam Chomsky on Afiuni: "extreme dishonesty" at The Guardian. 2011. Alekboyd, July 3, 2011. URL: <https://alekboyd.blogspot.com/2011/07/noam-chomsky-afiuni-guardian-is-quite.html> (accessed: August 17, 2026).

Однако, в отличие от традиционного понимания политической ангажированности, собственную позицию они связывают не с поддержкой конкретной партии или идеологии, а с универсальными этическими принципами – неприятием войны, насилия, человеческих страданий и институционализированной жадности как основы современной государственно-корпоративной системы: *«Она [медиакритика сквозь призму идеологии] оправдана уже потому, что невозможно заниматься медиакритикой вне политических взглядов. И даже если бы это было возможно, это было бы аморально. Разве можем мы – или должны – анализировать освещение средствами массовой информации геноцида, совершаемого Израилем в Газе, занимая позицию, которая никак не относится к массовому убийству женщин и детей?»*¹. В этом отношении мировоззрение и медиакритический подход Д. Эдвардса и Д. Кромвелла во многом продолжает гуманистическую традицию Н. Хомского. Хотя медиакритика Media Lens и не опирается напрямую на его политическую философию и идеи либертарного социализма в частности, анализ публикаций проекта показывает его «левую» оптику.

Наконец, примечательно отношение редакторов к самому Н. Хомскому. Несмотря на очевидную интеллектуальную преемственность, они последовательно отказываются рассматривать себя в качестве его политических преемников, утверждая, что *«согласны с Н. Хомским в том, что никто не должен становиться чьим-либо последователем»*, и подчёркивая недопустимость догматического отношения к любой интеллектуальной традиции: *«Мы восхищаемся Хомским и многому у него научились. Однако по целому ряду вопросов мы критиковали его. Это касается, в частности, его взглядов на намерения США в Сирии, его крайне слабой реакции на проблему изменения климата в 1980-х и 1990-х годах, его одобрительного отношения к самопожертвованию диссидентов, отсутствию интереса к медитации и ряда других вопросов»*².

Таким образом, авторы Media Lens воспринимают идеи Н. Хомского прежде всего как открытую исследовательскую, мировоззренческую и методологическую программу, допускающую критический пересмотр отдельных положений и их адаптацию к современным условиям. Такой подход позволяет рассматривать деятельность британской группы не как простое продолжение медиакритики Н. Хомского, а как её самостоятельное развитие в новых политических и медиакоммуникационных условиях.

Глубинное интервью также показывает, что редакторы Media Lens рассматривают работы Н. Хомского и Э. Хермана как методологическую основу собственной деятельности: они подчёркивают, что их аналитический подход сформировался прежде всего под влиянием модели пропаганды, изложенной в книге Manufacturing Consent³: *«Наш аналитический подход в значительной степени сформировался под влиянием «пропагандистской модели контроля над СМИ», представленной Эдвардом Херманом и Ноамом Хомским в их основополагающей работе «Производство согласия» (Manufacturing Consent). <...> Нас глубоко вдохновляли как работы Хермана, так и, особенно, Хомского, прежде всего их тщательные сопоставления того, как СМИ освещают, например, преступления официальных союзников по сравнению с преступлениями официальных врагов»*⁴.

Особое значение редакторы Media Lens придают исследовательской методологии Н. Хомского. По их словам, наибольшее влияние на их собственную деятельность оказал широко используемый им метод «парного сопоставления» (paired examples), основанный на сравнительном анализе освещения аналогичных событий «мейнстримными» и «независимыми» медиа. Н. Хомский демонстрировал, что преступления и нарушения прав

¹ Интервью с Д. Эдвардсом и Д. Кромвеллом, проведено А.С. Шилиным 25.12.2025 (личный архив автора).

² Там же.

³ Frequently Asked Questions. Media Lens. URL: https://www.medialens.org/frequently-asked-questions/#what_do (accessed: May 22, 2026)

⁴ Интервью с Д. Эдвардсом и Д. Кромвеллом.

человека, совершённые государствами – «официальными врагами» США и Британии, получают значительно более широкое, эмоциональное и подробное освещение, чем аналогичные действия «официальных союзников» западных стран. Именно этот сравнительный анализ редакторы Media Lens называют одним из основных инструментов собственной медиакритической практики. В своих критических разборах Д. Эдвардс и Д. Кромвелл при помощи данного метода демонстрируют допускаемые британскими СМИ систематические искажения, основанные на зависимости от официальных источников, концепции «официальных врагов» и «официальных союзников», «достойных» и «недостойных» жертв, а также отказа от освещения некоторых неудобных элитам фактов, что в конечном итоге является попыткой осмыслить системный изъян современной британской медиасистемы – формирование «этики молчания» [Шилин, 2025а].

Не менее важным Д. Эдвардс и Д. Кромвелл считают и другой принцип Н. Хомского – опору исключительно на проверяемые источники информации, официальные документы, экспертные исследования и статистические данные. Тем самым критика СМИ в работе Media Lens строится не на «гневных нападках», а на верифицируемом сравнительном анализе журналистских материалов: *«Как уже было сказано, мы стремимся предоставить людям инструменты интеллектуальной самозащиты. За этой целью стоит более глубокое стремление – сделать всё возможное, чтобы уменьшить человеческие страдания. Мы не считаем, что гнев, ненависть и, особенно, насилие способны привести к положительным результатам, поэтому предпочитаем доносить свои идеи сдержанно и даже с небольшой долей ироничного юмора»*¹.

Так, одним из показательных примеров практической реализации медиакритической методологии Media Lens является их полемика с журналистом The Guardian Джорджем Монбиотом, публично обвинившим Н. Хомского, Э. Хермана, Дж. Пилджера и сам проект Media Lens в поддержке «отрицания геноцида». Анализируя публикацию Дж. Монбиота в статье A ‘Malign Intellectual Subculture’ – George Monbiot Smears Chomsky, Herman, Peterson, Pilger And Media Lens (2011 г.)², авторы демонстрируют характерный для их методологии подход: вместо идеологической полемики они последовательно реконструируют аргументацию оппонента, сопоставляют цитаты с первоисточниками и выявляют случаи вырывания высказываний из контекста, подмены тезиса и использования морально дискредитирующих ярлыков. Тем самым Media Lens фактически применяют предложенный Э. Херманом и Н. Хомским принцип анализа медийного дискурса, показывая, каким образом публичное обвинение становится инструментом ограничения допустимых рамок политической дискуссии. В данной публикации объектом критики оказывается уже не освещение международных событий, а сама практика делегитимации альтернативных точек зрения в мейнстримных СМИ.

В этом контексте необходимо отметить, что в методах своей критической деятельности Media Lens выходят за рамки классической медиакритической традиции, основанной на сравнительном, дискурсивном или нарративном анализе, и применяют для инициирования публичных дискуссий интерактивные возможности интернет-коммуникации. Проявлением подобного подхода является широкое распространение в работе Media Lens метода публичной провокации, предполагающего прямое обращение к объектам критики – британским журналистам, редакторам и медиаорганизациям – в социальных сетях и на других цифровых платформах. Подобный формат реализует принцип горизонтальной медиакритики: обсуждение переносится в публичное цифровое пространство, где к анализу журналистских материалов могут присоединяться не только профессиональные медиакритики, но и широкая аудитория [Шилин, 2025б, с. 34].

¹ Интервью с Д. Эдвардсом и Д. Кромвеллом, проведено А.С. Шилиным 25.12.2025 (личный архив автора).

² A ‘Malign Intellectual Subculture’ – George Monbiot Smears Chomsky, Herman, Peterson, Pilger And Media Lens. Media Lens. 2nd August 2011. URL: <https://www.medialens.org/2011/a-malign-intellectual-subculture-george-monbiot-smears-chomsky-herman-peterson-pilger-and-media-lens-sp-1119850121/> (accessed: May 23, 2026).

Вместе с тем интервью показывает, что Media Lens не рассматривает пропагандистскую модель как неизменную теоретическую конструкцию или методологическое основание. По словам Д. Эдвардса и Д. Кромвелла, они неоднократно обсуждали с Н. Хомским и Э. Херманом вопрос её применимости к британской медиасистеме. Оба исследователя признают существование институциональных различий между американскими и британскими СМИ, однако считают, что действие основных структурных механизмов остаётся практически идентичным. В частности, редакторы обращают внимание на применимость всех пяти фильтров пропагандистской модели к британскому медиaproстранству: *«На раннем этапе нашей деятельности мы обращались и к Херману, и к Хомскому с вопросом о том, насколько их "пропагандистская модель" применима к британскому медиаконтексту. Оба признавали существование определённых различий, однако считали, что конечные результаты практически одинаковы: несмотря на отдельные различия, европейские страны, особенно союзники по НАТО, демонстрируют в целом сходные модели пропаганды»*¹. Так, особое внимание в ответах Д. Эдвардса и Д. Кромвелла уделяется деятельности корпорации BBC, которая, несмотря на отсутствие коммерческой рекламной модели, по мнению собеседников, остаётся встроенной в государственно-политическую систему посредством механизма назначения руководства, действия Королевской хартии и постоянного политического давления на редакционную политику.

При этом редакторы Media Lens предлагают и определённое развитие модели Э. Хермана и Н. Хомского применительно к современным условиям функционирования СМИ в Британии. Наиболее существенным её ограничением они считают недостаточное внимание авторов к непосредственному влиянию разведывательных служб на деятельность крупных медиаорганизаций. В качестве примеров приводятся публикации о взаимодействии британских спецслужб с газетой The Guardian после разоблачений Э. Сноудена, а также существование в Британии Комитета по консультированию СМИ по вопросам обороны и безопасности Британии – DSMA (Д. Эдвардс и Д. Кромвелл называют его «комитетом D-Notices»), что позволяет британскому правительству ограничивать распространение информации, затрагивающей вопросы национальной безопасности². Тем самым редакторы Media Lens полагают, что современные механизмы информационного контроля оказываются более сложными, чем предполагала первоначальная версия пропагандистской модели Э. Хермана и Н. Хомского.

Заключение

Гражданская медиакритика выступает сегодня не только как инструмент общественного контроля деятельности средств массовой информации, но и как самостоятельный механизм формирования медиакомпетентности аудитории, развития критического мышления и поддержания публичного диалога о роли журналистики в демократическом обществе. В отличие от академической и профессиональной медиакритики, она опирается не столько на институциональный статус своих участников, сколько на общественный запрос на независимый анализ медиасистемы, а потому способна использовать в качестве своего теоретического основания не только профессиональные стандарты журналистики, но и более широкие философские, политические и идеологические концепции.

Полученные результаты подтверждают, что влияние идей Н. Хомского на современную британскую гражданскую медиакритику носит комплексный характер и охватывает одновременно как политико-философские основания медиакритики, так и её

¹ Интервью с Д. Эдвардсом и Д. Кромвеллом, проведено А.С. Шилиным 25.12.2025 (личный архив автора).

² Там же.

аналитическую методологию. Материалы интервью показывают, что представители Media Lens рассматривают идеи Н. Хомского не как объект безусловного следования, а как теоретическую основу применительно к современному британскому медиaprостранству. В деятельности британской группы Media Lens эта концепция получила дальнейшее развитие и была адаптирована к британскому медиаконтексту и цифровой коммуникационной среде. При этом Media Lens не ограничиваются воспроизведением аналитической модели Н. Хомского, а дополняют её новыми формами гражданского участия как практики медиапросвещения, ориентированной на формирование критически мыслящей и медиакомпетентной аудитории. Тем самым британская группа демонстрирует переход от теоретической критики институциональных механизмов функционирования СМИ к практикам цифрового гражданского медиаактивизма, сохраняя при этом интеллектуальную и методологическую преемственность идей Н. Хомского.

Список источников

- Хомский Н. 2012. Государство будущего. Пер. с англ. А. Керви. Под ред. Р. Пискотиной. Москва, Альпина нон-фикшн, 100 с.
- Chomsky N. 1957. Syntactic Structures. The Hague: Mouton & Co, 1957. 118 p.
- Chomsky N. 1967. The Responsibility of Intellectuals. New York, Review of Books, 158 p.
- Chomsky N. 1973. For Reasons of State. New York: Pantheon Books, 440 p.
- Chomsky N. 2008. The Essential Chomsky. New York, The New Press, 515 p.
- Herman E.S., Chomsky N. 1988. Manufacturing consent: The political economy of the mass media. New York, Pantheon Books, 412 p.

Список литературы

- Аношина И.В. 2007. Организация общественного мониторинга СМИ и медиакритики «FAIR» (США) в системе гражданского диалога со СМИ. В кн.: Журналистика и медиаобразование-2007. Сборник трудов II Международной научно-практической конференции (Белгород, 1–3 октября 2007 г.): в 2 т. Т. I. Под ред. А.П. Короченского. Белгород, БелГУ: 275–281.
- Баканов Р.П. 2020. Медиакритика в цифровую эпоху: современные возможности и практики реализации. В кн.: Проблемы массовой коммуникации. Ч. 1. Материалы международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью (Воронеж, 14–16 мая 2020 г.). Под ред. В.В. Тулуповой. Воронеж, Факультет журналистики ВГУ: 5–7.
- Баканов Р.П. 2023. Медиакритика в контексте повседневности: депрофессионализация vs модернизация. В кн.: Динамика медиасистем. Т. 3. Вып. 1. Материалы IV научно-практической конференции PMMIS «Медiateкст в новой технологической среде: достижения и проблемы» (Челябинск, 14–15 марта 2023 г.). Под ред. С.И. Симаковой. Челябинск, Челябинский государственный университет: 39–47.
- Владимирова Т.Н., Славина В.А. 2018. Медиакритика: между теорией и практикой. *Вопросы теории и практики журналистики*, 7(4): 646–659. DOI: [10.17150/2308-6203.2018.7\(4\).646-659](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(4).646-659).
- Добросклонская Т.Г. 2005. Роль и задачи медиакритики в информационном обществе. В кн.: Журналистика в 2004 году. СМИ в многополярном мире. Сборник материалов научно-практической конференции (Москва, 02–05 февраля 2005 г.). Часть 1. Под ред. Я. Засурского и др. Москва, Факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: 66–68.
- Красноярова О.В. 2013. Гражданская журналистика как стимул развития профессиональной журналистики. *Вопросы теории и практики журналистики*, 1: 121–125.
- Короченский А.П. 2002. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Ростов-на-Дону, Международный институт журналистики и филологии, 272 с.
- Короченский А.П. 2003. Медиакритика в теории и практике журналистики. Дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 467 с.
- Короченский А.П. 2004. Регулятивная роль медиакритики. В кн.: Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. Под ред. Ю.В. Казакова. Москва, Галерея: 209–226.

- Короченский А.П. 2015. Мировая журналистика: история, теория, практика. Под ред. С.Г. Торчинского. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 240 с.
- Короченский А.П. 2018а. Гражданская критика СМИ и политические процессы в медиатизированном социуме. В кн.: Культура. Политика. Понимание. (Культура, нация, государство – проблемы идентичности в контексте современной политики). Материалы VI Международной научной конференции (Белград, 17–19 мая 2018 г.). Под ред. Б. Благоевой и др. Белград, Институт политических исследований: 168–179.
- Короченский А.П. 2018б. Медиакритика и реклама в СМИ. В кн.: Белоедова А.В., Казак М.Ю., Карпенко И.И. и др. Медийный текст: социальные практики, технологии, теории. Под ред. А.В. Полонского, М.Ю. Казак. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»: 132–136.
- Седых Т.Н. 2024. Политическая теория Ноама Хомского: позиция «ответственного интеллектуала». *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, 1: 113–128. DOI: [10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-1-113-128](https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-1-113-128)
- Федоров А.В. 2005. Медиаобразование, медиаграмотность, медиакритика и медиакультура. *Высшее образование в России*, 6: 134–138.
- Шилин А.М. 2025а. Этика молчания корпоративных СМИ Великобритании как предмет медиакритики Media Lens (на примере освещения британскими медиа палестино-израильского конфликта). В кн.: Дискурсология и медиакритика средств массовой информации. Сборник статей V Международной научно-практической конференции (Белгород, 7–9 октября 2025 года). Под ред. А.В. Полонского, С.В. Ушаковой. Белгород, Политerra: 175–184.
- Шилин А.М. 2025б. Публичная провокация как полемический приём в работе британской гражданской группы медиамониторинга и медиакритики Media Lens. *Современный дискурс-анализ*, 1(36): 27–35.
- Cheruiyot D. 2024. Comparing Risks to Journalism: Media Criticism in the Digital Hate. *Digital Journalism*, 12(3): 294–313. DOI: [10.1080/21670811.2022.2030243](https://doi.org/10.1080/21670811.2022.2030243)
- Fengler S. 2012. From media self-regulation to “croud-criticizm”: Media accountability in the digital age. *Central European journal of communications*, 5(2(9)): 175–189.
- Fengler S. 2019. Accountability in Journalism. In: Oxford Research Encyclopedia of Communication. Ed. M. Powers. New York, NY, online edn, Oxford Academic. DOI: [10.1093/acrefore/9780190228613.013.772](https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.772)
- Hjarvard S. 2008. The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change. *Nordicom Review*, 29(2): 105–134.
- Lambeth E.B. 1992. Committed Journalism: An Ethic for the Profession. Bloomington, IND, Indiana University Press, 242 p.
- Prochazka F., Obermaier M. 2022. Trust through Transparency? How Journalistic Reactions to Media-Critical User Comments Affect Quality Perceptions and Behavior Intentions. *Digital Journalism*, 10(3): 452–472. DOI: [10.1080/21670811.2021.2017316](https://doi.org/10.1080/21670811.2021.2017316)

References

- Anoshina I.V. 2007. The media watch group FAIR (“Fairness and Accuracy in Reporting”) in the public dialogue with mass media in USA. In: Journalism and Media Education-2007. Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference (Belgorod, October 1–3, 2007). Vol. I. Ed. A.P. Korochenskoy. Belgorod, Publ. BelGU: 275–281 (in Russian).
- Bakanov R.P. 2020. Mediakritika v tsifrovuyu ehpkokhu: sovremennye vozmozhnosti i praktiki realizatsii [Media Criticism in the Digital Age: Modern Opportunities and Implementation Practices]. In: Problemy massovoi kommunikatsii [Mass Communication Issues]. Part 1. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Researchers and Educators in Journalism, Advertising, and Public Relations (Voronezh, May 14–16, 2020). Ed. V.V. Tulupova. Voronezh, Publ. Fakul'tet zhurnalistiki VGU: 5–7.
- Bakanov R.P. 2023. Media Criticism in the Context of Everyday Life: Deprofessionalization Vs Modernization? In: Dinamika mediasistem [Dynamics of Media Systems]. Vol. 3. Iss. 1. Proceedings of the 4th PMMIS Scientific and Practical Conference “Mediatekst v novoi tekhnologicheskoi srede: dostizheniya i problem” [Media Text in the New Technological Environment: Achievements and Challenges] (Chelyabinsk, March 14–15, 2023). Ed. S.I. Simakova. Chelyabinsk, Publ. Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet: 39–47.

- Vladimirova T.N., Slavina V.A. 2018. Media Criticism: Between Theory and Practice. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 7(4): 646–659 (in Russian). DOI: [10.17150/2308-6203.2018.7\(4\).646-659](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2018.7(4).646-659)
- Dobrosklonskaya T.G. 2005. Rol' i zadachi mediakritiki v informatsionnom obshchestve [The Role and Tasks of Media Criticism in the Information Society]. V kn.: Zhurnalistika v 2004 godu. SMI v mnogopolyarnom mire [Journalism in 2004: Mass Media in a Multipolar World]. Proceedings of the Scientific and Practical Conference (Moscow, February 2–5, 2005). Part 1. Eds. Ya. Zasursky i dr. Moscow, Publ. Fakul'tet zhurnalistiki Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova: 66–68.
- Krasnoyarova O.V. 2013. Citizen Journalism as an Impetus of Development of Professional Journalism. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 1: 121–125 (in Russian).
- Korochenskii A.P. 2002. «Pyataya vlast'»? Fenomen mediakritiki v kontekste informatsionnogo rynka [“The Fifth Estate”? The Phenomenon of Media Criticism in the Context of the Information Market]. Rostov-on-Don, Publ. Mezhdunarodnyi institut zhurnalistiki i filologii, 272 p.
- Korochenskii A.P. 2003. Mediakritika v teorii i praktike zhurnalistiki [Media Criticism in the Theory and Practice of Journalism]. Dis. ... Doct. Philol. Sciences. St. Petersburg, 467 p.
- Korochenskii A.P. 2004. Regulativnaya rol' mediakritiki [The Regulatory Role of Media Criticism]. In: Samoregulirovanie zhurnalistikogo soobshchestva. Opyt. Problemy. Perspektivy stanovleniya v Rossii [Self-Regulation of the Journalism Community: Experience, Problems, and Prospects for Development in Russia]. Ed. Yu.V. Kazakov. Moscow, Publ. Galeriya: 209–226.
- Korochenskii A.P. 2015. Mirovaya zhurnalistika: istoriya, teoriya, praktika [World journalism: history, theory, practice]. Ed. S.G. Torchinsky. Belgorod, Publ. ID «Belgorod» NIU «BelGU», 240 p.
- Korochensky A.P. 2018a. Citizen Media Criticism and Political Processes in Mediatized Society. In: Kul'tura. Politika. Ponimanie. (Kul'tura, natsiya, gosudarstvo – problemy identichnosti v kontekste sovremennoi politiki) [Culture. Politics. Understanding. (Culture, Nation, State – Problems of Identity in the Context of Contemporary Politics)]. Proceedings of the VI International Scientific Conference (Belgrade, May 17–19, 2018). Ed. B. Blagoeva i dr. Belgrad, Publ. Institut politicheskikh issledovanii: 168–179.
- Korochenskii A.P. 2018b. Mediakritika i reklama v SMI [Media criticism and advertising in the media]. In: Beloedova A.V., Kazak M.Yu., Karpenko I.I. i dr. Mediinyi tekst: sotsial'nye praktiki, tekhnologii, teorii [Media text: social practices, technologies, theories]. Eds. A.V. Polonsky, M.Yu. Kazak. Belgorod, Publ. ID «Belgorod» NIU «BelGU»: 132–136.
- Sedykh T.N. 2024. Noam Chomsky's Political Theory: The Position of the 'Responsible Intellectual'. *Lomonosov Political Science Journal*, 1: 113–128 (in Russian). DOI: [10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-1-113-128](https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-1-113-128).
- Fedorov A.V. 2005. Mediaobrazovanie, mediagramotnost', mediakritika i mediakul'tura [Media education, media literacy, media criticism, and media culture]. *Higher Education in Russia*, 6: 134–138.
- Shilin A.M. 2025a. Ehtika molchaniya korporativnykh SMI Velikobritanii kak predmet mediakritiki Media Lens (na primere osveshcheniya britanskimi media palestino-izrail'skogo konflikta) [The ethics of silence in UK corporate media as a subject of Media Lens media criticism (based on British media coverage of the Israeli-Palestinian conflict)]. In: Diskursologiya i mediakritika sredstv massovoi informatsii [Discoursology and Media Criticism]. Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference (Belgorod, October 7–9, 2025). Eds. A.V. Polonsky, S.V. Ushakova. Belgorod, Publ. Politerra: 175–184.
- Shilin A.M. 2025b. Public Provocation as a Polemical Technique in the Work of the British Civic Group of Media Monitoring and Media Criticism Media Lens. *Sovremennyyi diskurs-analiz*, 1(36): 27–35.
- Cheruiyot D. 2024. Comparing Risks to Journalism: Media Criticism in the Digital Hate. *Digital Journalism*, 12(3): 294–313. DOI: [10.1080/21670811.2022.2030243](https://doi.org/10.1080/21670811.2022.2030243)
- Fengler S. 2012. From media self-regulation to “croud-criticizm”: Media accountability in the digital age. *Central European journal of communications*, 5(2(9)): 175–189.
- Fengler S. 2019. Accountability in Journalism. In: Oxford Research Encyclopedia of Communication. Ed. M. Powers. New York, NY, online edn, Oxford Academic. DOI: [10.1093/acrefore/9780190228613.013.772](https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.772)
- Hjarvard S. 2008. The mediatization of society: A theory of the media as agents of social and cultural change. *Nordicom Review*, 29(2): 105–134.

- Lambeth E.B. 1992. *Committed Journalism: An Ethic for the Profession*. Bloomington, IND, Indiana University Press, 242 p.
- Prochazka F., Obermaier M. 2022. Trust through Transparency? How Journalistic Reactions to Media-Critical User Comments Affect Quality Perceptions and Behavior Intentions. *Digital Journalism*, 10(3): 452–472. DOI: [10.1080/21670811.2021.2017316](https://doi.org/10.1080/21670811.2021.2017316).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Совместное интервью Д. Эдвардсом и Д. Кромвелом
(проведено А. М. Шилиным по электронной почте 19.12.2025)

On journalistic standards and their application

1. In your texts, you often refer to “official” journalistic standards — objectivity, accuracy, independence, and others. Do you consider these standards viable and applicable in today’s media environment?

‘Official’ journalistic standards refer to alleged standards of professional corporate media objectivity and impartiality. The idea is that a cadre of ‘professionally trained’ journalists are uniquely skilled in providing balanced, impartial reporting. In reality, these journalists provide consistently biased reporting that favours powerful state-corporate interests. The propaganda value of these claims to ‘professionalism’ and ‘objectivity’ is that they provide an excuse for ‘mainstream’ media to reject challenges to their bias on the grounds that they lack ‘impartiality’ or are supplied by activist journalists who are not ‘professionally’ qualified. Thus, no matter how consistently credible and accurate our work has been for 25 years, this has been the justification for ‘mainstream’ journalists ignoring the work of Media Lens as non-existent, or worthless. This bias is reflected on websites like Wikipedia, which only allow information linked from ‘credible’ sources, which typically means ‘mainstream’ sources (even trashy tabloids!). In sum, the state-corporate promotion of their ‘professionalism’ and ‘objectivity’ is an audacious, even witty, Orwellian and Machiavellian device precisely facilitating and protecting their unprofessional bias. By the way, we routinely put ‘mainstream’ in quotation marks when referring to the state-corporate media because they serve the interests of a tiny, elite sector of society whose interests are far removed from those of the true mainstream – the general public.

2. Where do you see the main problem in applying these norms: in the violation of these standards, or in the fact that the standards themselves function poorly within an institutional context?

The fact that a profit-oriented corporate media system is owned by wealthy individuals, is heavily dependent on advertisers, is effectively subsidised by news from state sources, and is supremely vulnerable to criticism and legal attacks from powerful institutions, relentlessly leads away from honest reporting. Everything that happens inside a corporation is consciously designed to maximise profit. That prime motive is obviously in direct conflict with the reporting of news and views that might, for example, alienate vital sources of revenue supplied by corporate advertisers, government sources and so on.

3. Is your criticism mainly aimed at improving existing media, or at developing an alternative model of how media should operate?

Our criticism has always been aimed at providing our readers with the tools of intellectual self-defence. We believe the truth can set us free, and that the more citizens are able to escape propaganda, illusions and profitable lies, the more likely a society is to find rational, peaceful solutions rooted in compassion and love. Our goal is to support free, independent thinking – what people do with that freedom is an aspect of that freedom and is not for us to decide. Of course, we are delighted when other people follow our example or develop their own strategies for promoting intellectual self-defence. When this results in positive political developments – for example, the evolution of the UK Green Party under Zack Polanski – we welcome and support them.

4. Today, media theory often uses the concepts of “post-truth” and “post-journalism.” How widespread do you think this phenomenon is in British media today, and what do you see as its key characteristics? More generally, how do you relate to this phenomenon?

We don’t take these terms seriously. Since Machiavelli, and long before, we have lived in very similar ‘post-truth’ times. Truth has always been a threat to systems of power based on lies. Instead of

rejecting the possibility of finding truth, and instead of cancelling views considered ‘post-truth’, we should be willing to debate claims of truth using our capacity for rational thought. For example, Donald Trump, often associated with a ‘post-truth’ world talks nonsense on a wide range of issues, but he *has* spoken honestly about the military-industrial-media complex within the United States that has a vested interest in starting and prolonging wars. Even Trump cannot simply be dismissed – his arguments have to be evaluated, challenged and discussed. We are opposed to casual dismissals of ‘post-truth’ and strongly disagree with ‘cancel culture’.

On the influence of Noam Chomsky

1. To what extent do the works of Noam Chomsky shape your analytical approaches?

Our analytical approach is significantly shaped by the ‘propaganda model of media control’ published by Edward Herman and Noam Chomsky in their seminal work, ‘Manufacturing Consent’. This model was almost entirely the work of Edward Herman. We have been greatly inspired by both Herman’s and especially Chomsky’s careful comparisons of media performance in covering, for example, the crimes of Official Allies as opposed to those of Official Enemies. Both Herman and Chomsky were exemplars in relying on solid information culled from verifiably credible, expert sources to support their arguments. We have also admired their restrained, rational tone, which relies on calm exposition rather than angry invective. As discussed, we are trying to provide people with the tools of intellectual self-defence. Behind that aim, is a deeper concern to do what we can to relieve suffering. We don’t believe that anger, hatred and especially violence lead to positive outcomes – so we prefer to communicate our messages with restraint and even a sprinkling of (wry) humour.

2. Are there elements of Chomskyan theory that you have consciously developed or adapted to the British media context?

This might seem a pedantic point; but there is no grand ‘Chomskyan theory’ when it comes to the media. We are not addressing his rigorous scientific work on linguistic theory, for example. Rather, Herman and Chomsky’s analysis of the media presented a descriptive *model* of how it works.

That said: yes, in the early days, we reached out to both Herman and Chomsky, asking them how their ‘propaganda model’ fits the British media context. They both saw differences but felt that outcomes were pretty much the same – for example, US and British populations are relentlessly propagandised for war in very similar ways. Indeed, global media output seems far more homogenous now even than when we started Media Lens in 2001. With some differences, European countries, especially Nato allies, seem to feature broadly similar patterns of propaganda.

Ed Herman wrote to us in 2002:

‘On the applicability of the model to Britain, one can go through that list of filters and ask whether they fit. Ownership? Blatantly true with Murdoch, an important media proprietor, and no reason to think they are less powerful in Britain than in the US. For the BBC, the impact of government is probably at least as severe as under Thatcher, and she brought intervention to a pretty high level I do believe. Advertising? Why not effective in the UK in its usually subtle way. Sourcing? Little basis for difference from the US, although I suspect not quite as bad. Flak? Possibly not quite as bad, but flak from government and powerful lobbies is surely real. Ideology? Anticommunism, market ideology, possibly not quite as powerful as in US, but probably real--and the force of patriotism and demonization of enemies I suspect is as great and powerfully affecting ability to speak honestly on Israel or Iraq.’ (Email to Media Lens, 9 December 2002)

Chomsky told us in 2004:

‘I don’t really agree that the British media are better than here [the US]. Different, but not really better. If I was stuck with one newspaper to read, it would be the NY [New York] Times. When I’m in England I find that I have to buy half a dozen papers even to get a general sense of what’s happening in the world.’ (Chomsky, email to David Edwards, 12 December 2004)

As for the BBC, although the corporation is funded by the public through a licence fee – and is therefore not reliant on advertising revenue – it still has to perform in a highly competitive, commercialised market. The BBC actually has a commercial wing which exploits BBC brands, sells BBC and other British programming for broadcast abroad with the aim of supplementing the income received by the BBC through the licence fee.

Note, too, that the BBC is essentially a state broadcaster; it operates under a Royal Charter and its senior officials are appointed by the government. Its news output conforms closely to state ideology and it can be subjected to severe flak when it is deemed to have strayed too far from the official line. This was

seen in 2004 following criticism in Lord Hutton's report into the way the BBC reported the 'sexing-up' of the government's case for invading Iraq. The BBC Chairman, the Director-General and a reporter all lost their jobs. It was again seen, recently, when the BBC's director general Tim Davie and head of news Deborah Turness resigned after criticism that a Panorama documentary misled viewers by editing a speech by Donald Trump.

In 2009, no less a figure than Greg Dyke, a former BBC director-general, openly declared that the BBC was part of an anti-democratic 'Westminster conspiracy'. A BBC article quoting Dyke, who resigned as director-general in 2004 in the wake of the Hutton report, began:

'The BBC is part of a "conspiracy" preventing the "radical changes" needed to UK democracy, the corporation's former director general has said.'

Dyke commented:

'I tried and failed to get the problem properly discussed when I was at the BBC and I was stopped, interestingly, by a combination of the politicians on the board of governors... the cabinet interestingly – the Labour cabinet – who decided to have a meeting, only about what we were trying to discuss, and the political journalists at the BBC.

'Why? Because, collectively, they are all part of the problem. They are part of one Westminster conspiracy. They don't want anything to change. It's not in their interests.'

Dyke called for a parliamentary commission to look into the 'whole political system', adding that:

'I fear it will never happen because I fear the political class will stop it.'

They did, of course – Dyke's comments were ignored and instantly buried out of sight.

3. Have you encountered limitations or weaknesses in Chomsky's model when dealing with contemporary media realities?

Again, bear in mind that the propaganda model is largely Herman's work, although Chomsky has applied it extensively with 'paired examples' to reveal how the alleged or actual crimes of Official Enemies are highlighted and pored over, while those of 'Our Allies/Friends' are minimised or swept under the carpet.

In terms of possible limitations of the model: it is arguable that Herman and Chomsky underestimated the direct influence and impact of the intelligence services on the state-corporate media. For example, Declassified UK have made a strong case that the supposedly progressive, liberal Guardian was effectively captured by British intelligence services after it published Edward Snowden's revelations; at least, when it comes to the Guardian's coverage (or non-coverage) of issues relating to 'security' and British foreign policy.

Also, note that the British government can essentially censor news that it does not wish brought to the attention of the general public by issuing so-called 'D-Notices' to British news outlets from the UK's Defence and Security Media Advisory (DSMA) Committee.

The DSMA Committee, more commonly known as the D-Notice Committee, is run by the Ministry of Defence, where it meets every six months. A small number of journalists are also invited to sit on the committee. Its stated purpose is to 'prevent inadvertent public disclosure of information that would compromise UK military and intelligence operations'. Although adherence to D-notices is voluntary, the media strongly tends towards compliance.

4. Do you consider yourselves followers of Chomsky in a political sense, or primarily in a methodological one?

We agree with Chomsky that no-one should be following anybody. We admire Chomsky and have learned a lot from him. But we have been critical of him on many issues, including his view of US intentions in Syria, his very weak response to climate change in the 1980s and 1990s, his enthusiasm for dissident self-sacrifice, his lack of interest in meditation, and so on.

On political and ideological positions

1. Your work is sometimes described as "left-liberal" or "anti-establishment." To what extent do these labels seem accurate to you?

We are not comfortable with any particular pigeonhole. We believe that greed -particularly when institutionalised in state-corporate power – is inherently harmful. We believe that the profit motive is incompatible with honest reporting. We believe that war is a great evil that can almost always be avoided but is often a choice of first resort for greed-driven interests. We believe that happiness and suffering are equal – 'my' happiness and suffering are not more or less important than 'your' happiness and suffering.

We believe that concern for others is a foundation of happiness, and hatred for others a cause of great suffering for the hater. Where we diverge from most left opinion, is that we believe that love and bliss are the nature of awareness unclouded by thought. So, while rational thought is preferable to irrational thought, ultimately, we believe that thought itself can act as a barrier to the flourishing of the most important human qualities.

2. *Can media criticism be seen as inevitably political activity, or do you view it primarily as an ethical and journalistic practice?*

It is all three.

3. *In your view, how appropriate, effective, and ethical is media criticism when it is conducted through the lens of political views?*

It is appropriate simply because it is impossible *not* to conduct media criticism outside of political views. And if it were possible, it would be immoral. Could we, or should we, try to analyse media reporting on Israel's genocide in Gaza through a lens that takes no position on the massacre of women and children? We are biased in favour of not killing anyone – men, women or children - and that of course generates a political position with regards to media misreporting of the Israeli government's crimes.

David Edwards and David Cromwell – 19 December 2025

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 20.06.2026

Поступила после рецензирования 01.09.2026

Принята к публикации 06.09.2026

Received June 20, 2026

Revised September 01, 2026

Accepted September 06, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шилин Андрей Максимович, ассистент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Короченский Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey M. Shilin, Assistant of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Aleksandr P. Korochensky, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 37.013.42+796

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-503-517

EDN MNMNMNB

Профилактика девиантного поведения подростков средствами физкультурно-рекреационной деятельности: ценностно-смысловой подход

¹ Зангиев Д.В., ² Шерemet Е.А., ³ Ерошенкова Е.И., ³ Собянин Ф.И.

¹ Федерация многоборья «Готов к труду и обороне» Белгородской области
Россия, 309502, г. Старый Оскол, мкр. Королева, д. 28

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Старооскольский филиал)
Россия, 309502, г. Старый Оскол, мкр. Солнечный, д. 18

³ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

1112467@bsuedu.ru; helen.sher@bk.ru; eroshenkova@bsuedu.ru; sobyenin@bsuedu.ru

Аннотация. Усиление рисков девиантного поведения в подростковой среде, обусловленное комплексом современных социально-экономических, психологических и социокультурных факторов, обнаруживает неэффективность устаревших практик профилактики и актуализирует поиск новых педагогических средств. Одним из таких перспективных средств профилактики девиантного поведения подростков является использование воспитательного потенциала физкультурно-рекреационной деятельности. Анализ научной литературы свидетельствует о недостаточной разработанности теоретико-методологических основ применения ценностно-смыслового подхода в профилактике девиантного поведения средствами физкультурно-рекреационной деятельности. Существующие подходы не учитывают сложность взаимодействия между ценностно-семантической сферой подростка и процессом его вовлечения в физкультуру и досуговые мероприятия, без которых невозможно повысить эффективность профилактических мероприятий. Цель исследования – теоретически обосновать значимость ценностно-смыслового подхода к профилактике девиантного поведения подростков и раскрыть принципы его реализации средствами физкультурно-рекреационной деятельности. В результате определены теоретические основания ценностно-смыслового подхода к профилактике девиантного поведения, основные факторы деформации ценностно-смысловой сферы подростков, принципы профилактики девиантного поведения подростков средствами физкультурно-рекреационной деятельности. Результаты исследования вносят вклад в развитие теоретико-методологических основ профилактической работы с подростками и могут служить основой для педагогов, психологов, тренеров, вожатых, социальных педагогов, работающих с подростками из группы риска, при создании диагностических и коррекционно-развивающих программ.

Ключевые слова: ценностно-смысловой подход, ценностная ориентация, девиантное поведение, профилактика, физическая рекреация, физкультурно-рекреационная деятельность, подростки

Для цитирования: Зангиев Д.В., Шерemet Е.А., Ерошенкова Е.И., Собянин Ф.И. 2026. Профилактика девиантного поведения подростков средствами физкультурно-рекреационной деятельности: ценностно-смысловой подход. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 503–517. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-503-517 EDN MNMNMNB

Prevention of Deviant Behavior in Adolescents through Physical Education and Recreational Activities: A Value-Semantic Approach

¹ Dmitry V. Zangiev, ² Elena A. Sheremet, ³ Elena I. Eroshenkova, ³ Fyodor I. Sobyandin

¹ MultiAthlon GTO (Ready for Labor and Defense) Federation of the Belgorod Region
28 Koroleva Microdistrict, Stary Oskol 309502, Russia

² Belgorod State National Research University (Stary Oskol Branch)
18 Solnechny Microdistrict, Stary Oskol 309502, Russia

³ Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

1112467@bsuedu.ru; helen.sher@bk.ru; eroshenkova@bsuedu.ru; sobyandin@bsuedu.ru

Abstract. Increasing risks of deviant behavior among adolescents, caused by a combination of modern socioeconomic, psychological, and sociocultural factors, expose the ineffectiveness of outdated prevention practices and necessitate the search for new pedagogical resources. One such promising resource for preventing deviant behavior in adolescents is leveraging the educational potential of physical education and recreational activities. An analysis of the scientific literature reveals the insufficient development of the theoretical and methodological foundations for applying the value-semantic approach to preventing deviant behavior through physical education and recreational activities. Existing approaches fail to consider the complex interaction between the value-semantic sphere of adolescents and the process of their involvement in physical education and leisure activities, without which it is impossible to increase the effectiveness of preventive measures. The purpose of this study is to theoretically substantiate the importance of the value-semantic approach to preventing deviant behavior in adolescents and to reveal the principles of its implementation through physical education and recreational activities. As a result, we have identified the theoretical foundations of a value-based approach to preventing deviant behavior, the main factors deforming adolescents' value-based thinking, and the principles of preventing deviant behavior through physical education and recreational activities. The study findings contribute to the development of theoretical and methodological foundations for preventive work with adolescents and can serve as a basis for teachers, psychologists, coaches, counselors, and social workers working with at-risk adolescents when creating diagnostic and remedial development programs.

Keywords: value-semantic approach, value orientation, deviant behavior, prevention, physical recreation, physical education and recreational activities, adolescents

For citation: Zangiev D.V., Sheremet E.A., Eroshenkova E.I., Sobyandin F.I. 2026. Prevention of Deviant Behavior in Adolescents through Physical Education and Recreational Activities: A Value-Semantic Approach. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 503–517 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-503-517 EDN MNMNM

Введение

Тема профилактики девиантного поведения подростков средствами физкультурно-рекреационной деятельности на основе ценностно-смыслового подхода является одной из актуальных проблем современной педагогической науки и практики. Это связано с тем, что в последние годы наблюдается усиление рисков девиантного поведения в подростковой среде, обусловленное комплексом социально-экономических, психологических и социокультурных факторов. Согласно «Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года»¹ приоритетным направлением государственной политики является формирование у подрастающего поколения

¹ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года. 2023. Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 № 358. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/4uh7rGjByYswYabzs4PO6TVhZqcq5pZA.pdf> (дата обращения: 15.05.2026).

традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹, среди которых здоровье, физическое совершенство и активная деятельная жизнь занимают важное место.

В научной литературе последних лет активно разрабатываются теоретические основания ценностно-смыслового подхода в образовании. В работах С.И. Поздеевой, Э.Г. Гельфман и А.А. Никитиной [Поздеева и др., 2024] обосновывается значимость данного подхода в высшем педагогическом образовании. Е.Г. Белякова [2007] рассматривает ценностно-смысловой подход как методологическую основу современного образования. В.И. Гам [2024] исследует ценностно-смысловой подход как инструмент формирования личности школьника, а Н.П. Шитякова с соавторами [2024] раскрывает его применение в воспитании школьников.

Таким образом, ценностно-смысловой подход утверждается в современной педагогике в качестве методологического ориентира, позволяющего перейти от внешнего, директивного воздействия на личность к созданию условий для внутреннего присвоения ценностей самим субъектом образовательного процесса. При этом, несмотря на признание значимости данного подхода, его потенциал в контексте профилактики девиантного поведения подростков средствами физкультурно-рекреационной деятельности остается недостаточно раскрытым. В работах перечисленных авторов акцент сделан преимущественно на общих вопросах воспитания и организации образовательного процесса, тогда как специфика применения ценностно-смыслового подхода в работе с подростками группы риска через физическую активность и рекреацию не получила системного теоретического осмысления.

Как отмечает С.О. Жуйков, «в текущих обстоятельствах стратегически важной задачей является оперативное и результативное реагирование на возникающие вызовы на всех уровнях государственного управления, включая образование» [Жуйков, 2025, с. 729]. Ключевые задачи российской системы образования ориентированы на воспитание ответственной высоконравственной личности, разделяющей традиционные ценности, способной к самореализации и социально одобряемым формам поведения. В этом контексте физкультурно-рекреационная деятельность рассматривается как значимый ресурс профилактики девиантного поведения, однако ее эффективность напрямую зависит от теоретического обоснования механизмов воздействия на личность подростка.

Анализируя изменения системы ценностей в российском обществе и результаты эмпирических исследований, ученые указывают на трансформацию ценностно-смысловой сферы подростков, доминирование в системе жизненных ценностей материального благополучия при снижении значимости здоровья, физического совершенства и активного досуга [Фомина, 2025]. Более того, у значительной части подростков с девиантным поведением наблюдается деформация ценностно-смысловой сферы, подмена социально одобряемых ценностей асоциальными, отсутствие позитивных жизненных ориентиров [Панцырь, 2012]. В подростковой среде отмечается невысокий уровень вовлеченности в социально значимые формы досуга, включая физкультурно-рекреационную деятельность. В связи с этим формирование у подростков ценностно-смыслового отношения к физкультурно-рекреационной деятельности становится ключевым условием профилактики девиантного поведения. Это ставит перед исследователями задачу поиска новых теоретико-методологических оснований и практических подходов к работе с подростками из группы риска.

Профилактический потенциал образовательных организаций напрямую зависит от качества созданной в ней среды. Если образовательная практика ограничивается только формальным контролем, она теряет способность направлять энергию подростков в русло конструктивной самореализации. Формирование у них установки на физическое развитие –

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. 2022. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 13.05.2026).

необходимое условие снижения поведенческих рисков. Такая работа органично вписывается в отечественную традицию понимания здоровья как основы полноценного гражданского участия. Согласимся с мнением А.П. Фоминой, которая утверждает, что «подростковый период играет решающую роль для развития в личности общественно значимых ценностей и смыслов. Именно в этом возрасте человек начинает осознавать себя личностью, способной к принятию решений и осознанию значимости своих действий. Подростковые годы являются этапом, когда человек начинает нести ответственность не только за себя, но и за окружающих» [Фомина, 2025, с. 162].

Таким образом, проблема профилактики девиантного поведения подростков средствами физкультурно-рекреационной деятельности на основе ценностно-смыслового подхода сегодня привлекает внимание исследователей из различных областей науки. При этом в современной научной литературе понятие «ценностно-смысловое отношение подростков к физкультурно-рекреационной деятельности» получает многоаспектную интерпретацию, требующую систематизации и теоретического осмысления.

Цель исследования – теоретически обосновать значимость ценностно-смыслового подхода к профилактике девиантного поведения подростков и раскрыть принципы его реализации средствами физкультурно-рекреационной деятельности.

Материалы и методы исследования

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых, в которых подробно рассматривается определение ценностно-смысловой сферы личности с философских, социологических, психологических и педагогических позиций: философские концепции ценностей (Н.А. Рачковская, С.А. Сероветникова и др.), психологические теории ценностно-смысловой сферы (Б.С. Братусь; Д.А. Леонтьев и др.), педагогические концепции (И.Ф. Исаев, Е.И. Ерошенкова и др.), исследования в области профилактики девиантного поведения, а также теория и методика физкультурно-рекреационной деятельности (Д.В. Зангиев, Е.А. Шеремет и др.) и международные исследования по использованию спорта в профилактике девиаций (C.L. Piggott et al.; T. Filges et al.; G. Greco et al.; B.G. Zhang, Qian; M.C. Van Hout et al.).

Объект исследования – профилактика девиантного поведения подростков как комплексный педагогический феномен, направленный на формирование ценностно-смыслового отношения к здоровью и физической активности.

В качестве ключевого вектора исследования был определен ценностно-смысловой подход [Белякова, 2007; Поздеева и др., 2024; Шитякова и др., 2024]. При этом его методология выстраивалась на основе синтеза идей двух традиций: *аксиологической*, раскрывающей содержание воспитательного идеала [Ерошенкова, 2016; Шиканова, 2024], и *просоциальной*, описывающей механизмы усвоения этих ценностей через заботу о других и сотрудничество [Ерошенкова, 2021]. Таким образом, профилактика девиантного поведения строилась не на запретах, а на формировании у подростков устойчивого смыслового отношения к традиционным российским духовно-нравственным ценностям¹ в физкультурно-рекреационной деятельности.

Исследование включало критический анализ литературы по психологии риска, педагогике ненасильственного взаимодействия, аксиологии образования и др. В качестве базы использовались публикации, доступные на платформах ScienceDirect (<https://www.sciencedirect.com/>), Академия Google (<https://scholar.google.com/>), научной электронной библиотеки Elibrary (<https://www.elibrary.ru/>). В качестве запросов выступали ключевые слова «ценность», «ценностная ориентация», «ценностный подход», «ценностно-смысловой подход», «девиантное поведение», «подростковые девиации», «профилактика»,

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 13.05.2026).

«профилактика поведения», «физическая рекреация», «физкультурно-рекреационная деятельность» и др., а также их аналоги на английском языке. Для проведения анализа был выбран период с 1977 по 2026 год. Результаты поисковых запросов исчислялись сотнями, поэтому возникла необходимость их дополнительной обработки методом открытой смысловой категоризации (адаптированный вариант индуктивного контент-анализа). Так, на основе фрагментарного кодирования были выделены маркеры, на которые обращалось внимание в тексте в виде конкретных условий, факторов или принципов влияния физкультурно-рекреационной деятельности на поведение подростка; производилась аксиологическая разметка доминант физкультурно-рекреационной деятельности по инструментальным (физиологический сброс напряжения), социальным (командность, статус), нормативным (следование правилам игры), экзистенциальным (самопознание через преодоление) признакам. После этого был проведен индуктивный синтез, то есть объединение близких по смыслу маркеров и доминант в укрупненные категории («развитие субъектности», «поиск позитивной референтной группы», «формирование образа телесного Я» и др.). Проведенный анализ позволил установить, что переход от простого вовлечения в двигательную активность к снижению девиаций происходит только при условии целенаправленной фасилитации ценностно-смыслового компонента со стороны педагога-наставника. Именно этот вывод лег в основу авторского обоснования значимости ценностно-смыслового подхода к профилактике девиантного поведения подростков и раскрытия принципов его реализации средствами физкультурно-рекреационной деятельности.

Завершающим шагом исследования стала дедуктивная конкретизация выявленных идей и положений применительно к принципам работы с подростками группы риска.

Ценностно-смысловой подход к профилактике девиантного поведения: теоретические основания

В современной педагогике ценностно-смысловой подход знаменует собой переход от директивного формирования личности к стратегии фасилитации [Белякова, 2007; Гам, 2024; Поздеева и др., 2024]. Мы рассматриваем его не просто как ориентир, а как необходимое условие: только создав среду для самостоятельного смыслообразования, школа может обеспечить подлинное присвоение ценностей подростками группы риска.

С точки зрения философии, ценность – это не абстрактная категория, а функциональный регулятор человеческого бытия, определяющий выбор жизненной стратегии. Отечественные исследователи конкретизируют это понятие применительно к педагогике: Н.А. Рачковская и С.А. Сероветникова [2014] подчеркивают, что именно через присвоение ценностей происходит интеграция личности в социокультурное пространство; Е.Г. Белякова [2007] формулирует суть ценностно-смыслового подхода – переход от трансляции готовых норм к формированию у обучающихся устойчивых внутренних ориентаций.

Психологическая традиция рассматривает ценностно-смысловую сферу как центральный регулятор поведения. Б.С. Братусь [Общая психология..., 2007] выстраивает иерархию смыслов от эгоцентрических к просоциальным, доказывая, что именно зрелость ценностных ориентаций определяет нравственную устойчивость личности. В более ранних работах он совместно с П.Н. Сидоровым [1984], опираясь на клинико-психологические данные, обосновал механизмы профилактики девиаций через коррекцию этой сферы. Д.А. Леонтьев [1996] предлагает комплементарный взгляд: для него ценность – это не просто показатель уровня развития, а источник индивидуального смыслообразования и высший критерий жизненного выбора. Если концепция Б.С. Братуся помогает диагностировать деформации регуляции, то подход Д.А. Леонтьева позволяет проектировать условия для автономного саморазвития подростка.

С точки зрения педагогики именно ценности определяют вектор развития личности. Если Н.А. Семёнова и А.А. Никитин [2024] делают акцент на их функции как основания для выбора жизненных целей, то Н.В. Гребенникова раскрывает внутреннюю архитектуру этого процесса. Она описывает ценностно-смысловой компонент как систему установок, которая напрямую управляет отношением человека к себе и социуму, тем самым диктуя конкретные стратегии поведения [Гребенникова, 2024, с. 51]. Опираясь на классические работы И.Ф. Исаева [2004], А.В. Акопян [2013], исследователь Н.В. Гребенникова [2024] утверждает, что задача школы – не просто передать знания, а формировать внутреннюю ценностную систему координат.

Становление ценностно-смысловой сферы индивида привязано к сензитивности подросткового возраста. О.В. Закревская [2014] указывает на необходимость адаптации профилактической работы к этим возрастным особенностям, так как данный этап определяет устойчивость будущих ориентаций. Л.Т. Потанина операционализирует эту потребность: ее концепция развития личности школьника выделяет конкретные механизмы процесса, где центральное место занимает фасилитирующая роль педагога [Потанина, 2011; Потанина и др., 2016]. В свою очередь, А.П. Фомина [2025] акцентирует внимание на роли школы как институциональном субъекте формирования ценностных ориентаций подрастающего поколения, отмечая необходимость специально организованной работы по развитию ценностного отношения к здоровью. Данная идея получает дальнейшее развитие в исследованиях Н.П. Шитяковой, И.В. Верховых, И.В. Забродиной [Шитякова и др., 2024], которые раскрывают применение ценностно-смыслового подхода в воспитании школьников, конкретизируя его инструментарий и методические решения. А.Н. Шиканова [2024] рассматривает формирование ценностных ориентаций как духовно-нравственный приоритет в организации воспитательной работы современной школы, отмечая его системообразующую роль в образовательном процессе. Н.В. Власова [2019] определяет формирование ценностно-смысловой сферы развивающейся личности как непрерывный процесс, подчеркивая его динамический характер и зависимость от социальной ситуации развития. В.И. Гам [2024] исследует ценностно-смысловой подход как способ формирования личности школьника, обобщая практический потенциал теоретических разработок.

Междисциплинарный анализ позволяет заключить, что ценностно-смысловой подход аккумулирует философское понимание ценностей как онтологического основания бытия, социологическое представление о них как регуляторах социального поведения, психологическую трактовку ценностно-смысловой сферы как ядра личности и педагогическую интерпретацию формирования ценностных ориентаций как цели и средства воспитания. Интеграция данных подходов создает методологическую основу для понимания механизмов профилактики девиантного поведения: она заключается не в подавлении нежелательных форм активности, а в формировании у подростка устойчивой системы просоциальных ценностных ориентаций, которые становятся внутренними регуляторами его поведения. При этом подростковый возраст, обладая сензитивностью к ценностно-смысловым изменениям, является наиболее благоприятным периодом для целенаправленной педагогической работы по формированию ценностного отношения к здоровью и физической активности.

Деформация ценностно-смысловой сферы как фактор девиантного поведения подростков

Анализ научной литературы позволяет выделить три группы факторов, обуславливающих деформацию ценностно-смысловой сферы в подростковом возрасте. При этом важно подчеркнуть, что данные факторы не действуют изолированно, а находятся в сложном взаимодействии, взаимно усиливая друг друга и создавая кумулятивный эффект, который существенно повышает риски формирования девиантных форм поведения.

Зачастую именно социально-педагогические факторы выступают первичным звеном в цепи деформационных процессов. Дисфункциональность семейного воспитания (отсутствие эмоциональной близости с родителями, противоречивость требований, гипотили гиперопека) создает у подростка искаженное представление о социально значимых ценностях. Как отмечает С.Н. Панцырь [2012], в семьях с неблагополучным психологическим климатом у подростков формируются деформированные ценностные ориентации, что в дальнейшем приводит к противоречивому самоотношению и неадекватной самооценке. Влияние референтной группы сверстников с асоциальной направленностью усугубляет данную ситуацию, поскольку подросток, не находя поддержки и понимания в семье, начинает идентифицировать себя с группой, предлагающей альтернативную (часто асоциальную) систему ценностей. Школьная дезадаптация и отсутствие успехов в учебной деятельности, в свою очередь, закрепляют у подростка чувство несостоятельности, что стимулирует поиск самоутверждения в других, часто деструктивных, формах активности. Таким образом, социально-педагогические факторы создают исходную предпосылку для деформации ценностно-смысловой сферы, формируя у подростка установку на непринятие традиционных социальных норм и ценностей.

В свою очередь, психологические факторы, тесно переплетаясь с социально-педагогическими, усиливают деформационные процессы на внутриличностном уровне. Возрастные особенности подросткового периода – стремление к автономии, реакция эмансипации, обостренная потребность в самоутверждении – при отсутствии социально приемлемых способов их реализации приводят к тому, что подросток начинает искать альтернативные пути удовлетворения этих возрастных потребностей. Как отмечается в исследованиях Б.С. Братуся и П.И. Сидорова [1984], попытки ограничить подростка в выборе форм досуга вызывают неадекватные реакции, конфликты, противоречивость в поступках, что свидетельствует о нарушении смысловой регуляции поведения. Несформированность механизмов целеполагания и волевой регуляции, характерная для данного возраста, делает подростка особенно уязвимым для внешних негативных влияний, поскольку он не способен самостоятельно выстраивать устойчивую иерархию ценностей и следовать ей в своем поведении. Личностная незрелость усугубляет данную ситуацию, препятствуя рефлексии собственных поступков и их последствий. Следовательно, негативные психологические факторы выступают механизмом, преобразующим внешние социально-педагогические воздействия во внутренние деформации ценностно-смысловой сферы.

На макроуровне социокультурные факторы служат внешним контекстом, в котором также разворачиваются деформационные процессы. Размытость ценностных ориентиров в обществе, противоречивость транслируемых СМИ и интернетом моделей поведения, подмена традиционных ценностей ценностями потребительского общества, доступность асоциального контента – все это создает ситуацию ценностного хаоса, в котором подростку крайне сложно сформировать устойчивую систему ценностных ориентаций. В отличие от социально-педагогических и психологических факторов, действующих на микроуровне (семья, школа, референтная группа), социокультурные факторы задают макроуровень ценностной регуляции, определяя общую направленность социализационных процессов. Их воздействие носит латентный, но системный характер, поскольку они формируют ценностное поле, в котором происходит становление личности подростка. Последствия деформации ценностно-смысловой сферы проявляются на всех уровнях функционирования личности и имеют ярко выраженный системный характер, затрагивая когнитивную, эмоционально-волевую и поведенческую сферы.

На личностном уровне деформация ценностно-смысловой сферы приводит к формированию экзистенциального вакуума – переживания утраты смысла жизни, сопровождающегося апатией, скукой и безразличием. Как отмечает Н.В. Гребенникова

[2024], несформированность смысложизненных ориентиров препятствует построению временной перспективы и способности ставить долгосрочные жизненные цели. Противоречивое самоотношение и неадекватная самооценка, выделяемые С.Н. Панцырь [2012] в качестве характерных черт подростков с девиантным поведением, создают внутренний конфликт, который подросток пытается разрешить через внешние, часто деструктивные, формы активности. Таким образом, личностный уровень последствий характеризуется нарушением целостности самосознания и утратой смысложизненных ориентиров.

На поведенческом уровне деформация ценностно-смысловой сферы находит свое выражение в различных формах девиантного поведения – аддиктивной, агрессивной, делинквентной. Как отмечается в методических материалах Центра экстренной психологической помощи МГППУ ¹, социально-психологическая дезадаптация и склонность к самоповреждающему поведению являются прямыми следствиями нарушения ценностной регуляции поведения. Поведенческие последствия выступают наиболее очевидным и социально опасным проявлением деформации ценностно-смысловой сферы, поскольку они непосредственно затрагивают социальное окружение подростка и требуют вмешательства со стороны специалистов.

На социальном уровне последствия деформации ценностно-смысловой сферы проявляются в нарушении социализации, трудностях в установлении конструктивных отношений, школьной дезадаптации, конфликтах с законом, уязвимости для влияния асоциальных групп и деструктивных культов. Данный уровень последствий носит наиболее масштабный характер, поскольку затрагивает не только самого подростка, но и его социальное окружение, а в перспективе – и общество в целом, создавая риски появления девиантных форм поведения в последующих поколениях.

Подводя итог, зафиксируем ключевое противоречие: традиционные подходы профилактики не всегда в достаточной степени затрагивают первопричину отклоняющегося поведения, так как пытаются скорректировать поступки, игнорируя деформацию ценностно-смысловой сферы. Проведенный анализ показывает, что эта сфера утрачивает свою регуляторную функцию под комплексным давлением социокультурных факторов, переводя девиацию в статус устойчивого жизненного сценария. Решение сложившейся ситуации видится в смене теоретико-методологического инструментария. Физическая рекреация обладает уникальным ресурсом: она вовлекает подростка в созидательную деятельность, которая естественным путем запускает механизмы позитивного смыслообразования и принятия здоровых ценностей. Именно этот переход от теории и методологии к механике реализации мы обосновываем в следующей части работы.

Принципы профилактики девиантного поведения подростков средствами физкультурно-рекреационной деятельности

Вопрос о том, как именно внешняя, предлагаемая педагогом деятельность становится внутренне значимой для подростка, является центральным в теоретическом обосновании применения ценностно-смыслового подхода к профилактике девиантного поведения. Для решения этого вопроса необходимо определить психолого-педагогические принципы, обеспечивающие трансформацию формального участия в физкультурно-рекреационной активности в устойчивое ценностно-смысловое отношение к ней.

Анализ психолого-педагогической литературы позволил выделить четыре взаимосвязанных подхода к определению ценностно-смысловых принципов, каждый из

¹ Богданович Н.В., Вихристюк О.В., Дворянчиков Н.В., М.Г., Делибалт В.В., Дозорцева Е.Г. 2022. Навигатор профилактики девиантного поведения. Методические материалы по признакам девиаций, действиям специалистов системы образования в ситуациях социальных рисков и профилактике девиантного поведения обучающихся. Москва, ФГБОУ ВО МГППУ, 25 с.

которых отражает определенный аспект смыслообразования: мотивационно-целевой (сдвиг мотива на цель), телесно-перцептивный (смыслообразование через телесный опыт), социально-идентификационный (социальная идентификация в референтной группе) и ценностно опосредованный (опосредование ценностей через образ значимого взрослого). Подчеркнем, что каждый из принципов закрепляет и углубляет эффекты остальных, образуя целостную систему, которая обеспечивает устойчивую трансформацию ценностно-смысловой сферы подростка.

1. Принцип сдвига мотива на цель. Педагогу, реализующему данный принцип на основе ценностно-смыслового подхода, следует учитывать, что первоначально подросток может включаться в деятельность ради внешних мотивов (возможность быть в компании, уйти из-под контроля родителей, получить новые впечатления). В процессе успешного выполнения деятельности, переживания радости от движения, признания со стороны сверстников происходит постепенное превращение этих внешних мотивов в интерес к самой деятельности. Как отмечает Д.А. Леонтьев [1996], в процессе деятельности происходит трансформация внешних ценностей во внутренние регуляторы поведения. Физкультурно-рекреационная активность из средства достижения внешних целей становится самоценной деятельностью. Данный принцип создает условия для формирования отправной точки смыслообразования, поскольку позволяет педагогу использовать исходную мотивационную основу подростка для дальнейшего присвоения им ценностей физической активности.

2. Принцип смыслообразования через телесный опыт. При реализации данного принципа педагог ориентируется на то, что подростковый возраст характеризуется повышенным вниманием к телесности. При этом использование потенциала физкультурно-рекреационной деятельности позволяет подросткам пережить новые телесные ощущения: чувство силы, ловкости, выносливости, расслабления после нагрузки. Эти переживания, будучи позитивно окрашенными (поддержку осуществляет педагог), закрепляются и формируют потребность подростка в их повторении. Его телесный опыт становится основой для формирования смысла «я сильный», «я могу», «мне это нравится», даже если не всё получается с первого раза. В отличие от принципа сдвига мотива на цель, который позволяет педагогу преобразовывать внешнюю мотивацию во внутреннюю, реализация данного принципа способствует созданию нового, телесно опосредованного канала смыслообразования, подкрепляющего интерес к деятельности на уровне ощущений. Международные исследования подтверждают, что физическая активность положительно влияет на самооценку и снижение агрессивности у школьников [Georgiev, Gontarev, 2019; Filges et al., 2024]; регулярная физическая и рекреационная активность снижает риск употребления психоактивных веществ у подростков [Sârbu et al., 2023]. Таким образом, следует учитывать, что организуемый педагогами и получаемый подростками в спортивной деятельности телесный опыт выступает механизмом смыслообразования, закрепляющим позитивное отношение к физкультурно-рекреационной деятельности на психофизиологическом уровне.

3. Принцип социальной идентификации в референтной группе. Для подростков с девиантным поведением характерна ориентация на асоциальные группы сверстников, что обуславливает необходимость создания альтернативных сообществ. Таким детско-взрослым сообществом может стать организованная педагогом физкультурно-рекреационная деятельность как клуб по интересам. Задача педагога при этом – обеспечить в таком сообществе атмосферу, в которой подросток получает признание, уважение, находит друзей и происходит переориентация с асоциальной группы на просоциальную группу. Это соотносится с результатами эмпирического исследования G. Greco с соавторами [2022], которые доказывают, что спортивные активности выступают средством первичной профилактики девиантного поведения через трансляцию позитивных ценностей. Как отмечает Н.В. Гребенникова [2024], именно групповая принадлежность и совместная

деятельность становятся механизмом формирования ценностных ориентаций. В отличие от двух предыдущих принципов, ориентированных преимущественно на внутриличностные процессы, принцип социальной идентификации в референтной группе опосредует смыслообразование через социальное окружение, что особенно значимо для подростков, у которых потребность в принадлежности к группе является ведущей. В систематическом обзоре Т. Filges с соавторами [2024] подтверждается наша идея о том, что организованное участие в спорте улучшает психосоциальную адаптацию подростков группы риска. Таким образом, социальная идентификация в просоциальной группе не только закрепляет интерес к деятельности, но и формирует новый социальный контекст, в котором ценности физической активности получают социальное подкрепление.

4. Принцип опосредования ценностей через образ значимого взрослого. В подростковом возрасте сохраняется потребность в образце для подражания. Педагог, реализующий физкультурно-рекреационную деятельность с позиции фасилитатора, становится таким образом – носителем просоциальных ценностей, которые подросток присваивает через идентификацию. Как подчеркивают Н.А. Семёнова и А.А. Никитин [2024], именно личность педагога становится главным инструментом трансляции ценностей. Данный принцип является завершающим в представленной системе, поскольку он интегрирует эффекты предыдущих принципов через личностное опосредование: значимый взрослый не только транслирует ценности физической активности, но и демонстрирует образец ценностно-смыслового отношения к ней, что способствует его присвоению подростком на личностном уровне. Предложенный нами принцип согласуется с выводами М.С. Van Hout и D. Phelan [2014], которые на основе глубинных интервью с молодыми правонарушителями раскрывают терапевтический и социализирующий потенциал фитнес-тренировок при условии доверительных отношений с наставником. Кроме того, В.Г. Zhang и Х.Ф. Qian [2024] показали наличие прямой корреляции между физической активностью и снижением девиантного поведения среди подростков; А.Г. Зяблова [2025] обосновала применение аксиологического (ценностного) подхода в программах профилактики антисоциального поведения несовершеннолетних; в систематическом обзоре С.Л. Piggott с соавторами [2025] показано, что спортивные программы способствуют развитию жизненных навыков (life skills) и снижению делинквентности у молодежи.

Таким образом, представленные принципы, отражающие ценностно-смысловой подход к профилактике девиантного поведения подростков, образуют целостную систему: 1) исходная мотивация (сдвиг педагогом мотива на цель), 2) телесное подкрепление (смыслообразование через телесный опыт подростка), 3) социальная поддержка (социальная идентификация), 4) личностное присвоение ценностей через идентификацию со значимым взрослым (через образ значимого взрослого).

Заключение

Профилактика девиантного поведения подростков напрямую зависит от работы с ценностно-смысловой сферой личности. Физкультурно-рекреационный контекст в данном случае служит оптимальной средой для интериоризации просоциально-ценностных норм. При этом задача педагогов сводится не к подавлению негативных импульсов подростков, а к конструированию альтернативной системы их жизненных смыслов через двигательную практику.

Выбор ценностно-смыслового подхода как ведущей методологии профилактики девиантного поведения подростков позволяет объединить философский, социологический, психологический и педагогический аспекты осмысления исследуемой проблемы. Такой синтез меняет смещает фокус работы: вместо внешнего подавления девиаций переходим к возвращению внутренних регуляторов поведения – устойчивых просоциальных

ориентаций, традиционных духовно-нравственных ценностей. При этом следует помнить, что такого рода трансформация личности не происходит автоматически. Чтобы управлять ею, необходимо придерживаться ценностно-смысловых принципов организации деятельности педагогов по интериоризации ценностей подростков. Для решения этой задачи в исследовании обоснован профилактический потенциал физкультурно-рекреационной деятельности: во-первых, происходит сдвиг внешней мотивации на внутренние ценности самого процесса движения; во-вторых, телесный опыт позволяет подростку буквально «прожить» норму здоровья, а не просто усвоить ее когнитивно; в-третьих, среда командных игр обеспечивает идентификацию с просоциальной группой; в-четвертых, фигура педагога выступает проводником смыслов, опосредуя принятие ценностей.

Таким образом, обоснованная ценностно-смысловая методология профилактики девиантного поведения подростков посредством физкультурно-рекреационной деятельности создает фундамент для дальнейшей разработки диагностического инструментария и профилактических программ. Теоретическая значимость работы заключается в систематизации представлений о ценностно-смысловом подходе, углублении понимания механизмов и принципов трансформации смыслов к физической активности. Практическая значимость состоит в том, что полученные результаты могут служить основой для педагогов, психологов, тренеров, вожатых, социальных педагогов, работающих с подростками группы риска, при создании соответствующих диагностических и коррекционно-развивающих программ.

Список литературы

- Акопян А.В. 2013. Проблема формирования и развития профессионально-педагогической культуры в работах И.Ф. Исаева. В кн.: Проблемы и перспективы развития образования. Материалы III международной заочной научной конференции (Пермь, 20–23 января 2013 г.). Под ред. О. А. Шульга. Пермь, Меркурий: 1–4.
- Белякова Е.Г. 2007. Ценностно-смысловой подход в современном образовании. *Сибирский педагогический журнал*, 8: 134–143.
- Братусь Б.С. 1977. Психологические аспекты нравственного развития личности. Москва, Знание, 64 с.
- Братусь Б.С., Сидоров П.И. 1984. Психология, клиника и профилактика раннего алкоголизма. Москва, Издательство Московского университета, 144 с.
- Власова Н.В. 2019. Формирование ценностно-смысловой сферы развивающейся личности В кн: Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. Сборник научных трудов по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции с элементами научной школы для молодых ученых (г. Саранск, 22 ноября 2019 г.). Под ред. А.Н. Яшковой, М.И. Каргина. Саранск, Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева: 19–24.
- Гам В.И. 2024. Ценностно-смысловой подход как инструмент формирования личности школьника. *Наука и практика в образовании: электронный научный журнал*, 5(4): 107–112. DOI: [10.54158/27132838_2024_5_4_107](https://doi.org/10.54158/27132838_2024_5_4_107)
- Гребенникова Н.В. 2024. Особенности ценностно-смыслового компонента психолого-педагогической культуры личности старшеклассников. *Психолого-педагогические исследования*, 16(4): 49–60. DOI: [10.17759/psyedu.2024160404](https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160404)
- Жуйков С.О. 2025. Формирование ценностного отношения студентов российских вузов к Отечеству: теоретические аспекты. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 44(4): 728–739. DOI: [10.52575/2712-7451-2025-44-4-728-739](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2025-44-4-728-739)
- Ерошенкова Е.И. 2016. Аксиологические ориентиры образовательной реальности: от истоков к современности профессионального образования. *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*, 15(4): 9–14. DOI: [10.20310/1810-231X-2016-15-4-9-14](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2016-15-4-9-14)
- Ерошенкова Е.И. 2021. Идеи просоциального подхода к развитию образования. *Ярославский педагогический вестник*, 5(122): 27–37. DOI: [10.20323/1813-145X-2021-5-122-27-37](https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-27-37)
- Закревская О.В. 2014. Особенности развития ценностно-смысловой сферы старших подростков. *Современные проблемы науки и образования*, 3: 655.

- Зангиев Д.В., Шеремет Е.А. 2026. Сущность физкультурно-рекреативной деятельности в контексте профилактики отклонений в поведении обучающихся. *Научный результат. Педагогика и психология образования*, 12(1): 93–106. DOI: [10.18413/2313-8971-2026-12-1-0-7](https://doi.org/10.18413/2313-8971-2026-12-1-0-7)
- Зяблова А.Г. 2025. Структура и содержание программы профилактики асоциального поведения несовершеннолетних на основе аксиологического подхода. *Полицейская деятельность*, 2: 74–89. DOI: [10.7256/2454-0692.2025.2.73557](https://doi.org/10.7256/2454-0692.2025.2.73557)
- Исаев И.Ф. 2004. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. М., Академия, 206 с.
- Леонтьев Д.А. 1996. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 4: 35–44.
- Общая психология: в семи томах. 2007. Под ред. Б. С. Братуся. Москва, Академия.
- Панцырь С.Н. 2012. Самоотношение подростков с девиантным поведением. *Психологическая наука и образование*, 1.
- Поздеева С.И., Гельфман Э.Г., Никитин А.А. 2024. Ценностно-смысловой подход в высшем педагогическом образовании: постановка проблемы. *Вестник Мининского университета*, 12(4 (49)): 5. DOI: [10.26795/2307-1281-2024-12-4-5](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-4-5)
- Потанина Л.Т. 2011. Развитие ценностно-смысловой сферы личности школьника: условия и механизмы. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, 2: 85–90.
- Потанина Л.Т., Мельников Т.Н., Москвина А.С. 2016. Развитие ценностно-смысловой сферы личности в новой школе. *Педагогическое образование и наука*, 1: 34–39.
- Рачковская Н.А., Сероветникова С.А. 2014. Философские основы формирования ценностных ориентаций личности школьника. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика*, 2: 34–41.
- Семёнова Н.А., Никитин А.А. 2024. Ценностно-смысловые ориентиры будущих педагогов: анализ понятий и обзор исследований на современном этапе. *Научно-педагогическое обозрение*, 6(58): 154–169. DOI: [10.23951/2307-6127-2024-6-154-169](https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-6-154-169)
- Фомина А.П. 2025. Роль школы в формировании ценностных ориентаций подрастающего поколения. *Педагогический научный журнал*, 8(5): 161–165.
- Шиканова А.Н. 2024. Формирование ценностных ориентаций как духовно-нравственный приоритет в организации воспитательной работы современной школы. В кн.: Наука и образование: актуальные вопросы теории и практики. Материалы IV Международной научно-методической конференции (Оренбург, 26–27 марта 2024 г.). Под ред. А.Н. Попова [и др.]. Самара-Оренбург, Самарский государственный университет путей сообщения: 577–579.
- Шитякова Н.П., Верховых И.В., Забродина И.В. 2024. Применение ценностно-смыслового подхода к воспитанию школьников. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 1(179): 158–175. DOI: [10.25588/CSPU.2024.179.1.008](https://doi.org/10.25588/CSPU.2024.179.1.008)
- Filges T., Verner M., Ladekjær E., Bengtsen E. 2024. Participation in organised sport to improve and prevent adverse developmental trajectories of at-risk youth: a systematic review. *Campbell Systematic Reviews*, 20(1): 1381. DOI: [10.1002/cl2.1381](https://doi.org/10.1002/cl2.1381)
- Georgiev G., Gontarev S. 2019. Impact of Physical Activity on the Aggressiveness, Deviant Behavior and Self-esteem with School Children Aged 11-15. *Journal of Anthropology of Sport and Physical Education*, 3(4): 21–25. DOI: [10.26773/jaspe.191005](https://doi.org/10.26773/jaspe.191005)
- Greco G., Andriani O., D'Arcangelo E., de Ronzi R. 2022. Sports activities as primary prevention of youth deviant behaviours: an educational intervention research. *Journal of Physical Education and Sport*, 22(2): 479–488. DOI: [10.7752/jpes.2022.02060](https://doi.org/10.7752/jpes.2022.02060)
- Piggott C.L., Spray C.M., Mason C., Rhind D. 2025. Using sport and physical activity interventions to develop life skills and reduce delinquency in youth: a systematic review. *International Review of Sport and Exercise Psychology*, 18(2): 1070–1095. DOI: [10.1080/1750984X.2024.2349994](https://doi.org/10.1080/1750984X.2024.2349994)
- Sârbu E.A., Marici M., Bostan S., Gavrila-Ardelean L. 2023. Physical and Recreational Activities, Sedentary Screen Time, Time Spent with Parents and Drug Use in Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(2): 1434. DOI: [10.3390/ijerph20021434](https://doi.org/10.3390/ijerph20021434)
- Van Hout M.C., Phelan D.A. 2014. A Grounded Theory of Fitness Training and Sports Participation in

Young Adult Male Offenders. *Journal of Sport and Social Issues*, 38(2): 124–147. DOI: [10.1177/0193723513520012](https://doi.org/10.1177/0193723513520012)

Zhang B.G., Qian X.F. 2024. Path of Physical Exercise's Impact on Deviant Behavior Among Chinese Adolescents. *Psychology Research and Behavior Management*, 17: 1561–1571. DOI [10.2147/prbm.s452606](https://doi.org/10.2147/prbm.s452606)

References

- Akopyan A.V. 2013. Problema formirovaniya i razvitiya professional'no-pedagogicheskoi kul'tury v rabotakh I.F. Isaeva [The Problem of Formation and Development of Professional and Pedagogical Culture in the Works of I.F. Isaev]. In: Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya [Problems and Prospects of Education Development]. Proceedings of the III International Correspondence Scientific Conference (Perm, January 20–23, 2013). Ed. O. A. Shul'ga. Perm, Publ. Merkurii: 1–4.
- Belyakova E.G. 2007. Tsennostno-smyslovoi podkhod v sovremennom obrazovanii [Value-semantic approach in modern education]. *Siberian Pedagogical Journal*, 8: 134–143.
- Bratus' B.S. 1977. Psikhologicheskie aspekty нравstvennogo razvitiya lichnosti [Psychological aspects of moral development of personality]. Moscow, Publ. Znanie, 64 p.
- Bratus' B.S., Sidorov P.I. 1984. Psikhologiya, klinika i profilaktika rannego alkogolizma [Psychology, Clinic and Prevention of Early Alcoholism]. M., Publ. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 144 p.
- Vlasova N.V. 2019. The Development of Value-Semantic Sphere at Different Stages of Identity Formation. In: Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya sovremennoi psikhologii [Actual problems and prospects for the development of modern psychology]. Collection of scientific papers based on the materials of the IX All-Russian scientific and practical conference with elements of a scientific school for young scientists (Saransk, November 22, 2019). Eds. A.N. Yashkova, M.I. Kargin. Saransk, Publ. Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni M.E. Evsev'eva: 19–24.
- Gam V.I. 2024. The Value-Sense Approach as a Tool for Shaping Schoolchildren's Personality. *Science and Practice in Education: Electronic Scientific Journal*, 5(4): 107–112 (in Russian). DOI: [10.54158/27132838_2024_5_4_107](https://doi.org/10.54158/27132838_2024_5_4_107)
- Grebennikova N.V. 2024. Features of the value-semantic component of the psychological and pedagogical culture of high school students' personality. *Psychological-Pedagogical Studies*, 16(4): 49–60 (in Russian). DOI: [10.17759/psyedu.2024160404](https://doi.org/10.17759/psyedu.2024160404)
- Zhuikov S.O. 2025. Formation of Students' Value-Based Attitude towards the Fatherland in Russian Universities: Theoretical Aspects. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 44(4): 728–739 (in Russian). DOI: [10.52575/2712-7451-2025-44-4-728-739](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2025-44-4-728-739)
- Eroshenkova E.I. 2016. Axiological guidelines of educational reality: from the origins to the present day of professional education. *Psychological-pedagogical journal Gaudeamus*, 15(4): 9–14 (in Russian). DOI: [10.20310/1810-231X-2016-15-4-9-14](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2016-15-4-9-14)
- Eroshenkova E.I. 2021. Ideas of a prosocial approach to the development of education. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 5(122): 27–37 (in Russian). DOI: [10.20323/1813-145X-2021-5-122-27-37](https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-27-37)
- Zakrevskaya O.V. 2014. Features of the Development of Value-Semantic Sphere of Senior Teenagers. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 3: 655.
- Zangiev D.V., Sheremet E.A. 2026. The nature of physical education and recreational activities in the context of preventing deviations in students' behavior. *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 12(1): 93–106 (in Russian). DOI: [10.18413/2313-8971-2026-12-1-0-7](https://doi.org/10.18413/2313-8971-2026-12-1-0-7)
- Zyablova A.G. 2025. The Structure and Content of the Program for the Prevention of Antisocial Behavior of Minors Based on the Axiological Approach. *Police Activity*, 2: 74–89 (in Russian). DOI: [10.7256/2454-0692.2025.2.73557](https://doi.org/10.7256/2454-0692.2025.2.73557)
- Isaev I.F. 2004. Professional'no-pedagogicheskaya kul'tura prepodavatelya [Professional and pedagogical culture of a teacher]. Moscow, Publ. Akademiya, 206 p.
- Leont'ev D.A. 1996. Ot sotsial'nykh tsennostei k lichnostnym: sotsiogenez i fenomenologiya tsennostnoi regulatsii deyatel'nosti [From Social Values to Personal Values: Sociogenesis and Phenomenology of Value Regulation of Activity]. *Moscow university psychology bulletin*, 4: 35–44
- Obshchaya psikhologiya: v semi tomakh [General Psychology: in seven volumes.]. 2007. Ed. B.S. Bratus'. Moscow, Publ. Akademiya.

- Pantsyr S.N. 2012. Adolescent's self-relation with deviant behavior. *Psychological Science and Education*, 1 (in Russian).
- Pozdeeva S.I., Gelfman E.G., Nikitin A.A. 2024. Value-semantic approach in higher pedagogical education: problem statement. *Vestnik of Minin University*, 12(4(49)): 5 (in Russian). DOI: [10.26795/2307-1281-2024-12-4-5](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-4-5)
- Potanina L.T. 2011. Development of the value-semantic sphere of the schoolchild's personality: conditions and mechanisms. *Bulletin of the Moscow region state university. Series: Psychology*, 2: 85–90 (in Russian).
- Potanina L.T., Melnikov T.N., Moskvina A.S. 2016. Development of the value-semantic sphere of personality in the new school. *Pedagogical Education and Science*, 1: 34–39 (in Russian)
- Rachkovskaya N.A., Serovetnikova S.A. 2014. Philosophical foundation of teenager's value orientation. *Bulletin of the Moscow region state university. Series: Pedagogics*, 2: 34–41 (in Russian).
- Semenova N.A., Nikitin A.A. 2024. Value-semantic orientations of future teachers: analysis of concepts and review of research at the present stage. *Pedagogical Review*, 6(58): 154–169 (in Russian). DOI: [10.23951/2307-6127-2024-6-154-169](https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-6-154-169)
- Fomina A.P. 2025. The role of school in the formation of value orientations of the younger generation. *Pedagogical Scientific Journal*, 8(5): 161–165 (in Russian)
- Shikanova A.N. 2024. Formation of value orientations as a spiritual and moral priority in organizing educational work of a modern school. In: *Nauka i obrazovanie: aktual'nye voprosy teorii i praktiki* [Science and education: current issues of theory and practice]. Proceedings of the IV International Scientific and Methodological Conference (Orenburg, March 26–27, 2024). Eds. A.N. Popov. Samara-Orenburg, Publ. Samarskii gosudarstvennyi universitet putei soobshcheniya: 577–579.
- Shityakova N.P., Verkhoviykh I.V., Zabrodina I.V. 2024. Application of a Value-Sense Approach to Education of Schoolchildren. *The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*, 1(179): 158–175 (in Russian). DOI: [10.25588/CSPU.2024.179.1.008](https://doi.org/10.25588/CSPU.2024.179.1.008)
- Filges T., Verner M., Ladekjær E., Bengtsen E. 2024. Participation in organised sport to improve and prevent adverse developmental trajectories of at-risk youth: a systematic review. *Campbell Systematic Reviews*, 20(1): 1381. DOI: [10.1002/cl2.1381](https://doi.org/10.1002/cl2.1381)
- Georgiev G., Gontarev S. 2019. Impact of Physical Activity on the Aggressiveness, Deviant Behavior and Self-esteem with School Children Aged 11–15. *Journal of Anthropology of Sport and Physical Education*, 3(4): 21–25. DOI: [10.26773/jaspe.191005](https://doi.org/10.26773/jaspe.191005)
- Greco G., Andriani O., D'Arcangelo E., de Ronzi R. 2022. Sports activities as primary prevention of youth deviant behaviours: an educational intervention research. *Journal of Physical Education and Sport*, 22(2): 479–488. DOI: [10.7752/jpes.2022.02060](https://doi.org/10.7752/jpes.2022.02060)
- Piggott C.L., Spray C.M., Mason C., Rhind D. 2025. Using sport and physical activity interventions to develop life skills and reduce delinquency in youth: a systematic review. *International Review of Sport and Exercise Psychology*, 18(2): 1070–1095. DOI: [10.1080/1750984X.2024.2349994](https://doi.org/10.1080/1750984X.2024.2349994)
- Sârbu E.A., Marici M., Bostan S., Gavrilă-Ardelean L. 2023. Physical and Recreational Activities, Sedentary Screen Time, Time Spent with Parents and Drug Use in Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(2): 1434. DOI: [10.3390/ijerph20021434](https://doi.org/10.3390/ijerph20021434)
- Van Hout M.C., Phelan D. A 2014. A Grounded Theory of Fitness Training and Sports Participation in Young Adult Male Offenders. *Journal of Sport and Social Issues*, 38(2): 124–147. DOI: [10.1177/0193723513520012](https://doi.org/10.1177/0193723513520012)
- Zhang B.G., Qian X.F. 2024. Path of Physical Exercise's Impact on Deviant Behavior Among Chinese Adolescents. *Psychology Research and Behavior Management*, 17: 1561–1571. DOI: [10.2147/prbm.s452606](https://doi.org/10.2147/prbm.s452606)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflicts of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.05.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 01.09.2026

Received 15 May, 2026
Revised August 28, 2026
Accepted September 01, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зангиев Дмитрий Владимирович, директор, Федерация многоборья «Готов к труду и обороне» Белгородской области», г. Старый Оскол, Россия.

Шеремет Елена Александровна, старший преподаватель кафедры педагогического образования, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Старооскольский филиал), г. Старый Оскол, Россия.

Ерошенкова Елена Ивановна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Собянин Федор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики физической культуры, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry V. Zangiev, Director, Regional Physical Education and Sports Public Organization “MultiAthlon GTO (Ready for Labor and Defense) Federation of the Belgorod Region”, Stary Oskol, Russia.

Elena A. Sheremet, Senior Lecturer of the Department of Pedagogical Education, Belgorod State National Research University (Stary Oskol Branch), Stary Oskol, Russia.

Elena I. Eroshenkova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Fyodor I. Sobyenin, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and Methodology of Physical Education, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 811: 378.147.88
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-518-526
EDN MDPIUY

Отношение студентов неязыкового вуза к изучению иностранного языка: мотивация, предпочтения и барьеры

Никифорова М.В., Скворцова И.А.

Уральский государственный экономический университет
Россия, 620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62
m.v.nikiforova1@usue.ru; toirinask@gmail.com

Аннотация. Современная образовательная парадигма, в том числе в области преподавания иностранных языков, акцентирует внимание на студенте как ключевом субъекте учебной деятельности. Это предполагает учёт не только внешних требований (нормативных, профессиональных, рыночно-экономических), но и внутренних запросов, мотивов и ожиданий обучающихся. При значительном количестве публикаций, посвященных повышению качества языковой подготовки специалистов неязыковых профилей, работ, обращенных непосредственно к мнению студентов, по-прежнему немного. Цель исследования – выявить и охарактеризовать отношение студентов неязыкового вуза к процессу обучения иностранному (английскому) языку. Эмпирическую базу исследования составили данные онлайн-анкетирования, проведенного в Уральском государственном экономическом университете в апреле 2025 года среди 498 студентов бакалавриата всех направлений подготовки. В ходе анализа были определены доминирующие мотивационные приоритеты (профессиональная коммуникация, поиск и обработка информации), установлены наиболее эффективные, по мнению обучающихся, форматы аудиторных и контрольных занятий (традиционная фронтальная форма взаимодействия преподавателя и студента, интерактивные форматы обучения и контроля, практико-ориентированные задания), а также зафиксированы основные барьеры (собственный низкий уровень языковой подготовки, недостаточный объем аудиторной нагрузки, неоднородность языковой подготовки в группе). Полученные данные могут быть использованы при организации учебного процесса по дисциплине «Иностранный язык» для студентов различных направлений подготовки, а также при разработке мер, направленных на повышение качества языкового образования.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, иноязычная компетенция, субъектная позиция студента, мотивация, самооценка языковых умений, психологические барьеры, оценка удовлетворенности качеством образования

Для цитирования: Никифорова М.В., Скворцова И.А. 2026. Отношение студентов неязыкового вуза к изучению иностранного языка: мотивация, предпочтения и барьеры. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 518–526. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-518-526 EDN MDPIUY

Non-Linguistic University Students' Attitudes towards Learning a Foreign Language: Motivation, Preferences, and Barriers

Marina V. Nikiforova, Irina A. Skvortsova

Ural State University of Economics
62 8 Marta St., Yekaterinburg 620144, Russia
m.v.nikiforova1@usue.ru; toirinask@gmail.com

Abstract. The modern educational paradigm places the student at the centre of the learning process as its key subject. This entails considering not only external requirements (regulatory, professional, economic)

but also the internal needs, motives and expectations of learners. Despite a substantial body of publications on improving language training for non-linguistic specialists, studies directly addressing students' own perspectives remain scarce. The purpose of this article is to identify and characterise the attitudes of non-linguistic university students towards learning a foreign (English) language: their motivational priorities, preferred formats and methods of classroom work and assessment, as well as the barriers hindering their mastery of the language course. The empirical base comprises data from an online survey conducted at Ural State University of Economics in April 2025 among 498 undergraduate students across all fields of study. The analysis identified dominant motivational priorities (professional communication, information searching and processing), established the formats of classroom and assessment work regarded by students as most effective (traditional frontal teacher–student interaction, interactive formats of learning and assessment, practice-oriented assignments), and recorded the principal barriers (students' own low language proficiency, insufficient classroom hours, heterogeneous language proficiency within the group). The findings can be used for optimizing the process of English teaching, as well as in developing measures aimed at improving the quality of language education.

Keywords: higher professional education, L2 competence, student agency motivation, self-assessment of language skills, psychological barriers, student satisfaction with the quality of education

For citation: Nikiforova M.V., Skvortsova I.A. 2026. Non-Linguistic University Students' Attitudes towards Learning a Foreign Language: Motivation, Preferences, and Barriers. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 518–526 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-518-526 EDN MDPIUY

Введение

Российский рынок труда переживает период масштабных трансформаций, обусловленных комплексом внешних и внутренних факторов: геополитическими сдвигами, социально-экономической нестабильностью, информационно-технологическим переустройством всей мировой экономики и, как следствие, возрастающей конкуренцией за рабочие места. Эти процессы бросают серьёзный вызов и системе высшего профессионального образования: «задачей формирования нового подхода к образованию становится уже не просто освоение определенных профессиональных компетенций, а развитие умений, чтобы управлять этими изменениями и отвечать на возникающие потребности, сохраняя фокус на собственном благополучии» [Олейникова, Редина, 2025, с. 8]. В профессиональном образовании осуществляется переход от модели, в которой студент осваивает заданный извне набор компетенций, к модели, в которой он сам становится субъектом образовательного процесса.

Настоящее исследование продолжает серию работ авторов, посвящённых изучению субъектной позиции студентов в процессе освоения ИЯ. Первая статья серии посвящена оценке удовлетворенности студентов неязыкового вуза качеством обучения ИЯ [Никифорова, Скворцова, 2026]. В фокусе внимания авторов предлагаемого исследования – субъектная позиция студента при изучении иностранного языка (ИЯ). Под субъектной позицией мы понимаем способность обучающегося выступать активным организатором собственной учебной деятельности: быть способным ставить цели обучения, оценивать результаты, отбирать наиболее эффективные для себя формы и средства обучения, а также управлять собственной учебной мотивацией. В современных условиях ИЯ не утрачивает, а, напротив, усиливает своё значение как базовый инструмент профессионального развития специалиста любого профиля [Анисимова, 2023, с. 56]. Это предполагает необходимость сформированной субъектной позиции, которая позволит студенту совершенствоваться и развивать языковые навыки как в период вузовского обучения, так и в дальнейшем.

Обзор исследований, направленных на анализ субъектной позиции студента в процессе обучения ИЯ в неязыковом вузе, позволяет утверждать, что центральное место в большинстве работ занимают вопросы мотивационной составляющей [Коган, Крымская, 2018; Минеева, Ляшенко, 2018; Старчикова и др. 2020; Симонова, Котляренко, 2021;

Басанин, 2025], что представляется логичным и закономерным, поскольку мотивация напрямую влияет на результаты обучения и, будучи субъективной категорией, должна изучаться через обращение к мнению самих обучающихся. Мотивация рассматривается исследователями как многоуровневый и многокритериальный феномен, в основе которого «положительный стимул, облегчающий процесс изучения» [Стаканова, 2023, с. 3]. Все без исключения ученые различают внешнюю и внутреннюю мотивацию, при этом последняя представлена целым комплексом различных мотивов и целей. Так, в исследовании Е.А. Коган и О.Б. Крымской, проведенном среди студентов Московского авиационного института (НИУ МАИ) и Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ), выделяется три разновидности внутренней мотивации: коммуникативная, лингвопознавательная и инструментальная [Коган, Крымская, 2018, с. 46–47]. Авторы отмечают, что согласно результатам опроса, ключевой для студентов МАИ и МАДИ становится коммуникативная составляющая, а именно возможность вербальной профессиональной коммуникации – общение с иностранными коллегами [Коган, Крымская, 2018, с. 47]. Эти данные частично подтверждаются исследованием, проведенным среди первокурсников Нижегородского государственного педагогического университета (Мининского университета). Авторы статьи О.А. Минеева и М.С. Ляшенко с опорой на опросник Attitude/Motivation Test Battery Р. Гарднера исследуют две разновидности мотивации – инструментальную, связанную с практическим применением ИЯ в учебной и профессиональной деятельности, и интегративную, связанную с интересом к культуре языка и желанием общаться с людьми, говорящими на изучаемом языке [Минеева, Ляшенко, 2018, с. 270].

С вопросами мотивационной составляющей тесно связаны вопросы психолого-педагогических барьеров в изучении ИЯ [Коган, Крымская, 2018; Сергеева, Чаплыгина, 2019; Антонова, 2024; Басанин, 2025; и др.]. Так, исследователи единодушны в том, что большая часть проблем возникает еще на этапе школьного образования: студенты признают, что зачастую именно недостаток школьных знаний становится непреодолимым препятствием на пути к успешному освоению вузовского курса по ИЯ. В ряде случаев неуверенность в уровне знаний осложняется дополнительными психологическими барьерами – языковой тревожностью, неуверенностью в своих возможностях и страхом совершить ошибку [Антонова, 2024, с. 14]. Одним из важных психологических факторов, напрямую влияющих на мотивацию, а следовательно, и на результаты обучения ИЯ, признается самооценка языковых умений. Так, в работе О.А. Чаловой и соавторов [Чалова и др., 2022] представлены результаты исследования, цель которого состояла в разработке и внедрении технологии ИТО (индивидуальной траектории обучения) ИЯ в неязыковом вузе на основе анализа самооценки студентов и объективного уровня сформированности навыков чтения и письма. Авторы отмечают, что студенты с заниженной самооценкой чаще сопротивляются индивидуализированному обучению, тогда как студенты с адекватной самооценкой более мотивированы и успешны в работе по индивидуальной траектории [Чалова и др., 2022, с. 16].

Кроме мотивационных и личностных факторов, ученые обращаются к выявлению методических и экстрапедагогических факторов, влияющих на эффективность овладения ИЯ. К их числу относят недостаточность разговорной практики в рамках занятий, слишком большой объем домашних заданий, частую смену преподавателей, высокую скорость прохождения материала, недостаточное количество аудиторных часов [Коган, Крымская, 2018, с. 47–48], несоответствие учебных материалов современным стандартам, отсутствие интенсивных методов обучения, приближающих студентов к реальным коммуникативным ситуациям [Антонова, 2024, с. 14]. К числу дополнительных проблем, выявляемых при анкетировании студентов на предмет барьеров в изучении ИЯ, исследователи называют также большую численность групп и их неоднородность в плане языковых умений [Коган, Крымская, 2018, с. 49; Чалова и др., 2022, с. 16; Басанин, 2025, с. 66].

Отдельное направление исследований, связанных с изучением мнения студентов как центральных участников образовательного процесса, составляют публикации, посвященные анализу уровня удовлетворенности студентов качеством предоставляемых образовательных услуг, в том числе качеством обучения ИЯ [Котова, Хасанова, 2016; Левина и др., 2021; Никифорова, Скворцова, 2026; Юденкова, 2023].

Предпринятый обзор литературы позволил выявить устойчивую тенденцию: все исследователи солидарны в том, что анализ субъектной позиции студентов необходим, поскольку качественное обучение ИЯ должно строиться на балансе между требованиями рынка труда, вызовами времени и потребностями обучающихся. Вместе с тем авторы, как правило, обходят вниманием организационно-методическую сторону обучения, тогда как именно эти параметры во многом определяют познавательный интерес студентов, их учебную мотивацию и, как следствие, эффективность освоения ИЯ.

Цель исследования – выявить отношение студентов неязыкового вуза к процессу обучения ИЯ. В задачи исследования входит определение следующих эмпирических параметров: мотивационные установки и перспективы использования ИЯ в профессии, предпочтительные формы организации аудиторных занятий, внеаудиторной работы и контрольно-оценочных мероприятий, внутренние (личностные) и внешние (методические и организационные) барьеры в изучении ИЯ.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужили данные анкетного опроса, проведенного в апреле 2025 года среди студентов Уральского государственного экономического университета (УрГЭУ, Екатеринбург). В ходе анкетирования было опрошено 498 студентов бакалавриата очной формы обучения, из которых 66 % – студенты первого курса, 19 % – второго курса, 3 % – третьего курса и 11,6 % – четвертого курса.

Анкета включала закрытые, полузакрытые и открытые вопросы, а также градуированную шкалу оценки¹. В фокусе внимания было обучение английскому языку (далее АЯ) как наиболее востребованному ИЯ в современном вузовском образовании.

Для анализа данных применялись методы описательной статистики, частотного анализа и содержательной интерпретации полученных данных.

Результаты и обсуждение

Первый блок вопросов был направлен на выявление профессиональных инструментальных мотивов: нашей задачей было оценить, в какой степени студенты связывают владение АЯ со своей карьерой. Ранее нами уже было показано, что большинство студентов УрГЭУ демонстрируют выраженную профессиональную мотивацию в отношении АЯ: 59,9 % опрошенных планируют использовать его в будущей профессиональной деятельности, 28,5 % не уверены в ответе и лишь 11,6 % не видят себя использующими АЯ в работе [Никифорова, Скворцова, 2026, с. 176]. При этом наиболее высокие показатели зафиксированы у студентов направлений ИТ, менеджмента и экономики. Эти данные не являются неожиданными: именно в указанных сферах АЯ выступает не только академической дисциплиной, но и вполне осязаемым рабочим инструментом, что, несомненно, повышает значимость иноязычной компетенции для студентов соответствующих профилей.

Целевые установки студентов в отношении использования АЯ в будущей профессии могут быть рассмотрены как компоненты учебной мотивации. Так, на первом месте – потребность в устной и письменной коммуникации с иностранными партнерами и

¹ Шкала Ликерта. 2026. Интернет-энциклопедия «РУВИКИ», 20.04.2026. URL: <https://bigenc.ru/c/shkala-likerta-d9ff92> (дата обращения: 09.06. 2026).

клиентами (76,9 %), что отражает коммуникативные и социальные мотивы; на втором – использование АЯ для поиска и обработки профессионально значимой информации из различных источников (58 %), отражающее познавательные мотивы. Деловая переписка (46 %), участие в международных конференциях (30 %) и подготовка научных работ (12 %) демонстрируют более узкую направленность мотивации, которая, очевидно, соответствует конкретным профессиональным целям и задачам.

Высокий уровень мотивации к изучению АЯ подтверждается и запросом студентов на увеличение аудиторной нагрузки: 48,6 % опрошенных считают минимально необходимым не менее четырех академических часов (двух пар) в неделю, а 16,5 % предпочли бы три и более пар, 32,1 % считают достаточным одно занятие в неделю. Эти данные особенно показательны на фоне реального положения дел в неязыковых вузах, которые обычно на дисциплину «Иностранный язык» выделяют лишь одну пару в неделю в течение трех–четырех семестров, что объективно ограничивает возможности развития иноязычной компетенции.

Следующий блок анкеты был посвящен организационно-методическим аспектам обучения, а именно выявлению наиболее эффективных, по мнению студентов, форм и методов организации образовательного процесса. Данный блок допускал возможность множественного выбора и включал опцию «свой вариант» для дополнительных комментариев.

Результаты опроса свидетельствуют о том, что наиболее предпочтительной формой аудиторной работы остается фронтальная (62,9 %) – вероятно, как наиболее привычная и комфортная для студентов учебная практика. Половина респондентов (49,8 %) также высоко оценивают работу в парах и малых группах, а примерно треть опрошенных положительно относятся как к групповым, так и к индивидуальным форматам. На наш взгляд, столь высокий уровень поддержки всех предложенных вариантов позволяет говорить о том, что студенты в целом выступают за вариативность форматов, хотя и отдают явное предпочтение традиционной – фронтальной – модели взаимодействия с преподавателем.

Среди способов изучения грамматики наиболее эффективным студенты считают разбор грамматических явлений в процессе работы с устными и письменными текстами (71,5 %). Это может свидетельствовать о запросе на практико-ориентированное освоение АЯ. В то же время традиционный способ – изучение правил в сочетании с упражнениями – также остается востребованным, его отметили 64,3 % респондентов. При этом лишь 6 % респондентов полагают, что изучение грамматики не является необходимым.

Среди способов изучения лексики также доминирует контекстный подход: 72,7 % студентов считают наиболее эффективным запоминание слов и выражений в процессе работы с устными и письменными текстами. Среди инструментальных форматов изучения лексики популярностью пользуются двусторонние карточки (flashcards) и основанные на них мобильные приложения – их выбирают 57,6 % респондентов. Этот результат может быть рассмотрен как проявление двух устойчивых тенденций в современном образовании: во-первых, речь, несомненно, идет о цифровизации учебных практик, а во-вторых, очевиден запрос на персонализацию обучения, поскольку подобные приложения позволяют выстраивать работу в соответствии с личным темпом и потребностями конкретного пользователя. Чуть меньше половины опрошенных (42 %) в качестве эффективного способа работы с лексикой отмечают ведение персонального словаря с примерами. Наименее популярным является традиционное заучивание тематических списков (20,7 %).

Особый интерес представляют ответы студентов на вопрос о предпочтительном типе контрольных заданий по АЯ. Наиболее востребованными оказались лексико-грамматические тесты (49 %), письменные задания (46,6 %) и устные коммуникативные форматы – диалоги и ролевые игры (45 %). Доклады и презентации выбрали 42,8 % опрошенных. Наименее популярными стали творческо-исследовательские задания (23,7 %) и диктанты (18,5 %).

Полученные данные позволяют сделать несколько выводов. Во-первых, студенты демонстрируют готовность к вариативности форм контроля, что согласуется с ранее полученными результатами относительно разнообразия форм обучения. Во-вторых, высокая доля выбора устных и интерактивных форматов (диалогов, ролевых игр, презентаций) указывает на явную ориентацию студентов на коммуникативные виды контроля. В-третьих, хотя творческие и исследовательские задания уступают по популярности более привычным форматам, их отмечает почти каждый четвертый респондент (23,7%), что может рассматриваться как готовность студентов к заданиям, предполагающим значительные временные затраты и высокую степень автономности.

При выборе форматов самостоятельной (внеаудиторной) работы по АЯ студенты вновь демонстрируют достаточно широкий и в то же время ровный спектр предпочтений: лексико-грамматические упражнения (47 %), аудио- и видеоматериалы (45,8 %), текстовые задания (45 %) и подготовку докладов (42 %). Однако обращает на себя внимание, что почти пятая часть студентов (19,9 %) отрицают необходимость внеаудиторной работы. Этот результат можно интерпретировать по-разному: причиной нежелания выполнять домашние задания по АЯ может быть академическая перегруженность, недостаточная мотивация к изучению АЯ в целом, а также неудовлетворенность существующими форматами заданий.

В рамках открытого вопроса студентам было предложено указать примеры интересных домашних заданий по АЯ. Ответили на него лишь 35 % респондентов. Наиболее часто упоминались «презентация» (12 % от общего числа опрошенных) и такие формы, как «рассказ», «доклады», «диалоги» (10,2 %). Среди других названных вариантов – просмотр фильмов на ИЯ (6,4 %) и написание эссе или писем (5,8 %).

На вопрос о барьерах в изучении АЯ большинство студентов отметили факторы как внутреннего порядка (собственный низкий уровень языковой подготовки – 51,8 %), так внешние (недостаточная аудиторная нагрузка – 23 %, неактуальные методы обучения – 24 %, большие языковые группы/подгруппы – 14 %).

Таким образом, результаты исследования позволяют заключить, что большинство студентов УрГЭУ мотивированы на изучение АЯ в профессиональных целях. В организационно-методическом плане студенты в целом открыты к разным моделям учебного взаимодействия, но отдают явное предпочтение образовательным форматам, предполагающим активную устную практику. Полученные данные могут служить основанием для усиления коммуникативной составляющей в преподавании АЯ и более гибкого подхода к отбору форм и методов обучения и контроля.

Результаты анкетирования также согласуются с ранее проведенными исследованиями в других неязыковых вузах [Коган, Крымская, 2018; Басанин, 2025 и др.], а именно фиксируют ряд значимых внутренних и внешних барьеров в изучении АЯ студентами-нелингвистами. Преодоление выявленных трудностей предполагает не только пересмотр конкретных педагогических методов и приемов, но также требует системных, комплексных решений, в частности, повышения эффективности школьного языкового образования, увеличения аудиторной нагрузки на изучение АЯ, распределения студентов на подгруппы в зависимости от исходного уровня языковых умений, усиления коммуникативной составляющей аудиторных занятий, а также повышения общей мотивации к изучению АЯ за счет оптимизации образовательных форматов.

Заключение

Повышение качества высшего профессионального образования невозможно без учета мнения студентов – непосредственных субъектов образовательной деятельности. В этой связи все большую актуальность в российских вузах приобретает практика анкетирования студентов, направленная, в частности, на выявление и последующую коррекцию проблемных зон в организации обучения.

Данные онлайн-анкетирования 498 студентов очной формы обучения Уральского государственного экономического университета, проведенного в апреле 2025 года, позволили выявить доминирующие мотивационные приоритеты обучающихся (профессиональная коммуникация, поиск и обработка информации из иноязычных источников), наиболее эффективные, по мнению обучающихся, форматы занятий и контрольных мероприятий (интерактивные формы, практико-ориентированные задания), а также основные барьеры в освоении вузовского курса по ИЯ (собственный низкий уровень языковой подготовки, недостаточный объем аудиторной нагрузки, неактуальные методы обучения, неоднородность языковых умений в группе).

Полученные результаты позволяют определить возможные направления оптимизации учебного процесса с учетом потребностей и предпочтений студентов и могут быть использованы при актуализации рабочих программ по дисциплинам «Иностранный язык», «Профессиональный иностранный язык» и «Деловой иностранный язык», при выборе оптимальных форм и методов обучения, а также при разработке мер, направленных на повышение мотивации студентов к изучению ИЯ в неязыковом вузе.

Благодарность

Авторы выражают благодарность сотрудникам социологической лаборатории кафедры экономической теории и прикладной социологии Уральского государственного экономического университета за помощь в проведении и обработке анкетирования.

Список литературы

- Анисимова А.Т. 2023. К вопросу о содержании и условиях реализации профессионально-ориентированного иноязычного образования. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(1): 55–65. DOI: [10.52575/2712-7451-2023-42-1-55-65](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-1-55-65)
- Антонова Н.А. 2024. Факторы, влияющие на эффективность изучения английского языка в неязыковых вузах. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, 13(4(49)): 13–18.
- Басанин К.О. 2025. Исследование экстрапедагогических факторов изучения английского языка студентами неязыковых вузов. *Общество: социология, психология, педагогика*, 1: 62–67. DOI: [10.24158/spp.2025.1.7](https://doi.org/10.24158/spp.2025.1.7)
- Коган Е.А., Крымская О.Б. 2018. «Английский» в техническом вузе: мнения студентов. *Высшее образование в России*, 27(7): 45–51. DOI: [10.31992/0869-3617-2018-27-7-45-51](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-7-45-51)
- Котова С.С., Хасанова И.И. 2016. Качество образовательного процесса в университете глазами студентов. *Образование и наука*, 9(138): 43–61. DOI: [10.17853/1994-5639-2016-9-43-61](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2016-9-43-61)
- Левина И.А., Колегова И.А., Кирякова Е.М., Пономарева Е.П. 2021. Удовлетворенность студентов неязыковых специальностей уровнем обучением иностранному языку (на примере Южно-Уральского государственного университета). *Педагогика. Вопросы теории и практики*, 6(3): 499–504. DOI: [10.30853/ped210052](https://doi.org/10.30853/ped210052)
- Минеева О.А., Ляшенко М.С. 2018. Исследование мотивации студентов неязыковых специальностей к изучению иностранного языка. *Балтийский гуманитарный журнал*, 7(4(25)): 269–273.
- Никифорова М.В., Скворцова И.А. 2026. Оценка удовлетворенности качеством обучения иностранному языку в неязыковом вузе (по данным социологического исследования). *Профессиональное образование и рынок труда*, 14 (2(65)): 169–184. DOI: [10.52944/PORT.2026.65.2.006](https://doi.org/10.52944/PORT.2026.65.2.006)
- Олейникова О.Н., Редина Ю.Н. 2025. Концепция Образования 5.0 как ответ на трансформацию современной индустрии и рынка труда. *Профессиональное образование и рынок труда*, 4: 6–21. DOI: [10.52944/PORT.2025.63.4.001](https://doi.org/10.52944/PORT.2025.63.4.001)
- Сергеева А.В., Чаплыгина О.В. 2019. Проблема психологических барьеров при изучении иностранного языка. *Концепт*, 6(15): 141–146. DOI: [10.24411/2304-120X-2019-12024](https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-12024)
- Симонова О.Б., Котляренко Ю.Ю. 2021. Проблемы формирования положительной мотивации к изучению иностранного языка студентов неязыковых специальностей в условиях цифровизации процесса обучения. *Мир науки. Педагогика и психология*, 1(9). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PDMN121.pdf> (дата обращения: 31.05.2026).

- Стаканова Е.В. 2023. Языковая тревожность и барьеры при изучении иностранного языка: мотивационно-смысловая интерпретация. *Мир науки. Педагогика и психология*, 11(3). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/54PSMN323.pdf> (дата обращения: 31.05.2026)
- Старчикова И.Ю., Мамонов И.М., Шакурова Е.С. 2020. Изучение иностранного языка в техническом вузе глазами студентов: анализ мнений. *Перспективы науки и образования*, 2(44): 98–109. DOI: [10.32744/pse.2020.2.8](https://doi.org/10.32744/pse.2020.2.8)
- Чалова О.А., Журбенко Н.Л., Шейпак О.А., Балык Е.В. 2022. Разработка технологии индивидуальной траектории обучения иностранному языку в неязыковом вузе с учетом самооценки студента. *Мир науки. Педагогика и психология*, 10(3). DOI: [10.15862/11PDMN322](https://doi.org/10.15862/11PDMN322)
- Юденкова О.В. 2023. Удовлетворенность студентов качеством преподавания иностранных языков в неязыковых вузах России. *Современное педагогическое образование*, 2: 50–56.

References

- Anisimova A.T. 2023 On the Content and Conditions of Professional Foreign Language Training. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(1): 55–65 (in Russian). DOI: [10.52575/2712-7451-2023-42-1-55-65](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-1-55-65)
- Antonova N.A. 2024. Factors Influencing the Effectiveness of Foreign Language Learning in Non Language Universities. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 13(4(49)): 13–18.
- Basanin K.O. 2025. Research of Extra-Pedagogical Factors of Learning English by Students of Non-Linguistic Universities. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 1: 62–67 (in Russian). DOI: [10.24158/spp.2025.1.7](https://doi.org/10.24158/spp.2025.1.7)
- Kogan E.A., Krymskaya O.B. 2018. Problems in Studying English Language Among Future Engineers. *Higher Education in Russia*, 27(7): 45–51 (in Russian). DOI: [10.31992/0869-3617-2018-27-7-45-51](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2018-27-7-45-51)
- Kotova S.S., Hasanova I.I. 2016. The quality of the educational process in the university through students' eyes. *The Education and Science Journal*, 9 (138), 43–61 (in Russian).
- Levina I.A., Kolegova I.A., Kiryakova E.M., Ponomareva E.P. 2021. Non-Linguistic Students' Satisfaction with Level-Based Foreign Language Teaching (by the Example of South Ural State University). *Pedagogy. Theory & Practice*, 6(3): 499–504 (in Russian). DOI: [10.30853/ped210052](https://doi.org/10.30853/ped210052)
- Mineeva O.A., Liashenko M.S. 2018. Exploring Motivation for Studying Foreign Languages Among Students of Non-Linguistic Disciplines. *Baltic Humanitarian Journal*, 7(4(25)): 269–273 (in Russian).
- Nikiforova M.V., Skvortsova I.A. 2026. Student satisfaction with the quality of foreign language training in a non-linguistic university (Based on the online-survey). *Vocational Education and Labour Market*, 14(2): 169–184 (in Russian). DOI: [10.52944/PORT.2026.65.2.006](https://doi.org/10.52944/PORT.2026.65.2.006)
- Oleinikova O.N., Redina Y.N. 202). The Education 5.0 concept as a response to the transformation of modern industry and the labor market. *Vocational Education and Labour Market*, 4: 6–21. DOI: [10.52944/PORT.2025.63.4.001](https://doi.org/10.52944/PORT.2025.63.4.001)
- Sergeeva A.V., Chaplygina O.V. 2019. Problema psikhologicheskikh bar'erov pri izuchenii inostrannogo yazyka [The Problem of Psychological Barriers in Learning a Foreign Language]. *Kontsept*, 6(15): 141–146. DOI: [10.24411/2304-120X-2019-12024](https://doi.org/10.24411/2304-120X-2019-12024)
- Simonova O.B., Kotliarenko Iu.Yu. 2021. The problems of formation of positive motivation to learn a foreign language for students of non-language specialties in conditions of digitalization of the learning process. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 1(9) (in Russian). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PDMN121.pdf> (accessed: 31.05.2026).
- Stakanova E.V. 2023. Language anxiety and barriers: motivational and meaningful context. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 11(3) (in Russian). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/54PSMN323.pdf> (accessed: 31.05.2026).
- Starchikova I.Yu., Mamonov I.M., Shakurova E.S. 2020. Learning a foreign language in a technical university through the eyes of students: analysis of opinions. *Perspectives of Science and Education*, 2(44): 98–109. DOI: [10.32744/pse.2020.2.8](https://doi.org/10.32744/pse.2020.2.8)
- Chalova O.A., Zhurbenko N.L., Sheypak O.A., Balyk E.V. 2022. Development of individual educational path technology of foreign language teaching in non-linguistic universities using the student's self-assessment. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 10(3) (in Russian). DOI: [10.15862/11PDMN322](https://doi.org/10.15862/11PDMN322)
- Yudenkova O.V. 2023. Student satisfaction with the quality of foreign language teaching at Russian non-linguistic institutions of higher education. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 2: 50–56.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflicts of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.08.2026
Поступила после рецензирования 28.08.2026
Принята к публикации 01.09.2026

Received August 13, 2026
Revised August 28, 2026
Accepted September 01, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Никифорова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия.

Marina V. Nikiforova, Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.

Скворцова Ирина Анатольевна, доцент, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия.

Irina A. Skvortsova, Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia.

УДК 378.14
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-527-536
EDN GPJQDP

Модель формирования цифровой профессиональной компетенции будущего педагога (на примере учителя химии)

Фарус О.А.

Оренбургский государственный педагогический университет
Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19
farusok@yandex.ru

Аннотация. Подготовка будущих педагогов к эффективной работе в цифровой образовательной среде является приоритетной задачей современного высшего образования. Однако существующие подходы к формированию цифровых компетенций зачастую носят фрагментарный характер, не связывая когнитивное освоение цифровых инструментов с уровнем профессионально-педагогического мастерства. Целью исследования является разработка модели формирования цифровой профессиональной компетенции будущего учителя химии. В основе предложенной модели лежит синтез двух концепций: концепция продуктивности педагогической деятельности Н.В. Кузьминой выступает в качестве структурного каркаса, задающего траекторию профессионального роста (от репродуктивного к системно-моделирующему уровню); цифровая таксономия педагогических целей Б. Блума (в адаптации А. Чуранса) наполняет данный каркас содержанием, определяя состав и последовательность познавательных операций, которые педагог осваивает и применяет в цифровой среде. Предложенная модель позволяет определить влияние каждого элемента модели на итоговый результат – сформированность цифровой профессиональной компетенции будущего педагога.

Ключевые слова: цифровая таксономия Б. Блума, уровень продуктивности педагогической деятельности, цифровые познавательные действия

Для цитирования: Фарус О.А. 2026. Модель формирования цифровой профессиональной компетенции будущего педагога (на примере учителя химии). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 527–536. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-527-536 EDN GPJQDP

Model for Forming the Digital Professional Competence in a Future Teacher (Using the Example of a Chemistry Teacher)

Oksana A. Farus

Orenburg State Pedagogical University
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia
farusok@yandex.ru

Abstract. Preparing future teachers to work effectively in a digital educational environment is a priority task of modern higher education. However, existing approaches to developing digital competencies are often fragmented and do not link the cognitive acquisition of digital tools with the level of professional and pedagogical skill. The aim of the study is to develop a model for building the digital professional competence of future chemistry teachers. The proposed model is based on a synthesis of two concepts: N.V. Kuzmina's concept of the productivity of pedagogical activity serves as a structural framework that defines the trajectory of professional growth (from the reproductive to the system-modeling level); while B. Bloom's digital taxonomy of educational objectives (adapted by A. Churans) fills this framework with

content, defining the composition and sequence of cognitive operations that a teacher masters and applies in a digital environment. The proposed model makes it possible to determine the influence of each element of the model on the final result – the level of development of the future teacher's digital professional competence.

Keywords: B. Bloom's digital taxonomy, the level of productivity of pedagogical activity, digital cognitive actions

For citation: Farus O.A. 2026. Model for Forming the Digital Professional Competence in a Future Teacher (Using the Example of a Chemistry Teacher). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 527–536 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-527-536 EDN GPJQDP

Введение

Сформированность цифровой профессиональной компетенции (ЦПК) у будущих педагогов стало обязательным условием современного педагогического образования [Галиева, 2025]. Это требование в полной мере относится и к подготовке будущих учителей химии, работающих в цифровой образовательной среде.

Необходимость формирования ЦПК у будущего педагога определяется рядом причин.

Во-первых, цифровая трансформация общества изменяет содержание и инструментарий педагогической деятельности, делая цифровые навыки не дополнительным, а базовым компонентом профессионального стандарта учителя. В рамках национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (сроки реализации с 2025 по 2030 г.) требуется подготовка высококвалифицированных кадров, в том числе и педагогов, которые владеют профилями цифровой компетенции. Данным проектом предусмотрено активное включение цифровой среды в образовательный процесс на всех стадиях обучения¹. При этом педагог должен выступать как критически мыслящий тьютор, способный научить обучающихся верифицировать информацию, оценивать достоверность цифровых источников и соблюдать цифровую этику при обсуждении спорных научных тем [Бурганова, Фарус, 2021; Голец, 2024].

Во-вторых, современные образовательные стандарты предписывают формирование у школьников цифровых компетенций и навыков исследовательской деятельности. Согласно профстандарту, педагог должен владеть ИКТ-компетентностями, включая использование ресурсов информационной образовательной среды и цифровых технологий, а также уметь организовывать педагогическую деятельность и деятельность обучающихся с использованием цифрового коммуникационного оборудования². Эти требования предполагают, что учитель химии выступает в роли рефлексизирующего практика-проектировщика, способного к инновационной деятельности в цифровой образовательной среде. В федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования (ФГОС ВО) по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» цифровые навыки и готовность к работе в цифровой среде «встроены» в структуру нескольких групп компетенций, а также в требования к условиям реализации

¹ Паспорт национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: <https://mirs.permkrai.ru/upload/iblock/12f/1d0jct3xdmsjfbk6dakfmapfm7ohgo3r.pdf> (дата обращения: 12.02.2026).

² Профстандарт: 01.001 Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель). URL: https://s3510030.gosuslugi.ru/netcat_files/30/50/Profstandart_Pedagog.pdf?ysclid=ms05acziyj2015220 (дата обращения: 12.02.2026).

программы¹. Таким образом, ФГОС ВО закрепляет требование к цифровой грамотности опосредованно – через содержание межпредметных и профессиональных компетенций. Учитель не сможет выполнить этот заказ, не обладая соответствующей компетенцией на высоком системно-моделирующем и исследовательско-рефлексивном уровнях. Ему необходимо не просто «включить видео», а организовать проектную деятельность с использованием цифровых датчиков, создать среду для сетевого взаимодействия юных исследователей, анализировать образовательные данные [Григорьев, Гриншкун, 2014; Корнеев, 2022; Анискин, 2023].

В-третьих, сложные предметы с высоким порогом вхождения, к которым относится и химия, требуют от учителя развитых цифровых компетенций, позволяющих визуализировать абстрактные объекты и процессы через 3D-моделирование и симуляции. Цифровые лаборатории (датчики, интерфейсы) и виртуальные симуляторы позволяют проводить эксперименты на уроках химии, невозможные в обычных школьных условиях (работа с токсичными веществами, изучение быстропротекающих или высокотемпературных реакций). Ключевой проблемой является формирование не пользователя, а педагога-проектировщика цифровой образовательной среды. Будущий учитель химии должен учиться выбирать цифровой инструмент под конкретную дидактическую цель (например, для формирования метапредметного навыка «анализ» использовать программное обучение для построения графиков зависимости выхода продукта от условий реакции) и создавать собственный [Фарус, 2025].

Авторы многих исследований в области информатизации образования указывают на наличие разрыва между технической и методической подготовкой студентов педагогических вузов, а также на фрагментарный и рецептурный характер, не соотношенный с этапами профессионального становления. Студенты осваивают отдельные сервисы без понимания их места в целостной педагогической деятельности [Медведева, 2022; Токтарова, Ребко, 2022; Ходырева, 2023; Раимкулова, Сарыбаева, 2024].

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления противоречия между объективной потребностью школы в педагоге, способном использовать цифровые технологии для решения дидактических задач химии и субъективной неготовностью значительной части выпускников педагогических вузов к методически грамотному применению цифровых инструментов.

Цель исследования – разработка модели формирования цифровой профессиональной компетенции будущего учителя химии.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на системно-деятельностный подход, позволяющий рассматривать модель как целостную систему, и компетентностный подход, определяющий ориентацию на формирование практико-ориентированного результата – цифровой профессиональной компетенции.

В качестве базовой методологии выступает синтез двух педагогических концепций:

1) концепция продуктивности педагогической деятельности Н.В. Кузьминой (задает траекторию профессионального роста) [Кузьмина, 1989; Кузьмина, 1990];

¹ Приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 № 125 (ред. от 27.02.2023) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)». URL: http://www.unn.ru/sveden/files/docs/edustandarts/2023/440305_B_3.pdf?ysclid=ms063ze42b905584445 (дата обращения: 12.02.2026).

2) цифровая таксономия педагогических целей Б. Блума (в адаптации А. Чуранса) (как основа познавательных действий в цифровой среде) [Bloom et al., 1956; Krathwohl et al., 1964; Churches, 2008].

При проведении исследования были использованы два метода:

1) *систематизация теоретических подходов по проблеме исследования* осуществлена на основе анализа философской, психолого-педагогической и методической литературы и охватывает такие аспекты, как цифровизация педагогического образования, профессиональная компетентность учителя и особенности методики преподавания химии в эпоху цифровой трансформации;

2) моделирования – для разработки модели формирования цифровой профессиональной компетенции будущего педагога. Данный метод включал следующие процедуры:

– выделение этапов профессионального роста будущего учителя на основе концепции продуктивности педагогической деятельности Н.В. Кузьминой (от репродуктивного к системно-моделирующему уровню), которые задают траекторию формирования цифровой компетенции;

– определение когнитивных операций, соответствующих каждому этапу, с использованием цифровой таксономии педагогических целей Б. Блума (в адаптации А. Чуранса), что позволяет структурировать познавательные действия педагога в цифровой среде;

– проектирование архитектуры модели как целостной системы, включающей целевой, содержательно-деятельностный, операционно-технологический и диагностико-результативный блоки (в логике системно-деятельностного подхода, обеспечивающего взаимосвязь и динамику всех компонентов);

– разработку содержательного наполнения каждого блока с ориентацией на формирование практико-ориентированного результата – цифровой профессиональной компетенции.

Результаты исследования

В основе разработанной структурно-функциональной модели формирования цифровой профессиональной компетенции будущего учителя (рис. 1) лежат нормативные установки, прописанные в профессиональном стандарте «Педагог» (педагогическая деятельность в сфере начального общего, основного общего, среднего общего образования) (учитель) и в федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки).

Представленная модель включает взаимосвязанные блоки: целевой, содержательно-деятельностный, организационно-технологический и оценочно-результативный. Совокупность данных блоков обеспечивает целостность, логичность и результативность методической системы.

Целевой блок модели отражает конечный результат методической системы: сформированность ЦПК как интегративного качества личности, обеспечивающего готовность к продуктивной педагогической деятельности на системно-моделирующем и исследовательско-рефлексивном уровнях.

Ядро модели составляет содержательно-деятельностный блок (рис. 2). В данном блоке отражена взаимосвязь уровней продуктивности педагогической деятельности Н.В. Кузьминой и таксономии педагогических целей Блума (в адаптации А. Чуранса).

В рамках разработанной модели таксономия Блума определяет познавательные действия в цифровой среде, а уровни продуктивности педагогической деятельности Н.В. Кузьминой устанавливают этапы цифрового роста будущего педагога-химика.

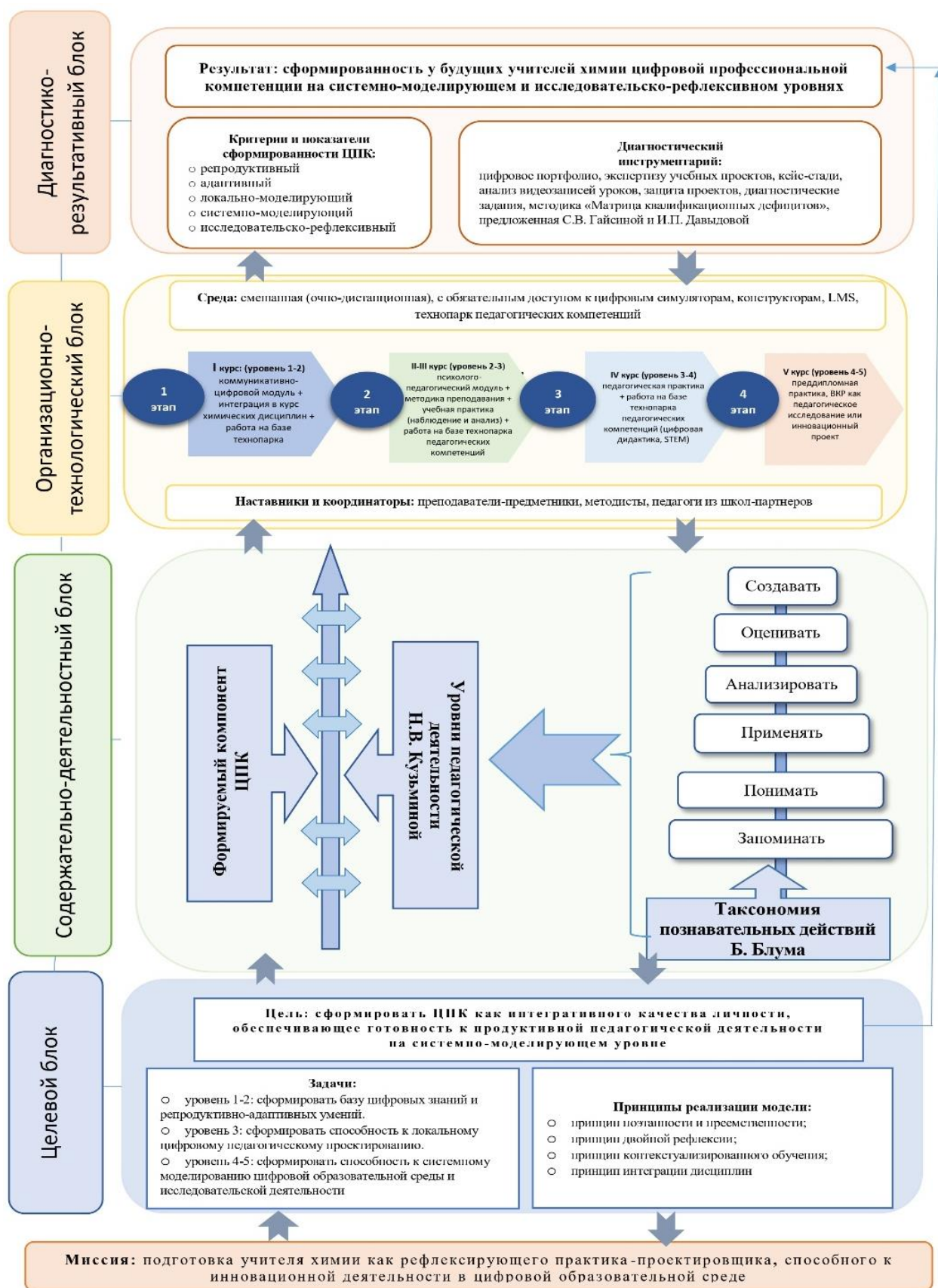

Рис. 1. Модель формирования цифровой профессиональной компетенции будущего учителя химии на основе таксономии Б. Блума и концепции продуктивности педагогической деятельности Н.В. Кузьминой

Fig. 1. Model for forming the digital professional competence in a future chemistry teacher based on B. Bloom's taxonomy and N.V. Kuzmina's concept of the productivity of pedagogical activity

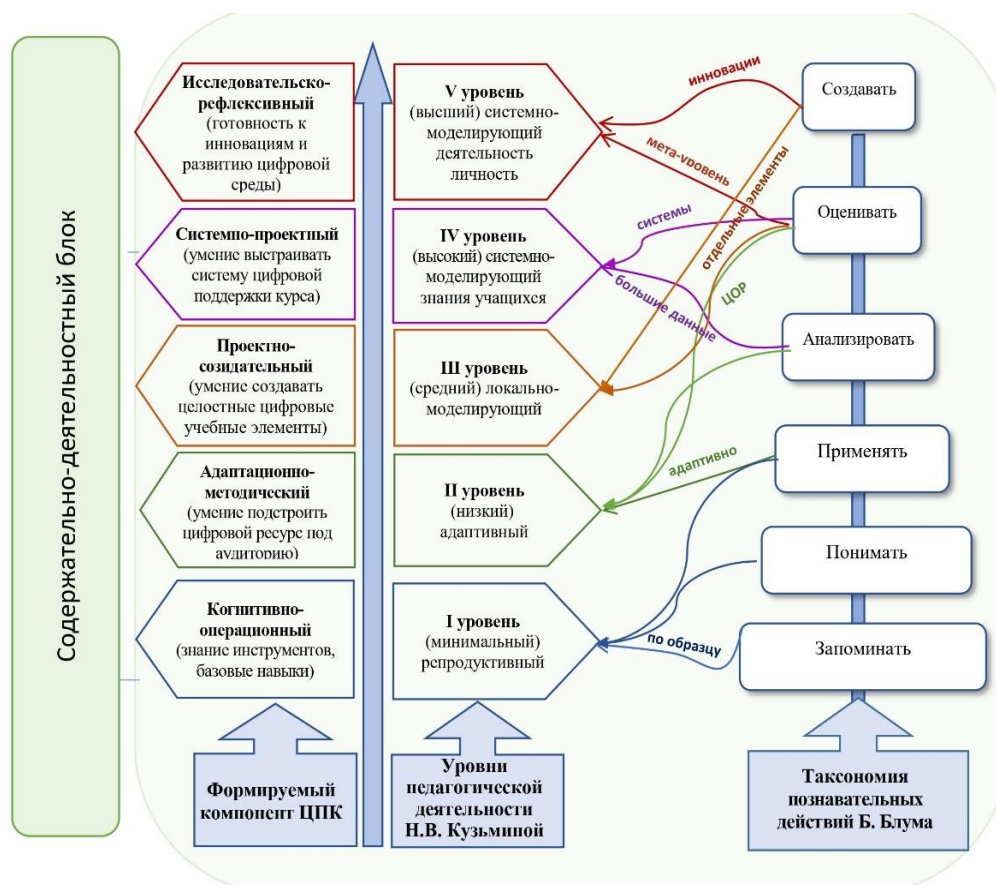

Рис. 2. Содержательно-деятельный блок модели формирования цифровой профессиональной компетенции будущего учителя химии на основе таксономии Б. Блума и концепции продуктивности педагогической деятельности Н.В. Кузьминой

Fig. 2. Content and activity block of the model for forming the digital professional competence in a future chemistry teacher, based on B. Bloom's taxonomy and N.V. Kuzmina's concept of the productivity of pedagogical activity

Лестница профессионального роста строится за счёт последовательного освоения определённого набора познавательных действий с цифровыми средствами (уровни Блума). Матрица реализации модели с учетом форм и технологий обучения отображена в таблице.

Третий блок – организационно-технический. Данный блок включает четыре этапа организации учебной деятельности будущего учителя химии по формированию ЦПК. Число этапов на данном уровне определяется сроком обучения студентов. В ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет» срок обучения бакалавров, обучающихся по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки), профили «Биология» и «Химия», составляет пять лет. Поэтому предложенные этапы включают в себя обучение на 1–5 курсах:

- I курс (уровень 1–2): коммуникативно-цифровой модуль, интеграция в курс (химических) дисциплин, работа на базе технопарка педагогических компетенций;
- II–III курс (уровень 2–3): психолого-педагогический модуль, методика преподавания, учебная практика (наблюдение и анализ), работа на базе технопарка педагогических компетенций;
- IV курс (уровень 3–4): педагогическая практика, работа на базе технопарка педагогических компетенций;
- V курс (уровень 4–5): преддипломная практика, ВКР как педагогическое исследование или инновационный проект.

Матрица реализации содержательно-деятельностного блока модели формирования цифровой профессиональной компетенции будущего учителя (на примере учителя химии)
Matrix of implementation of the content-activity block within the model of forming the digital professional competence in a future teacher (using the example of a chemistry teacher)

Формируемый компонент ЦПК	Уровень продуктивности педагогической деятельности (Н.В. Кузьмина)	Цифровые познавательные действия (таксономия Блума)
1	2	3
Когнитивно-операционный (знание инструментов, базовые навыки).	1. Репродуктивный	запоминание, понимание, применение (по образцу)
Адаптационно-методический (умение подстроить цифровой ресурс под аудиторию).	2. Адаптивный	анализ, оценка, применение (адаптивное)
Проектно-созидательный (умение создавать целостные цифровые учебные элементы).	3. Локально-моделирующий	создание (отдельных элементов), оценка
Системно-моделирующий (умение выстраивать систему цифровой поддержки курса).	4. Системно-моделирующий знания	создание (систем), анализ (больших данных)
Исследовательско-рефлексивный (готовность к инновациям и развитию цифровой среды).	5. Системно-моделирующий личность	создание (инноваций), оценка (мета-уровень)

Продолжение таблицы

Содержание подготовки	Формы и технологии обучения
4	5
- цифровая гигиена и безопасность; - базовый софт (текстовый, табличный процессор); - поиск и верификация готовых цифровых ресурсов по химии	лекции, работа по шаблону, работа с симуляторами, тренажёры
- критический анализ ЦОР; - адаптация цифровых материалов под учебную задачу; - использование простых интерактивных средств (онлайн-опросы, конструкторы карт знаний)	экспертиза цифровых ресурсов, преподавание с использованием шаблонных цифровых средств
- дизайн и создание авторских цифровых объектов: видеолекции, интерактивные задания, виртуальные лабораторные работы, 3D-модели молекул; - основы работы в LMS (Moodle)	проектное обучение, создание цифрового учебного модуля (темы), мастер-классы, воркшопы от педагогов
- проектирование цифровой образовательной среды курса химии (в LMS); - работа с цифровыми данными (статистика успеваемости, анализ результатов); - технологии смешанного обучения (ротация станций)	педагогическое проектирование, разработка и защита фрагмента рабочей программы с цифровой поддержкой
- организация учебно-исследовательской деятельности школьников; - использование цифровых инструментов для формирования научного мировоззрения, экологического сознания; - рефлексия и исследование эффективности собственной цифровой педагогической деятельности	научно-педагогическое исследование (ВКР), тьюторское сопровождение, участие в профессиональных сетевых сообществах, разработка и реализация инновационного образовательного проекта

Важно отметить, что помимо включения в организационно-педагогический блок модулей, дисциплин и практик, входящих в структуру ядра педагогического образования, необходимо обязательно добавить работу на базе технопарка педагогических компетенций.

Диагностико-результативный блок направлен на выявление динамики сформированности цифровой профессиональной компетенции на каждом этапе у будущих учителей (в том числе учителей химии). Ключевым элементом данного блока является результат – сформированность у будущих учителей химии цифровой профессиональной компетенции на системно-моделирующем и исследовательско-рефлексивном уровнях.

Критерии и показатели сформированности ЦПК вытекают из формируемых компонентов ЦПК:

- репродуктивный: полнота и правильность выполнения операций по инструкции;
- адаптивный: обоснованность выбора и адаптации цифрового средства под заданные условия;

- локально-моделирующий: целостность, методическая грамотность и интерактивность созданного цифрового учебного продукта;

- системно-моделирующий: согласованность элементов цифровой среды, наличие аналитики, обоснованность педагогического дизайна;

- исследовательско-рефлексивный: наличие рефлексивной позиции, инновационность, исследовательские результаты, влияние на личностные результаты учеников.

Для выявления уровня сформированности ЦПК можно использовать цифровое портфолио, экспертизу учебных проектов, кейс-стади, анализ видеозаписей уроков, защиту проектов, диагностические задания.

В качестве дополнительной методики самооценки уровня сформированности ЦПК у студентов и выявления профессиональных дефицитов можно использовать методику «Матрица квалификационных дефицитов», предложенную С.В. Гайсиной и И.П. Давыдовой [Гайсина, Давыдова, 2021].

Заключение

Разработанная структурно-функциональная модель формирования цифровой профессиональной компетенции будущего учителя, основанная на синтезе таксономий Блума и Кузьминой, представляет собой теоретически обоснованный инструмент модернизации предметно-методической подготовки в педагогическом вузе. Модель обеспечивает переход от стихийного накопления цифровых навыков к управляемому, уровнево-организованному формированию цифровой профессиональной компетенции, что вносит вклад в решение стратегической задачи подготовки учителя, способного работать в условиях глубокой цифровой трансформации образования и формировать у школьников актуальные компетенции XXI века. Эта модель обеспечивает не только обучение работе с инструментами, но и целенаправленное развитие мастера-педагога, для которого цифровые технологии становятся естественным языком профессионального мышления и творчества.

Список источников

- Гайсина С.В., Давыдова И.П. 2021. Карта цифровых компетенций. Методические рекомендации по цифровому образованию. 84 с. URL: [Карта цифровых компетенций педагога](#) (дата обращения: 12.02.2026).
- Кузьмина Н.В. 1989. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища. Москва, Высшая школа, 166 с.
- Кузьмина Н.В. 1990. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. Москва, Высшая школа, 117 с.
- Bloom B.S., Engelhart M.D., Furst E.J., Hill W.H., Krathwohl D.R. 1956. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals. Handbook I: cognitive domain. New York: David McKay, 207 p.

- Churches A. 2008. Bloom's Digital Taxonomy. 44 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/228381038_Bloom's_Digital_Taxonomy (дата обращения: 12.02.2026).
- Krathwohl D.R., Bloom B.S., Masia B.B. 1964. Taxonomy of educational objectives: The classification of educational goals. Handbook II: the affective domain. New York: David McKay Company, 196 p.

Список литературы

- Аниськин В.Н. 2023. Освоение универсальных компетенций будущими педагогами как обязательное условие эффективности их деятельности в цифровой образовательной среде. *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*, 3(96): 7–11.
- Бурганова И.Н., Фарус О.А. 2021. Многоуровневое высшее образование в РФ: состояние и проблемы. *Проблемы современного педагогического образования*, 71(1): 53–56.
- Галиева Р.Р. 2025. Сущность и структура понятия «цифровые компетенции будущих педагогов», *Педагогическое образование*, 6(3): 283–288.
- Голец И.И. 2024. Цифровые образовательные технологии как инструмент развития профессиональных компетенций в сфере медиа будущих педагогов. *Педагогическое образование*, 5(8): 37–43.
- Григорьев С.Г., Гриншкун В.В. 2014. Информатизация образования. Фундаментальные основы и практические приложения. Воронеж, Научная книга, 232 с.
- Корнеев Т.О. 2022. Цифровое образовательное пространство как инструмент формирования информационных и коммуникативных компетенций будущего учителя. *Общество: социология, психология, педагогика*, 7(99): 189–193. DOI: [10.24158/spp.2022.7.28](https://doi.org/10.24158/spp.2022.7.28)
- Медведева О.А. 2022. Формирование у будущих педагогов компетенций в области разработки и применения цифровых образовательных ресурсов. *Вестник педагогических наук*, 5: 144–148.
- Раимкулова А.С., Сарыбаева М.К. 2024. Цифровая дидактика как условие формирования профессиональных компетенций будущего педагога. *Бюллетень науки и практики*, 10(7): 491–499. DOI: [10.33619/2414-2948/104/58](https://doi.org/10.33619/2414-2948/104/58)
- Токтарова В.И., Ребко В.И. 2022. Структурно-функциональная модель развития компетенций цифровой культуры будущих педагогов. *Научно-педагогическое обозрение*, 6(46): 18–27. DOI: [10.23951/2307-6127-2022-6-18-27](https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-6-18-27)
- Ходырева Е.А. 2023. Оценка цифровых компетенций будущих педагогов в контексте обеспечения качества педагогического образования. *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 11: 220–233. DOI: [10.24412/2304-120X-2023-11120](https://doi.org/10.24412/2304-120X-2023-11120)
- Фарус О.А. 2025. Практика применения компьютерного моделирования при изучении химии в педагогическом вузе. *Вопросы методики преподавания в вузе*, 14(2): 26–37. DOI: [10.57769/2227-8591.14.2.02](https://doi.org/10.57769/2227-8591.14.2.02)

References

- Aniskin V.N. 2023. Mastering universal competences by future teachers as a mandatory condition for the efficiency of their activities in the digital educational environment. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ehkonomicheskikh nauk*, 3(96): 7–11.
- Burganova I.N., Farus O.A. 2021. Mnogourovnevoe vysshee obrazovanie v RF: sostoyanie i problemy [Multi-Level Higher Education in the Russian Federation: Status and Problems]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, 71(1): 53–56.
- Galieva R.R. 2025. Essence and structure of the concept of "digital competences of future teachers". *Pedagogical Education*, 6(3): 283–288 (in Russia).
- Golets I.I. 2024. Digital educational technologies as a tool for developing media-related professional competencies in future teachers. *Pedagogical Education*, 5(8): 37–43 (in Russia).
- Grigor'ev S.G., Grinshkun V.V. 2014. Informatizatsiya obrazovaniya. Fundamental'nye osno-vy i prakticheskie prilozheniya [Informatization of education. Fundamental principles and practical applications]. Voronezh, Publ. Nauchnaya kniga, 232 p.
- Korneenko T.O. 2022. Digital Educational System as a Tool for the Information and Communicative Competencies Formation of the Teacher-to-be. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 7(99): 189–193 (in Russia). DOI: [10.24158/spp.2022.7.28](https://doi.org/10.24158/spp.2022.7.28)

- Medvedeva O.A. 2022. Formation of future teachers' competencies in the field of development and application of digital educational resources. *Bulletin of Pedagogical Sciences*, 5: 144–148 (in Russia).
- Raimkulova A., Sarybaeva M. 2024. Digital Didactics as a Condition for the Formation of Professional Competencies of a Future Teacher. *Bulletin of Science and Practice*, 10(7):491–499 (in Russia). DOI: [10.33619/2414-2948/104/58](https://doi.org/10.33619/2414-2948/104/58)
- Toktarova V.I., Rebko O.V. 2011. Structural and functional model of the development of digital culture competencies of future educators. *Pedagogical Review*, 6(46): 18–27 (in Russia). DOI: [10.23951/2307-6127-2022-6-18-27](https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-6-18-27)
- Khodyreva E.A. 2023. Assessment of digital competencies of future teachers in the context of ensuring the quality of teacher education. *Scientific and methodological electronic journal «Concept»*, 11: 220–233 (in Russia). DOI: [10.24412/2304-120X-2023-11120](https://doi.org/10.24412/2304-120X-2023-11120)
- Farus O.A. 2025. Practice of applying computer modeling in chemistry studies at pedagogical university. *Teaching Methodology in Higher Education*, 14(2): 26–37. DOI: [10.57769/2227-8591.14.2.02](https://doi.org/10.57769/2227-8591.14.2.02)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.02.2026

Received February 15, 2026

Поступила после рецензирования 08.06.2026

Revised June 08, 2026

Принята к публикации 19.07.2026

Accepted July 19, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Фарус Оксана Анатольевна, кандидат химических наук, доцент кафедры химии, географии, методики преподавания химии и географии, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия.

Oksana A. Farus, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor of the Department of Chemistry, Geography, Methods of Teaching Chemistry and Geography, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 811.112.2 '3

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-537-546

EDN IKGDIG

Актуализация оппозиции GLÜCK / UNGLÜCK в готическом романе Э.Т.А. Гофмана

Воронина Л.В., Прилуцкий И.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

voronina@bsuedu.ru, ignat.prilutsky@yandex.ru

Аннотация. Интерес учёных к вопросам языковой репрезентации эмоций в художественном дискурсе неуклонно растёт. Несмотря на многочисленные исследования категории эмотивности, проблема коммуникативно-прагматического потенциала эмоциональных концептов, обуславливающих жанровую специфику художественного текста в соответствии с авторским замыслом, с позиций когнитивно-дискурсивного подхода остается малоизученной. Данная работа нацелена на выявление и анализ лексических и синтаксических средств, сопряженных с эмоциональным состоянием СЧАСТЬЯ и НЕСЧАСТЬЯ персонажей готического романа знаменитого немецкого писателя Гофмана «Эликсиры сатаны», и их роли в смысловой доминанте художественного текста. Установлено, что использование разноуровневых языковых средств, отражающих диалектическую связь концептов GLÜCK/UNGLÜCK в художественном тексте, эксплицирует эмотивный код готического романа немецкого писателя – представление вечного противостояния Добра и Зла как противостояния положительных и отрицательных эмоций человека.

Ключевые слова: языковая репрезентация эмоций, готический роман, эмоциональный концепт, авторский замысел, протяженные и взрывные эмоции

Для цитирования: Воронина Л.В., Прилуцкий И.Г. 2026. Актуализация оппозиции GLÜCK / UNGLÜCK в готическом романе Э.Т.А. Гофмана. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 537–546. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-537-546 EDN IKGDIG

Actualisation of the GLÜCK / UNGLÜCK Opposition in E.T.A. Hoffmann's Gothic Novel

Larisa V. Voronina, Ignat G. Prilutsky

Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St, Belgorod 3008015, Russia

voronina@bsuedu.ru, ignat.prilutsky@yandex.ru

Abstract. Scholarly interest in the linguistic representation of emotions in literary discourse has been steadily growing. Despite extensive research on the category of emotivity, the communicative-pragmatic potential of emotional concepts that determine the genre specificity of a literary text in accordance with the author's intention remains insufficiently explored from the cognitive-discursive perspective. This study aims to identify and analyze lexical and syntactic means associated with the emotional states of HAPPINESS and UNHAPPINESS in the characters of the Gothic novel *The Elixirs of Satan* by the renowned German writer E. T. A. Hoffmann, and to examine their role in shaping the semantic dominant

of the literary text. We have established that the use of multi-level linguistic devices reflecting the dialectical relationship between the concepts GLÜCK and UNGLÜCK in the literary text explicates the emotive code of the German Gothic novel – namely, the representation of the eternal confrontation between Good and Evil as an opposition between positive and negative human emotions.

Keywords: linguistic representation of emotions, Gothic novel, emotional concept, author's intention, protracted and explosive emotions

For citation: Voronina L.V., Prilutsky I.G. 2026. Actualisation of the GLÜCK / UNGLÜCK Opposition in E.T.A. Hoffmann's Gothic Novel. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 537–546 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-537-546 EDN IKGDIG

Введение

Одним из наиболее значимых направлений исследований лингвистической науки является изучение вербальных проявлений человеческой эмоциональности в художественном тексте в целом и эмотивности, обусловленной жанровой спецификой произведения и авторским замыслом, в частности.

На высокий экспланаторный потенциал эмотиологии как механизма, способного установить связь между вербальным проявлением эмоциональности и параметрами ключевых смыслов речевых произведений, в своих работах указывают учёные [Шаховский, 2017, Ионова, 2023]. В этой связи в фокус пристального внимания лингвистов попадает эмоционально-оценочный потенциал языковых единиц, актуализируемый в соответствии с прагматическими намерениями автора в разных видах дискурса, в том числе политическом [Лучинская, Уафа, 2022], медийном [Ионова, 2023; Васильева, Воронина, 2015], научно-популярном [Маджаева, 2022], художественном [Воронина, 2022; Кацитадзе, Христианова, 2024; Трубкина, 2022, 2026] и др. При этом одним из значимых направлений современных исследований, выполненных в русле антропоцентрической парадигмы знаний, становятся речевые стратегии и манипулятивные практики эмоционального воздействия на реципиента в дискурсе [Воронина, 2025; Делль, 2025]. Несмотря на очевидную научную и практическую значимость, возросшую в эпоху глобальной эмоционализации общества, языковая реализация эмоциональной сферы остается малоизученной как с позиций теории коммуникации, так и в параметрах теории текста, и, как подчеркивает А.И. Трубкина, «одной из перспективных сфер изучения эмотивности является, бесспорно, ее функционирование в художественном тексте» [Трубкина, 2026, с. 105]. Подчеркивая перспективность исследования доминантного эмоционального смысла текста, С.В. Ионова акцентирует внимание на том, что недостаточная изученность соответствующей проблематики обусловлена, помимо прочего, сложностью изучаемого феномена: необходимостью четкого разграничения субъективного восприятия текста и его объективного содержания, многоаспектностью и многоэтапностью анализа совокупности эмотивных знаков, разработкой алгоритма их соотнесения с коммуникативными намерениями автора [Ионова, 2023, с. 13–14]. Вслед за Шаховским [1987] С.В. Ионова отмечает, что «эмотивность представляет собой способ кодирования эмоциональной информации, освоенной языковым сознанием говорящего и проявленный в соответствии с уровнем его коммуникативной компетенции, целями и особенностями протекания коммуникативной ситуации» [Ионова, 2023, с. 14]. В фокусе нашего исследования находится релевантная для понимания эмотивного кода немецкого готического романа вербальная актуализация эмоциональных состояний счастья и несчастья.

Эмоциональная система готического романа Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны» (1815–1816) организована вокруг ряда ключевых концептуальных оппозиций, среди которых пара GLÜCK/UNGLÜCK. В отличие от дуального концепта LIEBE/LUST, построенного на внутреннем противоречии, GLÜCK и UNGLÜCK выступают как два целостных диалектически связанных концепта.

Центральными для эмоциональной системы романа являются концепты СТРАХ (ANGST/GRAUEN), ЛЮБОВЬ (LIEBE/LUST), СЧАСТЬЕ (GLÜCK) и НЕСЧАСТЬЕ (UNGLÜCK). Если СТРАХ и ЛЮБОВЬ обнаруживают внутреннюю дуальность, расщепляясь на «протяженный» и «взрывной» аспекты, то GLÜCK и UNGLÜCK выступают как два самостоятельных концепта.

Таким образом, объектом данного исследования становятся разноуровневые языковые средства, актуализирующие эмоциональные переживания счастья и несчастья персонажами художественного текста знаменитого немецкого писателя Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны». При этом актуализация эмоционально-оценочных смысловых нюансов сопряжена не столько с конкретной лексической единицей, сколько с коммуникативной ситуацией в целом [Воронина, 2022, с. 292–294]. Предметом исследования выступают эксплицитные и имплицитные смыслы, репрезентируемые эмоциями, и их роль в эмотивном коде произведения. Под эмотивным кодом, вслед за А.И. Трубкиной, понимаем совокупность лингвистических механизмов и средств эмотивности, создающих общий эмоциональный настрой текста и продуцирующий его функциональную динамику [Трубкина, 2026, с. 207]. «Как неотъемлемый компонент эмотивных средств» эмотивный код играет ведущую роль в создании единства прагматического и информативно-смыслового уровней художественного текста [Трубкина, 2022, с. 104, 106].

Цель исследования – выявление лексических и синтаксических средств, сопряженных с эмоциональным состоянием СЧАСТЬЯ и НЕСЧАСТЬЯ персонажей готического романа знаменитого немецкого писателя Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны», и определение их роли в смысловой доминанте художественного текста.

Материалы и методы исследования

В качестве материала исследования использован роман Е.Т.А. Hoffmann "Die Elexiere des Teufels" [Hoffmann, 1815/16], впервые изданный в Берлине в 1815–1816 годах, общим объемом 324 страницы.

Для решения поставленных задач применялись: концептуальный анализ, нацеленный на выявление репрезентантов эмоциональных концептов GLÜCK и UNGLÜCK и актуализируемых ими смысловых нюансов; количественный анализ, позволяющий продемонстрировать частотность лексем и их долю в объективации анализируемых эмоциональных состояний; контекстуальный анализ, призванный выявить роль языковых средств в реализации авторского замысла и проиллюстрировать прагматический потенциал эмотивов в смысловой архитектонике текста.

Результаты и их обсуждение

Счастье в романе не просто сменяется несчастьем – оно изначально содержит его в себе как собственную скрытую истину.

Анализ словарных дефиниций лексемы Glück на основе немецкоязычных словарей выявляет ее трехчастную семантическую структуру: 1) счастье-удача как результат стечения благоприятных обстоятельств, благоприятный случай; 2) персонифицированное счастье, Фортуна; 3) состояние внутренней удовлетворенности и душевного подъема. Этимологически слово восходит к средневерхненемецкому g(e)lücke (ок. 1160 г.), первоначально означавшему «судьба, участь, исход события (как в благоприятную, так и в дурную сторону)». Эта исходная амбивалентность сохраняется в семантике лексемы и актуализируется в романе.

Количественный анализ показывает, что общее число вхождений лексем, вербализующих концепт GLÜCK, составляет 166 единиц. В общее число включены лексические единицы и их производные, независимо от частеречной принадлежности (существительные, прилагательные, наречия, глаголы), основа которых эксплицитно объективирует эмоциональное состояние счастья. Распределение по лексемам: *Glück* – 49,

Begeisterung – 31, *Fröhlich/Froh* – 29, *Entzücken* – 18, *Freude* – 14, *Seligkeit* – 13, *Vergnügen* – 6, *Friede* – 3, а также единичные *Spaß*, *Behagen*, *Belustigung*. Базовая лексема *Glück* составляет 29,5% от общего числа, что делает ее доминирующей в репрезентации эмоционального состояния счастья. Это свидетельствует о многообразии способов актуализации концепта, а также его тяготении к экстатическим («взрывным») формам (*Begeisterung*, *Entzücken*, *Seligkeit*), тогда как относительно немаркированная радость *Freude* встречается редко.

Синонимический ряд организуется в несколько концентрических кругов. Ядро составляет *Glück* в трех указанных значениях. К ядру примыкают лексемы эмоционального подъема (*Freude*, *Fröhlichkeit*, *Frohsinn*). Второй круг образуют интенсивные, экстатические формы (*Entzücken*, *Begeisterung*, *Wonne*, *Seligkeit*, *Verzückung*), граничащие с потерей самоконтроля и сближающиеся с «взрывными» отрицательными эмоциями типа *Grauen* и *Lust*. Третий круг – гедонистические лексемы (*Vergnügen*, *Genuß*, *Lust* в значении удовольствия, *Behagen*, *Spaß*). Четвертый – лексемы покоя и умиротворения (*Friede*, *Ruhe*).

Ключевой особенностью концепта *GLÜCK* является совмещение в базовой лексеме смыслов счастья-состояния и счастья-события (удачного случая). Именно этот второй компонент делает *Glück* исключительно значимым для романа, связывая эмоциональную сферу с темой рока и иррационального вмешательства тёмных сил. В словарных дефинициях зафиксировано значение «персонифицированное счастье, Фортуна», и в романе эта мифологическая фигура обретает воплощение в образе «неведомой силы» (*unbekannte Macht*), управляющей судьбой героя, или же прямо отождествляется с самим дьяволом.

Показателен эпизод карточной игры, где Медард выигрывает огромную сумму:

Es waren an zweitausend Louisdors, die mir das Glück durch die Dame zugeteilt, und unerachtet ich nun aller Verlegenheit enthoben, so konnte ich mich doch eines innern unheimlichen Gefühls nicht erwehren [Hoffmann, 1815–1816, S. 141].

Счастье-событие здесь вызывает не радость, а «внутреннее жуткое чувство». Сам Медард осознает источник этого везения как внешний и чуждый: *...ich von einer unbekannten Macht ergriffen wurde, die das Glück des Spiels, den losen Geldgewinn mir zuwarf, als entsprosse es aus meinem eignen Innern* [Hoffmann, 1815–1816, S. 142].

Счастливый выстрел, удача в игре – все это дары, приходящие извне и вызывающие ужас: *...selbst mein glücklicher Schuß in jener aufgeregten, entsetzlichen Stimmung, den doch nur der Zufall herbeigeführt, erfüllte mich mit Grauen* [Hoffmann, 1815–1816, S. 127].

Финальную формулу этого понимания счастья дает автор: *Aber unsicher und eitel ist das Glück des mit Gott nicht versöhnten Sünders* [Hoffmann, 1815–1816, S. 270]. Счастье грешника ненадежно и суетно, оно неизбежно оборачивается как *Unglück*.

Другие частотные вербализаторы наряду с базовой лексемой – *Begeisterung*, *Entzücken*, *Seligkeit* – находятся в зоне семантического пересечения с другими ключевыми концептами романа. *Begeisterung* и *Entzücken* сближаются с *Lust* и *Grauen* через идею аффективного взрыва, потери самоконтроля; *Seligkeit* прямо отсылает к религиозной сфере.

Лексема *Begeisterung* последовательно описывает состояние Медарда во время проповедей, причем подчеркивается неконтролируемость этого процесса:

Bald aber war es, als strahle der glühende Funke himmlischer Begeisterung durch mein Inneres – ich dachte nicht mehr an die Handschrift, sondern überließ mich ganz den Eingebungen des Moments [Hoffmann, 1815–1816, S. 31].

Физиологические описания, сопровождающие *Begeisterung*, практически идентичны тем, что маркируют греховное вожделение *Lust*:

Ich fühlte, wie das Blut in allen Pulsen glühte und sprühte – ich hörte meine Stimme durch das Gewölbe donnern – ich sah mein erhobenes Haupt, meine ausgebreiteten Arme wie von Strahlenglanz der Begeisterung umflossen [Hoffmann, 1815–1816, S. 31].

«Кипение крови» (*das Blut glühte und sprühte*) – тот же телесный симптом, что и при действии эликсира, провоцирующего *Lust*. Религиозный экстаз и плотское возбуждение описываются почти идентичным языком.

Эта двусмысленность обнажается аббатисой, подвергающей сомнению природу воодушевления Медарда:

Deine Begeisterung war nicht diejenige, welche den Frommen auf Seraphsfittichen emporträgt, daß er in heiliger Verzückung das himmlische Reich zu schauen vermag [Hoffmann, 1815–1816, S. 41].

Воодушевление *Begeisterung* делится на подлинное (ведущее к Богу) и ложное (ведущее к дьяволу), и Медард оказывается носителем ложной, поддельной воодушевленности. Эта тема находит выражение в характеристике художника Франческо: *Francesco malte in unheiliger Begeisterung viele Bilder aus der lügenhaften Fabelwelt* [Hoffmann, 1815–1816, S. 255]. Оксюморон *unheilige Begeisterung* (нечестивое воодушевление) – счастье-воодушевление, оторванное от единственно истинного сакрального источника, становится инструментом греха и заблуждения.

Сходно функционирует лексема *Entzücken*. В сцене первой встречи с Аврелией:

Wie schön sie war! Wie fühlte ich mich bei ihrem Anblick von unnennbarem Entzücken, von süßer Wollust durchschauert! [Hoffmann, 1815–1816, S. 170].

Entzücken и *Wollust* стоят в одном ряду, описываясь как единое переживание. Возвышенный восторг перед красотой неотделим от греховного трепета.

Seligkeit также подвергается инверсии:

...vergehen vor Wonne und Qual, eine Minute dieser Seligkeit für ewige Marter der Hölle! [Hoffmann, 1815–1816, S. 43].

Seligkeit из ощущения предчувствия вечного блаженства превращается в сиюминутный экстаз обладания, предмет торга с дьяволом.

Периферийные лексемы *Vergnügen, Freude, Spaß, Behagen* вербализуют бытовое, «сниженное» измерение счастья – удовольствие от простых вещей. Эти контексты создают контрастный фон для основных событий и размышлений автора.

Ich erzählte von dem possierlichen Belcampo... und wußte zu ihrer Freude seine phantastische Hasenfüßigkeit recht ins grelle Licht zu stellen, so daß ein recht gemütlicher dicker Kaufmann... mit vor Lachen tränenden Augen versicherte, das sei seit langer Zeit der vergnügteste Abend, den er erlebe» [Hoffmann, 1815–1816, S. 103].

Однако эта включенность Медарда в мирское веселье – уже признак его падения, отступничества от монашеского идеала. Еще более двусмысленна радость Белькампо, получившего от Медарда деньги: *ich drückte dem Kleinen mehrere Dukaten in die Hand, er sprang hoch auf vor Freude und rief laut: "Heisa, nun habe ich ehrenwertes Geld, lauter flimmerndes Gold, mit Herzblut getränkt"* [Hoffmann, 1815/16, S. 107]. Бурная радость при виде «пропитанных кровью» денег создает зловещее ощущение.

Кульминацией инверсии становится трансформация смеха, естественного выражения радости, в признак ужаса. Смех злого двойника преследует Медарда: *mit tiefem Entsetzen hörte ich bald jenes grauenvolle Kichern und Lachen meines gespenstischen Doppeltgängers* [Hoffmann, 1815–1816, S. 288].

Также примечателен образ «*Spaß der Hölle*» (адская забава): *Ein bodenloser Becher ist sein Leibharnisch – ein umgestülpter Trichter sein Helm! – Der Spaß der Hölle ist emporgestiegen* [Hoffmann, 1815–1816, S. 247].

То, что кажется счастьем, весельем, на деле есть проявление inferнальных сил.

Концепт НЕСЧАСТЬЕ вербализован в романе 151 лексемой (с учетом единицы *Schmerz*). Без учета соответствующей языковой единицы *Schmerz*, имеющей особый статус, распределение по количественному признаку выглядит следующим образом: *Unglück* – 36 (34,6%), *Elend* – 24 (23,1%), *Jammer* – 16 (15,4%), *Gram* – 15 (14,4%), *Leid* – 8 (7,7%), *Trauer* – 5 (4,8%).

Принципиально важна морфологическая характеристика базовой лексемы: из 36 вхождений 34 приходятся на прилагательное *unglücklich*. Несчастье в романе мыслится не столько как событие или абстрактное состояние, сколько как сущностная характеристика

объекта, прежде всего личности, то есть художника и его потомков. *Unglücklich* – это роковая печать, лежащая на человеке.

Словарные дефиниции фиксируют два основных значения лексемы: 1) внезапно обрушивающаяся судьба, роковое событие; 2) состояние страдания, бедствие, невезение. Этимологически *Unglück* образовано от *Glück* с помощью отрицательной приставки *un-*, восходя к тому же понятию судьбы, но с отрицательным знаком.

Ключевая категория употребления *unglücklich* – характеристика персонажей, несущих на себе печать проклятия. Многократно повторяющееся *unglücklicher Medardus* становится лейтмотивом: *daß der alte Förster den Mönch eben für den unglücklichen Medardus, für mich selbst, hielt* [Hoffmann, 1815–1816, S. 128]; *Heilige Mutter Gottes! Medardus, unglückseliger Medardus!* [Hoffmann, 1815–1816, S. 200].

Та же характеристика применяется к другим персонажам: *meines unglücklichen Bruders, meines Vaters, den der Gram tötete*, «*den unglücklichen Cyrill, der unglückliche Hermogen, der unglückliche Graf, den unglücklichen Gemahl*. Несчастье выступает как черта, передающаяся по наследству.

Лексемы *Elend*, *Gram*, *Leid* вербализуют несчастье как процесс, длящееся состояние, истощающее человека.

Elend включает как внешние проявления (нищета, унижение), так и внутреннее состояние пустоты:

Er floh... von dannen und lebte, da er nicht mehr zu malen vermochte, im tiefen, jammervollen Elend [Hoffmann, 1815–1816, S. 262].

...daß ich selbst herabgesunken zum elenden Spielwerk der bösen geheimnisvollen Macht [Hoffmann, 1815–1816, S. 125].

Gram – более «тихая», внутренняя форма страдания, грызущая тоска:

...als zehre ein geheimer Gram an seiner Lebensblüte [Hoffmann, 1815–1816, S. 159].

Nicht das Alter, sondern der Gram hatte die tiefen Furchen auf seiner breiten, offenen Stirn gezogen [Hoffmann, 1815–1816, S. 63].

Jammer вербализует внешнее выражение несчастья – вопль, стенание, прорывающееся наружу:

...ich heulte auf im trostlosen Jammer [Hoffmann, 1815–1816, S. 245].

...ein tausendstimmiger trostloser Jammer stieg in die Lüft [Hoffmann, 1815–1816, S. 287].

Trauer, напротив, представляет ритуализированную, социально приемлемую форму скорби: *Der Hof war in die tiefste Trauer versenkt*. Социальная печаль выступает как эмоциональный антураж, на фоне которого разворачиваются индивидуальные трагедии.

Оппозиция GLÜCK / UNGLÜCK реализует в романе логику одной из центральных тем – сделки с дьяволом, получения счастья немедленно на короткий срок с неизбежным несчастьем, наступающим после. Дар, приходящий извне, от «неведомой силы», всегда обладает двусмысленностью и намекает на грядущую расплату: счастливый выстрел, выигрыш в карты, сильная любовь – все это призрачные проявления *Glück*, за которыми скрыты формы *Unglück*.

Показателен эпизод, где удача в игре неразрывно связана с болезненным воспоминанием: *indem die gleichgültige Karte... in mir eine schmerzhaft, herzerreißende Erinnerung weckte, ich von einer unbekannten Macht ergriffen wurde, die das Glück des Spiels... mir zuwarf* [Hoffmann, 1815–1816, S. 142].

Счастье и боль оказываются двумя сторонами вторжения тёмных сил в жизнь человека. Эта диалектика закономерно подчеркивается в финале романа, суммирующем весь эмоциональный опыт героя: *Schmerz und Wonne, Grauen und Lust – Entsetzen und Entzücken stürmten in meinem Innern, als ich mein Leben schrieb* [Hoffmann, 1815–1816, S. 319].

В этом ряду *Entzücken* (восторг) стоит рядом с *Entsetzen* (ужас), *Lust* – рядом с *Grauen*, *Wonne* – рядом с *Schmerz*. Противоположности не просто сосуществуют, они порождают друг друга или даже являются формами друг друга.

Особого внимания заслуживает лексема *Schmerz* (47 вхождений), которая, не входя непосредственно в синонимический ряд UNGLÜCK, пронизывает все эмоциональные концепты романа как универсальный модус телесного переживания. *Schmerz* может быть «*wonnevoll*» (блаженная боль), может сопровождать любовь, религиозный экстаз, ужас – она выступает как общая основа, на которой разворачиваются эмоциональные инверсии.

Самостоятельным и значимым уровнем вербализации эмоциональных состояний в романе выступает синтаксический. Как отмечают Н.М. Кацитадзе и Н.В. Христианова, экспликация эмоций в художественном тексте может осуществляться целым спектром разноуровневых языковых средств, включая лексические, фразеологические и синтаксические, причем последние играют особую роль в передаче интенсивности, динамики и характера эмоционального переживания [Кацитадзе, Христианова, 2024, с. 96]. Своеобразными маркерами эмоциональных состояний героев нередко становятся также окружающая обстановка, погодные условия, природа, способствующие наиболее реалистичному отражению их душевных переживаний.

Анализ синтаксической организации фрагментов, вербализующих концепты GLÜCK и UNGLÜCK в романе Гофмана, позволяет выделить несколько характерных моделей.

Во-первых, экстатические формы счастья – *Begeisterung, Entzücken, Seligkeit* – последовательно оформляются с развернутым использованием градации, многосоюзия и обособленных причастных оборотов. Такая структура имитирует захлебывающуюся, неконтролируемую речь, передавая состояние потери самоконтроля:

Ich fühlte, wie das Blut in allen Pulsen glühte und sprühte – ich hörte meine Stimme durch das Gewölbe donnern – ich sah mein erhobenes Haupt, meine ausgebreiteten Arme wie von Strahlenglanz der Begeisterung umflossen [Hoffmann, 1815–1816, S. 31].

Трехчастная бессоюзная конструкция с повтором *ich fühlte – ich hörte – ich sah* создает эффект нарастания, а пассивная конструкция *wie von Strahlenglanz umflossen* передает состояние захваченности внешней силой. Синтаксис здесь воспроизводит природу *Begeisterung* как состояния одержимости, при котором субъект утрачивает контроль и становится объектом воздействия.

Сходная модель присутствует в финальной фразе романа: *Schmerz und Wonne, Grauen und Lust – Entsetzen und Entzücken stürmten in meinem Innern, als ich mein Leben schrieb* [Hoffmann, 1815–1816, S. 319].

Парные конструкции с союзом *und* внутри каждой пары и тире между ними создают эффект сходства и противоположности. Синтаксический параллелизм пар *Schmerz und Wonne, Grauen und Lust, Entsetzen und Entzücken* иллюстрирует неразрывную связь и одновременно борьбу противоположных эмоций в душе героя.

Во-вторых, противоположная модель – короткие, часто неполные или односоставные предложения – маркирует пиковые состояния взрывных негативных эмоций. В сцене отчаяния Медарда в церкви:

Meine Brust – Adern und Fibern zerrissen im wilden Schmerz der grausamsten Folter! – Kein lindernder Tod! – Ich warf mich nieder – ich zerriß in rasender Verzweiflung mein Gewand – ich heulte auf im trostlosen Jammer, daß es weit in der Kirche nachhallte: "Ich bin verflucht, ich bin verflucht!" [Hoffmann, 1815–1816, S. 245].

По сути, подобные оценочные высказывания тесно коррелируют с духовным миром субъекта оценки и отражают его представление об этических нормах как представителе определенной духовной культуры [Васильева, Воронина, 2015, с. 30].

Номинативные восклицания (*Kein lindernder Tod!*), парцелляция, обилие тире, разрывающих текст на фрагменты, передают распад связной речи и сознания. Короткие глагольные предложения с повторяющимся субъектом *ich* (*warf – zerriß – heulte*) создают эффект судорожных, механических действий.

В следующем примере после разорванного, фрагментированного синтаксиса внезапно возникает одно длинное распространенное предложение, создающее эффект замедленного, детализированного восприятия, вызванного приступом ужаса: *...da erhob*

sich plötzlich ein nackter Mensch bis an die Hüften aus der Tiefe empor und starrte mich gespenstisch an mit des Wahnsinns grinsendem, entsetzlichem Gelächter» [Hoffmann, 1815–1816, S. 190].

В-третьих, особого внимания заслуживает синтаксическое оформление лексемы Glück в значении «удача, везение». Здесь доминирует сложноподчиненная структура с придаточными причинности.

Es lag für mich etwas Entsetzliches darin, daß, indem die gleichgültige Karte, die ich blindlings zog, in mir eine schmerzhaft, herzerreißende Erinnerung weckte, ich von einer unbekannten Macht ergriffen wurde, die das Glück des Spiels, den losen Geldgewinn mir zuwarf, als entsprosse es aus meinem eignen Innern [Hoffmann, 1815–1816, S. 142].

Многоступенчатая подчиненная конструкция (*daß – indem – die – als*) создает синтаксический аналог запутанности судьбы, о которой говорит герой. Придаточное сравнение с Konjunktiv II *als entsprosse es* вводит мотив иллюзорности, мнимости происходящего: удача лишь кажется собственной, но на деле исходит от дьявола.

В-четвертых, следуя наблюдению о том, что маркерами эмоций героев становятся окружающая обстановка и природа, отметим специфическое преломление этого принципа в готическом романе Гофмана. Природа здесь выступает не столько зеркалом душевных переживаний персонажа, сколько их источником, провоцирующим героя.

Показателен эпизод в лесу, где Медард, освободившись от монашеской одежды, переживает состояние, близкое к счастью-освобождению:

Die Kutte hatte ich in einen hohlen Baum verborgen und mit ihr all die feindseligen Erscheinungen auf dem Schlosse in dem finstern Wald gebannt; denn ich fühlte mich froh und mutig, und es war mir, als habe nur meine überreizte Phantasie mir Viktorins blutige, gräßliche Gestalt gezeigt [Hoffmann, 1815–1816, S. 85].

Конструкция с Konjunktiv II (*als habe*) указывает на иллюзорность чувства освобождения: герой «прячет» прошлое в лесу, но лес в готической традиции – место обитания демонических сил, и это избавление мнимое. Природа здесь – соучастник происходящего с Медардом.

Еще более явно эта функция природы проявляется в описании пробуждения после болезни: *Die Vögel erwachten und flatterten, singend und jubelnd und sich in froher Lust liebkosend, durch den Wald! [Hoffmann, 1815–1816, S. 47].*

Мы видим картину ликующей природы, однако эпитет «frohe Lust» вновь намеренно двусмыслен: радость природы и Lust как вожделение.

Синтаксический уровень организации текста в романе «Эликсиры сатаны» выступает полноправным средством вербализации эмоциональных концептов GLÜCK и UNGLÜCK. Экстатические состояния оформляются развернуто с градацией и многосоюзием; страдание и ужас – короткими, парцелированными конструкциями, передающими распад речи и сознания; счастье как событие, удача, судьба – многоступенчатым подчинением, моделирующим запутанность судьбы и влияние темных сил; а природа функционирует не как пассивное зеркало эмоций, а как часть дьявольского плана, вызывающая и поддерживающая эмоции, возникающие в главном герое, постоянно изменяясь.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что оппозиция GLÜCK/UNGLÜCK занимает отдельное место в эмоциональной системе романа «Эликсиры сатаны». Если концепты СТРАХ и ЛЮБОВЬ построены на внутренней дуальности (*Angst/Grauen, Liebe/Lust*), то СЧАСТЬЕ и НЕСЧАСТЬЕ выступают как два целостных, диалектически связанных концепта: *Unglück* оказывается не антонимом *Glück*, а его зеркальным проявлением, «двойником».

Трехчастная семантическая структура базовой лексемы Glück (счастье-событие, персонифицированное счастье, счастье-состояние) делает ее идеальным инструментом для реализации темы сделки с дьяволом. Счастье, понимаемое как удача, всегда приходит к

герою извне, от «неведомой силы», и это предопределяет двусмысленность: дар неизбежно оборачивается проклятием. На языковом уровне эта логика реализуется через семантическую инверсию: религиозный экстаз описывается в терминах плотского возбуждения, смех превращается в знак ужаса, восторг соседствует со страхом, а искреннее счастье грешника характеризуется как «суетное». Лексема *unglücklich*, употребляемая преимущественно как прилагательное, маркирует не временное состояние, а экзистенциальную отмеченность персонажа, его включенность в цепь родового проклятия. Существенный вклад в вербализацию оппозиции вносит и синтаксический уровень.

Таким образом, оппозиция *GLÜCK/UNGLÜCK* наряду с оппозициями *ANGST/GRAUEN* и *LIEBE/LUST* является фундаментальным лингвопоэтическим элементом романа, углубляющим центральную тему – представление вечного противостояния Добра и Зла как противостояния положительных и отрицательных эмоций человека.

Список литературы

- Васильева Н.В., Воронина Л.В. 2015. Оценочный потенциал производных имен с усилительным компонентом. *Вестник Челябинского государственного университета*, 20(375): Филология. Искусствоведение, 97: 29–35.
- Воронина Л.В. 2025. Роль социокультурного контекста в процессах восприятия мотивированных слов немецкого языка. *Когнитивные исследования языка*, 1-1(62): 179–183.
- Воронина Л.В. 2022. Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных и композиционных процессов. Дис. ... докт. филол. наук. Белгород, 369 с.
- Делль О.А. 2025. Механизмы эмоционального заражения и триггерного воздействия в медиа-дискурсе бренда «Вкусно – и точка» (ВКонтакте). *Глобальный научный потенциал*, 12-1(177): 349–352.
- Ионова С.В. 2023. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 22(1): 13–27. DOI: [10.15688/jvolsu2.2023.1.2](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.2)
- Кацитадзе И.М., Христианова Н.В. 2024. Особенности языковой репрезентации эмоционального состояния страха в рассказе W. Schnurre “Auf der Flucht”. *Балтийский гуманитарный журнал*, 13(1(46)): 95–98.
- Лучинская Е.Н., Уафа Л.Э. 2022. Семиотико-функциональные характеристики эмотивной лексики в политическом дискурсе. *Гуманитарные исследования*, 3(83): 44–48.
- Маджаева С.И. 2022. Эмотивный потенциал медицинского термина в современных дискурсах. *Гуманитарные исследования*, 2(82): 94–99.
- Трубкина А.И. 2022. Эмотивный код художественного текста: лингвопрагматический аспект. *Гуманитарные и социальные науки*, 94(5): 104–110. DOI: [10.18522/2070-1403-2022-94-5-104-110](https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-94-5-104-110)
- Трубкина А.И. 2026. Культурогенность эмотивного кода в рассказе А.П. Чехова «Студент»: дискурсивные стратегии. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 32(1): 202–208. DOI: [0.18287/2542-0445-2026-32-1-202-208](https://doi.org/10.18287/2542-0445-2026-32-1-202-208)
- Шаховский В.И. 1987. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, Издательство Воронежского университета, 190 с.
- Шаховский В.И. 2017. Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике. Волгоград, Изд-во ВГСПУ «Перемена». 358 с.
- Hoffmann E.T.A. 1815/16. Die Elixiere des Teufels. 324 s.

References

- Voronina L.V., Vasilyeva N.V. 2015. Estimation Potential Of Derivative Names With An Amplifying Component. *Bulletin of Chelyabinsk State University.*, 20(375). *Philology. Arts*, 97: 29–35 (in Russian).
- Voronina L.V. 2025. Rol' sotsiokul'turnogo konteksta v protsessakh vospriyatiya motivirovannykh slov nemetskogo yazyka [The role of the sociocultural context in the perception of motivated words in the German language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 1-1(62): 179–183.

- Voronina L.V. 2022. Substantivnoe slovoobrazovanie sovremennogo nemetskogo yazyka: kognitivno-diskursivnoe predstavlenie derivatsionnykh i kompozitsionnykh protsessov [Substantive Word-Formation in Modern German: A Cognitive-Discursive Representation of Derivational and Compositional Processes]. Dis. ... doct. Philol. Sciences. Belgorod, 369 p.
- Dell' O. A. 2025. Mekhanizmy emotsional'nogo zarazheniya i triggerovogo vozdeystviya v media-diskurse brenda «Vkusno – i tochka» (VKontakte) [Mechanisms of emotional contagion and trigger influence in the media discourse of the brand "Vkusno – i tochka" (VKontakte)]. *Global'nyy nauchnyy potentsial*, 12-1(177): 349–352.
- Ionova S.V. 2023. Emotional Dominant of the Text: Some Linguistic Aspects of Research. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(1): 13–27 (in Russian). DOI: [10.15688/jvolsu2.2023.1.2](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.2)
- Katsitadze I.M., Khristianova N.V. 2024. Features of Language Representation of the Emotional State of Fear in W. Schnurre's Story "Auf Der Flucht". *Baltic Humanitarian Journal*, 13(1(46)): 95–98 (in Russian).
- Luchinskaya E.N., Ufa L.E. 2022. Semiotiko-funktsional'nye kharakteristiki emotivnoy leksiki v politicheskom diskurse [Semiotic and functional characteristics of emotive lexis in political discourse]. *Gumanitarnye issledovaniya*, 3(83): 44–48.
- Madzhaeva S.I. 2022. Emotivnyy potentsial meditsinskogo termina v sovremennykh diskursakh [The emotive potential of a medical term in modern discourses]. *Gumanitarnye issledovaniya*, 2(82): 94–99.
- Trubkina A.I. 2022. Emotional code of literary text: linguistic and pragmatic aspect. *The Humanities and Social Sciences*, 94(5)104–110 (in Russian). DOI: [10.18522/2070-1403-2022-94-5-104-110](https://doi.org/10.18522/2070-1403-2022-94-5-104-110)
- Trubkina A.I. 2026. Cultural relevance of the emotive code in A.P. Chekhov's story «The Student»: discursive strategies. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 32(1): 202–208 (in Russian). DOI: [10.18287/2542-0445-2026-32-1-202-208](https://doi.org/10.18287/2542-0445-2026-32-1-202-208)
- Shakhovskii V.I. 1987. Kategorizatsiya ehmtsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka [Categorization of Emotions in the Lexico-Semantic System of Language]. Voronezh, Publ. Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 190 p.
- Shakhovskiy V.I. 2017. Triada ekologiy – chelovek, yazyk, emotsii – v sovremennoy kommunikativnoy praktike: monografiya [The triad of ecologies – human, language, emotions – in modern communicative practice: a monograph]. Volgograd, Izd-vo VGSPU «Peremena». 358 p. (In Russ.).
- Hoffmann E.T.A. 1815/16. Die Elixire des Teufels [The Devil's Elixirs]. 324 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.09.2026

Поступила после рецензирования 15.08.2026

Принята к публикации 10.09.2026

Received September 10, 2026

Revised August 15, 2026

Accepted September 10, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронина Лариса Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого и французского языков, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Прилуцкий Игнат Геннадьевич, ассистент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa V. Voronina, Doctor of Philology, Professor of the Department of German and French Languages, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Ignat G. Prilutsky, Assistant of the Department of Romano-Germanic Philology and Intercultural Communication, Postgraduate Student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 811.111

DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-547-552

EDN AKYSPD

Anthroponymic Identity of the Characters in Tennessee Williams's Play "A Streetcar Named Desire"

Sergey I. Garagulya, Margarita Yu. Nikitina, Dmitriy V. Shustov, Irina B. Svezhentseva

Shukhov Belgorod State Technological University

46 Kostyukov St., Belgorod 308012, Russia

garagulya@mail.ru

Abstract. The article discusses a literary character as a model of a linguistic personality in terms of his/her anthroponymic identity. The research has revealed that the anthroponymic identity of the literary character specified by the author is the whole system of his/her nominations being the source of information about a certain pragmatic situation in the character's life, perception of his/her name(s) by the other characters and their attitude to him/her. The anthroponymic identity is not stable and changes as the plot of the literary work goes, showing the character in the process of evolution and reflecting his/her inner transformations. It is one of the means of realization of the author's message and it also helps reveal the main theme of the literary work.

Keywords: literary work, identification, socialization, nomination, ethnonym, title, surname, forename

For citation: Garagulya S.I., Nikitina M.Yu., Shustov D.V., Svezhentseva I.B. 2026. Anthroponymic Identity of the Characters in Tennessee Williams's Play "A Streetcar Named Desire". *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 547–552. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-547-552 EDN AKYSPD

Антропонимическая идентичность персонажей в пьесе Теннесси Уильямса «Трамвай "Желание"»

Гарагуля С.И., Никитина М.Ю., Шустов Д.В., Свеженцева И.Б.

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова

Россия, 308012, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46

garagulya@mail.ru

Аннотация. Проведенное исследование позволило установить, что антропонимическая идентичность персонажа определяется писателем и включает в себя совокупность его номинаций, содержащих сведения о прагматической ситуации, в которой оказывается персонаж, о том, как другие герои воспринимают его имя и относятся к нему. Антропонимическая идентичность подвижна и трансформируется на разных уровнях повествования, демонстрируя персонажа в динамике становления и развития, отражая изменения его личности и характера. Она является важным средством воплощения авторского замысла, способствует раскрытию и пониманию главной темы произведения.

Ключевые слова: литературное произведение, идентификация, социализация, номинация, этноним, титул, фамилия, личное имя

Для цитирования: Garagulya S.I., Nikitina M.Yu., Shustov D.V., Svezhentseva I.B. 2026. Anthroponymic Identity of the Characters in Tennessee Williams's Play "A Streetcar Named Desire". *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 547–552. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-547-552 EDN AKYSPD

Introduction

Literary characters' names and their application are studied as a branch of onomastics called literary anthroponymics. Numerous research works on literary anthroponyms underscore their emotional and stylistic potential, significance in realization of an author's message and expression of a character's distinctive traits. The "decipherment" of associations and information contained in literary characters' names is very important for identifying and understanding the main ideas of a literary work, its symbolism and various implications.

Within the scope of this research, primary importance is assigned to the study of all the variants (forms) of literary characters' names in different instances of communication in view of the following facts:

- commentary and perception of a particular character's name by the other characters, its influence on them and effect on the reader, taking into consideration psychological, ethnic, cognitive, geographical and historical aspects of the name use at most;
- enrichment of the name with new content as the plot goes on;
- thoughts or images suggested by the name;
- the characters' association with their names in the light of the past, present and future;
- manifestation of the characters' life stories in their names;
- the senses carried out in the character's name, specifying the type of the character's speech behaviour and conditioning his/her social roles expressed in words.

All these pragmatic parameters are the anthroponymic identity of the literary character and they determine the name as a packed linguocultural text. Thus, the main goal of the study is to analyse the anthroponymic identity of the literary character.

Objects and Methods

The object of this study is the characters' names in the play "A Streetcar Named Desire" (1947) by the US writer Tennessee Williams (1911–1983). The play brought the author worldwide fame and, in many critics' opinion, is considered to be one of his best literary works. The research methods employed embrace the descriptive, comparative, etymological, structural, linguopragmatic, linguocultural, ethnolinguistic, psycholinguistic and stylistic types.

Results and Discussion

The central character is Blanche DuBois who visits her sister Stella and Stella's husband Stanley Kowalski. The action of the play unfolds in their house in the suburbs of New Orleans where a streetcar having a symbolic name Desire brings Blanche DuBois to. The central conflict of the drama is between the Southern aristocratic Blanche DuBois and her antipode – rude, aggressive and self-confident Stanley Kowalski.

When meeting Mitch, Stanley's friend, she explains the meaning of her French name Blanche DuBois – "white woods":

"Blanche: It's a French name. It means *woods* and Blanche means *white*, so the two together mean *white woods*. Like an orchard in spring! You can remember it by that" [Williams, 1974, p. 54].

The main attribute associated with her forename Blanche (derived from the French *blanche* meaning "white", feminine of *blanc*) is the white colour: the forename alludes to its symbolic meaning of lost innocence, moral purity, hopes and sentimental memory of the past behind which Blanche DuBois tries to conceal herself and her past, i.e. her unhappy, miserable and broken life. The adjective "white" and other words having this sense become the key words in the contexts describing her.

The author describes Blanche's appearance in the Kowalskis' house in the following way: "She is daintily dressed in a *white* suit with a fluffy bodice, necklace and earrings of *pearl*, *white* gloves and hat ... There is something about her uncertain manner, as well as her *white* clothes, that suggests a moth" [Williams, 1974, p. 15].

Rummaging through Blanche's wardrobe trunk, Stanley says to his wife: "Where are your *white* fox-pieces? ... *Pearls!* Ropes of them! What is this sister of yours, a deep-sea diver?" [Williams, 1974, p. 35].

"Stanley: But Sister Blanche is no *lily!* Ha-ha! Some *lily* she is!" [Williams, 1974, p. 98].

Stanley's mockingly scornful attitude to Blanche and his undisguised aversion to her are expressed by the corresponding name/appellative forms he uses to address her:

a) Sister Blanche:

"Stanley: Sister Blanche cannot be annoyed with business details right now!" [Williams, 1974, p. 34]

b) Her Majesty:

"Stanley: And serve 'em to Her Majesty in the tub?" [Williams, 1974, p. 97]

c) the Queen of the Nile (meaning the Egyptian Queen Cleopatra):

"Stanley: ... you are the Queen of the Nile! Sitting on the throne and swilling down my liquor!" [Williams, 1974, p. 127]

d) that girl:

Stanley: That girl calls *me* common!" [Williams, 1974, p. 98]

Stanley finds out from the supply-man at the plant that Blanche's past is not irreproachable: she had promiscuous relationships with men at the Flamingo hotel in the town of Laurel and went by the name Dame Blanche:

"Stanley: ... But even the management of the Flamingo was impressed by Dame Blanche! In fact they were so impressed by Dame Blanche that they requested her to turn in her room-key – for permanently!" [Williams, 1974, p. 99].

In this context, the title Dame which is the title of a woman awarded an order of knighthood acquires a negative connotation and is used as a slang meaning "a broad". Thus, the title Dame followed by the name indicates the social rank of its bearer and determines the character's behaviour.

Mitch takes a fancy to the Kowalskis' refined relative and at the beginning he addresses her formally using her title and surname – Miss DuBois indicating the distancing in the characters' relationships.

The closeness in the characters' relationships is manifested when Mitch begins to address Blanche DuBois using her forename.

Thus, Blanche DuBois' anthroponymic identity is represented by the author in the following way: Blanche, Miss DuBois, Her Majesty, Dame Blanche, Sister Blanche, the Queen of the Nile, that girl.

Stanley Kowalski, a former master sergeant in the engineers' corps, working as a factory auto-parts salesman now, is the complete opposite of Blanche. The main law for Stanley Kowalski's life is based on strength, brutality and violence towards everybody or everything he does not accept.

The character's surname Kowalski (derived from the Polish *kowal*, meaning "blacksmith"; one of the most common surnames) clearly suggests his belonging to Polish ethnic culture and nationality.

Blanche contemptuously calls Stanley by the offensive ethnonymic form *Polack* which is considered to be an insulting word for a person from Poland, especially for someone in the US whose family originally came from Poland:

"Blanche: ... You healthy *Polack*, without a nerve in your body, of course you don't know what anxiety feels like!

Stanley: I am not a *Polack*. People from Poland are *Poles*, not *Polacks*" [Williams, 1974, p. 109].

Using the insulting form *Polack*, Blanche expresses not only her negative attitude to Stanley but she also clearly underscores her superiority over him by her French descent. In this case the functions of the name as a means of identification and socialization are distinctly implemented in the characters' nominations. Interestingly enough, Blanche herself draws her attention to the origin

of her beautiful name, explains its meaning and speaks proudly about her French ancestry; it is a sign of closeness/distancing in the relationships of the participants in communication. Stanley Kowalski tries to change the perception of self by the other characters, expressing indignation at addressing him by the ethnonym Polack. Therefore, French ancestry is a matter of pride and Polish ancestry is a matter of caution, negative attitude, and all these are manifested by the name. Thus, there is a certain ethnic and name gradation. It demonstrates that the characters as the bearers of such names are at different stages of socialization, and the character is reminded that his name does not fit in a general American cultural paradigm. These contexts show that the name plays an important part in the process of the characters' socialization.

The forename Stanley is derived from the surname which is of toponymous origin: Stanley < Old English *stān* stone + *lēah* wood or clearing. In the 19th century it became widespread in the USA and was a common name. The name appeared in about 1850, and it is still common and viable. In this case the ordinary Polish surname Kowalski is supported by the common American forename Stanley. These names match the character's image created by the playwright.

Stanley destructs Blanche completely: he breaks her marriage to Mitch, rapes her, and with his active assistance, she was taken to a mental hospital. Blanche's destruction reflects a symbolic hidden sense contained in the name Stanley: stone, meaning "gravestone or tombstone" + field. Thus, Stanley symbolizes "a grave", "a burial ground" for Blanche.

The name Stanley may be linked phonetically to the name Stanisław which, in its turn, refers to the Polish king who was the bearer of this name – Stanisław I Leszczyński (1677–1766). Referring to Huey Long (1893–1935), the American politician connected with fascism, Stanley Kowalski believes himself to be "a King":

"Stanley: ... Remember what Huey Long said – "Every Man is a King!" And I am the king around here, so don't forget it!" [Williams, 1974, p. 107].

Therefore, the name Stanley may also be regarded as an Americanized form of the Polish name Stanisław.

In communication Blanche and Stanley's wife Stella address him, using mainly the neutral form Stanley:

"Blanche: Hello, Stanley! Here I am, all freshly bathed and scented, and feeling like a brand new human being!" [Williams, 1974, p. 37]

Stella also uses a hypocoristic form Stan as a sign of closeness in relationships with her husband:

"Stella: Oh, Stan! ... I'm taking Blanche to Galatoire's for supper and then to a show, because it's your poker night" [Williams, 1974, p. 32].

The same form is used by Mitch as a sign of friendly relationships:

Mitch: You just blew your top, Stan" [Williams, 1974, p. 58].

Stella and Blanche express the distancing in relationships with Stanley in different ways. Stella expresses it by using the full anthroponymic formula Stanley Kowalski and Blanche does it using a combination of the title and the surname and also the offensive ethnonym Polack (see the examples above):

"Stella: Stanley Kowalski, did you – did you repeat what that – ? [Williams, 1974, p. 103].

Blanche: ... All right; now, Mr. Kowalski, let us proceed without any more double-talk. I'm ready to answer all questions [Williams, 1974, p. 40].

Thus, the system of Stanley Kowalski's nominations demonstrating different modality and the characters' emotions and, accordingly, his anthroponymic identity is represented as follows: Stanley Kowalski, Mr. Kowalski, Stanley, Stan, a Polack.

The name Stella (derived from the Latin *stella* "star") whose bearer is Blanche's sister is also symbolic in the context of the play in which its meaning is revealed. Stella acts as a sort of "star" for Blanche that brought her to the Kowalskis' house. Blanche regards it as a last asylum where she hopes to find peace and quiet after disappointments and failures happened in her life. It is no mere chance that Blanche calls her sister heartily Stella for Star when she arrives at her place:

“Blanche: Stella, oh, Stella, Stella! Stella for Star! Now, then, let me look at you ... I won't be looked at in this merciless glare! Come back here now! Oh, my baby! Stella! Stella for Star! ... [Williams, 1974, p. 18].

In Stanley's life in the squalid suburbs of New Orleans Stella is also “a star” in its way.

Unlike Blanche who does not accept Stanley Kowalski's world Stella adapts herself to him and surrenders to fate submissively. Stella is recruited morally by the Kowalskis' world. The playwright underscores this idea by convergence of the characters' names on the basis of their consonance: Stella – Stanley.

The following forms of the character's name are used in the play:

a) the formal use of the name including the title, the forename and her husband's surname, thereby underscoring Stella's marital status:

“Blanche [uncomprehendingly]: I'm looking for my sister, Stella DuBois. I mean – Mrs. Stanley Kowalski” [Williams, 1974, p. 15].

b) the use of the title Miss and the forename as a sign of distancing:

“Blanche: ...Death is expensive, Miss Stella! ... Why, the Grim Reaper had put up his tent on our doorsteps! [Williams, 1974, p. 26]

c) the use of the full form of the name Stella indicating neutral modality:

“Blanche: ... Stella, you have a maid, don't you?” [Williams, 1974, p. 22]

d) the forename backed by the accompanying appellative in postposition, suggesting its meaning:

“Blanche: ... Stella, Stella for star! How lovely to have a baby. Everything's all right” [Williams, 1974, p. 44].

e) the forename intensified by the accompanying words in postposition, such as baby, sweetheart and others which manifest an affectionate and tender attitude to the character:

“Stanley: “Hey, there! Stella, Baby!” [Williams, 1974, p. 13]

“... There he throws back his head like a baying hound and bellows his wife's name: “Stella! Stella, sweetheart! Stella!” [Williams, 1974, p. 59]

f) the use of the hypocoristic form Stell as a sign of closeness:

“Stanley: Stell, it's gonna be all right after she [Blanche] goes and after you've had the baby” [Williams, 1974, p. 109].

g) the referential use of the appellative word combination *little woman* instead of the given name as a sign of the affectionate attitude to Stella:

“Stanley: Where's the little woman?” [Williams, 1974, p. 29].

Thus, Stella Kowalski's anthroponymic identity is represented in the following way: Miss Stella, Mrs. Stanley Kowalski, Stella, Stell, Baby/Stella, Stella for Star, sweetheart, the little woman.

Conclusion

As a final summary, it should be pointed out that the anthroponymic identity of the literary character as a model of a linguistic personality is the whole system of his/her nominations being the source of information about a certain pragmatic situation in the character's life, perception of his/her name(s) by the other characters and their attitude to him/her. It is specified and formed by the author in such a way that it can be one of the means of manifestation of an artistic-aesthetic conception of the literary work, and it can also help reveal its main theme and underlying sense. The anthroponymic identity is not stable and it changes as the plot of the literary work goes, showing the character in the process of evolution and reflecting his/her inner changes. Different components of the character's anthroponymic identity which become dominant and important in a certain period of his/her life may come to the fore. The character's anthroponymic identity may influence a reader and a national anthroponymicon. A name chosen by an author begins “to live” in a new phase of use, fulfilling the functions of identification and socialization, the similar processes being characteristic of real bearers' names.

References Список литературы

- Dunkling L. 1990. A Dictionary of Epithets and Terms of Address. London, New York, Publ. Routledge, 268 p.
Hanks P., Hodges F. 1996. A Dictionary of First Names. Oxford, New York, Publ. Oxford University Press, 444 p.
Hawkins J.M. 1979. The Oxford Paperback Dictionary. Oxford, Publ. Oxford University Press, 770 p.
Longman Dictionary of English Language and Culture. 1999. Harlow, Publ. Pearson Education, 1568 p.
Stewart G.R. 1979. American Given Names: Their Origin and History in the Context of the English Language. Oxford, Publ. Oxford University Press, 264 p.
The American Heritage College Dictionary. 2004. Boston, New York, Publ. Houghton Mifflin Company, 1636 p.
Williams T. 1974. A Streetcar Named Desire. New York, Publ. Signet Book, 142 p.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Поступила в редакцию 15.02.2026
Поступила после рецензирования 08.06.2026
Принята к публикации 09.09.2026

Received February 15, 2024
Revised June 08, 2026
Accepted September 09, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гарагуля Сергей Иванович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

Никитина Маргарита Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

Шустов Дмитрий Вадимович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

Свеженцева Ирина Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey I. Garagulya, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages of Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia.

Margarita Yu. Nikitina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia.

Dmitriy V. Shustov, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia.

Irina B. Svezhentseva, Candidate of Education, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod, Russia.

УДК 81'373.2
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-553-564
EDN ALXCIN

Имя собственное в когнитивно-дискурсивной парадигме: ассоциативные механизмы развертывания дискурса адресата

Позднякова Е.Ю.

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
Россия, 656038, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 46
helena_poz@mail.ru

Аннотация. В лингвистике имя собственное традиционно изучается как номинативная единица, однако его ассоциативный потенциал и механизмы восприятия в дискурсе остаются недостаточно исследованными. Цель исследования – экспериментально верифицировать гипотезу о том, что развертывание дискурса, актуализируемого именем собственным, происходит через ассоциативный фон онима, и на этой основе выявить типовые речевые механизмы такого развертывания. Для доказательства данной гипотезы был проведен лингвистический эксперимент с участием 63 информантов в возрасте от 16 до 63 лет, большинство из которых (85,7 %) являются студентами. В результате эксперимента получено 3 506 реакций, разделенных нами на 3 группы: реакции – слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия и местоимения), реакции – словосочетания и реакции – предложения (высказывания). Дальнейший анализ позволил выявить речевые механизмы развертывания дискурса адресата, актуализируемого именем собственным: фонетический, деривационный, парадигматический и синтагматический. Экспериментально установлено, что ассоциативный фон имени собственного, фиксируемый через ключевые слова, позволяет развернуть свёрнутый текст, лежащий в основе онима.

Ключевые слова: дискурсивная ономастика, дискурсивная теория, когнитивная теория, лингвистический эксперимент, оним, текст, дискурс

Для цитирования: Позднякова Е.Ю. 2026. Имя собственное в когнитивно-дискурсивной парадигме: ассоциативные механизмы развертывания дискурса адресата. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 553–564. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-553-564 EDN ALXCIN

Proper Name in Cognitive-Discursive Paradigm: Associative Mechanisms of Unfolding Addressee's Discourse

Elena Yu. Pozdnyakova

Polzunov Altai State Technical University
46 Lenin Ave., Barnaul 656038, Russia
helena_poz@mail.ru

Abstract. In linguistics, the proper name is traditionally studied as a nominative unit; however, its associative potential and the mechanisms of its perception in discourse remain insufficiently explored. The author suggests a hypothesis that the unfolding of a discourse actualized by a proper name occurs through the recipient's associative background. The aim of the study is to experimentally verify this hypothesis, and on this basis to identify typical speech mechanisms of such unfolding. To prove this hypothesis, a linguistic experiment was conducted. The experiment involved 63 participants aged 16 to 63, the majority of whom (85.7%) were students. As a result, 3,506 reactions were received. We divided them into three groups: reactions expressed with words (nouns, adjectives, verbs, adverbs, and pronouns), ones expressed with word combinations, and those expressed with sentences (statements). The analysis revealed the verbal

mechanisms underlying the unfolding of the addressee's discourse actualized by a proper name: phonetic, derivational, paradigmatic, and syntagmatic ones. The study has experimentally demonstrated that the associative background of a proper name – captured through keywords – enables the unfolding of the collapsed text embedded within the onym.

Keywords: discursive onomastics, discursive theory, cognitive theory, linguistic experiment, onym, text, discourse

For citation: Pozdnyakova E.Yu. 2026. Proper Name in Cognitive-Discursive Paradigm: Associative Mechanisms of Unfolding Addressee's Discourse. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 553–564 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-553-564 EDN ALXCIN

Введение

Идея о том, что имя собственное является свернутым текстом, не нова – она выдвигалась рядом ученых-лингвистов на рубеже XX–XXI веков на основе наблюдений над функционированием разных групп онимов (антропонимов, топонимов, эргонимов и пр.) [Горбаневский, 1994; Михайлюкова, 2014; Степовая, 2014; Максимов, 2015], однако теория дискурсивности онима еще окончательно не сложилась. Ученых интересуют вопросы, связанные с семантикой имени собственного [Ахметзянова, 2010; Бодрова, 2017], его функционированием в разных видах дискурсов: политическом [Калашова, 2013], медийном [Иссерс, 2016; Имя собственное в медиапространстве, 2019], рекламном [Ковалев, 2004] и др., лингвокреативной деятельностью номинатора – создателя наименования [Ремчукова, 2013], т. е. исследования ведутся в семасиологическом ключе. Ономасиологический подход представляет взгляд на имя собственное как на результат процесса номинации, отсюда интерес ученых к принципам и способам именования, особенностям процесса номинации и номинативным моделям, используемым для создания онима. Движение научного анализа направлено «от предмета (понятия) к наименованиям, их обозначающим» [Гак, 1998, с. 199]. Деятельность адресата как воспринимающего субъекта при этом остается за рамками исследований.

Имя собственное является свернутым текстом, который в процессе использования в дискурсивных практиках адресата подлежит развертыванию, образуя при этом не отдельные высказывания монологической или диалогической природы, а целостное дискурсивное поле, актуализированное онимом. Данный подход находится в рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы, которая «представляет собой попытку дать объекту интегральное описание, при котором учитываются когнитивные и коммуникативные особенности его бытия в системе языка» [Лузина, 2006, с. 45]. Имя собственное в рамках данной парадигмы рассматривается нами как элемент процесса коммуникации, функционирующий в дискурсе и подлежащий восприятию и интерпретации адресатом.

В процессе употребления онима постоянно обновляющиеся речевые потребности носителей языка заставляют «мерцать» это дискурсивное поле, наполняя имя собственное смыслами, которые необходимы для коммуникации в каждый конкретный момент времени в ситуационной уникальной речевой ситуации: «Развертывается то, что представляется актуальным в данный момент, информационно важным, а свертывается то, что перестало быть актуальным, потеряло свою информационную значимость» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 33]. Дискурсивное поле имени при этом может иметь относительно стабильное ядро – текст или набор текстов, связанных с онимом и актуализирующихся при его восприятии с заметным постоянством. Подобное ядро можно описать, наблюдая за стандартными, стереотипными реакциями носителей языка в ситуациях общения.

Цель исследования – экспериментально доказать, что развертывание дискурса, актуализируемого именем собственным, происходит через ассоциативный фон онима посредством типовых речевых механизмов.

Исходя из предположения, что имя собственное – это свернутый текст, в процессе коммуникации подлежащий разворачиванию со стороны реципиента и содержащий информацию в сжатом виде, которая может быть выявлена через его ассоциативный фон, нами был предпринят лингвистический эксперимент.

В задачи эксперимента входило:

1. Описать ключевые ассоциации, возникающие при восприятии имени собственного.
2. Выявить речевые механизмы разворачивания дискурса онима.
3. Доказать, что ассоциации, возникающие при восприятии имени собственного, можно рассматривать как набор ключевых слов, по которым возможно восстановить исходный свернутый текст, лежащий в основе онима.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили 79 наименований городов России – астионимов, которые представляют собой официальные имена, зафиксированные в топографических источниках, используемые в институциональном и неинституциональном дискурсах. В эксперименте участвовали 63 человека в возрасте от 16 до 63 лет, большинство из них – студенты АлтГТУ им. И. И. Ползунова (54 информанта, что составило 85,7 %), остальные (14,3%) имеют высшее (7 человек), среднее (1 человек) и среднее специальное образование (1 человек).

Методы исследования включали:

- метод одной ассоциации – участникам предлагалось назвать одно слово (словосочетание), которое лучше всего характеризует объект. В качестве стимула использовался астионим, вербальная установка была сформулирована следующим образом: «Считается, что каждый город можно описать одним словом (или словосочетанием). Каким словом (словами или словосочетаниями) Вы бы определили следующие города России?». Далее в алфавитном порядке были даны названия городов;
- аналитический метод – для выявления ключевых компонентов семантики онима, зафиксированной в ассоциативных реакциях;
- метод реконструкции дискурсивной семантики лексемы – для описания потенциала разворачивания дискурса онима;
- количественный метод – для описания результатов ассоциативного эксперимента, выявления частотных (ключевых) ассоциаций;
- метод классификации – позволил разделить полученные реакции на группы по частеречной принадлежности, а также по количеству составных элементов (реакции – слова, реакции – словосочетания и реакции – предложения);
- дескриптивный метод – для описания речевых механизмов развёртывания дискурса, актуализируемого онимом.

Результаты и их обсуждение

В результате получено 3 506 реакций, в 312 случаях отмечено отсутствие реакции. Все ассоциативные реакции можно разделить на ядерные (стереотипные) и периферийные (единичные). Ядерные реакции характеризуются повторяемостью и высокой частотностью, периферийные – единичны, индивидуализированы, отражают личностные смыслы информантов.

Рассмотрим наиболее частотные (стереотипные) реакции.

1. **Архангельск:** ангел (6); архангел (7) / архангелы (3); Ломоносов (2); Никулин (2); порт (5); север (4); холодно (2) и др. **(50 реакций).**
2. **Астрахань:** арбуз (3) / арбузы (5); астра (3); город на Волге (2); жарко (2) /жара; Каспийское море (2); рыба (2), фрукты (2) и др. **(46 реакций).**
3. **Барнаул:** дом (3); на реке Обь (2); Политех (3); Родина (5); родной (2); столица Алтайского края (7); столица края (2); столица мира (2); школа (2) и др. **(58 реакций).**

4. Белгород: белый (10); белка / белки; белый город (9); граница (6); меловые горы (2); Стрей (3) и др. **(52 реакции).**

5. Бийск: Бия (3); маленький город (2); мост (2); наукоград (6); сосед / соседи; Чуйский тракт (2) и др. **(50 реакций).**

6. Брянск: брянское Динамо / Динамо; город (3); город-герой; город воинской славы (2); запад (3); старый город (2) и др. **(36 реакций).**

7. Владивосток: Влад (2); Владислав (3); восток (3); граница (4); дальний; Дальний Восток; корабли (2); Марк 2 (3); машина / машины (2); морячки; море (2), Мумий Тролль (2), праворульные иномарки; правый; правый руль; рыба (2); японский автопром; японские машины; Япония (3); Японское море и др. **(56 реакций).**

8. Владикавказ: арбузы / арбуз; Влад и Кавказ; владеть Кавказом; Владик; Влад в Махачкале; Владик из Кавказа; вход на Кавказ; горы (11) / гора; горцы; Кавказ (10); кавказский Владимир; кавказцы (2); на Кавказе; Осетия (2); Северная Осетия; слева горы, справа горы; солнце (2); тепло (3) и др. **(53 реакции).**

9. Владимир: Влад; Влад за мир; владей миром; Владик; Владимирович; Вова (2); Вовка; имя (5); князь (5); князь Владимир; Красное солнышко (2); мир (3); мирный Владимир; Мономах (3); Путин (6); старина; старый город; церковь (2) и др. **(47 реакций).**

10. Волгоград: Волга (14); город; город на Волге (6); город на реке Волге; город-герой (2); град (2); машина; машинный; на берегу Волги; река; река Волга (4); Родина; Родина-мать (4); Сталинград; Сталинградская битва и др. **(46 реакций).**

11. Вологда: Волга (6); где (3); где же ты моя черноглазая, где? Песняры; когда (4); культурный (2); культура (2); песня (3); река (2); река Волга; церковь; церковный; храмы и др. **(42 реакции).**

12. Воркута: вор; вор, куда?; вор кутит; вор туда; Гулаг (4); север (3); ссылка; тюрьма (7); уголь (2); холод (8); холодно и др. **(45 реакций).**

13. Воронеж: бандит; большой город; ворона (7) / ворон (4) / вороны (2); Воронины; вороны и ежи; город ворон (2); далеко (2); знакомое; Ивановы-Ивановы (3); Ивановы; исторический; Макс Лавров; нежный вор; обычный город; огузок; одноклассница (2); пельмени; птица ворона; Сектор газа; субару; танки; ФСО; центр России; черный ворон **(41 реакция).**

14. Екатеринбург: большой город; город, созданный Екатериной; город Екатерины; Екатерина (10) / Екатерина II (2); завод; заводы; императрица; Катя (3); Петербург (2); столица Урала; Урал (8); Уральские горы (2); Уральские пельмени (2) и др. **(47 реакций).**

15. Заринск: А закаты алые, алые, алые; Алтайкокс (2); Алтайский край (2); заря (16); красивая заря; промышленный (2); сыр (2) и др. **(46 реакций).**

16. Змеиногорск: Алтайский край (2); гора; гора змей; город в горах; город змей (2); горные змеи (2); змеи (8) / змея (9); змеи на горе; Змеиногорский тракт; тракт (2); руда; рудники и др. **(43 реакции).**

17. Иваново: Ваня (2); город; город невест (12); Иван (14); Ивановы (2); Ивановы-Ивановы (2); имя (2); легкая промышленность (2); невесты (4); Подмосковье; рядом с Москвой; сериал (2); сериал Ивановы и др. **(57 реакций).**

18. Ижевск: ёж (2) / ежи (2); ёжик; ежевика / ижевика; Иж (6); Иж мотоцикл; ИжМаш; ижевская винтовка; Калашников (2); машиностроение (2); Москвич (2); Москвич 412; мотоцикл (5) / мотоциклы (2); мотоцикл Иж; обычный город; оружейный город; промышленный (4); ружья и др. **(50 реакций).**

19. Иркутск: Ангара (3); Байкал (11); город на Ангаре; Ира (4); Ирина; Иришка чики-пики; криминал (2); куст, (2); озеро; озеро Байкал; холод (4) / холодно и др. **(46 реакций).**

20. Йошкар-Ола: Йошкин кот (2); кот (2); необычное; необычный; Оля (5); юла (2) и др. **(34 реакции).**

21. Казань: казак (2) / казаки (2); казан (2); казан плова; Казанский кремль; Казань-ринг; казнь (2); Слово пацана (4); старина; старый город; Татарстан; татары (10); школа (2) и др. **(46 реакций).**

22. Калининград: анклав; город на западе; город на море; граница (2); Европа (9); европейский; западный город; калина (5); Калинин; калина и град; калина под градом; калина черная; Кениксберг / Кенинсберг / Кенесберг (5); Паша пел (3); полуанклав (2); янтарь (3); янтарный город и др. **(54 реакции).**

23. Кемерово: кинотеатр (2); пожар (4); уголь (18); уголь и шахты; угольный; шахта; шахтеры; шахты (2) и др. **(51 реакция).**

24. Киров: К-700 – Кировец; Кира (4); Кирилл (2); Кирил; Киркоров (6); Киров; Кировец (2); северный (2); северный город; торговля (2), трактора (2); трактора К-700 и др. **(43 реакции).**

25. Кострома: в закромах полно ума (3); «государыня моя»; заболоченный (2); костер (8); молочный; молочные коровы; Муму (2); северный (2); славный город; «Славный город Кострома» и др. **(41 реакция).**

26. Краснодар: дар (2); дарит красный; дары Кубани; жара (3); жарко; Краснодар; красный; красный дар (3); курорт; курорты (7); море (2); солнце (2); тепло (6); Утомленные солнцем; фрукты (2); Черное море (2) и др. **(55 реакций).**

27. Красноярск: город на Енисее; ГЭС (2); Енисей (4); красный (5); красная земля; Краснодар; красный яр (3); Саяно-Шушенская ГЭС; Сибирь (4); яр; яркий красный и др. **(41 реакция).**

28. Курск: А под Курскою дугою; атомная подводная лодка (3); битва; битва на Курской дуге; война (2); герой; город-герой; дуга (6); курица (2); курс (3) / курсы; курс на Курск; Курск; куры; Курская битва (3); Курская дуга (11); курятина; на Курской дуге и др. **(51 реакция).**

29. Липецк: березы (3); дерево (3); липа (14) / липы; липко; липкий (5) и др. **(40 реакций).**

30. Майкоп: Джексон (2); коп (3); Курган (2); май (4); майский полицейский; мой полицейский (2) и др. **(40 реакций).**

31. Москва: белокаменная (2); Красная площадь (2); Кремль (2); Москва-река; слезам не верит; столица (28); столица государства; столица России (3); центр (2) и др. **(56 реакций).**

32. Мурманск: богатырь (2); город-порт (2); Илья; Илья Муромец; Ирина Шевчук (2); коты (2); море (2); незамерзающий порт (2); порт (2); портовый город; рыба (3); рыбный город; север (3), Северный Ледовитый океан; северный порт; Северное сияние (4); холодно (2) / холод (2) и др. **(47 реакций).**

33. Нижний Новгород: великий; Великий Новгород; верхний; Верхний Новгород; история; история Руси (2); МВД (2); не верхний; ниже Новгород; Нижегородский кремль; нижнее Новгород; новый город (2); старее Новгорода; старый город и др. **(38 реакций).**

34. Новокузнецк: грязь (2); кузнец (4); кузнечик (2); кузница (2); Кузня (4); Кузя; новый; новый кузнец; новая кузница; новая кузня; промышленная зона; промышленность; уголь (15); угольный (2) и др. **(47 реакций).**

35. Новосибирск: город-миллионник; метро (2); миллион; миллионник; мост (2); наука (3); научный; научный город, новый; новый город; новая Сибирь (2); Сибирь (6); столица Сибири (9), толпа (2); центр Сибири; центр ФСО и др. **(55 реакций).**

36. Омск: аграрный (2); Ева Элфи (2) / Ева Элви; е-если ноги не сотрутся... (2); песня из Смешариков (2); промышленный (2); радио (3); Сибирь (2); Томск (6); Универ; университеты (2); хлеб; хлебный город и др. **(44 реакции).**

37. Орел: орлы / орел (4); орел и решка, птица (16); птица орел; решка (4); сокол (2); старый (2); старый город и др. **(42 реакций).**

38. Оренбург: бургер (3); бургорен; военная часть; военные части; город из какого-то произведения; город; город связан с пухом; Дубровский (2); орех / орехи; платок / платки (2); промышленный (2); пуховый платок (3) и др. **(44 реакции).**

39. **Пенза:** зеленый (2); камень (3); леса; лес; лесной (2); пемза (3), Павел Воля (3) / Паша Воля; Снежок-Воля; Пенза-city – столица России; пень / пни; пена (6), Крид (2), Егор Крид и др. **(43 реакции)**.

40. **Пермь:** Воля (2); перья, перо; промышленный город (3); Реальные пацаны (15); Хромая лошадь (2) и др. **(39 реакций)**.

41. **Петрозаводск:** завод (11) / заводы (2); завод Петра (3); заводы Петра; заводы Петра 1; Петр (3) / Петр 1; Петя; революция (3); холодный (2) и др. **(59 реакций)**.

42. **Петропавловск-Камчатский:** вулканы (3) / вулкан (2); далеко (5); Дальний Восток; Камчатка (15); камчатский краб; краб (4); край; край России (2); край страны; Петр; Петр и Павел; полуостров (4) и др. **(49 реакций)**.

43. **Псков:** балет (2); древнерусский (3); князь Шуйский (2); песок (6); пес (2); просо; Песков (2); псина; псы; собаки / собака; старая; старый; тишина (2) и др. **(41 реакция)**.

44. **Пятигорск:** горы (7) / гора; горный (2); горы (5 штук); КВН (3); команда КВН (2); мало гор; пять (7); пять в одном; пять гор (8); пять городов; солнечно; солнце; среди пяти гор и др. **(46 реакций)**.

45. **Ростов-на-Дону:** город на Дону (2); город на реке (3); Дон (12); донские казаки; казаки; на мели (2), река (5); Ростов-на-Дону; Ростов Дону на; Ростов-папа (2) и др. **(47 реакций)**.

46. **Рубцовск:** город; город на равнине; граница (4); дороги (2); дровосек (2); друг учится; друзья; лагеря (2); родня (2); рубайла; рубец / рубцы (2); Рубецк; рубило; тюрьма (2); тюремный и др. **(47 реакций)**.

47. **Рыбинск:** порт; портовый город (3); рыба (27) / рыбы (3); рыбалка; рыбный город; что-то рыбное и др. **(43 реакции)**.

48. **Рязань:** большой (2); ВДВ (4); грибы с глазами; десантники (2); лес (2); резать (4), резко; резня; резьба и др. **(40 реакций)**.

49. **Самара:** АвтоВАЗ (2); «беспокойная я»; городок (3); город на Волге; Лада (11); Лада Самара (2), Лада Самара 2114; машина (3); машины (2); Тамара (2) и др. **(45 реакций)**.

50. **Санкт-Петербург:** Б 2 (2); Б 2 да здравствует Петербург и это город наш; бандитский (2); белые ночи (3); влажность (2); дворец (2); культура (2), культурная столица (4); Петр I (5); Петр; Петр Великий; северная Венеция (3); северная столица (2); серая красота; серый; соль (2) и др. **(56 реакций)**.

51. **Саранск:** большой город; город на Волге; Мордовия (2); мухи (3); сарай (6); центр (2) и др. **(33 реакции)**.

52. **Саратов:** город (2); лебеди (2); не покинуть; не убежать (2); нельзя сбежать (2); никто не сбежит; побег (2); порт на Волге; портовый город (3) и др. **(38 реакций)**.

53. **Смоленск:** город-герой (5); заболоченный (2); победа (3); смола (24) и др. **(44 реакции)**.

54. **Сочи:** Каха и Серго; Серго; курорт (3) / курорты (9), курортный; лыжи (2); море (5); олимпиада (2); Олимпиада-2014 (2), олимпийский; олимпийские игры; отдых (8), песочный берег (2); солнце (2); тепло; теплый; Черное море (2) и др. **(59 реакций)**.

55. **Ставрополь:** море (4); поля / поле (4); старость, старый (3); тепло (2) и др. **(35 реакций)**.

56. **Сургут:** вахта (2); газ (2); грусть; гут (3); нефть (6); нефтяники; старейший; старый; суровый (2), суровый климат; холод (5); холодный; хорошо (2); good хорошо и др. **(41 реакция)**.

57. **Сыктывкар:** монополия (3); Рео-Пика / Рио Пика (2); сыр (4); тыква (4); холод; холодно-холоднее и др. **(31 реакция)**.

58. **Таганрог:** бык (2); единорог (2); рог (10) / рога; солнце (3); старый (3); старый город и др. **(43 реакции)**.

59. **Тамбов:** волки (3); мальчик (6); машины (5); песня (4); тамбовский волк (5); тумба; тумбочка и др. **(42 реакции)**.

60. **Тверь:** дверь (9); звери; зверь (5); история Руси (2); Подмосковье (2); пряники (2); старый (2); церковь (2) и др. **(40 реакций).**

61. **Тобольск:** боль (6); соболев (4); старый (2); творчество (2); тополь (2) и др. **(37 реакций).**

62. **Томск:** вузы (3); город студентов (3); наука (2); образовательный центр (2); Омск (4); Омск, только Томск; Политех (2); студенты (3); Томский государственный; университет; университеты (4) и др. **(50 реакций).**

63. **Туапсе:** город; город-порт; курорт (3); море (3); облака / облако; отдых (4); пляж (3); тепло (5); топ (2) и др. **(48 реакций).**

64. **Тула:** блоха (2), город-герой (3); мотоцикл (3); оружейники (3); оружие (3); песня (2), пряник (20) / пряники (2); самовар; самовары (4); сладости; туда (2) и др. **(58 реакций).**

65. **Тюмень:** газ (3); нефть (10), Сибирь (2); тюлень (15) / тюлени (2); холод (2) и др. **(49 реакций).**

66. **Улан-Удэ:** Байкал (2); буддизм (3); Бурятия (2); буряты (4); ландыш / ландыши и др. **(44 реакции).**

67. **Ульяновск:** Ленин (10); машины (3); УАЗ (2), Ульяна (10); Ульянов (3) и др. **(41 реакция).**

68. **Усть-Илимск:** Илья (4); Ильин (2); на устье (2); на устье Ангары; устье (2) / устья; устье рек / устье реки и др. **(31 реакция).**

69. **Уфа:** Башкирия (2); Моргенштерн (4); промышленный (2); рэп (3); ура (2); уха (2) и др. **(36 реакций).**

70. **Хабаровск:** Братство Бобра (2); восток (2); граница (2); грязь (2); даль; Дальний Восток (2); дым (2); хабар (6); хабар (сталкер) и др. **(45 реакций).**

71. **Чебоксары:** Кавказ (2); Крокодил Гена (2); на Волге (2); родные (3); чебак (3); чебурек (2) и др. **(36 реакций).**

72. **Челябинск:** биг сити лайф (2); заводы (7); металлургия (2); метеор; метеорит (3); промышленность (3) и др. **(40 реакций).**

73. **Череповец:** заводы (2); спички (5); череп (12), черепа (2), череп-певец и др. **(41 реакция).**

74. **Черкесск:** казак (2); предкавказье (2); черкесы (3); черный (2) и др. **(35 реакций).**

75. **Чита:** Байкал; Байкал рядом; криминал (2); небольшой (2); Рита (2); родина (2); чистер / читеры / читы (2) и др. **(36 реакций).**

76. **Элиста:** лист (3); листик; не знаю (2); степной (2); степь; Элез / Элиз; элита (10) и др. **(36 реакций).**

77. **Южно-Сахалинск:** Литвин (4); Михаил Литвин; остров (5); остров Сахалин; Сахалин (10); сахар (3); юг (2); Япония (3) и др. **(46 реакций).**

78. **Якутск:** алмазы (2); глаза (2); мороз (3); река Лена (2); столица / столица Якутии; холод (16) / холодно (2); як (2); Якутия (3); якуты (4); -50, -60 и др. **(51 реакция).**

79. **Ярославль:** Золотое кольцо (3); князь (2); старый (2); Ярик (2); Ярослав (12); Ярослав Мудрый (2) и др. **(40 реакций).**

Реакции были разделены на следующие группы по количеству задействованных элементов:

1) реакции – слова, которые могут быть разделены на подгруппы в зависимости от частеречной принадлежности:

а) реакции – существительные, в том числе имена собственные, например: Архангельск – порт, север, Ломоносов; Пятигорск – Лермонтов; Якутск – имя; князь; Ярослав; и др.;

б) реакции – прилагательные: Белгород – белокаменный; Владивосток – дальний; Владикавказ – гордый и др.;

в) глагольные реакции: Брянск – брянчит; Рязань – наряжать; резать; Черкесск – черкали;

г) реакции – наречия: Краснодар – тепло; Петропавловск-Камчатский – далеко; Пятигорск – солнечно и др.;

д) реакции – местоимения: Владимир – я; Усть-Илимск – мой; Чебоксары – он; Челябинск – я;

2) реакции – словосочетания:

а) модели двух слов [Караулов, 1993]: Улан-Удэ – бурятская кочевня; Челябинск – тракторный завод; Чита – город ветров; Южно-Сахалинск – портовый город; морской порт; Якутск – алмазная империя;

б) устойчивые словосочетания: Санкт-Петербург – северная Венеция; окно в Европу; Тамбов – тамбовский волк; Ярославль – Золотое кольцо и др.;

3) реакции – предложения (высказывания):

а) предложения: Владимир – владей миром; «давай по городу погазуем?»; Красноярск стоит на берегу; Пенза – Пенза-city – столица России и др.; Таганрог – курортно звучит; Уфа – туда надо идти, когда посылают на 3 буквы;

б) общеизвестные фразы (афоризмы, строки из песен, названия кинофильмов и художественных произведений): Рязань – грибы с глазами; Вологда – «где же ты моя черноглазая, где?»; Самара – «беспокойная я» и др.

Механизмы развертывания дискурса, актуализируемого онимом

В процессе эксперимента были выявлены различные речевые механизмы, участвующие в порождении ассоциатов и построении ассоциативного ряда, объективированного именами собственными, в том числе фонетический, деривационный, парадигматический и синтагматический (подробное описание данных механизмов представлено в нашей предыдущей работе [Позднякова, 2023]). Развертывание дискурса, актуализируемого онимом, происходит поэтапно, в соответствии с механизмами речепорождения, и зависит от глубины восприятия лексемы-стимула адресатом. Поверхностное восприятие приводит к появлению ассоциаций, основанных на фонетическом сходстве стимульной единицы и ассоциата. Глубинное восприятие связано с дальнейшим развертыванием дискурса и приводит к появлению деривационных вариантов – словообразовательных цепочек и гнезд, парадигматических вариантов – синонимов, антонимов, омонимов и др., и синтагматических вариантов – словосочетаний и предложений.

1) фонетический механизм, в основе которого сходство звучания слова-стимула и реакции. «Фонетический механизм основан на сходстве внешней формы онима-стимула и реакции-ассоциата. Семантической связи между двумя словами при этом не наблюдается. Развертывание происходит на поверхностном, внешнем уровне» [Позднякова, 2023, с. 559].

Астрахань – астра; Барнаул – аул; Вологда – волока; Воронеж – вороны и ежи; Заринск – заря и др.

2) деривационный механизм, который используется для продуцирования словообразовательных цепочек:

Архангельск – архангелы; Белгород – белый город; белокаменный; Брянск – брянщина; Змеиногорск – рудники; руда; Кемерово – уголь, угольный; Рыбинск – рыба; и др.

3) парадигматический механизм определяется семантическими отношениями – синонимии, антономии, омонимии, паронимии, гиперо-гипонимическими и др. По словам В.Ф. Петренко, «по характеру ассоциаций можно восстановить семантический состав слова-стимула: множество ассоциаций, даваемых на слово, содержит ряд признаков, аналогичных содержащимся в данном слове [Петренко, 1988, с. 48]. Как следствие, полученные ассоциативные ряды содержат ключевые лексемы ассоциативного поля, по которым возможно определить семантику слова-стимула.

Архангельск – порт; Бийск – наукоград; Брянск – лес; партизаны; Заринск – деревня; Москва – столица; центр; Орел – птица; птица орел; Туапсе – курорт, пляж; Хабаровск – граница; Черкесск – предкавказье; Элиста – курорт; Якутск – столица; алмазы и др.

4) синтагматический механизм используется для образования словосочетаний и предложений. Синтагматические ассоциации – это «ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула (машина – едет, курить – плохо и т.п.)» [Петренко, 1988, с. 48]. Пара стимул – реакция (S – R) также является синтагмой, минимальным высказыванием.

Архангельск – северные моря; портовый город; Астрахань – город на Волге; хазарский каганат; Бийск – маленький город; Брянск – промышленный центр; Владикавказ – вход на Кавказ; Красноярск – стоит на берегу; город на Енисее; Оренбург – город связан с пухом; Пенза – Пенза-city – столица России; Хабаровск – кордон на востоке; перевалочный пункт; Ярославль – в честь Ярослава и др.

Полученные в результате эксперимента ассоциаты в процессе коммуникации подлежат развертыванию в онимические высказывания-тексты, совокупность которых образует дискурсивное поле онима, что соответствует нашей предыдущей концепции дискурсивного поля онима, изложенной в работе [Позднякова, 2022]. «Если рассматривать набор ключевых слов как текст-примитив, «текст, замещающий исходный» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 9], то можно предположить, что имя собственное содержит в своей внутренней форме те элементы семантики, которые позволяют реципиенту не только воспринимать, но и развертывать информацию в процессе коммуникации, актуализируя только необходимые в данной ситуации валентности имени. Оним становится неким механизмом, запускающим процессы его восприятия, интерпретации, понимания адресатом и встраивания его в диалогические высказывания.

Например, если мы структурируем полученные реакции, то в большинстве случаев обнаружим общую информацию, позволяющую с точностью определить, о каком городе идет речь, например:

Ростов-на-Дону:

- 1) столица юга;
- 2) Ростов-папа (2);
- 3) город на Дону; город на реке (2); Дон (4);
- 4) Тихий Дон;
- 5) казаки; храмы; красота;

Тула:

- 1) пряник (8); самовары (3); блоха;
- 2) город-герой (2);
- 3) танки; оружие (2); оружейники (3).

Южно-Сахалинск:

- 1) Сахалин (6);
- 2) остров (2);
- 3) Япония;

Якутск:

- 1) холод (7);
- 2) столица Якутии; столица; Якутия;
- 3) река Лена (2);
- 4) алмазы; алмазная империя; и т. п.

Набор ассоциатов, таким образом, можно рассматривать как набор ключевых слов, которые позволяют восстановить исходный свернутый текст (оним) и могут быть развернуты в дискурсивных практиках говорящих.

Ассоциации являются элементами ассоциативно-вербальной сети [Караулов, 1993], в которой зафиксированы в свернутом виде тексты, с которыми когда-либо сталкивались

носители языка. Б. М. Гаспаров пишет: «Вся наша языковая деятельность – и создаваемая, и воспринимаемая нами речь – пронизана блоками-цитатами из предшествующего языкового опыта» [Гаспаров, 1996, с. 119]. В сознании носителя языка запечатлены все тексты и отдельные высказывания-фразы, сказанные им или воспринятые в устном/письменном виде. Подобные структуры хранятся либо в свернутом виде – в форме звуко-символов, актуализирующихся в процессе их восприятия и использования в коммуникации, либо в форме готовых высказываний устойчивой природы (фразеологизмов, афоризмов, строк из песен, либо поэзии, художественных произведений). Как утверждает Н. Н. Шпильная, «осуществляя акты внутренней цитации, носители языка сворачивают высказывания до лексических единиц и наоборот – разворачивают лексические единицы до речевых произведений, способствуя тем самым непрерывному развитию текста» [Шпильная, 2016, с. 96]. Таким образом, ключевые лексемы становятся основой для интерпретации и развертывания дискурса имени собственного адресатом.

Все высказывания-тексты, существующие в свернутом виде в памяти человека и актуализируемые в процессе восприятия онима, можно условно обозначить как **валентности онима**. При восприятии одни тексты могут актуализироваться и разворачиваться, а другие – подавляться и оставаться скрытыми, латентными. Это зависит от множества условий реальной коммуникации, однако все возможные высказывания, все тексты, вращающиеся в орбите онима, даже не эксплицируемые, образуют синхронно существующее дискурсивное поле онима.

Заключение

Итак, в результате свободного ассоциативного эксперимента были получены ассоциативные ряды, в которых содержатся ключевые ассоциации, создающие ассоциативный фон имени. Все полученные реакции были условно разделены на 3 группы: реакции – слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия и местоимения), реакции – словосочетания и реакции – предложения (высказывания). На основе полученных ассоциативных рядов выделены четыре речевых механизма, позволяющих адресату развернуть дискурс, актуализируемый онимом: фонетический, деривационный, парадигматический и синтагматический.

Проведенный эксперимент доказал, что информация, содержащаяся в сжатом виде в имени собственном, может быть выявлена через ассоциативный фон онима, при этом ассоциации, возникающие в процессе восприятия, можно рассматривать как набор ключевых слов, по которым возможно восстановить исходный свернутый текст, лежащий в основе онима. Образующееся при этом дискурсивное поле являет собой форму существования текстов, в которых объединяющим началом является само имя собственное.

Подобно тому, как работает поисковая система компьютера, мозг человека в ходе использования имен собственных актуализирует, «вытаскивает» на поверхность ту часть информации, те тексты, которые имеют значимость именно здесь и сейчас, – именно эти актуализированные смыслы можно рассматривать как **валентности онима**, востребованные в конкретной речевой ситуации.

Список литературы

- Ахметзянова Л.М. 2010. Проблема семантики имени собственного. *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*, 1: 50–56.
- Бодрова Е.В. 2017. Значение имени собственного с позиций когнитивной лингвистики. *Нижегородский филологический вестник*, 2(2): 24–31.
- Гак В.Г. 1998. Языковые преобразования. Москва, Языки русской культуры, 766 с.
- Гаспаров Б.М. 1996. Язык, память, образ: лингвистика языкового существования. Москва, Новое литературное обозрение, 351 с.

- Горбаневский М.В. 1994. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания. Дис. ... докт. филол. наук. Москва, 432 с.
- Гришаева Л.И., Борискина О.О., Фененко Н.А., Абабий В.Н., Шимко В.Г. 2019. Имя собственное в медиапространстве. Воронеж, Издательский дом ВГУ, 191 с.
- Иссерс О.С. 2016. Нейминг в медиапространстве сибирского региона. *Коммуникативные исследования*, 4 (10): 77–91.
- Калашова А.С. 2013. Лингвопрагматические особенности референции имен собственных в политическом дискурсе. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 5 (23): 94–97.
- Караулов Ю.Н. 1993. Ассоциативная грамматика русского языка. Москва, Русский язык, 330 с.
- Ковалев Г.Ф. 2004. Имя собственное как прецедент в рекламе. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 1: 158–164.
- Лузина Л.Г. 2006. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания. Парадигмы научного знания в современной лингвистике. В кн: Сб. науч. трудов. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН: 41–49.
- Максимов В.О. 2015. Русский фамильный антропоним как свернутый текст и его лексикографическое описание. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*, 4: 83–89.
- Михайлюкова Н.В. 2014. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока). Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 187 с.
- Мурзин Л.Н., Штерн А.С. 1991. Текст и его восприятие. Свердловск, Издательство Уральского университета, 171 с.
- Петренко В.Ф. 1998. Психосемантика сознания. Москва, Издательство Московского университета, 208 с.
- Позднякова Е.Ю. 2022. Дискурсивный эксперимент как способ актуализации дискурса онима. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*, 21(5): 155–166. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.14>.
- Позднякова Е.Ю. 2023. О дискурсивной природе имени собственного. *Вопросы журналистики, педагогики и языкознания*, 42(3): 556–565. DOI: [10.52575/2712-7451-2023-42-3-556-565](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-3-556-565).
- Ремчукова Е.Н. 2013. Массовый лингвокреатив: преодоление стандарта. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2: 83–90.
- Степовая О.А. 2014. Имя собственное как свернутый текст: к постановке проблемы. *Филология и человек*, 4: 127–130.
- Шпильная Н.Н. 2016. Русский диалогический текст: деривационный аспект. Дис. ... докт. филол. наук. Кемерово, 623 с.

References

- Akhmetzyanova L.M. 2010. Problema semantiki imeni sobstvennogo [The problem of the semantics of a proper name]. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*, 1: 50–56.
- Bodrova E.V. 2017. Znachenije imeni sobstvennogo s pozitsiy kognitivnoy lingvistiki [The Meaning of a Proper Name from the Perspective of Cognitive Linguistics]. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, 2(2): 24–31.
- Gak V.G. 1998. Yazykovye preobrazovaniya [Language transformations]. Moscow, Publ. Yazyki russkoi kultury, 766 p.
- Gasparov B.M. 1996. Yazyk, pamyat;, obraz: Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language, memory, image: Linguistics of linguistic existence]. M., Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 351 p.
- Gorbanevskii M.V. 1994. Russkaya gorodskaya toponimiya: problemy istoriko-kulturnogo izucheniya i sovremennogo leksikograficheskogo opisaniya [Russian urban toponymy: problems of historical and cultural study and modern lexicographic description]. Dis. ... Doct. Philol. Sciences. Moscow, 432 p.
- Grishaeva L.I., Boriskina O.O., Fenenko N.A., Ababiy V.N., Shimko V.G. 2019. Imya sobstvennoye v mediaprostranstve: monografiya [Proper name in the media space: a monograph]. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 191 p.
- Issers O.S. 2016. Neiming v mediaprostranstve sibirskogo regiona [Naming in the media space of the Siberian region]. *Communicative Studies*, 4 (10): 77–91.
- Kalashova A.S. 2013. Lingvopragmaticheskiye osobennosti referentsii imen sobstvennykh v politicheskom diskurse [Linguopragmatic features of the reference of proper names in political discourse]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 5 (23): 94–97.

- Karaulov Yu.N. 1993. Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka [Associative grammar of the Russian language]. Moscow, Publ. Russkii yazyk, 330 p.
- Kovalev G.F. 2004. Imya sobstvennoye kak precedent v reklame [Proper name as a precedent in advertising]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 1: 158–164.
- Luzina L.G. 2006. O kognitivno-diskursivnoi paradigme lingvisticheskogo znaniya [On the cognitive-discursive paradigm of linguistic knowledge]. *Paradigmy nauchnogo znaniya v sovremennoy lingvistike* [Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics]. Collection of Scientific Papers. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences: 41–49.
- Maksimov V.O. 2015. Russian Family Name As Compressed Text And Its Lexicographical Description. *Bulletin of Peoples; Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages. Methods of its teaching*, 4: 83–89 (in Russian).
- Mikhailyukova N.V. 2014. Teksty gorodskikh vyvesok kak osobyi rechevoi zhanr (na materiale yazyka g. Vladivostoka) [Texts of city signs as a special speech genre (based on the language of Vladivostok)]. Vladivostok, Publ. Dalnevostochnyi federalnyi universitet, 187 p.
- Murzin L.N., Shtern A.S. 1991. Tekst i ego vospriyatie [Text and its perception]. Sverdlovsk, Publ. Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 171 p.
- Petrenko V.F. 1998. Psykhosemantika soznaniya [Psychosemantics of consciousness]. Moscow: Moscow University Publ, 208 p.
- Pozdnyakova E. Yu. 2022. Diskursivnyi eksperiment kak metod aktualizatsii diskursa onima [Discursive Experiment as a Method of Onym Discourse Actualization]. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 21(5): 155–166. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.5.14>.
- Pozdnyakova E.Yu. 2023. O diskursivnoy prirode imeni sobstvennogo [On the Discursive Nature of the Proper Name]. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 556–565. DOI: [10.52575/2712-7451-2023-42-3-556-565](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-3-556-565).
- Remchukova E.N. 2013. Massovyi lingvokreativ: preodoleniye standarty [Mass Linguocreativity: Overcoming the Standard]. *Bulletin of Peoples; Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 2: 83–90.
- Stepovaya O.A. 2014. The Proper Name as a Curtailed Text: Discovering the Problem. *Filologiya i chelovek*, 4: 127–130.
- Shpilnaya N.N. 2016. Russkii dialogicheskii tekst: derivatsionnyi aspekt [Russian dialogic text: derivational aspect]. Dis. ... Doct. Philol. Sciences. Kemerovo, 623 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 16.02.2026
Поступила после рецензирования 08.06.2026
Принята к публикации 9.09.2026

Received February 16, 2026
Revised June 08, 2026
Accepted September 9, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Позднякова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и социологии гуманитарного института, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Pozdnyakova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Humanitarian Institute, Polzunov Altai State Technical University, Barnaul, Russia.

УДК 81'25
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-565-573
EDN ZHFQRR

Вариативность передачи наименования Свято-Троицкой Сергиевой лавры в русско-английской переводческой практике

Прыткина А.Г.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Россия, 119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

arina.prytkina@gmail.com

Аннотация. Перевод православных экклезионимов представляет собой сложную задачу межкультурной коммуникации, обусловленную их многокомпонентной структурой. В переводческой практике наблюдается значительная вариативность их передачи, связанная с отсутствием единообразия в переводе их отдельных религиозных компонентов на английский язык. В исследовании анализируются англоязычные варианты наименования Свято-Троицкой Сергиевой лавры, представленные на сайте Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Анализ проводится с опорой на теоретические положения, связанные с культурно маркированной лексикой и религиозным ономастиком. Полученные результаты показывают, что для данного экклезионима фиксируется несколько переводческих вариантов, различающихся степенью сохранения языкового значения, культурно-исторической и конфессиональной специфики исходного наименования. Это позволяет выявить особенности его функционирования в англоязычной переводческой практике и систематизировать наблюдаемую вариативность.

Ключевые слова: экклезионимы, культурно маркированная лексика, полионим, безэквивалентная лексика, религиозный дискурс, ономастика, перевод, английский язык

Для цитирования: Прыткина А.Г. 2026. Вариативность передачи наименования Свято-Троицкой Сергиевой лавры в русско-английской переводческой практике. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 565–573. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-565-573 EDN ZHFQRR

Variations in Rendering the Name of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius in Russian-English Translation Practice

Arina G. Prytkina

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119234, Russia

arina.prytkina@gmail.com

Abstract. The translation of Orthodox ecclesionyms represents a complex issue in intercultural communication due to their multi-component structure. In translation practice, significant variability in their rendering is observed, which is associated with the lack of consistency in translating individual religious components into English. This study examines English-language variants of the name of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius as presented on the website of the Department for External Church Relations. The analysis is based on theoretical approaches to culturally marked lexis and religious onomastics. The results show that several translation variants of the given ecclesionym are attested, differing in the degree to which they preserve the linguistic meaning as well as the cultural, historical, and confessional specificity of the source designation. This enables the identification of patterns in its use in English translation practice and the systematisation of the observed variability.

Keywords: ecclesionyms, culturally marked lexis, polyonym, non-equivalent vocabulary, religious discourse, onomastics, translation, English language

For citation: Prytkina A.G. 2026. Variations in Rendering the Name of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius in Russian-English Translation Practice. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 565–573 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-565-573 EDN ZHFQRR

Введение

Перевод культурно и религиозно маркированных единиц относится к числу наиболее сложных задач современного переводоведения, поскольку предполагает передачу не только языкового значения, но и культурно-исторического и конфессионального содержания исходных наименований. Особую сложность представляют православные экклезионимы, характеризующиеся многокомпонентной структурой и отсутствием единообразия в их передаче на английский язык.

В работах лингвистов культурно маркированная лексика обозначается различными терминами. Для ее описания используются понятия «реалии», «безэквивалентная лексика», «варваризм», «экзотизм», «алиенизм» и «лакуны». По словам С. Влахова и С. Флорина [1980], все перечисленные понятия объединяет «определенная – национальная, историческая, местная, бытовая – окраска, отсутствие соответствий (эквивалентов) в ПЯ, а в отношении некоторых – и иноязычное происхождение» [Влахов, Флорин, 1980, с. 36].

В.В. Кабакчи [2001] вводит термин «культуроним». В зависимости от культурной соотнесенности он выделяет три группы культуронимов: полионимы (универсальные элементы, встречающиеся в различных культурах), идионимы (специфические явления культуры, к которой принадлежит язык) и ксенонимы (элементы внешней по отношению к данному языку культуры) [Кабакчи, 2001, с. 7]. Центральное место в данной классификации занимает идионим-этимон, то есть «наименование на языке данной культуры» [Кабакчи, 2001, с. 8]. По мнению В.В. Кабакчи [2001], именно такой культуроним служит исходной основой для последующего появления реальных или потенциальных обозначений соответствующего культурного явления в других языках. Так, название *Свято-Троицкая Сергиева лавра* является идионимом для русской культуры и выступает этимоном для его англоязычных наименований.

Ключевым вопросом при рассмотрении культурно маркированной лексики является выбор способов ее передачи на язык перевода. В переводоведческой литературе предлагаются различные подходы к решению данной задачи. Так, Л.К. Латышев [2005] выделяет ряд основных способов передачи безэквивалентной лексики, к которым относятся транслитерация, калькирование, приближенный перевод, элиминация национально-культурной специфики, описательный перевод и перераспределение значения безэквивалентной единицы [Латышев, 2005].

Рассмотренные способы представляют особый интерес при анализе единиц, обладающих выраженной культурной спецификой, к числу которых относится религиозная лексика, отражающая систему духовных и ценностных представлений определенной культуры. Данное положение находит подтверждение в лингвистических исследованиях, где религиозный дискурс определяется как сложный коммуникативно-культурный феномен, основанный на системе ценностей и реализующийся через определенные жанры и языковые средства [Бобырева, 2007, с. 3]. При описании элементов русской религиозной культуры средствами английского языка формируется пласт ксенонимов. Как отмечает О.В. Гоголева [2011], значительную часть ксенонимической лексики составляет ономастика, что обуславливает необходимость обращения к именам собственным при анализе переводческих соответствий [Гоголева, 2011, с. 7]. В научной традиции для обозначения

имени собственного используется термин «оним», понимаемый как единица, служащая для индивидуализации и идентификации объекта ¹.

Религиозные онимы являются важным объектом лингвистического исследования, однако их изучение долгое время носило фрагментарный характер и было сосредоточено преимущественно на отдельных типах религиозных наименований [Бугаева, 2010, с. 225]. В связи с этим особый интерес представляют наименования культовых сооружений, выделяемые в ономастике в самостоятельный класс — экклезионимы. В рамках теории религиозной ономастики Е.П. Аринина [2008] рассматривает экклезионимы как особый разряд религиозных имен собственных, обладающих устойчивыми структурными и семантическими признаками и отражающих связь наименования с религиозным событием, святыней или святым [Аринина, 2008, с. 7]. В зависимости от источника номинации выделяются экклезионимы, образованные на основе агионимов (имен святых), эортонимов (названий церковных праздников), иконимов (названий икон), а также наименований, связанных с социальным назначением культового объекта [Аринина, 2008, с. 7]. Такой подход позволяет рассматривать экклезионимы как сложные многокомпонентные единицы религиозной номинации.

Недостаточная систематизация подходов к передаче подобных единиц в англоязычном переводе и сохраняющаяся вариативность их репрезентации в текстах религиозного дискурса обуславливают необходимость более детального анализа экклезионимов на конкретном языковом материале. В связи с этим целью данного исследования является выявление особенностей передачи экклезионима *Свято-Троицкой Сергиевой лавры* в англоязычной переводческой практике и анализ используемых способов его передачи на материале сайта Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили русскоязычные и англоязычные тексты, размещенные на официальном сайте Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (ОВЦС), содержащие варианты передачи наименования *Свято-Троицкой Сергиевой лавры*.

Метод сплошной выборки использовался для выявления всех вариантов передачи наименования *Свято-Троицкой Сергиевой лавры*, представленных на сайте ОВЦС. Сравнительно-сопоставительный анализ позволил установить сходства и различия между исходным экклезионимом и его англоязычными соответствиями. Анализ словарных дефиниций применялся для уточнения семантики отдельных компонентов экклезионима и их англоязычных эквивалентов. Структурно-семантический анализ использовался для исследования внутренней организации наименования и способов передачи его компонентов в переводе. Лингвокультурологический анализ позволил выявить особенности сохранения культурно-исторической и конфессиональной специфики экклезионима в англоязычных вариантах. Контекстуальный анализ использовался при интерпретации переводческих решений с учетом особенностей функционирования религиозной лексики в англоязычной православной традиции.

Результаты и их обсуждение

На протяжении своей истории Свято-Троицкая Сергиева Лавра именовалась по-разному. По данным епископа Егорьевского Марка ², в различных источниках встречаются такие наименования, как «обитель Святыя Троицы», «Сергиев монастырь», «дом

¹ Подольская Н.В. 1988. Словарь русской ономастической терминологии. Под ред. А. В. Суперанской. Москва, Наука. С. 91.

² Марк, епископ Егорьевский (Головков). 2005. О современных нововведениях в наименованиях монастырей и храмов. Православие.Ru, 7.10.2005. URL: <https://pravoslavie.ru/put/051007150322.htm> (дата обращения: 15.06.2026).

Живоначальные Троицы и Преподобного Сергия Чудотворца и Никона», «дом Пресвятыя и Живоначальные Троицы и Великих Чудотворцев Сергия и Никона», «Троицкая Лавра», Сергиева Лавра и др. Исследователь также отмечает, что форма Свято-Троицкая Сергиева Лавра вошла в употребление лишь в XX веке¹. В настоящее время именно этот вариант используется в качестве официального наименования монастыря, тогда как форма *Троице-Сергиева Лавра* функционирует как его сокращенный вариант.

Структурная и культурная специфика экклезионима *Свято-Троицкой Сергиевой Лавры* обуславливает его значимость для перевода, поскольку в английском языке он может передаваться различными вариантами, различающимися степенью сохранения исходной семантики и культурно-религиозных компонентов. На сайте ОБЦС мы нашли следующие варианты его передачи:

- Троице-Сергиева лавра: the St. Sergius Monastery of the Trinity, Laura of the Holy Trinity and St. Sergius, St. Sergius's Laura of the Trinity;
- Свято-Троицкая Сергиева лавра: the Holy Trinity Lavra of St. Sergius, the Holy Trinity Sergius Lavra, Holy Trinity Lavra of St. Sergius, the Monastery of the Holy Trinity, the St. Sergius Laura of the Holy Trinity, the Laura of the Holy Trinity, the St. Sergius Laura of the Trinity, St Sergius's Laura of the Trinity, St. Sergius' Laura of the Trinity.

Особую сложность при переводе представляет лексема «лавра». Исторически она восходит к греческому слову *λαύρα (laura)*, первоначально обозначавшему «узкий проход», «городскую улочку» или ряд келий отшельников, объединенных в раннехристианские монашеские поселения².

В восточно-христианской традиции данный термин закрепился за обозначением особого типа монастырских комплексов, сочетающих келиотную и общежительную формы монашеской организации³.

В русско-английской лексикографической практике отмечается вариативность передачи данной единицы. Так, в «Большом англо-русском словаре религиозной лексики»⁴ в качестве перевода лексемы «лавра» приводятся оба варианта – *lavra* и *laura*, что отражает сосуществование транслитерированной и этимологически соотнесенной формы в переводческой традиции⁵.

Данная вариативность отмечается и в англоязычных словарях. Так, словарь *Collins Dictionary* фиксирует вариант *laura*, определяя его как «a group of monastic cells in a desert area where reclusive monks lived», что соотносится с одним из ранних значений этого термина⁶. При этом вариант *lavra* в общих словарях английского языка как самостоятельная единица практически не представлена: например, словарь *Cambridge Dictionary* не фиксирует ее отдельной словарной статьей, ограничиваясь общим понятием *monastery*⁷. В словаре *Oxford English Dictionary* данная единица также не зарегистрирована как самостоятельная словарная статья. Вместе с тем словарь *Oxford Reference* определяет слово

¹ Марк, епископ Егорьевский (Головков). 2005. О современных нововведениях в наименованиях монастырей и храмов. Православие.Ru, 7.10.2005. URL: <https://pravoslavie.ru/put/051007150322.htm> (дата обращения: 15.06.2026).

² Лавра. 2020. Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». URL: <https://m.pravenc.ru/text/2462411.html> (дата обращения: 15.06.2026).

³ Лавра. 2020. Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия». URL: <https://m.pravenc.ru/text/2462411.html> (дата обращения: 15.06.2026).

⁴ Азаров А.А. 2004. Большой англо-русский словарь религиозной лексики. М., Флинта: Наука, 808 с.

⁵ Азаров А.А. 2004. Большой англо-русский словарь религиозной лексики. М., Флинта: Наука. С. 435.

⁶ Laura. 2026. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/laura> (дата обращения: 15.06.2026).

⁷ Monastery. 2026. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/monastery> (дата обращения: 15.06.2026).

lavra как заимствование греческого происхождения (*Greek for a street or alley*) и определяет его как монашеское поселение, а в более поздней традиции – как крупную монастырскую общину особого статуса ¹.

В русской лексикографической традиции лексема «лавра» устойчиво закреплена как обозначение крупного монастыря особого статуса. В Большом академическом словаре русского языка лавра определяется как «большой и особо значимый православный мужской монастырь» ². И.В. Бугаева дополнительно отмечает, что использование термина «лавра» выполняет дифференцирующую функцию в системе монастырской номинации, поскольку позволяет различать типы культовых объектов и обозначать их иерархический статус в церковной системе [Бугаева, 2010, с. 292].

Анализ примеров, представленных на сайте ОВЦС, показывает, что при переводе лексемы «лавра» используются три основных варианта: *monastery*, *lavra* и *laura*. Перевод через родовой англоязычный полионим *monastery* представляет собой обобщенное обозначение и применяется в тех случаях, когда исходная единица передается через более широкое родовое понятие. Данный способ делает наименование более понятным для англоязычного реципиента, однако не отражает статусную специфику лавры как особого типа монастырского комплекса.

В переводоведческой литературе также подчеркивается, что семантика лексемы «лавра» не полностью передается через слово *monastery*. Так, Е.В. Антонова отмечает, что использование обобщенного эквивалента приводит к снижению культурно-религиозной специфики и не позволяет отразить статус лавры как особого типа монастыря [Антонова, 2002, с. 140]. Мы также разделяем данную позицию.

Варианты *lavra* и *laura* представляют различные способы передачи исходной формы: первый основан на транслитерации, второй опирается на исторически и этимологически соотнесенную форму. При этом вариант *laura* не в полной мере отражает современное конфессиональное употребление лексемы «лавра», поскольку соотносится преимущественно с раннехристианским значением. В связи с этим предпочтение в переводческой практике отдается форме *lavra*, которая позволяет сохранить более точную передачу культурно-религиозного содержания наименования и избежать его сведения к общему понятию *monastery*.

Наряду с лексемой «лавра» отдельного рассмотрения требует передача имени святого *Сергий*. Е.В. Антонова [2002] отмечает, что при формировании англоязычных ксенонимов Русской православной церкви широко используется прием эллинизации, связанный с передачей имен по греческой модели [Антонова, 2002, с. 162]. Одним из наиболее распространенных способов является добавление суффикса *-us*, что наблюдается в таких формах, как *Methodius*, *Theodosius*, *Nilus* и *Sergius* [Антонова, 2002, с. 162]. С этой точки зрения используемая в анализируемых примерах форма *Sergius* может рассматриваться как результат эллинизации и не является прямой транслитерацией русского имени *Сергий*.

При этом Е.В. Антонова [2002] также пишет о существовании англизированных вариантов перевода имени *Сергий*, таких как *Sergy*, *Sergiy* и *Sergii* [Антонова, 2002, с. 163]. Данные формы ориентированы преимущественно на передачу русского произношения. Однако в материалах ОВЦС подобные примеры не зафиксированы. Варианты *Sergey* и *Sergei* также не используются, поскольку относятся к современной транслитерации русского личного имени и не обладают сакральной закреплённостью, необходимой для обозначения канонизированного святого. Во всех рассмотренных примерах последовательно используется вариант *Sergius*, что свидетельствует о предпочтении

¹ Lavra. 2026. Oxford Reference. URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/oi/authority.20110803100054363> (дата обращения: 15.06.2026).

² Большой академический словарь русского языка. 2007. Том 9: Л–Медь. Под ред. К.С. Горбачевич. Москва, Санкт-Петербург, Наука. С. 19.

эллинизированной формы как наиболее устойчивой в англоязычной православной традиции. На наш взгляд, данный выбор является оправданным: форма *Sergius* не только вписывается в систему православной ономастической традиции, но и отсылает к ее греческим истокам, тем самым дополнительно маркируя принадлежность наименования к православному культурно-историческому контексту.

В переводных вариантах имя святого может выступать в препозиции (*St. Sergius Lavra*), в генитивной конструкции (*St. Sergius's Laura*, *St. Sergius' Laura*), а также в форме с предлогом (*of St. Sergius*), что отражает различия синтаксической организации экклезионима.

Дополнительный интерес представляет орфографическое оформление генитивной конструкции, в частности использование апострофа при образовании притяжательной формы имени собственного. В англоязычной орфографической традиции оформление притяжательной формы имен собственных, оканчивающихся на *-s*, характеризуется вариативностью. Как отмечается в одном из ведущих авторитетных академических онлайн-ресурсов *Purdue Online Writing Lab*, функционирующем при университете Пердью (США), в академических стилях (CMOS, APA, MLA) обычно используется форма с добавлением *'s* даже при конечном *-s* в имени (e.g. *James's hat*), однако также допускается вариант с одним апострофом без дополнительного *-s* (e.g. *James' hat*)¹. При этом подчеркивается, что выбор конкретной формы определяется стилистическим руководством издания и может различаться в зависимости от орфографической традиции. Именно поэтому оба варианта, представленные в анализируемом материале, — *St. Sergius's Laura of the Trinity* и *St. Sergius' Laura of the Trinity* — являются нормативно допустимыми. Их различие носит не грамматический, а стилистический характер и связано с различными редакционными практиками: форма с *'s* отражает более современную и распространенную академическую норму, тогда как вариант без дополнительного *-s* традиционно соотносится с более консервативной орфографической практикой.

Чин святости, связанный с именем преподобного Сергия Радонежского, в англоязычных вариантах передается через гипероним *Saint*. При этом наблюдается вариативность в оформлении самого гиперонима: фиксируются как полная форма *Saint*, так и сокращенные *St* и *St.* Различие между написаниями *St Sergius* и *St. Sergius* заключается в наличии или отсутствии точки после сокращения и связано с вариативностью англоязычных орфографических и редакционных норм. Так, словарь *Collins Dictionary* рассматривает в качестве нормативных обе формы сокращения слова *Saint* — *St* и *St.*². Это обусловлено тем, что в британской редакционной практике сокращение *Saint* обычно оформляется как *St* без точки, тогда как в американской традиции широко используется форма *St.* с точкой. Оба варианта являются нормативными и не влияют на семантику наименования.

Вместе с тем использование гиперонима в рассматриваемом материале не является последовательным. Так, в варианте *the Holy Trinity Sergius Lavra* имя *Сергий* сохраняется, однако чин святости *Saint/St./St* отсутствует. Подобное решение позволяет идентифицировать святого, но приводит к частичной утрате религиозной маркированности имени, поскольку его канонический статус остается невыраженным.

Еще большую степень редукции демонстрируют варианты *the Monastery of the Holy Trinity* и *the Laura of the Holy Trinity*, в которых полностью опускаются как имя святого *Sergius*, так и сопровождающий его гипероним *Saint*. В результате наименование утрачивает один из ключевых компонентов своей структуры, связанного с именем преподобного Сергия Радонежского. Подобная редукция упрощает экклезионим и одновременно приводит к потере части культурно-религиозной информации, поскольку связь лавры с его

¹ The Apostrophe. 2026. Purdue University. URL: https://owl.purdue.edu/owl/general_writing/punctuation/apostrophe_introduction.html (accessed: June 15, 2026).

² ST (abbreviation). 2026. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/english-language-learning/st> (accessed: June 15, 2026).

основателем и наиболее значимой фигурой становится неочевидной для англоязычного реципиента.

Отдельного внимания заслуживает передача догматического понятия «Святая Троица», входящего в состав анализируемого экклезионима. Во всех рассмотренных примерах данный компонент передается посредством словосочетания *Holy Trinity* либо в сокращенном варианте *Trinity*. Следует отметить, что в материалах ОВЦС не зафиксированы случаи транслитерационной передачи компонента «Троица» (*Troitsa*, *Troitse*- и др.). С точки зрения перевода использование формы *Trinity* представляется более оправданным, чем сохранение транслитерированного варианта. В отличие от лексемы «лавра», обладающей выраженной конфессионально-культурной спецификой и не имеющей полного эквивалента в английском языке, понятие «Святая Троица» обладает устойчивым общехристианским соответствием. В связи с этим применение транслитерации (*Troitsa*, *Troitse*-) не представляется необходимым и могло бы затруднить восприятие наименования англоязычным читателем.

Вместе с тем в анализируемом материале наблюдается вариативность в передаче атрибутивного компонента «свято-». В большинстве случаев используется форма *Holy Trinity* (*Laura of the Holy Trinity and St. Sergius, the Holy Trinity Lavra of St. Sergius, the Holy Trinity Sergius Lavra, Holy Trinity Lavra of St. Sergius, the Monastery of the Holy Trinity, the St. Sergius Laura of the Holy Trinity, the Laura of the Holy Trinity*), однако в ряде примеров прилагательное *Holy* опускается (*the St. Sergius Monastery of the Trinity, St. Sergius's Laura of the Trinity, the St. Sergius Laura of the Trinity, St. Sergius's Laura of the Trinity, St. Sergius' Laura of the Trinity*).

Подобная редукция не препятствует идентификации данного понятия, поскольку вариант *Trinity* в христианском контексте по-прежнему однозначно соотносится с догматом о Святой Троице. Однако опущение компонента *Holy* приводит к частичной утрате религиозной маркированности наименования по сравнению с полной формой *Holy Trinity*. В связи с этим более предпочтительным представляется сохранение полного варианта, поскольку он в большей степени соответствует структуре исходного экклезионима и позволяет точнее передать его конфессиональную специфику.

Наконец, следует отметить неединообразие в употреблении определенного артикля *the*. Его наличие варьируется в зависимости от конкретного варианта перевода: артикль сохраняется в одних случаях и опускается в других перед лексемами *lavra*, *Holy Trinity*, а также перед всей номинацией в целом (например, *St. Sergius Laura*). Такая вариативность свидетельствует об отсутствии унифицированного стандарта оформления экклезионимов в переводах, представленных на сайте ОВЦС.

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить особенности передачи экклезионима *Свято-Троицкой Сергиевой лавры* в англоязычной переводческой практике на материале сайта Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Исследование показало, что для данного наименования характерна значительная вариативность перевода, затрагивающая как передачу отдельных религиозно маркированных компонентов, так и структурную организацию экклезионима в целом.

Установлено, что наибольшая вариативность наблюдается при передаче лексемы «лавра», для которой используются варианты *lavra*, *laura* и *monastery*. При этом наиболее точной представляется форма *lavra*, поскольку она позволяет сохранить конфессиональную и культурно-историческую специфику исходного наименования. Анализ передачи имени преподобного Сергия Радонежского показал устойчивое использование эллинизированной формы *Sergius*, закрепленной в англоязычной православной традиции. Вместе с тем в ряде переводных вариантов наблюдается редукция компонентов, связанных с именем святого и указанием на его чин святости, что приводит к частичной утрате религиозной

маркированности экклезионима. Исследование также показало, что компонент «Святая Троица» передается преимущественно посредством устойчивого общехристианского соответствия *Holy Trinity*, тогда как опущение элемента *Holy* приводит к ослаблению конфессиональной специфики наименования. Кроме того, выявлена вариативность в употреблении определенного артикля и отдельных орфографических средств оформления экклезионима, что свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к его передаче.

Полученные результаты позволяют систематизировать основные особенности передачи экклезионима и указать на его переводческую вариативность. В связи с этим перспективным направлением дальнейших исследований может стать разработка словаря или справочника религиозных имен собственных, ориентированного на унификацию их перевода и обеспечение единообразия в англоязычном религиозном дискурсе.

Список литературы

- Антонова А.М. 2002. Лексика русского православия в англоязычном тексте и словаре. Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 212 с.
- Арина Е.П. 2008. Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 19 с.
- Бобырева Е.В. 2007. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград, Перемена, 374 с.
- Бугаева И.В. 2010. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития. Дис. ... докт. филол. наук. Москва, 454 с.
- Влахов С., Флорин С. 1980. Непереводимое в переводе. Москва, Международные отношения, 342 с.
- Гоголева О.В. 2011. Ономастический классификатор в англоязычном описании иноязычной культуры. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 21 с.
- Кабакчи В.В. 2001. Практика английского языка межкультурного общения: Religion, Christianity, Russian Orthodoxy (Pravoslavie). Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 172 с.
- Латышев Л.К. 2005. Технология перевода. Москва, ACADEMIA, 316 с.

References

- Antonova A.M. 2002. Leksika russkogo pravoslaviya v angloyazychnom tekste i slovare [Vocabulary of Russian Orthodoxy in English-language texts and dictionaries]. Dis. ... Cand. Philol. Sciences. St. Petersburg, 212 p.
- Arina E.P. 2008. Soderzhatel'noe i strukturnoe svoeobrazie russkikh ehkklezionimov v tipologicheskom aspekte [Content-related and structural distinctiveness of Russian ecclesionyms: a typological perspective]. Abstract ... Cand. Philol. Sciences. Samara, 19 p.
- Bobyreva E.V. 2007. Religiozniy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya) [Religious Discourse: Values, Genres, Strategies (Based on Orthodox Doctrine)]. Volgograd, Publ. Peremena, 374 p.
- Bugaeva I.V. 2010. Yazyk pravoslavnoi sfery: sovremennoe sostoyanie, tendentsii razvitiya [Language of the Orthodox sphere: current state, development trends]. Dis. ... Doct. Philol. Sciences. Moscow, 454 p.
- Vlakhov S., Florin S. 1980. Neperevodimoe v perevode [The Untranslatable in Translation]. Moscow, Publ. Mezhdunarodnye otnosheniya, 342 p.
- Gogoleva O.V. 2011. Onomasticheskiy klassifikator v angloyazychnom opisanii inoyazychnoi kul'tury [An onomastic classifier in an English-language description of a foreign culture]. Abstract ... Cand. Philol. Sciences. St. Petersburg, 21 p.
- Kabakchi V.V. 2001. Praktika angliiskogo yazyka mezhkul'turnogo obshcheniya: Religion, Christianity, Russian Orthodoxy (Pravoslavie) [English Language Practice for Intercultural Communication: Religion, Christianity, Russian Orthodoxy (Pravoslavie)]. St. Petersburg, Publ. Sankt-Peterburgskii institut vneshneekonomicheskikh svyazei, ehkonomiki i prava, Obshchestvo «Znanie» Sankt-Peterburga i Leningradskoi oblasti, 172 p.
- Latyshev L.K. 2005. Tekhnologiya perevoda [Translation technology]. Moscow, Publ. ACADEMIA, 316 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 25.06.2026
Поступила после рецензирования 01.09.2026
Принята к публикации 06.09.2026

Received June 25, 2026
Revised September 01, 2026
Accepted September 06, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прыткина Арина Георгиевна, аспирант,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arina G. Prytkina, Postgraduate Student,
Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russia.

УДК 81'42
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-574-581
EDN VZMDYB

Лингвистическое хеджирование как средство управления эпистемической бдительностью зрителей в спортивном комментарии (на материале «Формула-1»)

Шкода Ю.Д.

Челябинский государственный университет
Россия, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129
shkoda-julia@mail.ru

Аннотация. В условиях высокой плотности информационных потоков особую значимость приобретают механизмы эпистемической бдительности, позволяющие адресату оценивать достоверность сообщений, транслируемых спортивным комментатором. Комментатор должен одновременно поддерживать авторитет собственных суждений и признавать ограниченность имеющихся данных о происходящем на гоночном треке. Связь лингвистического хеджирования с эпистемической бдительностью ранее не изучалась, что ограничивает понимание прагматических механизмов управления доверием в условиях дефицита времени. Цель исследования – выявить функции лингвистического хеджирования как инструмента управления эпистемической бдительностью аудитории в спортивном комментарии. Исследование проведено на материале российских комментариев гонок «Формула-1» (23 этапа, 2021 г.; 2640 минут) с применением контекстуального и функционально-семантического анализа. Минимальной единицей исследования является хедж. Приемом сплошной выборки было выявлено 920 хеджей. Установлено, что хеджирование в спортивных комментариях выполняет две функции: с одной стороны, снижает риск негативных последствий ошибки для комментатора (защитная функция), с другой – сообщает адресату о недостаточной полноте передаваемой информации. Результаты исследования позволяют расширить представления о лингвистическом хеджировании, добавляя функцию регуляции эпистемической бдительности.

Ключевые слова: коммуникация в спортивной среде, лингвистическое хеджирование, эпистемическая бдительность, управление доверием, спортивный комментарий

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований Челябинского государственного университета 2026 г. Тема гранта: «Митигация как способ гармонизации общения в процессе социального взаимодействия».

Для цитирования: Шкода Ю.Д. 2026. Лингвистическое хеджирование как средство управления эпистемической бдительностью зрителей в спортивном комментарии (на материале «Формула-1»). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 574–581. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-574-581 EDN VZMDYB

Linguistic Hedging as a Means of Managing Epistemic Vigilance of Viewers in Sports Commentary (Based on Formula 1)

Yulia D. Shkoda

Chelyabinsk State University
129 Bratiev Kashirinykh St., Chelyabinsk 454001, Russia
shkoda-julia@mail.ru

Abstract. Epistemic vigilance mechanisms which allow individuals to assess the reliability of communicated information have become increasingly crucial in today's dense information environment. Sports commentary represents a unique communicative setting where speakers must continuously balance

authoritative reporting with an awareness of their limited access to real-time data, yet the intersection of linguistic hedging and epistemic vigilance in this dynamic context remains unexplored. In particular, no prior research has examined this relationship within Russian-language sports discourse, leaving a gap in the understanding of how trust is managed under severe time constraints. This study addresses that gap by investigating the role of hedging as a tool for regulating audience epistemic vigilance in Formula 1 commentaries. The empirical data consists of Russian-language broadcasts. The findings reveal that hedging performs a dual function: it mitigates the categorical force of statement, by protecting the commentator from reputational damage in the event of an error, while simultaneously triggering the viewer's background epistemic vigilance and encouraging independent verification against the visual feed and temporary data. This dual operation fosters long-term trust by signaling the commentator's awareness of informational boundaries without undermining the perceived competence of the source.

Keywords: Communication in a sports environment, linguistic hedging, epistemic vigilance, trust management, sports commentary

Funding: The work was supported by the Foundation for Advanced Scientific Research of Chelyabinsk State University for 2026, research project “Mitigation as a means to harmonize communication in the process of social interaction”.

For citation: Shkoda Yu.D. 2026. Linguistic Hedging as a Means of Managing Epistemic Vigilance of Viewers in Sports Commentary (Based on Formula 1). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 574–581 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-574-581 EDN VZMDYB

Введение

В спортивном комментарии комментатор не просто описывает событие, но и интерпретирует его, оценивает, прогнозирует развитие гоночных ситуаций, одновременно соотнося свои высказывания с визуальным рядом, телеметрическими данными и предполагаемыми фоновыми знаниями аудитории. Эффективная коммуникация в условиях неполноты информации и дефицита времени требует от адресата постоянной оценки достоверности сообщений, что актуализирует проблему эпистемической бдительности в спортивном комментарии. Выбор данного материала обусловлен тем, что комментатор работает в режиме реального времени, однако не всегда располагает полной информацией о стратегиях команд, намерениях пилотов, технических проблемах. Зритель трансляции, в свою очередь, постоянно сверяет вербальную информацию с визуальным рядом, а комментатор вынужден оперативно формулировать оценки и прогнозы, балансируя между авторитетностью собственных суждений и признанием ограниченности имеющихся данных.

Данное исследование является развитием предыдущих работ автора, посвященных лингвистическому хеджированию в спортивном дискурсе [Шкода, 2025]. В отличие от предшествующих работ, где рассматривались общие прагматические функции хеджей, в настоящей статье акцент делается на связи хеджирования с эпистемической бдительностью аудитории. Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые на материале русскоязычных спортивных комментариев рассматривается роль хеджирования как средства активации фоновой эпистемической бдительности зрителя.

В работе Д. Спербероа Epistemic Vigilance данный механизм определен как совокупность когнитивных механизмов, нацеленных на «защиту адресата от дезинформации» (“*cognitive mechanisms for epistemic vigilance, targeted at the risk of being misinformed by others*”) [Sperber et al., 2010, p. 359]. Факторы, влияющие на принятие или отвержение передаваемой информации, могут быть связаны как с ее источником (вопрос доверия к источнику), так и с ее содержанием (вопрос доверия содержанию). Обращаясь к механизмам эпистемической бдительности, В.И. Заботкина и Е.М. Позднякова [Заботкина, Позднякова, 2023, с. 16] подчеркивают, что реципиент одновременно оценивает компетентность (наличие подлинной информации) и доброжелательность (нацеленность на

передачу именно этих сведений) говорящего. Если возникает противоречие, слушатель должен либо скорректировать свои убеждения, либо усомниться в надежности источника. В.К. Двойнина отмечает, что эпистемическая бдительность является адаптивным механизмом, возникшим в условиях социальной коммуникации, перенасыщенной обманом и манипулятивными действиями [Двойнина, 2025, с. 7].

Термин хеджирование (*hedging*) появился в 1970-х благодаря работе Дж. Лакоффа. Метафорическое использование образа живой изгороди было введено для иллюстрации механизма ухода от излишней категоричности. Лакофф, изучая проблему нечеткости в рамках формальной семантики, определяет хеджи как «слова, значение которых имплицитно предполагает нечеткость; это слова, основная функция которых состоит в том, чтобы создать нечеткость разной степени» (*“words whose meaning implicitly involves fuzziness [and] whose job is to make things fuzzier or less fuzzy”*) [Lakoff, 1973, p. 471].

Ряд работ был посвященных этой теме [Prince, 1982; Namsaraev, 1997; Hyland, 1998; Fraser, 2010; Пастухова, 2019; Vlasyan, Petrova, 2022; Власян, 2023]. Несмотря на наличие работ как по эпистемической бдительности [Клепикова, 2011; Sperber et al., 2014; Заботкина, Позднякова, 2023; Двойнина, 2025], так и по хеджированию, их взаимосвязь в спортивном дискурсе остается неисследованной. В отечественной лингвистике не рассматривались прагматические механизмы управления эпистемической бдительностью при помощи хеджей на материале спортивных комментариев. Данный пробел делает необходимым проводимое исследование. Мы полагаем, что хеджирование может быть рассмотрено как лингвистическая реализация бдительности: оно демонстрирует слушателю, что коммуникатор сам учитывает возможность ошибки и тем самым управляет ожиданиями аудитории, снижая возможность негативных последствий эпистемической неудачи.

Таким образом, целью данного исследования является выявление функций лингвистического хеджирования как средства управления эпистемической бдительностью зрителей в русскоязычном спортивном комментарии.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили записи прямых трансляций гонок «Формула-1» на русском языке за 2021 год, размещенные на сайте F1WORLD.RU¹. Выбор данного источника обусловлен полнотой архива записей, включающего все этапы чемпионата, что обеспечило репрезентативность выборки. Большой объем гоночных сессий (23 этапа) позволил охватить различные коммуникативные ситуации внутри спортивного комментария: оперативное описание происходящего на гоночной трассе, прогностические суждения, ретроспективные оценки.

Минимальной единицей исследования является хедж. Объем проанализированного русскоязычного материала составил 2 640 минут. Всего было зафиксировано и проанализировано 920 хеджей. Идентификация хеджей проводилась на основе классификации, разработанной лингвистом Э. Принс [Prince, 1982].

Применяется метод контекстуального анализа, позволивший изучить функционирование хеджей в естественной коммуникативной среде с учетом широкого контекста (предшествующих и последующих реплик комментаторов, визуальной информации, доступной зрителю). Контекстуальный анализ дополнен функционально-семантическим анализом, направленным на установление связи между формальными средствами выражения хеджирования и их когнитивно-прагматическими задачами. Для каждой единицы фиксировался тип хеджа (по классификации Э. Принс), его непосредственный контекст и коммуникативная ситуация. На основе анализа контекста выделялись функции хеджей: снижение репутационного риска для комментатора и

¹ Формула-1: прямые трансляции // F1WORLD.RU : сайт. 2021. URL: <https://f-1world.ru/zapisi-gonok/> (дата обращения: 02.06.2026).

активация эпистемической бдительности адресата. Критерием выявления у хеджа второй функции служило наличие в контексте указания на гипотетичность или возможность пересмотра оценки, что в рамках теории Д. Спербера рассматривается как триггер для активации механизмов верификации.

Результаты и их обсуждение

Спортивный комментарий в динамичной среде гонок «Формула-1» ставит перед коммуникатором задачу не только оперативно передавать информацию, но и управлять эпистемической бдительностью аудитории (*epistemic vigilance*) – механизмом, защищающим слушателя от дезинформации. Комментатор постоянно балансирует между стремлением сохранить авторитет и неизбежной неопределенностью, возникающей из-за быстро меняющейся гоночной ситуации. Одним из ключевых инструментов такого управления выступает лингвистическое хеджирование, маркирующее неуверенность или апелляцию к внешнему источнику, что, в свою очередь, смягчает категоричность высказывания. Хеджи позволяют управлять эпистемической бдительностью адресата: с одной стороны, укрепляя доверие к комментатору, а с другой – побуждая к проверке содержания на непротиворечивость, что особенно важно в спортивных комментариях, где этап понимания неизбежно опережает этап принятия.

Д. Спербер указывает на то, что устойчивое доверие в коммуникации возможно благодаря постоянной фоновой бдительности, которая не включается только в критических ситуациях, но работает как непрерывный мониторинг, уровень которого меняется в зависимости от контекста. Понимание высказывания требует от адресата временной «позиции доверия» (*stance of trust*), он интерпретирует высказывание так, как если бы собирался его принять. Однако окончательное принятие наступает только после того, как сработают механизмы бдительности и не найдут оснований для сомнения. В данной модели рассуждение (*reasoning*) служит для аргументации перед бдительной аудиторией. Коммуникатор использует логические связки, явные аргументы, чтобы сделать свое сообщение более убедительным. В такой модели коммуникации говорящий имеет два намерения: информативное (сообщить аудитории что-либо) и коммуникативное (сделать так, чтобы адресат понял, что у говорящего есть это информативное намерение).

Таким образом данная теория исходит из того, что человеку присуща активная позиция в информационном обмене, подкрепленная «врожденными генетическими стратегиями», благодаря которым происходит проверка достоверности получаемых коммуникативных сигналов и которые выступают барьером для дезинформации. Возникновение такого адаптивного механизма продиктовано условиями социальной коммуникации, перенасыщенной обманом и манипулятивными воздействиями [Двойнина, 2025, с. 7].

Согласно теории эпистемической бдительности [Sperber et al., 2010], адресат в процессе коммуникации постоянно оценивает надежность источника информации. Применительно к спортивному дискурсу это означает, что зритель может сопоставлять высказывания комментатора с визуальным рядом и собственными фоновыми знаниями, что создает предпосылки для использования хеджей как маркеров неопределенности. В настоящем исследовании анализируется речь комментаторов; непосредственная реакция зрителей не измерялась, поэтому соответствующие положения рассматриваются как теоретическая интерпретация, согласующаяся с моделью Д. Спербера.

Использование комментатором хеджей (*возможно, вероятно, похоже и т. д.*) направлено на снижение категоричности утверждения, тем самым «смягчая» потенциальный удар по репутации комментатора в случае ошибки и одновременно апеллируя к бдительности слушателя, оставляя пространство для самостоятельной проверки высказывания:

*«Себастьян Феттель у нас переобувается на более мягкие шины, так что отработал свое на медиуме и, **возможно**, теперь до конца на красных».*

*«Смотрит здесь в зеркала Лэнс Стролл уже из всех сил, потому что вот он Валттери и **наверняка** сейчас попробует атаку»¹.*

Хедж **возможно** маркирует гипотетический сценарий, уменьшая эпистемическую ответственность комментатора и одновременно активируя бдительность слушателя. В то же время хедж **наверняка** при формально высокой степени уверенности смягчает категоричность прогноза и оставляет пространство для пересмотра оценки, если атака не состоится.

Применительно к спортивному комментарию мы предполагаем, что зритель, воспринимая высказывания комментатора, имплицитно сопоставляет их с визуальным рядом, доступными телеметрическими данными и собственными фоновыми знаниями о спортивном событии. В этом контексте хеджирование, маркирующее неполноту и гипотетический характер информации, может рассматриваться как языковой сигнал, который способствует поддержанию доверия к комментатору, не позволяя фоновой бдительности перейти в недоверие. Данное предположение требует проверки (например, анализ реакции зрителей), однако в рамках настоящего исследования, ограниченного анализом речи комментаторов, рассматривается как теоретическая интерпретация, согласующаяся с моделью Д. Спербера.

*«Три и три Окона обслужили, не очень быстро. Это, **может быть**, стоило... Вот, смотрите, он мог перед Сайнсом, **теоретически**, выехать, ну, или колесо в колесо».*

*«Просто на этот раз, поскольку у всех софт, то **вроде как** кажется, что весь пелетон на софте, но это не совсем так. Опять же между первой и второй десяткой есть разница по шинам»².*

Спортивный комментарий также требует от аудитории быстрой интерпретации в реальном времени. Хеджи в речи комментатора маркируют предположительный характер высказывания, оставляя пространство для возможного пересмотра оценки. Хедж **достаточно** смягчает количественную оценку, снижая категоричность утверждения и дает возможность уточнения:

*«Одна и девять, блестяще! На уровне рекорда. Вот там на прямой сейчас находится Льюис, и **похоже**, что этот оверкат плюс разница в две с лишним секунды на пит-стопе сработали в пользу Макса Ферстаппена и он выходит вперед. Причем с **достаточно** приличным преимуществом»³.*

Компетентный зритель также обладает набором фоновых знаний о данном виде спорта (конфигурация трассы, навыки пилотов, особенности болидов, возможные стратегии команд, погодные условия и т. д.). Когда комментатор делает предположение, хеджирование выступает как «предупредительный сигнал», указывая на границы его компетенции и на то, что говорящий признает возможную неполноту информации. Теоретически такая маркировка может снизить риск того, что слушатель воспримет расхождение с реальным ходом событий как повод полностью отвергнуть авторитет комментатора.

*«Но Джовинацци тоже, смотрите, он догнал сейчас Никиту и уже в зоне крыла, так что, **я думаю**, что скоро Хаасы могут оказаться на последних позициях».*

*«Да, **я думаю**, что что-то с машиной на самом деле у Норриса, так как такого не может быть. У него был фантастический темп накануне».*

*«“Если эти шины могут ехать дольше, то надо было до них останавливаться”. Ну, **насколько я понимаю**, они до них и останавливались, нет? Ну, посмотрим»⁴.*

¹ Формула-1: прямые трансляции // F1WORLD.RU : сайт. 2021. URL: <https://f-1world.ru/zapisi-gonok/> (дата обращения: 02.06.2026).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Заключение

Таким образом, эпистемическая бдительность зрителей гонок «Формула-1» проявляется как постоянно действующий фон, определяющий коммуникативную стратегию комментатора. В условиях прямого эфира, где скорость поступления информации опережает возможность ее полной проверки, комментатор непрерывно ищет баланс между авторитетным информированием реципиента о происходящем в момент трансляции и признанием некоторой ограниченности информации.

Исследование 920 хеджей на русском языке показало, что лингвистическое хеджирование в данном случае становится ключевым инструментом управления доверием аудитории. Хеджи выполняют две функции: сигнализируют об ограниченности имеющейся информации (ее неточности) и создают пространство для возможной ошибки без ущерба для репутации источника. Предполагаем, одной из причин эффективности хеджирования может быть то, что зрители обладают фоновыми знаниями и имеют возможность сверять комментарии с визуальным рядом, телеметрическими данными и иными источниками дополнительной информации.

Вклад автора заключается в следующем: впервые на материале русскоязычных спортивных комментариев гонок «Формула-1» выявлена и описана функциональная связь между лингвистическим хеджированием и эпистемической бдительностью, определены прагматические функции хеджей в данном типе дискурса.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов и выводов в практике преподавания таких дисциплин, как медиалингвистика, теория массовой коммуникации, а также в курсах по спортивной журналистике. Результаты могут быть применены при разработке практических занятий в том числе при подготовке спортивных журналистов и телекомментаторов. Кроме того, полученные результаты могут быть полезны самим спортивным комментаторам: понимание механизмов эпистемической бдительности позволит им более осознанно выстраивать речевое поведение, снижать риски потери доверия со стороны зрителя, а также эффективно удерживать авторитет в долгосрочной перспективе.

Список литературы

- Власян Г.Р. 2023. Понятие хеджирования в лингвистике. *Когнитивные исследования языка*, 1(52): 232–238.
- Гусева А.А. 2025. Способы выражения хеджирования во французском политическом дискурсе. В кн.: *Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей. Сборник научных статей. Выпуск 10.* Под ред. Г.Р. Власян, М.А. Самковой. Челябинск, Издательство Челябинского государственного университета: 47–57.
- Двойнина В.К. 2025. Проблема индоктринации псевдонаукой: объяснительные возможности моделей когнитивной обработки информации. *Мир науки. Педагогика и психология*, 13(3). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/47PSMN325.pdf> (дата обращения: 02.06.2026).
- Заботкина В.И., Позднякова Е.М. 2023. Ментальные пространства манипулятивного воздействия в медиадискурсе. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 4: 15–25. DOI: [10.20916/1812-3228-2023-15-25](https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-15-25)
- Клепикова Т.А. 2011. Категоризация интеракциональности в языке: эпистемическая бдительность. *Когнитивные исследования языка*, 9: 386–393.
- Пастухова О.Д. 2019. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в политическом медиадискурсе (на материале английского и русского языков). Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 191 с.
- Шкода Ю.Д. 2025. Функциональные особенности лингвистического хеджирования в англоязычном и русскоязычном спортивных дискурсах (на материале репортажей Формулы 1). *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*, 4(59): 143–150. DOI: [10.36622/2587-9510.2025.59.4.018](https://doi.org/10.36622/2587-9510.2025.59.4.018).
- Fraser B. 2010. Pragmatic Competence: the Case of Hedging. In: *New Approaches to Hedging (Studies in Pragmatics, 9)*. Emerald Group Publishing Limited: 15–34.

- Hyland K. 1998. Hedging in scientific research articles. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 308 p.
- Lakoff G. 1973. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 2: 458–508. DOI: [10.1007/BF00262952](https://doi.org/10.1007/BF00262952)
- Namsaraev V. 1997. Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts. In: Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. Eds. R. Markkanen, H. Schroder. Berlin, New York, Walter de Gruyter: 64–79.
- Prince E.F., Frader J., Bosk C. 1982. On Hedging in Physician-Physician Discourse. In: Linguistics and the Professions. Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies. Ed. R.D. Pietro. Norwood, NJ, Ablex: 83–97.
- Sperber D., Clément F., Heintz Ch., Mascaro O., Mercier H., Origgi G., Wilson D. 2010. Epistemic Vigilance. *Mind & Language*, 25(4): 359–393. DOI: [10.1111/j.1468-0017.2010.01394.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0017.2010.01394.x)
- Vlasyan G.R. 2018. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory. In: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). Conference Proceedings (Chelyabinsk, April 18–20, 2018). Ed. I.V. Denisova. Vol. 39. Chelyabinsk, Future Academy: 685–690. DOI: [10.15405/epsbs.2018.04.02.98](https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.98)
- Vlasyan G.R., Petrova E.M. 2022. Hedging Strategies in the American Talk Show Discourse: Types of Hedges. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 9(467): 38–43. DOI: [10.47475/1994-2796-2022-10905](https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10905)
- Weinreich U. 1966. On the Semantic Structure of English. In: Universals of Language. Ed. J.H. Greenberg. Cambridge, Mass. MIT Press: 142–217.
- Zadeh L. 1965. Fuzzy sets. *Information and Control*, 8: 338–353. DOI: [10.1016/S0019-9958\(65\)90241-X](https://doi.org/10.1016/S0019-9958(65)90241-X)

References

- Vlasyan G.R. 2023. The Concept of Hedging in Linguistics. *Cognitive Studies of Language*, 1(52): 232–238 (in Russian).
- Guseva A.A. 2025. Ways of expressing headging in French political discourse. In: Aktual'nye problemy lingvistiki: vzglyad molodykh issledovatelei [Current Issues in Linguistics: A Young Researcher's Perspective]. Collection of Research Articles. Iss. 10. Ed. G.R. Vlasyan, M.A. Samkova. Chelyabinsk, Publ. Izdatel'stvo Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta: 47–57.
- Dvoynina V.K. 2025. Indoctrination, Information-Psychological Impact, Digital Environment, Cognitive Sphere, Pseudoscientific Theories, Pseudoscientific Beliefs, Cognitive Information Processing. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 13(3) (in Russian). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/47PSMN325.pdf> (accessed: 02.06.2026).
- Zabotkina V.I. Pozdnyakova E.M. 2023. Mental Spaces of Manipulative Impact in Media Discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*, 4: 15–25 (in Russian). DOI: [10.20916/1812-3228-2023-15-25](https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-15-25)
- Klepikova T.A. 2011. Linguistic Categorization of Interactionality: the Case of Epistemic Vigilance. *Issues of Cognitive Linguistics*, 9: 386–393 (in Russian).
- Pastukhova O.D. 2019. Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti ehvfemizmov v politicheskom mediadiskurse (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov) [Communicative and pragmatic features of euphemisms in political media discourse (based on English and Russian languages)]. Dis. ... Cand. Philol. Sciences. Chelyabinsk, 191 p.
- Shkoda Yu.D. 2025. Funkcional'ny'e osobennosti lingvisticheskogo xedzhirovaniya v angloyazy`chnom i russkoyazy`chnom sportivny`x diskursax (na materiale reportazhej Formuly` 1) [Functional Features of Linguistic Hedging in English and Russian Sports Discourses (On the Material of Formula 1 Running Commentaries)]. *Current Issues in Modern Philology and Journalism*, 4(59): 143–150 (in Russian). DOI: [10.36622/2587-9510.2025.59.4.018](https://doi.org/10.36622/2587-9510.2025.59.4.018)
- Fraser B. 2010. Pragmatic Competence: the Case of Hedging. In: New Approaches to Hedging (Studies in Pragmatics, 9). Eds. G. Kaltenböck, S. Schneider, W. Mihatsch, Bingley, Emerald Group Publishing Limited: 15–34.
- Hyland K. 1998. Hedging in scientific research articles. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 308 p.
- Lakoff G. 1973. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Journal of Philosophical Logic*, 2: 458–508. DOI: [10.1007/BF00262952](https://doi.org/10.1007/BF00262952)

- Namsaraev V. 1997. Hedging in Russian Academic Writing in Sociological Texts. In: Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. Eds. R. Markkanen, H. Schroder. Berlin, New York, Walter de Gruyter: 64–79.
- Prince E.F., Frader J., Bosk C. 1982. On Hedging in Physician-Physician Discourse. In: Linguistics and the Professions. Proceedings of the Second Annual Delaware Symposium on Language Studies. Ed. R.D. Pietro. Norwood, NJ, Ablex: 83–97.
- Sperber D., Clément F., Heintz Ch., Mascaro O., Mercier H., Origgi G., Wilson D. 2010. Epistemic Vigilance. *Mind & Language*, 25(4): 359–393. DOI: [10.1111/j.1468-0017.2010.01394.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0017.2010.01394.x)
- Vlasyan G.R. 2018. Linguistic Hedging in the Light of Politeness Theory. In: The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). Conference Proceedings (Chelyabinsk, April 18–20, 2018). Ed. I.V. Denisova. Vol. 39. Chelyabinsk, Future Academy: 685–690. DOI: [10.15405/epsbs.2018.04.02.98](https://doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.98)
- Vlasyan G.R., Petrova E.M. 2022. Hedging Strategies in the American Talk Show Discourse: Types of Hedges. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 9(467): 38–43. DOI: [10.47475/1994-2796-2022-10905](https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10905)
- Weinreich U. 1966. On the Semantic Structure of English. In: Universals of Language. Ed. J.H. Greenberg. Cambridge, Mass. MIT Press: 142–217.
- Zadeh L. 1965. Fuzzy sets. *Information and Control*, 8: 338–353. DOI: [10.1016/S0019-9958\(65\)90241-X](https://doi.org/10.1016/S0019-9958(65)90241-X)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 03.08.2026

Поступила после рецензирования 24.08.2026

Принята к публикации 27.08.2026

Received August 03, 2026

Revised August 24, 2026

Accepted August 27, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шкода Юлия Дмитриевна, аспирант, преподаватель, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia D. Shkoda, Postgraduate Student, Lecturer, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

УДК 811.161.1
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-582-592
EDN WANLMY

Национально-культурная специфика фразеологических единиц с компонентом 弓 / bow (лук)、矛 / spear (копье) в китайском и английском языках

¹ Чжао П., ² Яковлева Е.С.

¹ Хэнаньский университет

Китайская Народная Республика, 475001, г. Кайфэн, ул. Мин Лун, д. 85

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

henu_zpb@163.com; elena.iakovleva@inbox.ru

Аннотация. Сопоставительные исследования фразеологических единиц позволяют выявить универсальные механизмы метафоризации и национально-культурную специфику языкового мышления. При этом отсутствуют работы, в которых рассматриваются фразеологические единицы с компонентами, номинирующими древнее оружие лук (弓 / bow) и копье (矛 / spear) на материале китайского и английского языков. Цель исследования – выявление общих и национально-специфичных моделей метафорического переосмысления лексем, номинирующих древнее оружие лук (弓 / bow) и копье (矛 / spear) во внутренней форме чэньюй китайского языка и идиом английского языка. Для изучения проблемы было отобрано 100 фразеологических единиц. Были выявлены следующие основные тенденции: структурная асимметрия компонентов (значительно преобладают в китайском языке фразеологические единицы, содержащие компонент лук (弓), а в английском – копье (spear); выявлена универсальная модель «владение луком – это искусство»; национально-специфичные модели преобладают; метафорический перенос в двух исследуемых языках фокусируется на «мирных» метафорах, в которых опосредованно демонстрируется мастерство владения оружием, использование его для охоты (мирного занятия). Полученные результаты уточняют механизмы метафорического переноса в разнотипных языках, выявляя корреляцию между спецификой использования оружия и метафорическим переносом во внутренней форме фразеологических единиц, который проецируется на абстрактные философские, прагматические и этические категории.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, фразеологические единицы, чэньюй, метафора, древнее оружие, фразеологические единицы военной тематики, 军事成语, 成语

Для цитирования: Чжао П., Яковлева Е.С. 2026. Национально-культурная специфика фразеологических единиц с компонентом 弓 / bow (лук)、矛 / spear (копье) в китайском и английском языках. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(3): 582–592. DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-582-592 EDN WANLMY

National and Cultural Specifics of Idioms with 弓/ Bow and 矛/ Spear Component in Chinese and English

¹Pengbo Zhao, ²Elena S. Iakovleva

¹ Henan University

85 Min Lun St., Kaifeng, Henan 475001, China

² Belgorod State National Research University

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

henu_zpb@163.com; elena.iakovleva@inbox.ru

Abstract. An important place in linguistic and cultural studies is occupied by comparative studies of phraseological units, which make it possible to identify universal mechanisms of metaphorization and the

national and cultural specifics of linguistic thinking. Despite numerous publications on the subject under discussion, there are no works dealing with phraseological units with components nominating ancient weapons bow (弓) and spear (矛) based on Chinese and English, and such research is being proposed for the first time. The purpose of our study was to identify common and nationally specific models of metaphorical reinterpretation of lexemes nominating ancient weapons bow (弓) and spear (矛) in the internal form of chengyu Chinese and idioms of the English language. We selected 100 phraseological units to study the problem. As a result of the study, the following main trends have been identified: structural asymmetry of components (the phraseological unit containing the bow (弓) component is significantly predominant in Chinese, while that with the spear (矛) component prevails in English; the universal model "bow mastery is an art" has been revealed; national-specific models prevail; metaphorical transference in the two languages studied focuses on "peaceful" metaphors, which indirectly demonstrate mastery of weapons and their use for hunting (peaceful occupation). The results obtained contribute to the development of the theory of phraseology and linguoculturology, as they clarify the mechanisms of metaphorical transfer in different structural languages, revealing a correlation between the specifics of the use of weapons in life and metaphorical transfer in the internal form of phraseological units, which is projected onto abstract philosophical, pragmatic and ethical categories.

Keywords: national and cultural specificity, idioms, chengyu, metaphor, ancient weapons, military idioms, 军事成语, 成语

For citation: Zhao P., Iakovleva E.S. 2026. National and Cultural Specifics of Idioms with 弓/ Bow and 矛/ Spear Component in Chinese and English. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(3): 582–592 (in Russian). DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-3-582-592 EDN WANLMY

Введение

В отечественном языкознании исследование фразеологического фонда традиционно занимает особое место, поскольку именно он репрезентирует национально-культурную самобытность, метафору и особенности языковой картины мира. Вследствие глобализационных процессов, которые привели к активным международным контактам, необходимости поиска таких алгоритмов перевода, которые были бы рабочими для всех языковых семей, актуальность приобрели поиски универсальных теорий, а также выявление особенностей того, как в языках решаются универсальные задачи. Поскольку «во фразеологическом запасе языка ... находят отражение не только национальный склад народа, его психологический обобщенный портрет, но и его культура и история» [Яковлева, 2016, с. 71], сравнение фразеологических единиц неблизкородственных языков позволяет увидеть и описать, как тождественные задачи решаются в языках разных типов. Обращение к сопоставительному анализу эффективно в том случае, когда языки типологически контрастны, что обуславливает актуальность сопоставительного анализа английского и китайского языков, т. к. общеизвестно, что они принадлежат к разным языковым семьям, а также относятся к противоположным группам морфологической типологии (аналитический и изолирующий строй соответственно).

Действительно, фразеологические единицы благодаря наличию определенных компонентов (лексем, номинирующих оружие, компонентов-зоонимов, фитонимов и т. д.) отсылают носителей языка к образу этого явления или же вещи в целом и через них – к смыслу фразеологической единицы. В.Н. Телия пишет об этом явлении следующим образом: «В образное основание фразеологизмов вовлекаются уже "готовые" знаки, принадлежащие культуре» [Фразеология..., 1999, с. 22]. М.Л. Ковшова дополняет, что фразеологические единицы являются «порождением самой культуры, требованием запечатлеть ценностно значимые смыслы для их трансляции в виде экспрессивных знаков языка, всегда ярко и действенно выражающих оценочность и вызывающих эмоциональное отношение к происходящему» [Ковшова, 2016, с. 98–99]. В.М. Маслова отмечает, что, «интерпретируя фразеологические единицы на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы тем

самым раскрываем их культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации» [Маслова, 2001, с. 55].

Древнее оружие, такое как лук, копье и т. д., утратило на сегодняшний день свой военный потенциал, однако мы можем наблюдать, как фразеологизм с вековой историей продолжает оставаться актуальным в современном мире бизнеса и политики, а конкретный музейный объект с помощью процессов метафоризации номинирует абстрактное понятие, остающееся релевантным. Изучение фразеологических единиц, содержащих компонент, номинирующий древнее оружие, представляет уникальный опыт реконструкции национальной модели метафоры.

В лингвистике накоплен опыт сопоставительного изучения разноструктурных языков, тем не менее собственно описание фразеологических единиц военной тематики носит разрозненный характер. Имеющиеся исследования можно разделить на три группы:

1. Работы, выполненные в русле сопоставительной фразеологии. Так, проведен анализ английских фразеологических единиц и китайских чэньюй, характеризующих поведение человека во время военных действий [Ван, 2018]. Т.Л. Гурулева и О.П. Фесенко с точки зрения сопоставительного подхода рассматривают типологические, этимологические и когнитивные аспекты сопоставления фразеологизмов военной тематики в русском и китайском языках [Гурулева, Фесенко, 2023].

2. Работы, направленные на классификацию фразеологических единиц китайского языка. Чэнь Цзинь предлагает классификацию, основанную на наличии или отсутствии компонентов, номинирующих оружие, средств войны, изучает семантику и культурное значение 军事成语 («чэньюй военной тематики») [陈静, 2015]. Ван Дэ изучает вопросы, связанные с происхождением различных групп китайских военных фразеологических единиц, таких как чэньюй, сехоуэй, яньюй [王德, 2010].

3. Комплексные исследования военных фразеологических единиц. Ван Фэй предпринял попытку описать 军事成语 («чэньюй военной тематики») с фонетической, морфологической, стилистической точек зрения [王菲, 2009].

Однако лингвокультурологическое сопоставительное описание английских и китайских фразеологических единиц военной тематики до настоящего времени не проводилось. Поскольку современный дискурс характеризуется процессом трансформации и переходом лексики и фразеологизмов военного дискурса в бизнес-сферу и публицистику, а также развитием и внедрением нейросетевых технологий в переводческую деятельность, возникает необходимость системного описания обозначенной группы фразеологизмов. Так, описываемые процессы, во-первых, требуют разработки тождественных переводческих алгоритмов, в том числе для искусственного интеллекта; во-вторых, позволяют выявить национально-специфичные культурные коды и тождественные когнитивные механизмы интерпретации окружающей действительности, что внесет определенный вклад в теорию языка. Таким образом, на фоне работ, посвященных отдельным вопросам исследования фразеологических единиц военной тематики (их классификации, этимологии, фонетики) фиксируется недостаточная разработанность процесса метафоризации компонентов, номинирующих древнее оружие, во фразеологических единицах китайского и английского языков, а также комплексного анализа их национально-специфичных (историко-культурный контекст, структурное оформление) и универсальных (общие схемы переосмысления фразеобразующего компонента) черт.

Цель исследования – выявить специфику и универсальность метафоризации компонента, номинирующего древнее оружие, во внутренней форме фразеологических единиц на материале китайского и английского языков.

Материалы и методы исследования

С помощью приема сплошной выборки из двуязычных [Cambridge Dictionary, 2026] и моновязычных [成语大词典, 2026; Merriam-webster's dictionary, 2026] фразеологических

словарей были отобраны идиомы с компонентом, номинирующим древнее оружие (копье, лук). Материалом для изучения стали 100 фразеологических единиц, содержащих компоненты *лук* (弓 / bow), *копье* (矛 / spear), которые номинируют древнее оружие. Выбор для исследования лексем *лук* и *копье* обусловлен культурологическими и историческими причинами. На момент возникновения этого оружия оно было доступно большому количеству людей, поскольку железо было дорого, а на изготовление этого типа оружия его не используется много (к примеру, меч являлся оружием элиты). Это два базовых типа вооружения, определяющие тактику боя в контакте (с копьем) и на дистанции (с луком). Кроме того, движения, совершаемые при использовании рассматриваемого оружия, определяют в некоторой степени особенности метафоризации фразеологических единиц. Таким образом, оппозиция по тактике боя (контактное – дистантное оружие), а также доступность вооружения (что подтверждается большим количеством примеров) обуславливает возможность строить сопоставительный анализ именно на этих единицах.

Метод тематической классификации и систематизации был применен для распределения по группам собранных единиц. Описательный метод использован для установления взаимосвязей компонентов, номинирующих оружие, с артефактами культуры. Примеры реализации чэньюй и идиом с исследуемым компонентом в контекстах приведены с целью выявления коннотативных особенностей фразеологических единиц. Квантитативный метод был использован с целью обобщения полученных данных, показывающих фразеологическую активность рассматриваемых компонентов, номинирующих древнее оружие, а также специфику репрезентации метафор. Источником примеров для анализа контекстов употребления послужил русско-китайский параллельный подкорпус [Chinese-Russian..., 2026; BCC 语料库. 2026; китайская ежедневная газета «人民日报»].

Результаты исследования и обсуждение

Лексемы, номинирующие оружие, в составе фразеологических единиц легко идентифицируются и репрезентируют культурную информацию, а также несут в себе национально-культурную специфику.

Оружие появилось уже у первобытных людей. Это были дубины, примитивные копья, предназначенные для охоты. С совершенствованием техники обработки материалов орудия охоты усложнялись, превратившись в боевые, а появление военного сословия, чьей основной работой была война, появилось не только качественное, но и элитное, богато украшенное драгоценными металлами, а также церемониальное оружие. К оружию относились бережно, а при смерти владельца, который обладал высоким статусом, его клинок могли также ритуально умертвить, например, согнуть [Каинов, 2017, с. 129]. Хорошее оружие стоило дорого, являлось символом статуса и достатка.

В языке эти экстралингвистические факторы – использование определенного оружия для охоты, военных действий, сакральный смысл и высокий статус определенных видов вооружения закреплялись и метафорически переосмысливались в устойчивых выражениях, многие из которых сохранились до настоящего времени. Обратимся к терминологическому аппарату, применяемому в предложенном исследовании. В данной работе под фразеологической единицей (идиомой) понимается «словосочетание, в котором семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной раздельностью составляющих его элементов (выделение признаков предмета подчинено его целостному обозначению)» [Ахманова, 1966, с. 503]. Чэньюй являются «устойчивыми фразеологическими словосочетаниями (чаще четырехсловными), построенными по нормам древнекитайского языка, семантически монолитными, с обобщенно переносным значением, носящими экспрессивный характер, функционально являющимися членом предложения» [Войцехович, 2007, с. 18], следовательно, они могут рассматриваться как фразеологические сращения (классификация В.В. Виноградова [Виноградов, 1977, с. 150]) и могут быть

признаны фразеологическими единицами или же идиомами [Ахманова, 1966, с. 503]. В связи с вышеизложенным, допустимо сопоставить идиомы в английском и чэньюй в китайском как типологически эквивалентные единицы.

Фразеологические единицы, содержащие компонент 矛 / spear (копье)

矛 (копье-мао) – это китайское древковое колющее холодное оружие. Приведем определение, предложенное в толковом словаре китайского языка: «Xinhuaacidian»: «古代用来刺杀敌人的长柄兵器：矛头» (древнее оружие с длинной рукоятью, использовавшееся для того, чтобы заколоть противника в бою. Наконечник копья) [Xinhuaacidian, 2026, URL]. Начертание иероглифа встречается на ритуальных сосудах из бронзы – цзиньвэнь (XIII–IV вв. до н. э.) и относится к наступательному колющему оружию [Xinhuaacidian, 2026, URL].

Spear is a thrusting or throwing weapon with long shaft and sharp head or blade» (колющее или метательное оружие с длинным древком и острым наконечником или лезвием) [Merriam-Webster..., 2026, URL]. В целом можно сделать вывод, что конструкция оружия совпадает.

В словарях чэньюй [Chengyu dacidian, 2026, URL, Zaixian chengyu cidian, 2026, URL,] было найдено 11 (из 100) фразеологических единиц, содержащих в себе компонент 矛 (мао).

Иероглиф 矛 (мао) не потерял своей актуальности, он используется как морфема для образования новых слов, например, 矛盾 противоречие, является краевым элементом современных иероглифов китайского языка, например, 矜 жалеть.

Рассматриваемые чэньюй с компонентом, номинирующим 矛 (копье-мао) употребляются в комбинации с компонентом 盾 (щит). Например, 以子之矛, 攻子之盾 (yǐ zǐ zhī máo, gōng zǐ zhī dùn) букв. *вашим копьем ударить по вашему щиту* (обр. *поразить врага его же оружием, обратить оружие врага против него самого*) [Chengyu dacidian, 2026, URL]. Копье и щит – это два противоположных вида оружия: наступательное и оборонительное. Среди китайских легенд о происхождении чэньюй есть одна о человеке, который продавал копья и щиты в Чу. Сначала он хвалил свой щит за то, что он очень прочный и ничем нельзя его пробить; затем хвалил свое копье за то, что оно очень острое и может пронзить что угодно. Однажды его спросили, пронзит ли его копье его щит, и тогда этот человек не знал, что ответить. Позднее лексемы (копье) и (щит) образовали слово «противоречие» [Т, 1998, с. 335].

Метафора во внутренней форме фразеологических единиц с компонентом 矛 (копье) может быть представлена в трех условных группах, причем наиболее многочисленная произошла от комбинации лексем, номинирующих щит и копье (矛) 8 примеров (из 11), условно мы можем назвать ее «копье и щит – это противоречие». Например: 自相矛盾 (zìxiāng máodùn) букв. *своим копьем пробить свой щит*; обр. *противоречить самому себе*.

В переводе на китайский романа Ф.М. Достоевского «Идиот» был использован исследуемый чэньюй:

别讥笑, 阿格拉娅, 我并没有自相矛盾: 有心灵而没有头脑的傻瓜, 跟有头脑而没有心灵的傻瓜, 是一样不幸的. (Не усмехайся, Аглая, я себе не противоречу: дура с сердцем и без ума такая же несчастная дура, как и дура с умом без сердца.) [Chinese-Russian parallel..., Достоевский, 2012, URL]. Чэньюй эксплицирует негативную коннотацию. Находим использование рассматриваемого чэньюй негативной коннотации в романе «Меня зовут Лю Юэцзинь» писателя Лю Чжэньюня: 加上他还欠着曹哥鸭棚的赌债; 让曹哥去找这盘和钱, 他从中提成; 盘找到, 再与曹哥结账; 也算以子之矛, 攻子之盾. К тому же за Синемордым еще числился долг. Но если брат Цао найдет заветную флешку, то свои деньги он за нее получит сполна. Таким образом, Синемордый вернет долг брату Цао, решив эту проблему за его счет [Chinese-Russian parallel ..., 刘震云, 我叫刘跃进, 2007].

Использование чэньюй с компонентом 矛 копьё актуализирует культурную память, отсылая к истории происхождения фразеологической единицы. В контексте реализуется значение не только противоречивых действий, но и внутреннего, непоследовательного поведения, приведенные примеры контекстного употребления подтверждают негативную окраску исследуемых единиц.

Следующие две группы метафор (малочисленные в сравнении с первой группой): «копьё и щит – это противоречие» и «взять копьё – обрести власть». Группа включает 2 примера: 操矛入室 (cāo máo rù shì) букв. *входить с копьем в комнату* (обр. *появ противника, находить уязвимости и опровергать противника его аргументами*); 倒持戈矛 (dǎo chí gē máo) букв. *держат перевернутым копьем и клевец* (обр. *передать другому власть на свое горе*) [Zaixian chengyu cidian, 2026, URL]. Во втором примере 倒持戈矛 (dǎo chí gē máo) – букв. *держат перевернутым копьем и клевец* – отмечаем, что еще одной лексемой, номинирующей оружие, в чэньюй в комбинации с копьем-мао, является клевец – гэ (древковое колюще-рубящее оружие на длинной рукояти с горизонтальным лезвием).

Еще одна группа условно может быть обозначена как «копьё – приобретение», в ней содержится всего 1 пример: 亡戟得矛 (wáng jǐ dé máo) букв. *взамен утерянной алебарды-цзи приобрести копьё* (обр. *сколько потерял, столько и приобрёл*) [Chengyu dacidian, 2026].

В английском языке лексема spear в качестве компонента фразеологических единиц метафорически переосмысливает действия с копьем, акцентируя различные боевые элементы работы с копьем: *to couch a spear* букв. *опустить копьё* (обр. *приготовиться действовать*); *take the spear (in one's chest)* (букв. *вонзить копьё в грудь*) обр. *принять на себя всю тяжесть вины или наказания*. *thrust a spear* (букв. *вонзить копьё*) (обр. *предпринять решительные действия*). Например: *He thrust his spear into the ground, marking his territory* («Он вонзил копьё в землю, обозначая свою территорию») [Cambridge Dictionary, 2026, URL]. Таким образом, эксплицируемая метафора может быть образно обозначена «использование копья – боевые действия».

Устойчивое выражение *spear carrier* (букв. «носитель копья») появилось в 1953 году по отношению к актёру массовки в театре или певцу в хоре оперы, и уже позже расширило метафорическое значение, образно обозначив человека на малозначимой должности [Merriam-Webster..., 2026]. Следовательно, эта метафора не имеет в себе военного значения.

Таким образом, сопоставление китайских и английских фразеологических единиц с компонентом «копьё» показывает, что метафорические модели в двух языках не совпадают: в китайском языке во внутренней форме фразеологических единиц с лексемой 矛 (копьё) выделено три метафоры «копьё и щит – противоречие», «копьё – власть», «копьё – приобретение». В английском языке выделена основная метафора («использовать копьё – принимать участие в боевых действиях»). Проведенный анализ показывает, что метафоризация компонента «копьё» обусловлена культурно-историческим опытом, и является национально-специфичным процессом. В китайской культуре метафора эксплицирует абстрактные категории (противоречие, власть и приобретение), в то время как в английской – практический аспект ведения боя, переосмысленный в зависимости от контекста.

Фразеологические единицы, содержащие компонент 弓 / bow (лук)

Лук для стрельбы предположительно появился 40–30 тыс. лет назад и был основным средством дальнего боя и охоты. В толковом словаре китайского языка «Xinhuacidian» 弓 (лук) определяется следующим образом «射箭或发弹丸的器具: 弓箭。 (Инструмент для стрельбы из лука или метательных снарядов: луки и стрелы)» [Xinhuacidian, 2026, URL]. В настоящее время 弓 (gōng) лук используется как графема, компонент иероглифов (弹, 引, 弱 и др.), компонент сложных слов, например, 琴弓 qín gōng – смычок, а также как компонент фразеологических единиц. В толковом словаре английского языка bow is a weapon that is used to propel an arrow and that is made of a strip of flexible material (such as wood) with a cord connecting

the two ends and holding the strip bent – оружие, используемое для метания стрел и изготовленное из полоски гибкого материала (например, дерева) со шнуром, соединяющим два конца и удерживающим полосу согнутой [Merriam-Webster..., 2026, URL].

Анализ собранных фразеологических единиц показал, что фразеологические единицы, содержащие лексему 弓 (лук) значительно преобладают (58 примеров из 100). Лук сохраняет свое прямое значение – оружие для охоты, метафорический перенос происходит на уровне ситуации, описываемой во фразеологической единице. Таким образом, представляется возможным предложить следующую метафорическую модель «охотиться с луком – испытание». Например, чэньюй 惊弓之鸟 (jīng gōng zhī niǎo) букв. *птица, уже пуганная луком* (обр. *обжигаться на чем-то*) 鸟尽弓藏 (niǎo jìn gōng cáng) досл. *когда птицы истреблены, то лук прячут* (обр. *предательство, неблагодарность*) [成语大词典. 2026, URL]. Например, 王公道如惊弓之鸟: “是离婚案吗?” (Ван Гундао, который уже однажды *обжегся*, спросил: – По поводу развода?) [Chinese-Russian..., 刘震云, 我不是潘金莲, 2012, URL]. Контекст демонстрирует негативную коннотацию чэньюй.

Во второй группе лексема лук сохраняет денотативное значение – грозное оружие войны. Метафорическое переосмысление происходит также на уровне ситуации. Рассмотрим примеры: 跃马弯弓 (yuè mǎ wān gōng) букв. *поднимать коня на дыбы, натягивать лук* (обр. *разворачивать на позиции, готовится к войне*); 盘马弯弓 (pán mǎ wān gōng) букв. *гарцевать на коне и натягивать лук* (обр. *показывать готовность реагировать на угрозы, бряцать оружием*) [成语大词典. 2026, URL].

Как показывают примеры, метафорическая модель может быть сформулирована «взять лук наизготовку – продемонстрировать силу». Натянутый лук и оседланный, вставший на дыбы конь становятся символом решительного намерения продемонстрировать силу. Действительно, кавалерия, вооруженная луками, была грозной силой древнего мира.

Обратим внимание на пример реализации чэньюй в современном контексте: 完善战备预案时, 只有把战备工作落实到每一个人、每一台车, 时刻保持战斗状态, 盘马弯弓, 枕戈待旦, 才能确保任何情况下都能反应迅速、措置裕如... (Совершенствуя план боевой готовности, только путем обеспечения боевой подготовки каждого человека и каждого транспортного средства, *показывая готовность мгновенного реагирования* и находясь в ожидании угроз, мы можем быть уверены, что сможем быстро реагировать и принимать адекватные меры при любых обстоятельствах...) [Chinese-Russian parallel ..., 人民日报, 2026, URL]. Приведенный контекст демонстрирует положительную коннотацию.

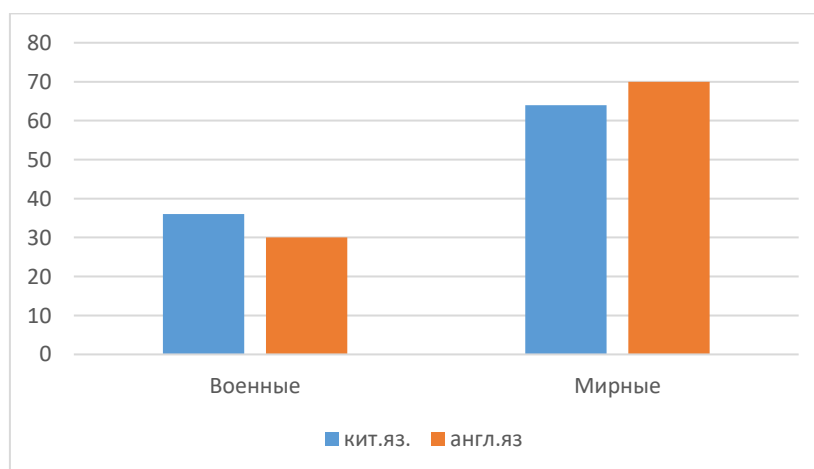
Третья группа фразеологических единиц объединена метафорой, которая условно может быть обозначена «стрельба из лука – искусство». Владение луком требует тренировок, а чтобы стать искусным мастером, требуется время. Лучники занимали в Древнем Китае особое положение. Владеющий луком военный, особенно всадник, который мог стрелять одинаково хорошо с обеих рук, становился грозным противником. В Китае стрельба из лука была одним из обязательных для изучения молодыми аристократами во время правления династии Чжоу (VI–V вв. до н. э.) т. н. шести искусств. В историческом романе 奔月 («Убежавшая на Луну»), написанном Лу Синем в 1926–1927 гг. по древней легенде, рассказывается об искуснейшем стрелке из лука 羿 (И) и его жене. По легенде И, стреляя из лука, убил 9 солнц, что позволило земле процветать с единственным солнцем и не быть иссушенной пустыней. Приведем пример фразеологических единиц: 弓不虚发 (gōng bù xū fā) – букв. *бить без промаха*; 弯弓饮羽 (wān gōng yǐn yǔ) – букв. *натягивать лук и стрелять с силой* (обр. *о мастерстве стрельбы из лука*).

В английском языке фразеологические единицы с лексемой bow (лук) строятся, как и в китайском языке, на технике владения луком. Традиционный английский длинный лук *longbow* натянуть физически трудно, что отражено в идиоме *draw the longbow* букв. *натянуть длинный лук* (обр. *преувеличивать*), *to have two strings to one's bow* или *have more than one string to one's bow* букв. *иметь две (несколько) тетивы/ на луке* обр. *иметь запасной план*. [Merriam-Webster..., 2026, URL]. Физические действия с луком проецируют на абстрактную ситуацию в человеческой жизни, а акцент смещен на индивидуальные стратегии выживания. Обратимся к примеру, который в контексте современной реальности подтверждает выдвинутый тезис: *That didn't fix the problem, but I have more than one string to my bow.* (*Это не решило проблему, но у меня есть запасной план.*) [Merriam-Webster..., 2026, URL]. Фразеологические единицы имеют положительную коннотацию.

Еще одна идиома – *Cupid's bow* (букв. лук Купидона) отсылает к мифологическому богу любви Купидону, который с помощью лука поражает человеческие сердца стрелами любви. *As lovebirds around the world prepare to celebrate Valentine's Day, investors may be interested in companies that profit from Cupid's bow and arrows.* (*Поскольку влюбленные по всему миру готовятся отпраздновать День святого Валентина, инвесторы могут заинтересоваться компаниями, которые получают прибыль благодаря луку Купидона*) [Merriam-Webster..., 2026, URL].

Обязательно упомянуть и легендарного английского лучника Робина Гуда, благородного разбойника, защитника бедных. Доступность лука, его боевая мощь, обусловила «выбор» оружия Робина Гуда. Английские лучники сыграли решающую роль во многих исторически важных сражениях, что является предметом национальной гордости.

Таким образом, в исследуемых идиомах и чэньюй метафорически переосмысливается не сам лук, а ситуации, связанные с его использованием, а также его технические характеристики. Тем не менее проекции в китайском и английском языках не совпадают: в чэньюй акцент смещается на социально-философские категории (опасность, предательство, готовность к конфликту), в то время как в английском языке акцент на индивидуальную подготовку и предусмотрительность. В английском языке в идиомах с компонентом bow не репрезентируется военная метафора, а национально специфичной является идиома из мифологии. Метафора «*стрельба из лука – искусство*» является универсальной для обоих исследуемых языков. В рамках исследования метафоры были распределены на условно «мирные», касающиеся охоты и мирной жизни, и «военные», описывающие победы, поражения и военное искусство (см. рисунок).

Распределение фразеологических единиц с компонентами копье и лук на «мирные» и «военные» метафорические модели
The distribution of idioms with spear and bow components into "peaceful" and "military" metaphorical models

Как показано на рисунке, среди собранных фразеологических единиц с компонентом, номинирующим древнее оружие – 矛 / spear (копье) и 弓 / bow (лук), большим числом примеров представлены те модели, которые описывают мирную деятельность (62 и 65 % в китайском и английском языках соответственно). Для фразеологических единиц с компонентом 弓 / bow (лук) как в китайском, так и в английском языке преобладают «мирные» аспекты (мастерство владением лука, охота). Анализ единиц, содержащих в своем составе компонент 矛 (копье), показал, что в китайском языке зафиксировано большее количество военных моделей (власть, статус приобретаемая с помощью копья), для английского языка военная метафора является единственной в идиомах с компонентом spear (копье).

Сложно установить причинно-следственную связь между функциональным назначением оружия и закреплением метафорического переноса во внутренней форме фразеологической единицы. Можно предположить, что, поскольку лексема 矛 / spear (копье) номинирует наступательный вид вооружения, соответственно, фокус метафоризации смещен в сторону военной метафоры.

Заключение

В результате проведенного сравнительного анализа чэньюй в китайском и идиом в английском языке, в которых содержатся лексемы, номинирующие древнее оружие 矛 / spear (копье) и 弓 / bow (лук), были выявлены как тождественные, так и национально-специфические метафорические модели. Установлено, что во фразеологических единицах с компонентами, номинирующими древнее оружие 矛 / spear (копье) и 弓 / bow (лук), реализуются как военные, так и «мирные» метафорические модели, однако их содержательное наполнение различается: английские более персонализированные по сравнению с абстрактно-философским содержанием китайских.

В английском языке фразеологические единицы с компонентом, номинирующим spear (копье), моделируют ситуацию сражения, тогда как в китайском преобладает национально-специфичная метафорическая оппозиция «копье против щита». В отличие от английских фразеологических единиц с компонентом spear (копье) с позитивной коннотацией, китайские демонстрируют негативную оценку. В исследуемых фразеологических единицах универсальная метафора эксплицирует владение луком как искусство, что свидетельствует о наличии общего механизма метафорического переноса. В английском языке в идиомах с компонентом bow (лук) подчеркивается индивидуальная стратегия поведения, в китайских чэньюй с лексемой 弓 (лук) преобладает модель метафорического переноса, обусловленная ситуацией, сопутствующими элементами во фразеологической единице. В китайской лингвокультуре преобладает метафорический перенос, обусловленный охотой, мастерством владения луком и эксплицирует социально-этические философские категории. С точки зрения структуры в рассмотренном корпусе чэньюй с компонентом, номинирующим оружие, количественно преобладают единицы, в составе которых содержится лексема 弓 (лук). Меньшим количеством представлены чэньюй, содержащие компонент 矛 (копье). В английском языке незначительно преобладают фразеологические единицы с компонентом, номинирующим копье.

Проведённое исследование показало, что метафорический перенос во фразеологических единицах с компонентами 矛 / spear (копье) и 弓 / bow (лук) реализуется через интерпретацию их технических характеристик и действий с этими предметами. Это свидетельствует о том, что даже универсальные метафоры получают культурно-специфичное преломление. Перспективой исследования может стать расширение корпуса за счет единиц, включающих современное оружие, например, таких как пуля, штык, а также привлечение данных из различных типов дискурса (политический, публицистический),

чтобы проследить активность использования исследуемых фразеологических единиц в современной коммуникации.

Список источников

- Ахманова О.С. 1966. Словарь лингвистических терминов. Под ред. М.В. Лазовой. Москва, Советская энциклопедия, 608 с.
- Chinese-Russian parallel subcorpus of RNC. 2026. URL: https://linghub.ru/rnc_parallel_chinese/search (дата обращения: 23.05.2026).
- BCC 语料库. 2026. URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 23.05.2026).
- Xinhua cidian – 新华词典 2026. URL: <http://xh.5156edu.com/> (дата обращения: 23.05.2026).
- Chengyu dacidian – 成语大词典. 2026. URL: <https://chengyu.yw11.com/> (дата обращения: 23.05.2026).
- Cambridge Dictionary. 2026. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 23.05.2026).
- Merriam-webster's dictionary. 2026. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 23.05.2026).
- 走向更加成熟——写在人民政协成立 70 周年之际. 2022. 人民日报, 2022 年 07 月 13. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2022/0713/c447080-32474069.html> (дата обращения: 23.05.2026).
- 战备预案须为“战”. 2026. 人民日报. 2026. URL: <http://military.people.com.cn/n1/2024/0213/c1011-40177273.html> (дата обращения: 23.05.2026).
- Zaixian chengyu cidian – 在线成语词典[Электронный ресурс]. URL: <http://cy.5156edu.com/> (дата обращения: 16.05.2026).

Список литературы

- Ван Синьцзюй. 2018. Русские и китайские фразеологизмы, характеризующие поведение человека во время военных действий. *Вестник Башкирского университета*, 23: 468–472.
- Войцехович И.В. 2007. Практическая фразеология современного китайского языка. Москва, АСТ, Восток – Запад, 509 с.
- Виноградов В.В. 1977. Лексикология и лексикография: избранные труды. Под ред. В.Г. Костомарова Москва, Наука, 312 с.
- Гурулева Т.Л., Фесенко О.П. 2023. Типологические, этимологические и когнитивные аспекты сопоставления фразеологизмов военной тематики в русском и китайском языках. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 81: 5–29. DOI: [10.17223/19986645/81/1](https://doi.org/10.17223/19986645/81/1)
- Зыкова И.В. 2015. Теория и методы лингвокультурологического изучения фразеологии. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 6(1): 181–195.
- Каинов С.Ю. Обряд «особого» обращения с клинковым оружием по материалам Гнёздовского некрополя. *Вестник Московского университета. Сер. 8. История*, 6: 126–139.
- Ковшова М.Л. 2016а. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов. *Вопросы психолингвистики*, 30: 90–102.
- Ковшова М.Л. 2016б. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М., URSS, 453 с.
- Маслова В.А. 2001. Лингвокультурология. Москва, Academia, 202 с.
- Фразеология в контексте культуры. 1999. Под ред. В.Н. Телия. Москва, Языки русской культуры, 333 с.
- Яковлева Е.С. 2016. Национально-культурная специфика лексем «змея», «черепашка» и «дракон» в английском и китайском языках. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 28(240): 71–76.
- 马国凡. 1978. 成语. 内蒙古, 内蒙古人民出版社, 618 页.
- 王德. 2010. 军事熟语的来源. 内蒙古民族大学学报(社会科学版), 36(6): 70–73. URL: <https://max.book118.com/html/2019/0422/7132150036002022.shtml> (accessed: August 16, 2026)
- 陈静. 2015. 汉语军事成语的语义及文化内涵探析[D]. 江苏, 南京师范大学. DOI: 10.7666/d.Y2886376
- 王菲. 2009. 汉语军事成语研究. 曲阜师范大学硕士学位论文. 曲阜. 40 页.

References

- Wang Xinju, 2018. Russkie i kitajskie frazeologizmy, harakterizuyushchie povedenie cheloveka vo vremya voennyh dejstvij [Russian and Chinese phraseological units that characterize human behavior during military operations]. *Bulletin of the Bashkir University*, 23: 468–472.

- Voitsekhovich I.V. 2007. Prakticheskaya frazeologiya sovremennogo kitaiskogo yazyka [Practical phraseology of the modern Chinese language]. Moscow, Publ. ACT, Vostok–Zapad, 509 p.
- Vinogradov V.V. 1977. Leksikologiya i leksikografiya: izbrannye Trudy [Lexicology and Lexicography: Selected Works]. Ed. V.G. Kostomarov. Moscow, Publ. Nauka, 312 p.
- Guruleva T.L., Fesenko O.P. 2023. Typological, etymological and cognitive aspects of comparing phraseological units of military topics in Russian and Chinese. *Tomsk State University Journal of Philology*, 81: 5–29 (in Russian). DOI: [10.17223/19986645/81/1](https://doi.org/10.17223/19986645/81/1)
- Zykova I. 2015. Theory and methods of the linguoculturological study of phraseology. *East European Review*, 6(1): 181–196.
- Kainov S.Y. Obryad «osobogo» obrashcheniya s klinkovym oruzhiem po materialam Gnyozdovskogo nekropolya [The rite of "special" treatment of bladed weapons based on the materials of the Gnezdovsky necropolis]. *Bulletin of the Moscow University. Ser.8. History*, 6: 126–139.
- Kovshova M.L. 2016a. Cultural and National Specificity of Phraseological Units and Explication of Their Cultural Meanings. *Journal of Psycholinguistics*, 30: 90–102 (in Russian).
- Kovshova M.L. 2016b. Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: kody kul'tury [The linguocultural method in phraseology: cultural codes]. Moscow, Publ. URSS, 453 p.
- Maslova V.A. 2001. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. Moscow, Publ. Academia, 202 p.
- Frazeologiya v kontekste kul'tury [Phraseology in the context of culture]. 1999. Ed. V.N. Teliya. Moscow, Publ. Yazyki russkoi kul'tury, 333 p.
- Iakovleva E.S. 2016. Language Cultural Specificity of the Language Units Snake, Turtle and Dragon in the English and Chinese Languages. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 28(240): 71–76 (in Russian).
- Ma Guofang. 1978. Chengyu [Idioms]. Inner Mongolia, Inner Mongolia People's Publishing House, 618 p.
- Wang De. 2010. 军事熟语的来源 Junshi shuyude laiyan [The origin of military idioms]. *Journal of Inner Mongolia University for Nationalities (Social Sciences)*, 36(6): 70–73 (in Chinese). URL: <https://max.book118.com/html/2019/0422/7132150036002022.shtml> (accessed: August 16, 2026)
- Chen Jing. 2015. Hanyu junshi chengyude yuyi ji wenhua neihan tanxi [An Exploration of the Semantic and Cultural Connotations of Chinese Military Idioms]. Master's Thesis. Jiangsu, Nanjing Normal University (in Chinese). DOI: [10.7666/d.Y2886376](https://doi.org/10.7666/d.Y2886376)
- Wang Fei. 2009. Hanyu junshi chengyu yanjiu [A Study of Chinese Military Idioms]. Master's Thesis. Qufu, Qufu Normal University, 40 p. (in Chinese).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.10.2025
Поступила после рецензирования 28.07.2026
Принята к публикации 18.08.2026

Received October 27, 2025
Revised July 28, 2026
Accepted August 18, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чжао Пэнбо, кандидат филологических наук, старший преподаватель института международного образования, Хэнаньский университет, г. Кайфэн, КНР.

Zhao Pengbo, Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer at The School of International Education, Henan University, Kaifeng, China.

Яковлева Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка Института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Elena S. Yakovleva, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Second Foreign Language of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.